This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

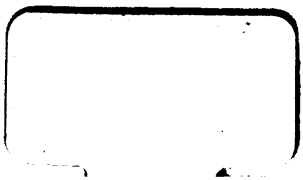
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

SIAV 435 G. 5-4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Я. П. ПОЛОНСКАГО.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

КРУТЫЯ ГОРКИ.

РОМАНЪ.

Часть I.

ИЗДАНІЕ

Ю. А. Полонской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Р. Голике, Троицкій пер., № 18—20.
1885.

Digitized by Google

Я. П. ПОЛОНСКІЙ.

КРУТЫЯ ГОРКИ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ I.

ИЗДАНІЕ
Ж. А. Полонской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Р. Голике, Троицкій пер., № 18—20.
1885.

Printed in Russia
Digitized by Google

Slav 4350.5.4

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE GIFT OF
CHARLES RICHARD CRANE
APRIL 29, 1939

Текстъ книги печатанъ въ Типографіи В. С. Балашова, Средняя Подъяческая, № 1.

1317.35.2

Digitized by Google

Часть первая.

ГЛАВА I.

Въ зимніе сумерки, около четырехъ часовъ по полудни, въ небольшой комнатѣ, съ окнами на дворъ, застроенный флигелями и сараями, стоялъ юноша, лѣтъ семнадцати, невысокаго роста, нѣсколько сутуловатый, и такъ-какъ въ этой комнатѣ отъ темныхъ обоевъ и полуопущенныхъ сторъ было гораздо темнѣе, чѣмъ на дворѣ, то трудно было разглядѣть лицо его: блѣднымъ профилемъ отражалось оно въ зеркалѣ, между двумя, тускло свѣтящимися, снизу подмороженными окнами. Волосы на головѣ его казались черной шапкой, а нѣсколько наклонная голова, слегка разставленныя ноги и даже согнутая кисть руки, которою подпиралъ онъ подбородокъ свой, выражали глубокую задумчивость.

Растегнутая курточка, галунчикъ на воротничкѣ и металическія пуговицы съ серебряными бликами изобличали въ немъ гимназиста, что, конечно, вполнѣ соотвѣтствовало лѣтамъ его.

Долго стоялъ онъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ и долго о чемъ-то думалъ; но вотъ онъ приподнялъ свою курчавую, нечесаную голову, опустилъ руку, подперся и поглядѣлъ въ окно.

Digitized by Google

— Холодно, проговорилъ онъ чуть не вслухъ, и, какъ бы слегка поежившись, вышелъ въ залъ или столовую, тоже съ двумя небольшими окнами. Еще виднѣлась бѣлая дверь въ переднюю, бѣлая скатерть на обѣденномъ столѣ, бѣлыя кипы нотъ на этажеркѣ и бѣлыя клавиши вдоль стѣны помѣстившагося рояля; но уже было довольно темно; мертвая тишина и какой-то смолянисто-чадный запахъ стоялъ во всей квартирѣ.

Гимназистъ подошелъ къ роялю, присѣлъ на табуретку, взялъ два-три акорда, и спустя минуту, — какъ будто кто толкнулъ его,—торопливыми шагами, черезъ темный коридоръ, прошелъ въ кухню.

— Какъ ты думаешь, Мавра? произнесъ онъ, остановившись около очага.

И сгорбленная, сѣдая старушка, повязанная платкомъ, съ маленькимъ горбатымъ носикомъ и большимъ ртомъ, не переставая что-то жевать, приподняла на него узенькіе, сморщенные глаза свои.

Она сидѣла на деревянной скамьѣ, и голубымъ огнемъ вспыхнувшая головня, изъ-подъ очага, освѣщала затасканный подолъ ея будничнаго платья, когда-то темно-коричневаго съ бѣлыми крапинками.

— Да что думать-то! проскрипѣла старуха.—Вотъ не хочешь-ли картошки... А?

— По-ожалуй! протянулъ онъ, какъ бы по привычкѣ не отказываться ни отъ чего съѣдомаго, но тотчасъ же словно оборвалъ себя:—нѣтъ, не хочу... подожду... Только какъ-же ты думаешь? А?.. Не трусишь?

— Чаво?.. Не ребеночекъ. Да и что я за нянька?..

И она усмѣхнулась. Ротъ вытянулся въ улыбку и все лицо ея какъ-бы преобразилось въ нѣчто добродушно-насмѣшливое... Глаза совсѣмъ пропали, сдѣлались точками; только отъ этихъ точекъ, чуть не до ушей, протянулись загибающіяся внизъ морщинки.

Digitized by Google

— Да и тебѣ что трусить?.. Ты-то, соколикъ мой, при чемъ тутъ?

Гимназистъ улыбнулся; на его женственныхъ щекахъ образовались ямочки.

— Да развѣ я трушу?.. Вотъ еще! проговорилъ онъ, повернулся и вышелъ, даже забывъ спросить: отъ чего пахнетъ такой смолянистой гарью? Онъ и забылъ, что это происходитъ отъ сырыхъ сосновыхъ дровъ, которыя, по обыкновенію, старуха Мавра ставила съ вечера на плиту сушиться и которыя нерѣдко дымились, а иногда и чадили, когда жаръ плиты припекалъ или ужь слишкомъ накалялъ смолянистую корку ихъ.

Гимназистъ или Петръ Егоровичъ, или просто Пётъ, какъ называлъ его отецъ, прошелъ черезъ коридоръ въ свою комнату, и прежде чѣмъ зажечь свѣчу, опять сталъ глазѣть въ окно; за окномъ-же, на блѣдно-лиловой полосѣ заката, торчали черныя дымовыя трубы; изъ одной трубы шелъ дымъ и свѣтился огонекъ въ томъ флигелѣ, гдѣ живутъ переплетчики. Должно быть, сильно морозило...

Въ сущности, онъ думалъ только о послѣднемъ, т. е. сильно или не сильно морозило.

Вдругъ въ передней звякнуло. Петя вздрогнулъ, пріотворилъ дверь и крикнулъ:

— Мавра!

И въ этомъ возгласѣ послышалась та-же внутренняя тревога, которая все это время легкой лихорадочной дрожью отзывалась въ спинѣ его.

Но Мавра была уже въ столовой и отворяла дверь на лѣстницу.

Въ переднюю ввалился человѣкъ лѣтъ пятидесяти, въ енотовой шубѣ и глубокихъ калошахъ. Это былъ отецъ гимназиста, нѣкто Егоръ Антоновичъ, по фамиліи Клинъ.

Сильно потопывая ногами и отхаркиваясь, точно въ горлѣ его что-то засѣло, прошелъ онъ черезъ столовую въ малень-

Digitized by Google

кій кабинетикъ свой. Мавра пошла за нимъ со свѣчей, и онъ, прищурившись, тотчасъ же зажегъ отъ нея другую свѣчку.

— Ты опять начадила!... проговорилъ онъ подъ носъ;— давай обѣдать!

Еще сизый румянецъ отъ декабрьскаго морознаго вѣтра не успѣлъ остыть на скулистыхъ щекахъ его, какъ онъ уже оглядѣлъ бюро свое и пересмотрѣлъ бумаги.

— А! произнесъ онъ, крѣпко потирая ладонь о ладонь и какъ бы фыркая.

На письменномъ столѣ своемъ онъ нашелъ заклеенный пакетъ съ надписью: «Дорогому папѣ, въ собственныя руки».

Онъ сѣлъ, придвинулъ свѣчу, вынулъ письмо, надѣлъ очки и, искрививъ ротъ, такъ что одинъ его глазъ поневолѣ зажмурился, прочиталъ слѣдующее:

«Милый папенька, простите меня, я рѣшилась выйти замужъ за Родіона Петровича Духова и умоляю васъ заочно благословить меня. Остаюсь, нѣжно любящая и уважающая васъ, дочь ваша Анна».

Два раза прочелъ онъ эти строки, какъ-бы не довѣряя глазамъ своимъ, опять вложилъ въ конвертъ записку, положилъ ее на столъ, и, странное дѣло!—вмѣсто того, чтобъ взбѣситься или хоть испугаться за дочь свою, все лицо его превратилось въ одну саркастическую улыбку; изъ-подъ верхней узенькой губы его (онъ же брилъ и усы, и бороду) выставился кончикъ бѣлаго зуба... У стараго Клина зубы были здоровенные... да и весь онъ казался крѣпышомъ; что-то, напоминающее чугунную тумбу, было во всемъ существѣ его.

— Гм!.. крякнулъ онъ, посмотрѣлъ на часы и увидѣлъ, что пора обѣдать.

Затѣмъ вышелъ онъ въ столовую и тотчасъ-же замѣтилъ, что на столѣ не три, а только два прибора.

— Мавра! крикнулъ онъ и сильно закашлялся.

Въ коридоръ выглянулъ сынъ его и тоже закричалъ:

— Мавра! зовутъ!

Digitized by Google

Кухарка, не торопясь, вошла въ столовую.

— Мавра, отчего не три, а только два прибора?..

Старушка прямо поглядѣла ему въ глаза и брякнула:

— Будетъ съ васъ, сударь, и двухъ приборовъ! Барышни дома нѣтъ...

— Стой!.. Ты почемъ знаешь, что Анна Егоровна не будетъ съ нами обѣдать?.. А?

— А что мнѣ знать?.. Нѣшто Анна Егоровна станетъ со мной, старой вѣдьмой, разговаривать...

— Не ври! А гдѣ Пётъ?.. Поди-ка сюда, калмыцкая рожа! Гдѣ сестра? А?

Петя, безъ кровинки на лицѣ, остановилъ на отцѣ черные, точно смоль, глаза свои, какъ-бы повѣряя степень его гнѣва или ожидая отъ него затрещины.

— Гдѣ сестра? топнувъ ногой, возвысилъ Клинъ голосъ и насупилъ сѣрыя брови, именно не сѣдыя, а сѣрыя, подъ цвѣтъ глазъ и стриженой головы, тоже сѣрой, какъ подмоченный свинецъ или мышиная шкурка.

— Ушла! отвѣтилъ Петя.

— Куда ушла?

— Къ жениху.

— Къ какому?

— Я его не знаю... не видалъ... къ какому-то Духову.

— А! ты помогалъ ей, негодяй!.. Ты помогалъ! А?..

— Помогалъ!... Я привелъ ей извощика... Самъ же приказывалъ не разъ слушаться старшей сестры.

— Вотъ я васъ!.. Вотъ погоди только!.. Я васъ... Ушла!.. Сбѣжала!..

И, потирая руки, онъ сталъ шагать по комнатѣ.

— Ушла!.. Когда? въ какомъ часу, а? въ какомъ часу, болванъ? я тебя спрашиваю.

— Да... такъ... около полудня.

— Гм... сволочь!.. Супротивъ воли отцовской... Я ее!.. Я ихъ!..

Digitized by Google

Чѣмъ дальше разыгрывалась эта сцена, тѣмъ смѣлѣе и смѣлѣе становился Петя.

— Да вотъ еще: Анюта велѣла сказать, что она взяла у тебя со стола свое метрическое свидѣтельство.

— Свое! Кто ей позволилъ? А что еще взяла она?

— Ничего.

— Вотъ я васъ!

Старикъ побагровѣлъ, точно и въ самомъ дѣлѣ страшная буря бушевала въ груди его; онъ то ходилъ, то останавливался, ругался и щурилъ сѣрые, стальные глаза; онъ былъ близорукъ и всякій разъ, когда кровь приливала къ вискамъ его или собирался злиться, онъ сильно щурился.

— Вотъ я васъ! повторилъ онъ,—дайте срокъ!—И, повернувшись къ сыну спиной, ушелъ въ свою комнату.

Петѣ показалось, что отецъ его, войдя въ свою комнату, повалился на диванъ.

«Ужь не плачетъ-ли?» подумалъ онъ, отходя къ окну и машинально поглядывая на черныя, дымовыя трубы и на тусклый огонекъ въ квартирѣ переплетчика.

А старикъ дѣйствительно повалился на диванъ, даже руками лицо закрылъ, но не заплакалъ.

— Такъ, такъ! бормоталъ онъ про себя взволнованно-радостнымъ шопотомъ.—Ушла... Она ушла... Наконецъ-то! Ухъ! даже бумаги свои подтибрила. А я нарочно ихъ три дня на своемъ столѣ держалъ... Фу!.. проклятый кашель... Гдѣ это угораздило меня простудиться?

Но, и кашляя, старикъ продолжалъ ликовать въ глубинѣ души своей. Уходъ дочери спасалъ его отъ свадебныхъ расходовъ и отъ обязанности дать ей какое-нибудь приданое.

— Съ Богомъ! съ Богомъ! Дай вамъ Богъ, сударыня, съ вашимъ учителемъ жить да поживать, да дѣтей наживать! Доброе дѣло, сударыня! Не вѣкъ-же вѣчный въ дѣвкахъ засиживаться, не ровенъ часъ—и съ тѣла начнете спадать, хирѣть да вянуть... да и углядѣть-то за вами—задача. Нужно

Digitized by Google

мадамъ нанимать. Да и десять мадамъ не углядитъ—такіе ваши дурацкіе годы подошли. А мы и безъ васъ какъ-нибудь проживемъ, коли Богъ вѣку пошлетъ. Мы еще не такъ стары, какъ вы изволите думать.

Такъ съ самимъ собою бесѣдовалъ Егоръ Антоновичъ и, набесѣдовавшись вдоволь, почувствовалъ, что не худо и рюмочку пропустить, да и закусить не худо.

Петя былъ тоже голоденъ и ужь думалъ, что отецъ его съ горя и обѣдать не будетъ; но дверь отворилась и Егоръ Антоновичъ вышелъ изъ своего кабинета, по-прежнему красный и нахмуренный. Не говоря ни слова, выпилъ онъ рюмочку забористой горьковатой водки, крякнулъ и сѣлъ на свое мѣсто.

Весь обѣдъ состоялъ изъ картофельнаго супа и жареной на сковородѣ печенки.

Петя сидѣлъ за столомъ тоже задумчивый и молчаливый; не проронивъ ни слова, онъ искоса и недовѣрчиво поглядывалъ на отца и, глядя, какъ онъ ѣстъ, инстинктивно чувствовалъ, что гроза или прошла, или проходитъ.

Поведеніе сестры приводило и его въ недоумѣніе. «Вотъ ужь никакъ не ожидалъ!» думалъ Петя.

Послѣ обѣда Петя поцѣловалъ руку у своего суроваго нахмуреннаго родителя и, скользнувъ въ коридоръ, прокрался въ свою комнату.

Вообще онъ любилъ уединяться. Сидѣть по цѣлымъ часамъ въ своей комнатѣ, глядѣть куда-нибудь въ стѣну и о чемъ-то думать—съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлалось его любимымъ занятіемъ, даже въ ущербъ занятіямъ гимназическимъ. Въ 8-мъ класѣ онъ уже былъ седьмымъ, тогда какъ въ 6-мъ и 5-мъ былъ третьимъ и даже вторымъ ученикомъ по успѣхамъ и прилежанію.

Прослѣдить думы семнадцатилѣтняго юноши такъ-же трудно, какъ прослѣдить извивы пѣны, погоняемой внизъ напоромъ водъ, падающихъ съ высоты утеса, или уловить капризный полетъ бабочки.

Digitized by Google

Прежде всего, думалъ Петя, что за человѣкъ Духовъ? Какъ это такъ случилось, что онъ ни разу не видалъ его? Должно быть, это человѣкъ необыкновенный... А что, если онъ не женится?—И ему живо представился образъ обманутой сестры и какъ она будетъ тогда дорога ему, какъ онъ будетъ тогда защищать ее! Потомъ какое-то внутреннее чувство подсказало ему, что его сестра Анюта вовсе не изъ такихъ, которыхъ обманываютъ, что тѣ совсѣмъ не такія.... но что такого, особенно прекраснаго, нашелъ въ ней этотъ необыкновенный человѣкъ?... Онъ ни за что, чортъ возьми, не женился бы. И почему это всѣмъ дѣвушкамъ такъ хочется выйти замужъ? При этомъ у него стала двоиться мысль: съ одной стороны, представлялось ему весьма естественнымъ такое влеченіе, съ другой стороны, онъ вспоминалъ участь родной его матери, которой тоже, чай, хотѣлось выйти замужъ! И разъ образъ этой матери возникъ въ душѣ его, какъ онъ уже всецѣло отдался самымъ грустнымъ воспоминаніямъ. Что было бы, подумалъ онъ,—еслибы была еще жива мать, что-бы она сказала, еслибы я прибѣжалъ къ ней съ новостью, что дочь ея ушла и повѣнчалась? И ему казалось, что мать его непремѣнно сказала бы ему: я вѣдь тоже ушла, другъ мой, отчего же не уйти и моей дочери? И тотчасъ ему подумалось, что нѣтъ, этого бы мать ему не сказала,—можетъ быть, и подумала бы, но не сказала.

«Да и хорошо, продолжалъ онъ думать,—что сестра моя ушла,—я и самъ убѣгу при первой возможности. Тоска у насъ въ домѣ невыносимая! Хоть бы привидѣнія! Хоть бы домовой! Вонъ Мавра разъ домового видѣла! Семеновъ говоритъ, что духовъ нѣтъ, что все это не что иное, какъ лишь мечтаніе пустое. Вонъ Рихтеръ и моложе меня, а въ духовъ не вѣритъ».

Такъ, отрывками, боролись въ немъ ребяческія чувства и незрѣлыя юношескія мечты, воспоминанія, думы и сомнѣнія.

Digitized by Google

Вообще Петя былъ въ томъ періодѣ жизни, когда всѣ впечатлительные юноши воображаютъ себя несчастными, тоскуютъ, сами не зная о чемъ, и такую цѣну придаютъ своей минутной меланхоліи, что всякая веселость, даже танцы, кажутся имъ пошлостью (разумѣется, до перваго случая выкинуть какое-нибудь колѣнцо или отплясать трепака гдѣ-нибудь на товарищеской вечеринкѣ, подъ звуки разстроеннаго фортепьяно или подъ вліяніемъ лишняго стакана пива).

Въ девятомъ часу Петя принялся за свои уроки. Онъ и не зналъ, что отца его уже давно дома нѣтъ, что онъ наскоро собрался и ушелъ и теперь преспокойно играетъ у генерала Тютина въ пикетъ, а возлюбленная его, Мина Михайловна, сидитъ за самоваромъ и разливаетъ чай. Для Пети тотъ міръ, въ которомъ вращался отецъ его, былъ совершенно чуждъ. Онъ никогда не зналъ, гдѣ пропадаетъ отецъ его. Въ послѣдніе же два-три года даже тѣ музыканты, которые иногда собирались у него съ своими инструментами играть квартеты или акомпанировать Анютѣ, перестали бывать,— точно въ воду канули.

Нечего и говорить о томъ, что въ этотъ вечеръ всѣ уроки, въ особенности алгебраическія задачи съ логарифмами, давались ему съ такимъ трудомъ, что до боли утомили его голову.

«Дадутъ-ли мнѣ сегодня хоть чаю?» думалъ юноша.

Но вотъ за дверью послышались чьи-то шаги, голосъ Мавры, потомъ скрипнула дверь и на порогѣ появился гость, совершенно неожиданный.

ГЛАВА II.

— Вотъ я тебѣ какого гостя привела, а? Ждалъ-ли ты, соколикъ? Черезъ черный ходъ ко мнѣ зашелъ—у меня посидѣть. Вотъ, даромъ, что я старая, а и ко мнѣ молодцы захаживаютъ, ухмыляясь глазами, беззубымъ ртомъ и всѣми

Digitized by Google

складками своихъ морщинистыхъ щекъ, говорила Мавра ласково-скрипучимъ голосомъ, хлопая ладонью по плечу вошедшаго гостя.

Петя оглянулся, вскочилъ и обнялъ своего стараго учителя, друга своей матери, Ивана Несторовича Ознобина.

Хоть Ознобинъ былъ для Пети и старымъ учителемъ, но ему съ виду и тридцати лѣтъ не было. Это былъ довольно высокаго роста, широкоплечій и узкогрудый, бѣлобрысый молодой человѣкъ, съ хохолкомъ на лбу, въ видѣ пѣтушинаго хвостика, съ рѣденькой, раздвоенной бородкой и едва замѣтными, жиденькими баками.

— Только-что вчера изъ Пскова, проговорилъ онъ хриплымъ, мягко звучащимъ голосомъ, снимая плэдъ и при помощи Мавры стаскивая съ плечъ своихъ сѣрое, скорѣе лѣтнее, чѣмъ зимнее пальто, то-же самое, въ которомъ три года тому ходилъ онъ по Питеру и зимой, и лѣтомъ.

Вторично поцѣловавшись съ Петей, онъ сложилъ плэдъ свой самымъ акуратнѣйшимъ образомъ и помѣстилъ его на кровати, а пальто перевѣсилъ на ручку старыхъ, давно знакомыхъ ему креселъ. Сразу было видно, что этому гостю все было знакомо: и комната, и мебель, и Петя, и Мавра. И едва онъ усѣлся у стола, затылкомъ къ окошку, какъ откуда-то появился сѣрый котъ и тоже усѣлся на его колѣняхъ.

— Какъ же вы ѣхали такъ долго безъ шубы? спросилъ его Петя. — Чай, холодно было?

— То-то, чай, назябся! О-о-охъ! протянула Мавра.

— А плэдъ то на что? Онъ у меня и шуба, и одѣяло, и все, что хотите; въ немъ тепло, вотъ только подъ утро — продрогъ.

— Очень продрогли?

— Ничего, чаю выпилъ — и ничего! вотъ только ногу себѣ ознобилъ.

— Не даромъ-же вы Ознобинъ, съострилъ Петя. — По васъ и кличка!.. Мавра, что же ты? Чаю давай... Эка ты, право!

Digitized by Google

Мавра всплеснула руками и тотчасъ же скрылась.

— А у васъ приключенье! началъ гость, вытягивая ноги и взбрасывая на Петю маленькіе сѣрые глаза, слегка улыбаясь и машинально придерживая кота, который чуть было не свалился на полъ при его послѣднемъ движеніи.

— А вы почемъ знаете?.. Гм!.. Да... ушла... Должно быть, влюбилась.

— Гм! Вотъ оно что!.. Ну, да... натурально... Только какъ-же это такъ, отчего-бы не по-просту выйти ей замужъ... безъ всякихъ приключеній?

— Мало-ли что бываетъ по-просту... у людей... А мы развѣ люди?

И въ черныхъ глазахъ Пети сверкнулъ огонекъ какой-то затаенной мысли. Онъ обхватилъ обѣими руками одно изъ колѣнъ своихъ, согнулся и сталъ смотрѣть на Ознобина, какъ-бы мысленно его спрашивая: неужели и ты осуждаешь сестру мою?

— Для меня самого это было удивительно, началъ Петя.— Сижу, ничего не знаю, вдругъ входитъ Анюта, глаза заплаканы, въ рукахъ сакъ-вояжъ... прощается. «Куда?» говорю.— «Не вернусь, говоритъ, ѣду вѣнчаться».—Вотъ тебѣ на! думаю, вѣнчаться!—«Пойми, говоритъ, ради Бога, пойми! Полюбилъ меня хорошій человѣкъ, ученый, образованный... нѣкто Духовъ». Она у Радольеновыхъ съ нимъ познакомилась.— И что же? говоритъ, приходитъ этотъ человѣкъ за меня свататься, папенька встрѣчаетъ его какъ осла, съ ногъ до головы оглядываетъ его и прямо наотрѣзъ ему: «ни за кого во вѣки вѣковъ не выдамъ я своей дочери; она, говоритъ, мнѣ по хозяйству самому нужна. Будь вы принцъ, или хоть богачъ, или хоть первый умникъ въ мірѣ, я-бы, говоритъ, и тогда не выдалъ за васъ моей Анюты,—самому нужна». Ну, разумѣется, онъ ушелъ. Тебя не было дома, говоритъ, а папа пришелъ ко мнѣ въ комнату и ужь пилилъ, пилилъ меня, точно я обокрасть его собираюсь... Потомъ, разсказы-

Digitized by Google

ваетъ, будто-бы папа самъ былъ у Радольеновыхъ, объясняться съ ними ходилъ, да и говоритъ: «Развѣ она сама сбѣжитъ или онъ ее похититъ, а вольной-волей я не могу ни за кого отдать ее... клятву далъ» —Сама говоритъ мнѣ все это—и, вижу, плачетъ; даже жаль ее стало... Ну, тутъ я узналъ, что у Большого проспекта, на углу 6 линіи, Духовъ съ товарищами будетъ ожидать ее на тройкѣ, и что сегодня къ часу дня она должна подъѣхать туда-же въ саняхъ на простомъ извощикѣ... Ну, вотъ... я, разумѣется, сбѣгалъ и привелъ извощика... закуталъ ее, увязалъ кой-какія вещи, хотѣлъ ее проводить, но она отговорила.—«Не ѣзди, говоритъ, со мной, тебѣ-же будетъ хуже... подумаютъ, что ты мнѣ помогалъ, начнутъ пытать да допрашивать, а я, говоритъ, взяла свое свидѣтельство на случай и оставила на столѣ письмо къ папѣ». И, дѣйствительно, она оставила письмо, только я его не читалъ... не знаю, что она ему отрапортовала. Вотъ и все. Только вы, пожалуйста, никому не говорите.

— Такъ вотъ что! Гм!.. По страсти, значитъ... слава Богу!.. Только... э... какой это Духовъ? Зналъ я въ университетѣ какого-то Духова... дрянь былъ человѣкъ...

— Не знаю... я, можетъ быть, его и видалъ, да не знаю.

— Какъ-же это видѣли и не знаете?

— Да я всего только раза два и былъ у этихъ Радольеновыхъ, да и то въ качествѣ тапера, игралъ всякіе танцы, а они танцовали... мужчинъ всякихъ было человѣкъ двадцать. Былъ одинъ высокаго роста брюнетъ... рыцарская такая наружность... просто картина! Вы знаете... я даже на всѣхъ этихъ дѣвченокъ или кисейныхъ барышень не обращаю никакого вниманія, а на него обратилъ, даже позавидовалъ... Можетъ быть, этотъ самый—Духовъ и есть. Онъ-же съ сестрой моей и мазурку танцовалъ... Почемъ я знаю... я развѣ спрашиваю, какая у кого фамилія? Мнѣ все равно.

— А если онъ увезъ и... э... не женится?

Digitized by Google

— Какъ?

— Да такъ...

— Ну... ужь это ихъ дѣло!.. Зачѣмъ я стану въ чужія дѣла мѣшаться?..

— Значитъ, вы его на дуэль не вызовете, если онъ не женится?..

Петя слегка насупился и помолчалъ.

— Не вызову. Это все... предразсудки... Дуэль! что я за Онѣгинъ или Печоринъ? Пушкинскія времена давно прошли...

— А какія-же теперь... э... времена, по-вашему? не безъ любопытства спросилъ Ознобинъ.

— Какія-съ?.. Не могу вамъ сказать, какія именно... но ужь во всякомъ случаѣ не такія... не романтическія. Я не романтикъ, Иванъ Несторовичъ, не романтикъ... это ужь вы какъ хотите...

— Да я и не желаю, чтобы вы были романтикомъ... А давно-ли, кажется, годъ тому, какъ вы сами были влюблены... и чуть съума не сошли съ отчаянья... Помните?

Петя покраснѣлъ.

— Помните, какъ вы тогда вели себя?.. Чѣмъ же вы были хуже... э... любого романтическаго героя?

«И зачѣмъ это я все ему разсказывалъ тогда!» подумалъ про себя Петя. — Я и теперь влюбленъ... проговорилъ онъ себѣ подъ носъ,—я не вѣтеръ, и буду всегда... — Онъ запнулся и не договорилъ.—Да развѣ это романтизмъ?!— Это законъ природы... я слѣдую законамъ природы... вотъ и все!

Въ это время Мавра вошла съ подносомъ и, присѣдая на ходу, поставила передъ ними два стакана чаю и, ухмыляясь по прежнему, предложила Ознобину погрѣться и утолить свою душеньку.

— А за булками не побѣгу. Булочная далеко; это ужь какъ хотите, сами...

Digitized by Google

— А ты дай, знаешь, хоть ржаного, солдатскаго, знаешь... сказалъ ей Петя, обрадованный тѣмъ, что приходъ ея прервалъ бесѣду, которая была для него не совсѣмъ пріятна—и потому, что не все еще было позабыто, и потому, что ему казалось, что онъ далеко ужь ушелъ впередъ отъ всѣхъ этихъ бредней и что объ этомъ даже и вспоминать не стоитъ.

— Чернаго хлѣбца, такъ и быть, принесу, если хотите, и маслица захвачу.

— Неси, неси!.. побалтывая въ стаканѣ ложечкой, сказалъ Петя.

Ознобинъ задумался и даже не замѣтилъ, какъ сѣрый котъ съ колѣнъ его прыгнулъ на столъ и усѣлся между глобусомъ и книгами, расширяя зрачки и поглядывая на сѣроватый паръ, который вился надъ горячими стаканами.

— Ну, что еще скажете, Иванъ Несторовичъ?

— Ничего; очень радъ, что вы здоровы... а я... такъ... э... матушку вашу вспомнилъ. Она... она вѣдь и для меня была мать родная—послѣдняя моя родная на землѣ.

— А признайтесь, очень вамъ непріятно, что Анюта ушла?..

— А развѣ вамъ это пріятно?

— Да вы, можетъ быть, были влюблены въ нее?

— Я—влюбленъ! удивился Ознобинъ.

— Право.

— Да изъ чего-же... э... это вы заключаете?

— Да, бывало, вы все сидите у нея въ комнатѣ и все толкуете съ ней по цѣлымъ часамъ... а ужь о чемъ вы тамъ съ ней толковали, я, право, понять не могъ.

— Да я... я изучалъ ее, думалъ, что изъ нея непремѣнно выйдетъ что-нибудь путное.

— Путное? Такъ вы думаете, что изъ нея никогда ничего путнаго не выйдетъ?

— Никогда... а впрочемъ, что-же это я говорю — путнаго... у всякаго человѣка свой путь, его же не прейдеши.

Digitized by Google

У васъ свой, а у нея свой. Суждено было ей сбѣжать, ну и сбѣжала...

— Какое—суждено! Сама захотѣла.

— Да оттого и захотѣла, что не могла не захотѣть. Вотъ я нынче, въ 7 часовъ, чай пилъ... думалъ—баста... выдулъ три стакана... зарядилъ себя, кажется, какъ слѣдуетъ, и не думалъ, что буду во второй разъ, въ одинадцатомъ часу, чаевать, а попался въ руки стаканъ съ чаемъ, ну, вотъ и пью.

И, низко нагнувшись, Ознобинъ прихлебнулъ изъ своего стакана, причемъ клокъ рутыхъ волосъ чуть не окунулся въ чай, свѣсившись на невысокій лобъ его.

Аргументъ Ознобина о неизбѣжности судебъ человѣческихъ врядъ-ли подѣйствовалъ на Петю. Ничего нѣтъ труднѣе, какъ убѣждать молодые умы какими-нибудь аргументами. Было время, когда Петя вѣрилъ Ознобину и вѣра эта вліяла на него, потомъ нашлись другіе, которымъ сталъ онъ вѣрить больше, чѣмъ Ознобину, и Ознобинъ незамѣтно потерялъ для него свое прежнее обояніе, — это слышалось въ тонѣ самаго разговора ихъ... Прежде Петя молчалъ и слушалъ, теперь думалъ и возражалъ. Ознобинъ этого не понялъ, даже радовался, что Петя какъ будто сталъ самостоятельнѣе, сосредоточеннѣе и своими собственными мыслями запасается.

— А денегъ у васъ по-прежнему все нѣтъ? А? закусывая чай ржанымъ хлѣбомъ, спросилъ Петя.

— Да, все по-прежнему, безъ малѣйшей досады отвѣчалъ Ознобинъ. — Деньги... это плевое дѣло; стоитъ захотѣть...

— Что же вы? Вы-бы захотѣли.

— Видно, еще время не пришло... захочу—и будутъ...

— Такъ вотъ все и зависитъ отъ воли человѣческой!

— Не все; мало-ли что... э... вы захотите, чтобы солнце часомъ или двумя позднѣе встало, чтобы... э... выспаться успѣли... и ничего изъ вашего хотѣнья не выйдетъ... У че-

Digitized by Google

ловѣка своя сфера дѣятельности, какъ и у природы. Не природа выдумала деньги, а человѣкъ; разумѣется, онъ не могъ ихъ не выдумать и не можетъ ихъ не желать, но одни желаютъ ихъ больше, другіе меньше... Вотъ у меня теперь есть рублей двадцать... не даромъ-же я ѣздилъ, ну, съ меня пока и довольно.

«А у меня и двадцати копѣекъ нѣтъ, подумалъ про себя Петя.—Да я думаю, что и у Мавры нѣтъ... не на что было ей хлѣба купить... Эка жизнь!»

— Удивляюсь, сказалъ вслухъ Петя,—какъ это вы живете.

— Ну, ужь это дѣло мое, какъ я вижу, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ неудовольствія замѣтилъ Ознобинъ.—А вотъ что: вамъ еще надо къ завтраму уроки готовить, а я сижу и мѣшаю.

«Все такой же!» подумалъ Петя.—Еще успѣю я съ уроками; велю завтра пораньше разбудить себя.

— А не помочь-ли? А?

— Нечего помогать-то: самъ справлюсь.

— Справитесь?

— Да не Богъ знаетъ что; разумѣется, справлюсь.

Петѣ стало досадно, что Ознобинъ заговорилъ съ нимъ точно съ какимъ-нибудь школьникомъ или второклассникомъ.

«Такъ давно не видались, думалъ онъ,—а говоримъ все о такихъ пустякахъ!»

Ему много горькаго и неутѣшительнаго хотѣлось высказать своему бывшему учителю и репетитору, высказать съ такой же откровенностью, съ какою года полтора тому онъ высказывалъ ему неясныя ощущенія первой своей любви къ дѣвушкѣ, такъ же нежданно появившейся, какъ и исчезнувшей,—исчезнувшей безслѣдно, подобно метеору или видѣнію. Многое ему хотѣлось сказать, но какъ-то не сказывалось, не подвертывалось такого словца, которое могло-бы натолкнуть его на изліянія.

Въ 12 часу ночи ушелъ отъ него Ознобинъ, напяливши на себя старенькое пальто, закутавшись въ пледъ, а на го-

Digitized by Google

лову нахлобучивъ барашковую черную шапку малороссійскаго покроя. Петя до самыхъ сѣней проводилъ его и заперъ за нимъ дверь.

Скоро онъ раздѣлся, потушилъ свѣчу и улегся спать.

Но не успѣлъ еще онъ заснуть, какъ въ переднюю прошла Мавра и впустила въ квартиру отца его.

Клинъ только-что вошелъ въ свою комнату, гдѣ уже и постель ему была постлана за ширмами, какъ спросилъ:

— Пётъ спитъ?

— Заснулъ, отвѣчала Мавра.

— А свѣчу не забылъ потушить?

— Темно... Зачѣмъ ему забывать!

Затѣмъ, когда Мавра стащила съ него сапоги, онъ повелъ съ нею бесѣду.

— Гм! Хорошо еще, коли обвѣнчается. А ну, какъ надуетъ.

— Ну, батюшка, соннымъ голосомъ возразила Мавра,— коли сватался, такъ что-жь ему надувать.

— Сватался! А ты почемъ знаешь, что онъ сватался? Гм! сватался!.. Чай сказали, что у меня деньги есть... А гдѣ у меня деньги? Что добываю, то и проживаю. Первое у нихъ на умѣ—это приданое.

— Дай имъ Богъ совѣтъ да любовь! вздохнула кухарка.

— Какая тутъ любовь! Захотѣла ты любви отъ поповича! Просто на мой кошелекъ разсчитывалъ. А хоть-бы и любовь, — ужь не безъ жолчи и злости произнесъ онъ, забрасывая ноги на постель и тотчасъ-же натягивая на себя сѣрое шерстяное одѣяло, — ну, хоть бы и любовь! Что онъ за дуракъ, чтобъ жениться на бѣдной, когда — самъ голъ, какъ соколъ? Живетъ тамъ какими-то уроками! Женись на богатой, приданницу возьми себѣ, коли мозги есть. А что, признайся, захаживалъ онъ къ ней съ задняго крылечка, черезъ кухонку?

— Ни... ни... ни! замахала руками Мавра,—ни... ни...

Digitized by Google

— Ты ужь лучше признайся. А? Не съѣмъ вѣдь, если и признаешься.

— Ни... ни... Записку, это точно, приносилъ почтальонъ, а кому: ей-ли, вамъ-ли,—этого я тоже не знаю, потому что безграмотна, гдѣ мнѣ знать! А чтобы того—ни... ни...

— Чай, когда меня дома не было или когда я спалъ... несчастный отецъ!

— Ни, ни! отмахивалась полусонная Мавра.

— Не правда-ли, я несчастный, самый несчастный отецъ? Постой! Куда ты? Я не молоденькій, да и ты не розанъ и не малина,—ничѣмъ не лучше печенаго яблока. Постой, я еще не отдалъ тебѣ распоряженія. Слушай! Коли да завтра вздумаетъ она вернуться — гони! Одна-ли, вдвоемъ-ли, все равно—гони! гони и гони! Такъ и говори, что не велѣно, дескать, принимать васъ, сударыня, такъ и говори!

— Какъ прикажете, сударь,— что мнѣ? Не моя дочь—ваша.

— Ну, то-то же! Допустишь до меня—выгоню.

— Ну, и выгоните — не пропаду! вдругъ разсердилась Мавра.—Не все у васъ жить, и въ другихъ мѣстахъ поживемъ, эка невидаль!

И при этомъ, захвативъ сапоги барина подъ мышку, она шмыгнула въ дверь, и Клинъ не могъ не слышать, какъ Мавра, уходя, еще въ болѣе энергическихъ выраженіяхъ повторила тоже самое; словомъ, нагрубила ему самымъ неожиданнымъ образомъ.

ГЛАВА III.

Несомнѣнно, что и Егоръ Антоновичъ Клинъ былъ когда-то молодъ; это такая реальная истина, противъ которой никто спорить не будетъ. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нашего девятнадцатаго столѣтія отецъ Клина жилъ въ Петербургѣ, былъ настройщикомъ и женился на музы-

Digitized by Google

кантшѣ, ученицѣ Фильда, бѣдной дѣвушкѣ еврейскаго происхожденія.

Въ какую нѣмецкую школу ходилъ Егорушка, чему учился и какъ учился — это покрыто мракомъ неизвѣстности. Извѣстно только, что въ концѣ сороковыхъ годовъ Егорушка уже былъ Егоромъ Антоновичемъ, превосходно игралъ на фортепіано, былъ юнъ, бѣлъ, румянъ, плотенъ, никогда почти не снималъ съ себя фрака и любилъ щеголять большой булавкой, въ видѣ золотой лиры, которою постоянно закалывалъ свой галстухъ.

Проѣздомъ, не разъ, въ губернскихъ городахъ онъ давалъ концерты; и, сколько мнѣ помнится, орловская губернаторша, какъ дама болѣе понимающая музыку, чѣмъ тамбовская, пригласила его къ себѣ на вечеръ и заставила его вторично проиграть ту фантазію на «Sonambule» и тотъ венгерскій маршъ Листа, которые съ такимъ успѣхомъ отбарабанивалъ онъ въ клубномъ залѣ передъ отборной орловской публикой.

Въ тѣ дни крѣпостничества, великосвѣтскихъ скандаловъ, ухорскаго щегольства, амурныхъ шашней, путешествій въ тарантасахъ, ледяныхъ горъ и блистательныхъ фейерверковъ, Клинъ, еще молодой и свѣжій, какъ только-что сорванный персикъ, могъ любую помѣщицу ослѣпить игрой своей и любую провинціальную актрису совратить съ пути добродѣтели; но и тогда былъ онъ мѣшковатъ, улыбался натянутой улыбкой, неумѣло, иногда глупо оригинальничалъ и вообще не отличался свѣтскими манерами.

Все это нисколько не мѣшало ему считать себя великимъ виртуозомъ и композиторомъ, особенно съ того знаменательнаго вечера, когда случайно въ Петербургѣ онъ былъ приглашенъ къ графу Вьельгорскому и акомпанировалъ одной заѣзжей пѣвицѣ, въ присутствіи Глинки и другихъ, нынѣ совершенно забытыхъ знаменитостей.

Несмотря на алыя губы и масляные глазки, великіе замыслы таилъ нашъ тогдашній Клинъ въ глубинѣ души своей.

Digitized by Google

Съ помощью матери своей сочинялъ онъ вальсы, марши, кадрили и даже задумывалъ оперу съ студенческими застольными пѣснями, съ факельцугами и проч., проч., подъ заглавіемъ «Аптекарша».

Не разъ засыпалъ онъ въ сладкой надеждѣ, что за звуки, такъ щедро имъ расточаемые, золотой дождь обильно польется на голову его.

Клинъ считалъ искуство и богатство родными братьями или, лучше сказать, сіамскими близнецами; одно безъ другого для него было почти немыслимо.

Отецъ его любилъ попивать и, умирая, ничего ему не оставилъ, кромѣ кучи фортепіанныхъ струнъ, ключей и стараго рояля, но мать пророчила ему на смертномъ одрѣ своемъ славу и богатство. Быть можетъ, этимъ пророчествомъ она желала вдохновить сына къ неусыпнымъ трудамъ и настойчивому преслѣдованію цѣли. Видно, еврейскій духъ, духъ отцовъ, не покидалъ ее даже за нѣсколько минутъ до ея перехода въ тотъ безпечальный міръ, гдѣ нѣтъ ни воздыханій, ни плача.

Послѣ смерти своихъ родителей, бѣдный Клинъ уже не могъ существовать безъ уроковъ музыки. Но пророчество его матери чуть было не исполнилось.

Одна изъ ученицъ его, нѣкто Б., дѣвушка лѣтъ восемнадцати, субтильная, бѣленькая и прозрачная, какъ фарфоръ, единственная дочь очень богатыхъ родителей, влюбилась въ Клина такъ, какъ только можетъ быть влюблена утонченно-мечтательная свѣтская дѣвушка. И когда онъ разъ, во время урока, впился ей въ плечико, иначе сказать, чмокнулъ, или, еще иначе, обжегъ ее своимъ пламеннымъ поцѣлуемъ и заставилъ вздрогнуть, дѣвушка рѣшилась объявить своей maman, что она или умретъ, или выйдетъ замужъ за Клина. И это непремѣнно случилось бы; maman ни за что не рѣшилась бы заставить плакать или хандрить дочь свою и, скрѣпя сердце, дала бы ей свое согласіе, такъ какъ, по предписанію док-

Digitized by Google

гора, она ни въ чемъ, ни въ чемъ не могла прекословить ей. Maman вѣрила, что малѣйшее нравственное потрясеніе можетъ довести до чахотки милое дитя ея. Съ своей стороны, и Клинъ вполнѣ былъ увѣренъ, что дочка выйдетъ за него замужъ и обогатитъ его сотнями тысячъ безъ всякаго нравственнаго потрясенія.

И что же? Въ одинъ прекрасный вечеръ онъ вдругъ провалился... и провалился самымъ загадочнымъ образомъ. У Б—ыхъ были гости, и въ томъ числѣ одинъ молодой гвардейскій офицерикъ; говорили о музыкѣ.—А вы знаете Клина? спросила его хозяйка дома.—Какъ не знать, отвѣчалъ гвардеецъ.—Это таперъ... отличный таперъ!.. Если вамъ вздумается дать танцовальный вечеръ, скажите мнѣ, у меня есть его адресъ, и я къ вамъ притащу его. Дадите ему какихъ-нибудь пять или десять рублей, и онъ будетъ играть у васъ всю ночь до разсвѣта. Какъ же не знать Клина!

— Егора Антоновича? поблѣднѣвъ, спросила его влюбленная дочка.

— Ну, да, да, Егора Антоновича!

Гвардейскій офицеръ проговорилъ все это безъ всякой задней мысли, безъ всякаго злого умысла.

Клинъ былъ охотникъ кутить на чужія деньги и, дѣйствительно, въ качествѣ тапера не разъ участвовалъ на кой-какихъ пикникахъ, и не разъ въ компаніи, гдѣ-нибудь на островахъ или за Выборгской, на разстроенномъ роялѣ отжаривалъ польки и кадрили, такъ что струны звенѣли и лопались, а подъ его музыку наши юные джентльмены канканировали и дамы ихъ такъ высоко поднимали ноги, что небу становилось жарко.

Офицеръ не вралъ и даже не подозрѣвалъ, какой ушатъ холодной воды вылилъ онъ на разгоряченную голову влюбленной свѣтской барышни.

«Таперъ! И я буду таперша? Это ужасно!» подумала она (аристократическая струнка сильно была затронута). На

Digitized by Google

другой день она притворилась больной, и недѣли черезъ двѣ Клинъ получилъ записку съ просьбой—не безпокоиться, такъ какъ уроки музыки прекращаются, потому что «maman собирается заграницу».

Какъ подумаешь, отъ какихъ пустяковъ зависитъ иногда судьба человѣка!

Клинъ хотя и не былъ влюбленъ, но пришелъ въ бѣшеное отчаяніе. Онъ понялъ, что совершилось что-то совершенно для него непонятное... Онъ написалъ ей тайное письмецо, напомнилъ ей клятвы и увѣренія ея, но отвѣта не получилъ и заболѣлъ разстройствомъ печени. Но ни холодъ *ледяного* свѣта, ни бездарныя ученицы, ни ихъ капризныя маменьки, ничто, ничто не могло бы сокрушить уже нѣсколько раздраженнаго и грубоватаго Клина, если-бы музыка,—его собственная, имъ самимъ высиженная и пущенная въ свѣтъ музыка, не принималась публикой съ такимъ же убійственнымъ равнодушіемъ, съ какимъ смотритъ она на цыплятъ высиженныхъ курицей. Никто почти не покупалъ нотъ или пьесъ, подписанныхъ его именемъ; даже тѣ великіе міра сего, которымъ посвящалъ онъ свои марши и фантазіи, были равнодушны къ нему и не рекомендовали его, кому слѣдуетъ. Клинъ началъ серьезно задумываться надъ вопросомъ: неужели такъ-таки онъ таперомъ и кончитъ?

Неудачи эти бѣсили Клина, терзали, мучили, сдѣлали его хмурымъ, злымъ, грубымъ, завистливымъ и раздражительнымъ. Увы, геніальный для своей собственной особы, онъ былъ для тогдашнихъ артистовъ и композиторовъ величина едва замѣтная, т. е. не орелъ и даже не воронъ, а цыпленокъ, предназначенный для кухарки или для повара.

Но не кухарка и не поваръ,—сама судьба зарѣзала талантъ его.

Клинъ, къ сожалѣнію, серьезно не прошелъ ни одной музыкальной школы (тогда о русскихъ консерваторіяхъ еще не было и помину). Онъ былъ почти самоучка, и, что всего

Digitized by Google

досаднѣе, долженъ былъ не только давать уроки, но и поступить на государственную службу, ради насущнаго куска хлѣба.

Тѣ же самые офицеры, которые канканировали подъ его музыку и прославили его, какъ тапера, доставили ему случай и рекомендацію поступить на службу въ военное министерство. И онъ поступилъ, но это не поколебало его вѣры въ пророчество его матери!

Ознакомившись съ канцелярскими нравами и порядками, онъ скоро получилъ мѣсто столоначальника и сталъ копить деньги. Но чтобъ имѣть ихъ какъ можно больше, онъ ничѣмъ не пренебрегалъ,—ни уроками музыки, по большей части въ средѣ своихъ начальниковъ, ни канцелярскими дѣлами, тайну которыхъ постигъ онъ довольно скоро, благодаря той практической сметкѣ, которую наслѣдовалъ отъ своей покойной матери.

И вдругъ—кто бы это могъ подумать?—Клинъ влюбился.

Влюбился... и женился на дочери бѣднаго почтамскаго чиновника, на Марьѣ Ивановнѣ, по фамиліи Андреевой.

Какъ могло это случиться? Этого Клинъ самъ никогда ни понять, ни объяснить себѣ не могъ. Для него это было что-то въ родѣ затмѣнія, ибо съ юныхъ лѣтъ деньги любилъ онъ съ такою же страстью, какъ и музыку, о женщинахъ былъ самаго невысокаго мнѣнія, былъ разсчетливъ до того, что рѣдко за двугривенный рѣшался сѣсть на извощика, и питался Богъ знаетъ чѣмъ—въ подвальныхъ ресторанахъ или у самыхъ дешевыхъ кухмистеровъ.

ГЛАВА IV.

Удивительное дѣло! Клинъ не былъ изъ числа людей съ нѣжнымъ сердцемъ, но когда прикасался клавишей, въ игрѣ его иногда звучали струнки такого нѣжнаго, страстнаго чувства, что молодыя барыни прекращали свою болтовню и на-

Digitized by Google

чинали слушать его съ полураскрытыми губками. Клинъ мечталъ, по крайней мѣрѣ, нажить сто тысячъ, и женился на бѣдной, такъ какъ соблазнить эту бѣдную ни музыкой, ни поцѣлуями, ни письмами не было никакой человѣческой возможности.

И какимъ же невыносимымъ, какимъ раздражительно грубымъ проявилъ онъ себя въ семейной жизни! Вообще, что можетъ быть хуже для жены, какъ мужъ изъ числа неудавшихся поэтовъ или композиторовъ? Это во сто разъ хуже, чѣмъ неудавшійся чиновникъ или кутила.

Время шло и годы уходили.

Жена Клина оказалась женщиной необыкновенной: она поняла мужа и уже давно успѣла закалить себя въ невозмутимости. Клинъ воображалъ, что своей женитьбой онъ испортилъ всю свою карьеру, на всегда убилъ въ себѣ артиста и волей-неволей окончательно превратился въ чиновника, тогда какъ въ сущности званіе-то чиновника и спасло его отъ неминуемой нищеты и окончательной погибели (въ матеріальномъ отношеніи).

— Убирайся вонъ, шлюха! кричалъ онъ, бывало, на жену свою.—Ты только и умѣешь, что модничать да хвостомъ вилять! кричалъ онъ на дочь свою.—Изъ тебя, поросенка, ничего не выйдетъ. Молчать! кричалъ онъ на сына.

Жена преспокойно уходила, дочь раздражалась и плакала, сынъ, похожій на мать, стойко выносилъ страшныя истязанія за то, что не имѣлъ геніальныхъ способностей къ музыкѣ (отецъ самъ училъ ихъ, и сына, и дочь, почти такъ-же, какъ учатъ молодыхъ рекрутовъ, и, разумѣется, играть они выучились, но артистами не сдѣлались.)

Клинъ мысленно обвинялъ жену свою и за то, что ради нея онъ вынужденъ былъ нанимать квартиру у чорта на куличкахъ, въ концѣ пятнадцатой линіи Васильевскаго острова, и за то, что отсталъ отъ общества, и за то, что постарѣлъ, и за то, что она горда и не молится на него; дочь—

Digitized by Google

за то, что обязанъ не только обувать и одѣвать ее, но еще и платить за ея воспитаніе: сына—за то, что изъ него не выйдетъ первоклассnаго артиста, способнаго затмить имена музыкальныхъ враговъ его.

Петя четырнадцати лѣтъ уже игралъ недурно, читалъ ноты, т. е. могъ играть à livre ouvert, но, удивительное дѣло, уже ни въ какой концертъ нельзя было залучить его.

Общество Клина состояло изъ чиновниковъ военнаго покроя, играющихъ въ преферансъ по маленькой, и изъ отставныхъ музыкантовъ стараго театральнаго оркестра; послѣдніе иногда приносили съ собою скрипки и до поздней ночи пиликали, усѣвшись вокругъ ломбернаго стола передъ пюпитрами съ раскрытыми нотами. Иногда при помощи віолончеля, альта и двухъ скрипокъ разыгривали они квартеты, иногда акомпанировали хозяину или его дочери. Это были вовсе не веселые вечера для Марьи Ивановны, супруги Клина: нужно было освѣтить комнаты, подать чай, ромъ, сухари, пять-шесть бутылокъ пива, иногда закуску, и все это надо было справить на очень скудныя средства, отпускаемыя ей на расходы скареднымъ мужемъ. Петя обыкновенно какъ можно раньше уходилъ въ свою комнату, иногда вмѣстѣ съ Ознобинымъ, принимался за уроки и искренно желалъ часа на два, или на три оглохнуть, чтобъ не слыхать этихъ звуковъ, которые черезъ стѣны и коридоръ доносились до ушей его.

Но и эти вчера прекратились какъ-то сами собой; характеръ же Егора Антоновича становился все невыносимѣе и невыносимѣе.

Наконецъ, какъ видно, и у Марьи Ивановны всякое терпѣніе лопнуло; она ушла... и написала письмо къ своему мужу, что жить съ нимъ не станетъ, изъ боязни потерять всякое уваженіе дѣтей своихъ, сына и дочери.

Клинъ никогда не былъ ревнивъ да и не сталъ бы ревновать къ женѣ, давно уже утратившей не только красоту, но и всякое подобіе прежней миловидности,—къ женѣ со-

Digitized by Google

старившейся, поблекшей. Онъ не ревновалъ-бы и въ такомъ случаѣ, еслибъ даже не зналъ, что она ушла къ своей старой пансіонской подругѣ и крестной матери Пети, тоже пожилой уже женщинѣ, у которой былъ мужъ, дѣти и свой собственный домъ на Гороховой. Онъ тотчасже послалъ ей паспортъ на отдѣльное жительство, сталъ какъ-будто тише, но и гораздо угрюмѣе. Дочь не смѣла просить у него денегъ, сынъ не смѣлъ говорить ему о своихъ нуждахъ. Онъ съузилъ свои расходы до микроскопическихъ размѣровъ, и мало-помалу пересталъ обращать вниманіе на дѣтей своихъ. Ему было все равно, гдѣ они и съ кѣмъ они. Только за обѣдомъ иногда доставалось имъ—Анютѣ за то, что она позволяетъ брату повѣсничать, а Петѣ за то, что Анюта жалуется на его упрямство или озорничество. Клину воображалось, что они наблюдаютъ другъ за другомъ и что въ случаѣ чего-нибудь непремѣнно другъ друга выдадутъ.

Марья Ивановна не хотѣла даромъ жить на хлѣбахъ у своего друга, Елизаветы Гавриловны Померанской, и въ домѣ ея понемногу сдѣлалась чѣмъ-то вродѣ ключницы: утромъ она хлопотала, заказывала обѣдъ, посылала за провизіей, платила по счету лавочникамъ, а по вечерамъ затворялась въ своей комнатѣ, надѣвала очки, читала или вязала шерстяные чулки на продажу или бесѣдовала съ Ознобинымъ, который раза два въ недѣлю навѣщалъ ее и приносилъ самыя свѣжія новости о томъ, что дѣлается въ ея семьѣ. Петя также приходилъ къ ней по праздникамъ, но по большей части присоединялся къ своимъ сверстникамъ, сыновьямъ Померанской, которые тоже были гимназисты, хоть и въ другой гимназіи.

— За что вы насъ любите? спросила разъ сильно постарѣвшая Марья Ивановна Ознобина.—Какая вамъ выгода репетировать съ моимъ сыномъ? Вѣдь мой мужъ, я полагаю, за это ни копейки не платитъ вамъ.

— Я васъ за то люблю, что вы спасли меня. Когда я

Digitized by Google

въ первый разъ зашелъ къ вамъ, узнавши, что вы ищете репетитора, я былъ въ такомъ настроеніи духа, что готовъ былъ, какъ дуракъ, руки на себя наложить, и вдругъ... э... около васъ... почувствовалъ я себя, точно у себя въ родномъ домѣ, точно... э... покойная мать моя воскресла... и приняла меня и приголубила.

— Чѣмъ же я васъ приголубила?

— Я и самъ не знаю... Вѣдь... э... я... только тому и вѣрю, чего не знаю или чего не понимаю. Еслибъ я далъ себѣ отчетъ, отчего я люблю... э... ну, вашего Петра... пожалуй, я бы, чего добраго, разлюбилъ его.

Ознобинъ не говорилъ въ сущности «э», но этой буквой я хочу только выразить, что, разговаривая, онъ иногда въ промежуткѣ между словами тянулъ голосъ, точно не вдругъ находя нужное ему слово. Но бывали и такія минуты, когда этихъ тягучихъ промежутокъ и не было. Это значило, что онъ находился въ особенно-возбужденномъ состояніи или въ припадкѣ краснорѣчія.

— Стало быть, я и вѣрить вамъ, батюшка, не должна, когда вы хвалите дочь мою Анюту или Петю... Вы, значитъ, и сами не знаете, хороши-ли они на самомъ дѣлѣ или нѣтъ, а только вѣрите.

Ознобинъ усмѣхнулся.

— А какъ вы думаете, сталъ онъ пояснять,—развѣ вѣра—не та же мысль? Вѣра—такой же выводъ изъ наблюденій, только изъ наблюденій безсознательныхъ. Анна Егоровна будетъ хорошая хозяйка, ну и только, больше я отъ нея ничего не жду; а Петя... э... Петя далеко пойдетъ... иногда онъ... э... просто поражаетъ меня быстротою соображеній, да и сердце у него золотое. Вы думаете, такъ онъ и поддастся вліянію Померанскихъ? Нѣтъ, онъ не изъ тѣхъ, которые поддаются...

— Извините, я, знаю, что онъ поддается; въ этомъ вы меня не переувѣрите.

Digitized by Google

— Ну, а можетъ быть, и переувѣрю. Намедни мы ѣдемъ съ нимъ въ саняхъ, онъ и говоритъ: Ознобинъ, скажите, кто будетъ извощикомъ, если мы всѣ будемъ равны и если ни онъ, ни я не захотимъ править лошадью? Видите, на какой вопросъ съѣхалъ! А вотъ въ этотъ вечеръ Померанскіе толковали ему, что всѣ равны и что онъ скотина, если думаетъ иначе. Я на это цѣлый часъ, по пріѣздѣ домой, толковалъ ему, что дѣйствительно всѣ мы равны передъ идеаломъ справедливости, что идеалъ этотъ каждый вѣкъ понемногу осуществляется и, насколько мы выросли или развились, проявляетъ себя въ нравахъ, въ законахъ, въ политическихъ учрежденіяхъ или въ тѣхъ общественныхъ формахъ, которыя признаются большинствомъ; если же эти формы и мѣняются, то не иначе, какъ приближаясь къ тому же идеалу справедливости; если же онѣ удаляются отъ него, то значитъ, что мы сами или идемъ назадъ, или нравственно падаемъ. И... э... началъ опять тянуть Ознобинъ,—онъ это понялъ.

Такіе разговоры были года три или четыре тому, когда Анютѣ было восемнадцать лѣтъ, а Петѣ около четырнадцати.

Съ тѣхъ поръ Марья Ивановна отправилась на тотъ свѣтъ... Петя подросъ. Ознобинъ цѣлый годъ пропадалъ, а у самого Клина стали въ головѣ мелькать иныя мечты и соображенія. Онъ все еще вѣрилъ въ пророчество своей матери...

ГЛАВА V.

Пожилой Клинъ, этотъ великій артистъ сороковыхъ годовъ, конечно, самъ не сознавалъ, что онъ былъ въ то же время и великимъ невѣждою и что это невѣжество въ его холостые годы помѣшало ему развить свой музыкальный талантъ; оно-же помѣшало ему быть счастливымъ и въ своей семейной жизни. Клинъ радовался, что избавился отъ жены, и радовался, что избавился отъ дочери.

Digitized by Google

Но все-таки, не смотря на эту радость, онъ цѣлую не-лю былъ угрюмъ и мраченъ, когда въ чужомъ домѣ умерла на его; и все-таки—тоска не тоска, совѣсть не совѣсть, что-то назойливо-безпокойное залѣзло въ самую глубь его ши съ тѣхъ поръ, какъ въ домѣ его перестали раздаваться ги и голосъ его дочери.

Всякій разъ, когда Клинъ возвращался домой изъ канелярiи или съ уроковъ (онъ еще въ двухъ домахъ давалъ роки), или изъ гостей, онъ ожидалъ, что Мавра или Петя стрѣтятъ его словами: «А къ намъ заѣзжала Анюта съ муемъ», или: «А къ вамъ, сударь, письмецо отъ Анны Еговны!» Но проходили дни и недѣли, а о ней ни слуху, и духу—словно въ воду канула.

Наконецъ, какъ-то утромъ, Клинъ рѣшился заговорить. му почему-то вообразилось, что и Мавра, и Петя что-то акое знаютъ, но скрываютъ отъ него.

— Ну, что, Мавра,—почемъ фунтъ говядины? Опять на копейку дороже... Вотъ и живи!.. Эдакая подлость! По крайней мѣрѣ, прежде такса была,—помнишь, чай!

— Какъ не помнить! Говядина одинадцать копеекъ продавалась, самая лучшая... что ни на есть.

— Ну, а ничего не слыхала ты о нашей-то дурѣ? О бѣглянкѣ-то?

— Ничего, сударь мой, не слыхала.

— Да ты не ври, старая! Заѣзжала она къ брату? А?

— Нѣтъ, никого не было... Одинъ господинъ Ознобинъ заходилъ.

— Ну.. Ознобинъ! Очень мнѣ нуженъ твой Ознобинъ.

— Побожиться не грѣхъ, опричь его никого, сударь, не было.

— Вѣдь я... еслибы я захотѣлъ... я бы его, этого Духова, въ бараній рогъ согнулъ. Я могъ бы въ тотъ же день изловить ихъ,—въ тотъ же день... Еслибы я захотѣлъ, они,

Digitized by Google

канальи, на днѣ морскомъ отъ меня не спрятались бы... Ну, да чортъ ихъ возьми совсѣмъ.

— Ахъ, какъ это родному отцу да такія слова!.. Долго-ли до грѣха!.. качая головой, укоризненно проговорила Мавра.

— Я чортъ знаетъ что могъ-бы съ ними сдѣлать! Стоило только свистнуть, Трепову донести... Но я добръ! Я очень добръ. Вотъ мое несчастіе. Вѣдь ты, Мавра, давно меня знаешь—десять лѣтъ съ хвостикомъ живешь у насъ—ну, говори: добръ я или нѣтъ?

— Не то, чтобы оченно добры, и не то, чтобы оченно злы, комически присѣдая и разводя руками, проговорила Мавра своимъ симпатически-скрипучимъ голосомъ.

Клинъ не ожидалъ такого отвѣта и изподлобья поглядѣлъ ей въ лицо.

— Гм, значитъ, середка на-половинѣ, промямлилъ онъ, уже оглядывая сапоги свои.—Ну да... я добръ, но ужь если я золъ, то ужь золъ и шутить не люблю... Поди, скажи Петкѣ, чтобъ онъ не громко читалъ,—надоѣлъ; въ кабинетѣ слышно. Ну, что же ты стоишь, убирайся!

Мавра ушла.

Клинъ, въ старомъ халатѣ, вышелъ въ столовую, подошелъ къ этажеркѣ, снялъ съ нея кипу нотъ и сталъ, сильно щурясь, перебирать тетрадь за тетрадью и просматривать ихъ. Сколько воспоминаній вѣяло съ этихъ страницъ, испещренныхъ нотными знаками. Вотъ та концертная пьеса, которую играла дочь его и за которую больно доставалось ей. Вотъ то алегро, на которомъ сбился съ такта бѣдняга Фрицъ и такъ былъ сконфуженъ, что дня три не присылалъ за своей скрипкой. А вотъ и его собственное сочиненіе «Чумаки». Боже мой, какая старина! Это игралъ онъ еще при покойномъ Николаѣ Ивановичѣ Гречѣ, и самъ Гречъ похвалилъ его, сказавъ: «степью вѣетъ...» Вотъ это Кашевскій при немъ разыгрывалъ въ домѣ Штакеншнейдера; потомъ тоже поступилъ на службу чиновникомъ, и еще пропалъ одинъ

Digitized by Google

музыкантъ! А гдѣ теперь этотъ голубоглазый юноша Христіановичъ? Я еще въ Москвѣ съ нимъ познакомился. Кажется мнѣ, я ему не очень-то понравился! Ну, да мало-ли что! Не на всякаго угодишь. Вонъ Рубинштейну попробуйка угодить! А вѣдь тоже *Антоновичъ*, какъ и я, подумалъ, вздохнувши, Клинъ. Видно не всѣмъ Антоновичамъ на-роду счастье написано. А я, можетъ быть, былъ бы и не хуже...

И, положивъ ноты на мѣсто, Клинъ перешелъ въ маленькую гостиную и проворчалъ: «безъ очковъ и ноты плохо разбирать могу, лучше и не пробовать! Да ужь и пальцы потеряли свою прежнюю гибкость». Но на этотъ разъ Клинъ не долго мечталъ о музыкѣ и о своихъ неудачахъ; онъ сталъ глядѣть въ окно, и мысль о дочери опять овладѣла имъ.

«Вѣрно еще не повѣнчалась,—кутитъ.—И затѣмъ онъ отошелъ отъ окна, направился въ свою комнату, прилегъ на клеенчатый, скрипучій диванчикъ и предался раздумью.—Гм!... конечно, до вѣнца и носу не покажетъ, знаетъ, что прогоню. А можетъ быть, и не вѣнчаютъ, попъ заартачился... Фу, какая это глупость... взрослыхъ болвановъ и пожилыхъ дѣвокъ не вѣнчать безъ родительскаго дозволенія! Очень нужно! Я бы и позволилъ, да чорта съ два!.. Шутка сказать, чего стоятъ эти проклятыя свадьбы! Толи дѣло... обвѣнчаться тайкомъ, такъ, чтобы ни гостей, ни ужиновъ, ни шампанскаго. Я тоже былъ дуракъ, женился, какъ слѣдуетъ,—и чего это мнѣ стоило! Все, что скопилъ, все пошло... чортъ знаетъ куда».

И Клинъ сталъ мысленно припоминать и считать, во что обошлась ему нѣкогда скромная свадьба его.

Все онъ припомнилъ съ необыкновенной ясностью и даже плюнулъ: такъ ему все это показалось и дорого, и глупо.

«А теперь все стало дороже, рѣшительно все, продолжалъ думать Клинъ.—Надѣлали этихъ желѣзныхъ дорогъ, дали волю этимъ протоканальямъ, и все вздорожало! Прошу покорно! И что это за законъ—давать приданое! Не законъ,

Digitized by Google

а обычай, и какой глупый обычай! Я-же воспитывалъ, я-ж и плати. Нѣтъ, то-ли дѣло безъ всякаго позволенія!..»

И въ негодованіи на глупый обычай, онъ опять задалъ себѣ вопросъ: отчего это о дочери его ни слуху, ни духу?

Но пока Клинъ предавался меланхоліи и пока въ то же время поглядывалъ на часы, чтобъ не пропустить времени—пѣшкомъ отправиться къ генералу, черезъ заднее крыльцо въ кухню просунулась рука какого-то мальчугана въ тулупчикѣ и подала Маврѣ пакетъ.

— Къ кому? спросила Мавра.—Мнѣ, что-ли? А?

— Петру Егорычу, Петѣ.

— Да зайди погрѣться, милый! Чего торопишься?

Но мальчуганъ не зашелъ, и не успѣла кухарка принять письмо изъ рукъ его, какъ онъ уже застучалъ своими сапоженками внизъ по ступенькамъ черной лѣстницы.

Петя сидѣлъ у себя на постели въ однихъ еще брюкахъ и не то примѣрялъ, не то прилаживалъ къ стоптаннымъ сапогамъ стальные коньки, еще съ вечера взятые имъ на время у одного изъ товарищей. Онъ собирался воспользоваться праздничнымъ днемъ и отправиться на катокъ, гдѣ въ этотъ день отъ двѣнадцати до четырехъ часовъ играла военная музыка. Стоптанные каблуки сильно его озадачили и онъ самъ еще не зналъ, пойдетъ-ли онъ или нѣтъ.

Вдругъ является Мавра: на лбу ея собираются морщины; она поднимаетъ сухую, жилистую руку, лукаво ухмыляется и дразнитъ его какой-то записочкой.

У Пети забилось сердце, одинъ сапогъ съ подвязаннымъ конькомъ свалился на полъ, и записка мигомъ очутилась въ рукахъ его, мигомъ былъ разорванъ пакетъ и прочтено письмо слѣдующаго содержанія:

«Голубчикъ Петя, пишу тебѣ по секрету; поздравь меня, я замужемъ. Два дня тому, какъ мы обвѣнчаны—и знаешь, гдѣ? Въ Колпинѣ, куда мы ѣздили по желѣзной дорогѣ. Пожалуйста, сегодня въ воскресенье, къ двѣнадцати часамъ,

Digitized by Google

приходи къ намъ на чашку шеколада,—ради Бога, приходи, мнѣ очень нужно переговорить съ тобой. И такъ до свиданія, мой милый.

«А что папа?»

Въ концѣ письма былъ приложенъ адресъ. Квартира оказалась на Выборгской, неподалеку отъ артилерійской академіи.

Петя въ короткихъ словахъ передалъ Маврѣ содержаніе записки. Мавра, усмѣхаясь, чуть не до ушей вытянула ротъ свой, перекрестилась и вышла. Эта старая, сгорбленная, морщинистая и безграмотная Мавра была отчасти повѣренной стараго барина, отчасти повѣренной молодого Пети. Какъ кошка, привыкла она къ стѣнамъ своей кухни, и какъ собака, была привязана къ семейству Клина, въ особенности къ покойной Марьѣ Ивановнѣ. Несмотря на то, что Клинъ раза два чуть было не поколотилъ ее, она и за нимъ ухаживала, какъ нянька.

Жалованья получала она всего только 4 рубля въ мѣсяцъ, часто сама голодала, не разъ грозилась бросить домъ и уйдти на другое мѣсто; но всѣ эти угрозы на другой-же день вылетали изъ головы ея, и она оставалась. Кромѣ нея, никакой другой прислуги въ домѣ не было. Подозрительный Клинъ довѣрялъ ей едвали не болѣе, чѣмъ своимъ собственнымъ дѣтямъ.

ГЛАВА VI.

Еслибы не призывъ сестры и не страстное любопытство узнать какъ можно скорѣе все, что случилось съ ней, и какой *онъ* и какая жизнь ихъ, этихъ Духовыхъ, узнать все до малѣйшихъ подробностей,—Петя въ это утро сильно-бы жалѣлъ, что стоптанный каблукъ, а главное, прорванное мѣсто у самой подошвы лѣваго сапога помѣшаютъ ему воспользоваться случаемъ покататься на конькахъ и доказать этому Елкину (одному изъ учениковъ 8 класса), что онъ не

Digitized by Google

хуже его можетъ скатиться съ ледяной горки, даже на одной ногѣ, хоть, можетъ быть, и не съумѣетъ по льду вензелей писать.

Надѣвъ шинель и кепи, Петя безъ калошъ сбѣжалъ съ задней грязноватой лѣстницы, вышелъ на улицу и сталъ соображать: можно-ли по Невѣ пройти ему на Выборгскую сторону? На извощика у него не было денегъ; разсчитывать, что сестра заплатитъ, онъ не смѣлъ, такъ-какъ сестра въ своей запискѣ не добавила: «пріѣзжай на мой счетъ».

Къ счастію, погода стояла довольно мягкая, моросилъ снѣжокъ и вѣтеръ былъ съ моря, значитъ попутный; не морозило и не таяло... Петя рѣшился идти пѣшкомъ, и все время воображалось ему, что мужъ сестры его—тотъ самый высокій брюнетъ съ задумчивымъ лицомъ, который танцовалъ съ ней мазурку у Радольеновыхъ и отъ котораго вѣяло на него чѣмъ-то поэтическимъ. Онъ боялся оробѣть, показаться маленькимъ въ его присутствіи; онъ боялся, что этотъ необыкновенный человѣкъ найдетъ его недостаточно развитымъ, но что онъ, Петя, все-таки будетъ стараться понять его—и, если это точно человѣкъ не заурядный, онъ пойдетъ по слѣдамъ его.

Молодыя ноги его, подгоняемыя попутнымъ вѣтромъ и охватываемыя полами сѣрой гимназической шинели, несли его такъ быстро, что въ какіе-нибудь полчаса онъ уже былъ у Литейнаго моста.

Свѣрившись съ адресомъ, онъ пошелъ по напраленію къ выборгской желѣзной дорогѣ, завернулъ въ небольшой переулокъ и остановился у двухъ-этажнаго каменнаго домика.

— Здѣсь квартируетъ Духовъ? спросилъ онъ дворника, который только-что отворилъ ворота для того, чтобъ пропустить два воза съ дровами.

— А не знаю... я здѣсь недавно. Не слыхалъ чтой-то... Какъ вы его называть изволите?

— Духовъ.

Digitized by Google

— Не... не слыхать... можетъ, по сосѣдству... али гдѣ на дворѣ.

Но въ это время выбѣжалъ изъ-подъ воротъ мальчишка въ тулупчикѣ, блѣдный, подслѣповатый и въ огромной шапкѣ, очевидно съ чужой головы; обращаясь къ Петѣ, онъ спросилъ его: Вамъ кого? Вы Петя Клинъ? Пожалуйте.

И со двора онъ повелъ его по узенькой каменной лѣстницѣ на верхъ, обшлагомъ изъ вытертаго мѣха провелъ себѣ подъ носомъ и сталъ звонить, не переставая осматривать Петю съ ногъ до головы.

Какъ ни была мала квартира Духова, но на Петю новое гнѣздо сестры произвело довольно пріятное впечатлѣніе.

Изъ передней налѣво шла дверь въ кухню, и всякій, кто снималъ шинель или шубу (стоило ему только потянуть въ себя струю теплаго воздуха), чувствовалъ аппетитъ свой удвоеннымъ,—такъ пахло кухней или всѣмъ тѣмъ, что въ ней готовилось.

Направо были двѣ комнаты, изъ которыхъ первая была чѣмъ-то вродѣ гостиной, вторая — кабинетомъ и маленькой спальней съ ситцевыми занавѣсками, на которыхъ рѣзко бросались въ глаза красные піоны, лиловые листья и голубые амуры. За занавѣской стояли кровати; кушетка и два кресла были обиты точно такимъ-же ситцемъ, такъ-что молодая со всѣхъ сторонъ была окружена голубыми, стрѣляющими изъ лука, амурами. Петя, конечно, былъ встрѣченъ поцѣлуями сестры и тотчасъ-же представленъ Родіону Петровичу Духову.

Петя сильно сконфузился и даже какъ будто обидѣлся за себя и за сестру свою. Герой его похищенной сестры, созданный его воображеніемъ, такъ-же былъ похожъ на героя, какъ заяцъ на льва.

Невысокій, круглолицый, голубоглазый, съ выбритымъ подбородкомъ, стриженый подъ гребенку, въ очкахъ и въ форменномъ учительскомъ вицмундирѣ, Духовъ произвелъ на Петю впечатлѣніе чего-то казеннаго, заурядnаго, чего-то

Digitized by Google

такого, что никакъ не могло примириться съ идеаломъ ея фантазіи.

Когда Петя впервые доженъ былъ поцѣловать его мягкую и пухлую щеку, ему показалось, что онъ цѣлуетъ того самаго лавочника, который у Средняго проспекта продаетъ муку, сало и стеариновыя свѣчи.

— Очень радъ, очень радъ! пробормоталъ Духовъ и, крѣпко пожимая руку Пети, сталъ пристально вглядываться въ лицо его.

Петя видимо оторопѣлъ и пріостановивъ на немъ черные, проницательные глаза свои, тотчасъ-же повернулъ ихъ въ сторону, и не безъ удивленія увидѣлъ розовое, улыбающееся личико сестры. «Какъ-же это такъ? подумалъ онъ.—Вотъ ужь тутъ я ровно ничего не понимаю»!

Сестра Анюта не была, въ полномъ смыслѣ слова, красавицей. Она была просто хорошенькая; у нея были темно-сѣрые, небольшіе глаза, широкія темныя брови и необыкновенно правильный, точно выточенный носикъ,—словомъ, она походила на своего отца въ тѣ годы, когда еще у Егора Антоновича вѣки не были сморщены, а брови были темны и даже лоснились. Но, сравнительно съ своимъ юнымъ супругомъ, въ глазахъ Пети она показалась совершенствомъ, и онъ никакъ не могъ понять, какъ такой увалень могъ не только влюбиться, но и увезти ее, и какъ его сестра могла втюриться въ такого тюленя.

— Ну что-жь, de gustibus non est disputandum, вдругъ пришло ему въ голову, и Петя вдругъ почему-то успокоился, даже сталъ оглядывать гостей, у которыхъ только ноги онъ и могъ замѣтить въ первую минуту встрѣчи и знакомства съ своимъ beau frère'омъ.

— Анюта, поподчуйте братца! сказалъ Духовъ и обратился къ гостямъ своимъ—сухощавову священнику, въ свѣтло-коричневой шелковой рясѣ, съ длиннымъ, краснымъ лицомъ и съ рѣденькой мочалкою вмѣсто бородки, отцу Филипу, и къ

Digitized by Google

юему сослуживцу, учителю математики, человѣку сѣренькому, уденькому, тонко улыбавшемуся на каждое произносимое при емъ слово.

Анюта увела брата, усадила его на кушетку съ піонами голубыми амурами и уже съ озабоченнымъ лицомъ начала го разспрашивать.

— Ну что, очень сердитъ?

— Сердитъ-то, можетъ быть, и сердитъ, да не очень.

— И ты думаешь, онъ проститъ меня?

— Ну, этого я не знаю. Призывалъ Мавру, приказывалъ й не пускать тебя.

— Не пускать! Неужели?

— Ну да, говорю, что знаю... Впрочемъ, помяни мое слово, простить-то онъ проститъ, а денегъ все-таки не дастъ, хоть и попросишь.

Анюта задумалась, брови ея сдвинулись, ноздри хорошенькаго носика дрогнули.

— Что деньги! какъ-то нерѣшительно протянула она.— Не въ деньгахъ счастье.

Братъ поглядѣлъ на сестру.

— А въ чемъ-же?

— Въ любви, въ свободѣ, произнесла она такимъ тономъ, какимъ произносятся заученныя фразы, смысла которыхъ мы и сами хорошо не понимаемъ, но чувствуемъ, что въ этихъ фразахъ звучатъ какія-то очень высокія нотки.

«Въ любви, въ свободѣ»! мысленно повторилъ Петя. Но ему не было времени долго думать ни о любви, ни о свободѣ.

— А можно попробовать? спросила Анна.

— Что?

— Сдѣлать ему визитъ?

— Когда?

— Да когда Родіону Петровичу будетъ свободно. Вѣдь я, ты знаешь, даже собственныхъ вещей не взяла, у меня

Digitized by Google

остались и подушки, и юбки, и бѣлье, и даже тотъ ящичекъ, который мама подарила мнѣ—помнишь?—и тотъ остался.

— Ну, это я какъ-нибудь привезу къ тебѣ; вѣдь это тотъ самый, что у тебя на этажеркѣ, внизу?

Въ эту минуту, пожилая, толстая горничная (она же и кухарка), принесла подносъ съ чашкою шеколада и стала подчивать Петю.

— Ты опоздалъ, замѣтила Анна:— мы уже свою порцію давно выпили, тебѣ оставили на всякій случай... я ужъ и не думала, что ты сегодня у насъ будешь. По воскреснымъ днямъ ты вѣдь рѣдко бываешь дома—то на каткѣ, то у Померанскихъ.

— А бисквиты есть? спросилъ Петя, принимаясь за чашку.

— Есть, все есть. — Эмма! Принесите, тамъ корзинка стоитъ съ бисквитами...

— Такъ какъ же ты думаешь? вновь приступила Анна къ брату съ своими разспросами, не безъ удовольствія убѣдившись, что для Пети еще осталось нѣсколько бисквитовъ.

Но Петя, казалось, ни о чемъ не думалъ; отъ только удивлялся—удивлялся избраннику сердца сестры своей, удивлялся и тому, что его Анюта точно три года замужемъ, точно давнымъ давно вошла въ роль свою—въ роль жены и хозяйки. И гдѣ она скрывалась до вѣнца? Неужели у этого самого Духова?!

— А ты по мнѣ не скучаешь дома? спрсила Анна.—А что котъ Васька? Тоже, чай, не замѣчаетъ моего отсутствія? Некому теперь и поворчать на тебя... Ты, быть можетъ, и радъ, голубчикъ, что меня судьба разлучила съ тобой?

И облако грусти впервые какъ-бы слегка отуманило ея личико...

Петя думалъ, что ему отвѣчать, и, допивая шеколадъ свой, промямлилъ:

— Что же мнѣ жалѣть? Я вѣдь зналъ, что тебѣ хуже не будетъ...

Digitized by Google

Тутъ въ комнату съ занавѣской вошелъ Родіонъ Петровичъ съ гостями и интимный разговоръ брата съ сестрой былъ прерванъ.

Священникъ уже зналъ, что Петя — братъ молодой Духовой, но все-таки началъ съ того, что спросилъ ее:

— Это вашъ братецъ?

— Да, это мой братъ.

По костюму, нашивкѣ и пуговицамъ было ясно, что Петя гимназистъ; но священникъ все-таки счелъ почему-то за нужное спросить:

— Въ гимназіи учится?

— Да.

— Хорошо! А въ которомъ классѣ?

— Да уже въ послѣднемъ. Скоро надо будетъ къ экзамену зрѣлости готовиться.

— Пустое это слово, — экзаменъ зрѣлости. Иной и въ самомъ дѣлѣ вообразитъ себѣ, что выдержалъ, да ужь и созрѣлъ. Только рви да кушай. А вы того... обратился онъ къ Петѣ,—вы не боитесь этого экзамена-то зрѣлости? А?

— Это все отъ случая больше зависитъ, отвѣчалъ Петя.

— Какъ отъ случая?

— Да такъ.

— Не отъ единаго случая—что случай! На Бога надѣйся, а самъ не плошай, говоритъ мудрое народное изреченіе... Какъ Богъ дастъ, такъ и будетъ! Спаси Богъ, какое нынѣ пошло невѣріе. Даже въ младенцахъ это замѣтно. Намедни вижу... у Сени,—племянникъ у меня Сеня, махонькой еще, —на шеѣ креста нѣтъ. — Какъ такъ? говорю.—Чего, дядя, ты ко мнѣ пристаешь? говоритъ. Я къ матери.—Какъ такъ? говорю.—Да потеряетъ, говоритъ. Индо менл взорвало. Какъ, говорю, потеряетъ?! Да какъ онъ смѣетъ потерять! — Крестикъ золотой, говоритъ, долго-ли до грѣха.—Отчего же мы, говорю, были мальчишками, ты тоже дѣвченкой по двору бѣгала, а небойсь мы не теряли... Такъ-то, изволите видѣть,

Digitized by Google

разсуждаютъ наши матери, а еще сама дочь протоіерея... Ужасныя времена переживаемъ мы съ вами, Родіонъ Петровичъ.

Духовъ, слегка приподнявъ плечи, наклонилъ свою стриженую, бѣлобрысую голову, какъ-бы въ знакъ безмолвнаго сокрушенія. Онъ не могъ понять, отчего это вдругъ, ни съ того, ни съ сего, батюшка завелъ такой разговоръ о невѣріи... Ужь не его-ли онъ подозрѣваетъ въ этомъ невѣріи?

Учитель же математики, Петровъ, улыбнулся и прислонился къ стѣнкѣ, заложа руки за спину.

— А вы? Какъ вы относитесь къ Богу? спросилъ священникъ Петю, пытливо глядя ему въ глаза, какъ-бы стараясь проникнуть въ самую затаенную мысль его. Юноша не ожидалъ такого вопроса и оторопѣлъ. Священникъ явственнѣе и настойчивѣе повторилъ вопросъ свой.

— Я желаю знать, какъ вы относитель къ Богу?

Духовъ сквозь очки устремилъ на Петю выпуклые блѣдно-голубые глаза свои и покраснѣлъ до ушей, какъ-бы отъ напряженнаго ожиданія, что скажетъ Петя.

— Какъ отношусь... Отношусь какъ къ существу невѣдомому, отвѣтилъ сконфуженный Петя.

— Какъ! Какъ къ существу невѣдомому?! Что вы, язычникъ, что-ли?.. Это римляне храмъ воздвигали богу невѣдомому, а вы развѣ язычникъ? Развѣ вы не знаете всѣхъ существенныхъ свойствъ божества? Развѣ мало объ этихъ свойствахъ говорится въ книгахъ священнаго писанія? Невѣдомому! Въ какомъ это смыслѣ, позвольте васъ спросить?

Петя поблѣднѣлъ; онъ понялъ, что началось нѣчно вродѣ экзамена или распеканья.

И распеканье это, къ немалому удивленію Анюты, продолжалось, по крайней мѣрѣ, четверть часа... Духовъ былъ какъ на иголкахъ; онъ даже раза два изъ-за спины священника подмигивалъ Петѣ, чтобъ онъ молчалъ. Къ счастью Пети, его выручилъ учитель математики.

Digitized by Google

— И все-таки, сказалъ онъ, —все, что вы, отецъ Филиппъ, говорите, непостижимо для нашего разума. Существо безначальное и всюду сущее, конечно, не можетъ быть постижимо. Можно только вѣрить, но не постигать... а не постигая, мы не можемъ вѣдать, т. е. знать. Какъ абсолютной истины мы никогда не достигнемъ, такъ и Бога.

Священникъ вдругъ почему-то усмѣхнулся, ткнулъ его пальцемъ въ грудь и произнесъ:

— Подите вы съ вашей абсолютной истиной! Экъ философіи-то начитались!

— Не хотите-ли, батюшка, закусить,—пирогъ принесли, доложилъ Духовъ.

— Да-а-а! Пирогъ... Это вотъ доступно нашему разуму, сострилъ священникъ.

И вмѣстѣ съ хозяиномъ и молодой хозяйкой онъ вышелъ въ гостиную, куда дѣйствительно принесли и уже помѣстили на крытомъ столѣ, между тарелками, еще дымящійся пирогъ, съ рыбой, вязигой и рисомъ.

Всѣ трое выпили по рюмочкѣ водки, и религіозное преніе перешло въ бесѣду болѣе мірского свойства. Заговорили объ училищномъ совѣтѣ, о производствахъ, о назначеніи новаго директора, о какомъ-то заподозрѣнномъ воспитателѣ и проч., и проч.

Петѣ было досадно, что онъ далъ за себя другимъ отвѣчать, что онъ молчалъ, какъ тюлень, онъ, который такъ много споритъ съ товарищами, онъ, котораго Ознобинъ не разъ хвалилъ за діалектическія способности... онъ, который самъ, такъ казалось ему, могъ бы всѣмъ имъ задать такой вопросъ, отъ котораго бы они только рты свои разинули, и что же? Самъ Духовъ дѣлаетъ ему гримасы и даетъ ему знать мимикой, чтобъ онъ не спорилъ. Что же это такое? Вездѣ начальство.

Такъ, уплетая не хуже другихъ порцію пирога, думалъ про себя Петя.

Digitized by Google

Послѣ сытнаго завтрака онъ удалился въ комнату къ сестрѣ своей и спросилъ ее:

— Что это за священникъ!

Анна отвѣчала, что она еще сама хорошенько не знаетъ, но, кажется, что это законоучитель въ томъ же училищѣ, гдѣ и Родіонъ Петровичъ даетъ уроки.

— Отчего же вы не попросили его васъ обвѣнчать?

— Онъ и хотѣлъ, да вдругъ что-то сообразилъ и раздумалъ: посовѣтовалъ Родіону Петровичу отправиться куда-нибудь за городъ.

— Струсилъ, значитъ.

— Должно быть, струсилъ, равнодушно отвѣчала Анна;— нельзя же въ его положеніи и не трусить.

— Отчего же ты не струсила и вышла замужъ?

Анна поглядѣла на брата.

— И ты не струсишь,—женишься, когда захочешь сдѣлаться мужемъ.

— И по любви... началъ было Петя.

— А ты думаешь, я не по любви?.. Что такое любовь!?.. Кто себя любитъ, тотъ и поступаетъ такъ, какъ ему пріятно.

— А можно мнѣ будетъ сказать отцу, что я у тебя былъ?

— Какъ хочешь... я не боюсь... что мнѣ!.. Конечно, я бы очень желала, чтобъ онъ не былъ такъ скупъ... могъ бы, кажется, удѣлить мнѣ... ну хоть тысячъ десять изъ своего капитала.

— Десять тысячъ! Ты думаешь, у него есть десять тысячъ!

— Не десять, а, можетъ быть, шестьдесятъ, семьдесятъ.. Я это такъ же вѣрно знаю, какъ и то, что я вышла замужъ... И для кого онъ бережетъ свои деньги? Для кого? Вѣдь умретъ когда нибудь—намъ же достанется.

Петя поморщился, онъ не повѣрилъ сестрѣ, да и тонъ рѣчи ея далеко уже не тотъ былъ, какимъ она говорила съ нимъ до завтрака; почему-то онъ непріятно на него подѣй-

Digitized by Google

ствовалъ, и Петя невольно повелъ глазами, какъ бы ища, куда дѣвалъ онъ свой кепи: положилъ-ли на окно или оставилъ въ передней на вѣшалкѣ.

Въ это время Духовъ проводилъ гостей своихъ и вошелъ въ комнату; онъ сталъ веселѣе и какъ-то развязнѣе: чмокнулъ Анюту въ щеку, сказалъ Петѣ, что онъ очень хорошо поступилъ, что не пустился въ разсужденія съ отцомъ Филиппомъ, потому что разсуждать съ нимъ о вѣрѣ—дѣло опасное, того гляди усмотритъ ересь и, чего добраго, заподозритъ въ неблагонадежности. Показалъ онъ ему и свои книги, которыя стояли на подоконникѣ, корешками вверхъ, и отъ пыли были прикрыты газетнымъ листикомъ; всѣ эти книги по большей части относились къ предмету его преподаванія, заключали въ себѣ разнаго рода путешествія и землеописанія; нѣкоторыя изъ нихъ были съ чертежами, нѣкоторыя съ рисунками.

— Вотъ и вся моя библіотека! заключилъ Духовъ. — Больше пожалуй–что и не надо.

Въ сумерки Петя простился съ нимъ и сестрой своей. Уходя, онъ выносилъ совершенно обратное впечатлѣніе: Духовъ нравился ему нѣсколько больше, а сестра нѣсколько меньше. Во всякомъ случаѣ, онъ думалъ объ нихъ, уже шагая противъ вѣтра, по набережной Невы,—что оба они другъ друга стоятъ. И съ чего это ей приснилось, что отецъ мой богатъ? Похоже-ли на то, что у него *такія деньги!*.. Придетъ же въ голову такая нелѣпая фантазія!..

ГЛАВА VII.

Если бы старый Клинъ спросилъ хоть разъ сына, былъ-ли онъ у Анюты, сынъ несомнѣнно сообщилъ бы ему всѣ подробности своего посѣщенія (за исключеніемъ одной, разумѣется: ни слова не сказалъ бы ему о десяти тысячахъ). Отъ Мавры же Клинъ узналъ, что дочь его уже обвѣнчана въ

Digitized by Google

Колпинѣ. И на вопросъ его: почему она это знаетъ?—Мавра отвѣчала: а потому и знаю, что слухомъ земля полнится, а не вѣрите, такъ сами справьтесь...

Клинъ ей повѣрилъ. Правдивость старой Мавры слишкомъ была ему извѣстна, она не разъ бѣсила его и выводила изъ терпѣнія. Но если повѣнчались— что же это значитъ? Хоть бы написала, если сама не хочетъ удостоить его своимъ посѣщеніемъ. Наплевала и знать не хочетъ, думалъ Клинъ, и при этомъ фыркалъ, какъ бульдогъ, понюхавшій раскрытую табакерку съ нюхательнымъ табакомъ.

Вдругъ, въ одно воскресенье, недѣли за полторы до Рождества, около двухъ часовъ пополудни, въ передней раздался звонокъ, сперва робкій и нерѣшительный, потомъ погромче.

— Мавра, звонятъ! крикнулъ старикъ черезъ коридоръ въ кухню.

Мавра, вытирая руки, выпачканныя мукой, шаркая подошвами башмаковъ, пошла отворять двери въ сѣни и не безъ сердечнаго трепета впустила Анну Егоровну съ мужчиной.

Сказать имъ, что ихъ не велѣно пускать, у нея не хватило духу; не рѣшилась она и громко выразить свою радость или свое удивленіе.

Прежде чѣмъ успѣла Анна раскутать свою голову, а мужъ ея снять калоши, Мавра замкнула за ними дверь и мимоходомъ сказала барину, высунувшему испуганное лицо свое изъ-за полурастворенной двери своего кабинета: «Сами отказывайте, не мое дѣло!» Клинъ скорчилъ кислую мину, показалъ ей кулакъ, притворилъ дверь и, держась за скобку, какъ замеръ.

Анюта, въ новенькомъ голубомъ платьицѣ, повязанная бѣлымъ галстучкомъ съ узорными кончиками, вошла въ столовую; у ней сильно билось сердце; Духовъ тоже былъ красенъ, какъ ракъ, не то отъ мороза, не то отъ внутренняго волненія.

Digitized by Google

— Ну что-жь? минуть пять спустя, спросилъ онъ у жены, которая прошла въ маленькую гостиную съ темными обоями, гдѣ стояла лампа, и, не смотря на душевную тревогу, съ голубыми тѣнями подъ глазами, подошла къ знакомому ей зеркалу и стала обѣими кистями блѣдныхъ, озябшихъ рукъ поправлять на головѣ модную шляпку, нѣчто вродѣ бархатной, черными кружевами отдѣланной шапочки.

Очевидно, ей хотѣлось предстать передъ очи своего родетеля въ новомъ видѣ, и всѣ деньги, которыя передала ей Померанская отъ имени ея покойной матери, она употребила на то, чтобъ нарядиться и сдѣлать себѣ новый туалетъ, а не показаться нуждающейся. Она думала, что это одно, что можетъ умилостивить отца.

Духовъ былъ во фракѣ, въ бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ и въ бѣломъ, нѣсколько помятомъ галстухѣ. Онъ ждалъ скандала и сильно раскаявался, что пріѣхалъ. Онъ былъ не въ духѣ, осматривался и полушопотомъ сообщалъ Анетѣ, чтобъ она постучалась въ дверь къ отцу и одна вошла къ нему.

— Этого онъ не любитъ, тоже полушопотомъ отвѣчала Анна.—Лучше подождемъ... Сядемъ вотъ здѣсь и подождемъ.

— Гдѣ же это братишка твой? Хоть бы онъ... началъ было Духовъ, присаживаясь; но въ эту минуту скрипнула кабинетная дверка и, застегивая на пуговицу домашній изъ сѣраго сукна сюртукъ свой, рѣшительными шагами, насупясь и щуря глаза, въ гостиную вошелъ самъ Егоръ Антоновичъ.

Мелькомъ взглянулъ онъ на дочь, пріостановился на порогѣ и спросилъ:

— Зачѣмъ, сударыня, изволили пожаловать?

— Честь имѣю, папа, рекомендовать—мужъ мой Родіонъ Петровичъ, заикаясь проговорила она.

— А, это вашъ мужъ! Я не зналъ, что вы замужемъ, сударыня.

— Я, папа, писала вамъ.

Digitized by Google

— Вы изволили сбѣжать отъ вашего отца... Вотъ что-съ. А имѣли вы право выходить замужъ безъ моего позволенія?

— По русскимъ законамъ-съ, съ двадцати одного года начинается полное совершеннолѣтіе дѣвицы, и я полагалъ-съ... началъ было Духовъ, но вдругъ спохватился, поклонился старику и добавилъ:—имѣю честь рекомендоваться и всепокорнѣйше просить васъ великодушно меня извинить. Такъ какъ я уже получилъ согласіе, такъ сказать, честное слово Анны Егоровны, то я и думалъ...

— Никакъ не могли вы думать, что вы законно поступаете. Незнаніемъ законовъ никто не имѣетъ права отговариваться, никто-съ. Безъ моего позволенія никакой священникъ васъ не могъ вѣнчать. И я этого такъ не оставлю. Я просьбу въ святѣйшій синодъ подамъ на этого... на того, кто вѣнчалъ васъ,—узнаю имя... церковь... и подамъ... да-съ. Вотъ я его потяну на цугундеръ... Дадутъ ему на орѣхи... да и вамъ достанется. Чай, у васъ тоже начальство есть... Дайте срокъ!..

— За что же, папа?..

— А вотъ вы увидите, за что. Вы думаете, я ничего не знаю? Я все знаю—всѣ подробности вашей богопротивной свадьбы; я... о... я...

— Дѣло уже сдѣлано, отозвался Духовъ.

— Дѣло уже сдѣлано, повторила сильно озадаченная, блѣдная Анна.—Ради Бога, простите.

— Это вы для чего пріѣхали у меня прощенья-то просить? Можетъ быть, вы думаете, что у вашего папеньки деньги есть... денегъ куры не клюютъ? А! Вотъ вы зачѣмъ! Я васъ понимаю, Анна Егоровна, я васъ давно раскусилъ, милѣйшая... Нѣтъ у меня денегъ, да хоть бы и были... я скорѣе какому-нибудь уличному чорту-дьяволу отдамъ ихъ, чѣмъ неблагодарнымъ дѣтямъ. Ну-съ, проявили вы свою самостоятельность, ну-съ и живите, какъ знаете!

— Намъ денегъ не нужно, папенька, почти простонала Анна и прослезилась...

Digitized by Google

Клинъ оглядѣлъ ее съ головы до ногъ. Ему понравилось, что молодой пріѣхалъ къ нему во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ. Послѣдняя фраза дочери тоже подѣйствовала на него благотворно, точно цѣлебный бальзамъ, пролитый на душевную рану.

— Ну, что жь мнѣ съ вами дѣлать? Простить? Да что въ этомъ толку? Ну, я васъ прощу, а жить вамъ все-таки будетъ нечѣмъ.

— Я-съ состою на коронной службѣ, Егоръ Антонычъ, и получаю жалованье, къ тому же-съ у меня отъ уроковъ отбою нѣтъ. А вамъ, я думаю, извѣстно, какъ хорошо оплачиваются въ наше время уроки. Стало быть-съ, Богъ милостивъ, какъ-нибудь проживемъ-съ.

— Ну и живите... Дай вамъ Богъ, смилостивился Клинъ, сѣлъ въ кресло и какъ бы въ раздумьи повѣсилъ голиву.

— Что же вы не садитесь? Я васъ не гоню, стало быть прощаю.

Анюта бросилась цѣловать его руки. Мужъ ея вертѣлъ шляпой и изподлобья поглядывалъ на стараго музыканта.

— Благословите, умоляла Анна.

— Благословить-то я васъ благословлю, а все-таки на священника подамъ жалобу.

— За что же, папа?

— А за то, что вѣнчалъ безъ позволенія. Вотъ за что! Эдакъ всякій мальчишка можетъ...

— Мнѣ уже тридцать лѣтъ-съ и два года, проговорилъ Духовъ, какъ бы обидѣвшись, что его приравняли къ мальчишкамъ, и сѣлъ на стулъ.

— Я это не на вашъ счетъ! сердито взглянувъ на него, замѣтилъ Клинъ.—Я... вообще... Будь вамъ семнадцать лѣтъ, да влюбись вы въ первую попавшуюся вамъ потаскушку—и тогда за двадцать-пять рублевъ нашелся бы попъ, который бы окрутилъ васъ по рукамъ... Вотъ о чемъ я говорю...

Digitized by Google

— Папа, позвольте мнѣ зайти въ мою комнату. Мн бы хотѣлось и Петю повидать.

— Петьку? А гдѣ онъ? Я съ полчаса еще слышалъ как онъ возился у себя въ комнатѣ. А куда онъ ушелъ? Вы ду маете, я знаю... Чай, тоже за какими нибудь дѣвчонкам рыщетъ. Я, конечно, доволенъ, что онъ съ утра до ночи з книгами, съ своей латынью, да съ этими проклятыми гре ками возится... Очень нужно! Чуть свободная минута—с собаками не найдешь его. Вотъ у васъ будутъ дѣти—как то вы ихъ будете воспитывать?..

— Въ страхѣ божіемъ, отвѣтилъ Духовъ.

Клинъ поглядѣлъ на него подозрительно. Ни о каком страхѣ божіемъ онъ никогда не думалъ, никогда не ходил въ свою лютеранскую церковь и своихъ пасторовъ терпѣт не могъ. Это былъ нѣмецъ вполнѣ обрусѣвшій, но такъ как онъ на Руси никогда ни отъ кого ничего не слыхалъ о страх божіемъ, то и поглядѣлъ на своего зятя такъ, какъ бы хо тѣлъ сказать ему: «ты, я вижу, того... хочешь на первых порахъ меня обморочить. Бестія ты, долженъ быть, великая бестія—по глазамъ вижу...»

Анюта выпорхнула за дверь и забѣжала въ свою ком нату, оглядѣла ее, потрогала руками бывшую дѣвственную кровать свою, вздохнула, подосадовала, что Пети нѣтъ: он очень бы пригодился ей въ такую тяжелую для нея минуту; наконецъ, прошла она въ кухню... Поцѣловалась съ Маврой, позвала ее въ свою бывшую комнату, указала на вещи, ко торыя слѣдуетъ ей уложить и прислать съ братомъ, и при этомъ стала совать ей въ руку двугривенный.

— Не надо! Зачѣмъ?.. Изъ-за чего ты это себя обижаешь... заговорила Мавра и ни за что не захотѣла взять двугривеннаго.

— Ну возьми хоть на извощика. Не на рукахъ же все это Петя потащитъ; попроси его хорошенько уложить, да поскорѣй попроси его, а то у меня совсѣмъ нѣтъ простынь и наволочекъ.

Digitized by Google

— Ну хорошо... хорошо... ужь будь ты покойна... да... насъ-то не забывай: какіе мы ни на есть, а все же свои.

— Прощай, Мавра, да когда нибудь и ко мнѣ зайди.

— Ну, ужь развѣ когда нибудь... Когда тутъ заходить...

Анна, не дослушавъ ее, торопливо вернулась въ гостиную и увидала, что отецъ ея довольно мирно разспрашиваетъ ея мужа о его связяхъ и видахъ на будущее.

Клинъ былъ человѣкъ практическій и понялъ, что зять его тоже человѣкъ практическій. Это больше всего его примирило съ нимъ, хотя слово *примирило* здѣсь совершенно не кстати—онъ былъ доволенъ, что нашелся человѣкъ, который увезъ его Анюту, и не только мысленно не враждовалъ съ нимъ, но въ душѣ считалъ его своимъ благодѣтелемъ.

Черезъ часъ молодые ѣхали домой въ саняхъ и жена говорила мужу:

— Я знаю навѣрное, что у отца деньги есть...

Закрывши воротникомъ круглое съ маленькимъ носикомъ лицо, Духовъ ничего не возражалъ; онъ только думалъ: «Великая шельма этотъ твой папенька. Ну да Господь не безъ милости».

ГЛАВА VIII.

Петя многимъ казался вялымъ, несообщительнымъ мальчикомъ; невзгоды семейной жизни, въ особенности жизнь и смерть его матери, сдѣлали его на видъ угрюмымъ и несообщительнымъ. Онъ былъ юношей крѣпкаго тѣлосложенія, но нервы его были уже разстроены и онъ нерѣдко страдалъ безсонницей. Онъ сталъ чутокъ ко всѣмъ явленіямъ жизни...

Мутной, далеко не кристальной волной текла его молодая жизнь, и, не будь простодушной Мавры, чѣмъ-то острожнымъ вѣяло-бы на него отъ этой некомфортабельной, пыльной, тусклой квартирки, съ окнами на дворъ, съ подъѣздомъ, занесеннымъ снѣгомъ и съ старой, ни разу при немъ неподъ-

Digitized by Google

новленной мебелью. Любящее сердце Пети не вѣрило ни в любовь отца, ни въ любовь сестры, и это недовѣрчивое чун ство къ нимъ, мало-по-малу, невольно, перенесъ онъ и н своихъ школьныхъ товарищей. Онъ давно уже переставалъ с ними драться и ссориться, но такъ какъ лучшіе изъ них хотѣли, во что-бы то ни стало, быть умнѣе его, и относились иронически къ его бреднямъ и къ его брезгливому цѣло мудрію, то Петя не находилъ между ними ни одного по стояннаго друга, ни одного наперстника. Ознобинъ, до своег отъѣзда въ Псковъ, былъ едва-ли не единственный человѣкъ, съ которымъ онъ пускался въ откровенности; но ранняя юность непостоянна,—и, цѣлый годъ не встрѣчаясь съ Ознобинымъ, Петя успѣлъ-таки порядкомъ отвыкнуть отъ этого чудака, друга его матери и наставника.

Ознобинъ былъ естественникъ—астрономъ, геологъ, антропологъ, физіологъ,—и, къ удивленію многихъ, считалъ себя человѣкомъ вѣрующимъ. Въ сущности же, онъ вѣрилъ въ одно: въ науку,—да только не въ современную и всѣмъ доступную науку, со всѣми ея задачами, открытіями и выводами, а въ ту науку будущаго, которая фактами докажетъ намъ, что есть духъ, есть разумная, конечная цѣль нашего земного бытія, и что мы безсмертны... (Можетъ быть и не всѣ, прибавлялъ онъ,—а только тѣ, которымъ оно нужно, которые сами жаждутъ этого безсмертія).

И не разъ Ознобинъ, наединѣ съ Петей, пускался въ слѣдующія разсужденія:

«Вотъ, видите, муха; бьется она въ стекло, хочется ей пролетѣть насквозь, и она бьется... но почему бьется? Да потому, что видитъ она свѣтъ, а о плотности стекла, какъ прозрачнаго тѣла, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Есл вы отворите окно, муха и о той силѣ, которая отворила его тоже не будетъ имѣть никакого понятія; но еслибы она раз суждала, какъ мы разсуждаемъ, то все это показалась-бы е какимъ-то ни чѣмъ необъяснимымъ чудомъ. Но чудо-ли эт

Digitized by Google

для насъ съ вами? Нисколько... Такъ, чудесное для насъ — вовсе не чудесно для того, кто, положимъ, зналъ бы природу вещей во 100 разъ или въ 1,000 разъ больше, чѣмъ знаетъ самый ученѣйшій изъ нашихъ ученыхъ. О творческихъ силахъ, которыя все создаютъ, пересоздаютъ, строятъ и перестраиваютъ, у которыхъ и позади, и впереди цѣлая вѣчность — мы имѣемъ только кой-какія понятія или представленія; но будетъ время, когда...»

И Ознобинъ началъ пророчествовать, что наука, въ высшей стадіи своего развитія, будетъ именно тѣмъ духомъ-утѣшителемъ, о ниспосланіи котораго пророчилъ намъ Христосъ...

— Э... Понимаете? кончалъ онъ вопросомъ.

— Понимаю, говорилъ Петя и проникался любовью къ наукѣ, которая будетъ для всего человѣчества духомъ-утѣшителемъ, ибо самъ онъ сильно нуждался въ этомъ утѣшеніи, быть можетъ такъ-же, какъ и Ознобинъ.

Изучая древніе языки, — ихъ граматику, синтаксисъ и даже метрику, — Петя никакъ не могъ понять — къ чему ведетъ это ученіе; но толчекъ и къ этому ученію былъ данъ ему все-таки не школой, а тѣмъ-же нѣсколько мистическимъ, на половину вѣрующимъ Ознобинымъ.

Петя съ первыхъ классовъ постоянно получалъ хорошіе баллы по предметамъ закона божія, т. е. изъ священной исторіи, катехизиса и церковной исторіи; но напрасно думаютъ иные воспитатели, что уроки священнаго писанія могутъ создавать вѣрующихъ или воспитывать юные умы въ духѣ христіанства и православія: для этого нужны не только уроки, но и люди, — люди, святость которыхъ и евангельскій духъ любви сіялъ-бы и очамъ, и сердцамъ юнаго поколѣнія съ такою-же очевидностью, съ какою свѣтитъ солнце.

А отецъ Филиппъ произвелъ на нервнаго юношу не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе.

Петя, хотя и ѣлъ пирогъ у сестры съ такимъ-же апетитомъ, какъ и другіе, хоть и былъ озадаченъ предположеніемъ

Digitized by Google

сестры, что отецъ ихъ—богачъ, которому ничего не стоитъ дать ей десять тысячъ, все-таки, уходя домой, никакъ не могъ отдѣлаться отъ вопроса: язычникъ онъ или не язычникъ? Онъ-ли правъ или правъ отецъ Филиппъ?

Вернувшись домой въ глубокіе сумерки, онъ не засталъ отца и, чтобы отогрѣться, сталъ, топая ногами, ходить по всѣмъ комнатамъ. Шеколадъ и кусокъ пирога помогли ему ждать и не торопиться съ обѣдомъ, и только часу въ седьмомъ, не дождавшись родителя, онъ принялся за щи и жаренаго поросенка. Мавра, подгорюнясь, глядѣла какъ онъ ѣстъ; а онъ и ѣлъ, и разсказывалъ, какъ нашелъ сестру свою и каковъ у нея мужъ.

— Мужъ—ничего, такъ себѣ, говорилъ онъ,—не хорошъ, но... и не очень дуренъ... Авось какъ-нибудь сживутся...

— Какъ-нибудь сживутся, повторила старуха.

— Богатства не видать, но... кое-какія деньжонки, должно быть, водятся: мебель новая, и кухня чище, чѣмъ у насъ, и посуда... тоже новая...

— А вотъ хоть-бы ты сказалъ отцу, что у насъ кострюлю надо вылудить,—не лужены давно.

— Не лужены? Скверно! Еще, пожалуй, животы заболятъ. Скажи ему, если не лужены... Онъ тебя лучше слушаетъ.

— Слушаетъ! Онъ никого, окромя себя, не слушаетъ.

— Ну, вотъ!

Петя всталъ изъ-за стола и пошелъ къ себѣ въ комнату. Лицо Духова,—лоснившіяся щеки, вздернутый носъ, очки и напряженное выраженіе глазъ въ ту минуту, когда онъ ему подмигивалъ,—живо пронеслись въ его воображеніи...

«Учитель, какъ есть учитель!! Ничего поэтическаго!» подумалъ Петя, принимаясь за тетради и книги.

Въ девять часовъ Мавра принесла ему стаканъ жидкаго чаю и два сухаря.

Петя указалъ ей на свѣчу свою, которой осталось не болѣе, какъ вершка полтора. Какъ быть!?..

Digitized by Google

Мавра знала, что Петѣ давалась всего только одна свѣча на два вечера. Въ долгіе, зимніе вечера, при долгихъ усиленныхъ занятіяхъ,—для Пети этого было мало. Мавра иногда, на всякій случай, сберегала ему огарки; но на этотъ разъ, какъ кажется, кромѣ свѣчки въ запертомъ кабинетѣ Егора Антоновича, не было въ домѣ ни единаго огарочка.

— Ложись ты лучше спать, сказала она Петѣ. — Чего расписался... Пишешь, пишешь, а что толку-то?... Все равно, помремъ...

И она вышла, унеся съ собой пустой стаканъ и чайную мельхіоровую ложечку.

«Помремъ», повторилъ Петя и, раньше чѣмъ погасъ огарокъ, около полуночи, ощутилъ въ себѣ такой приливъ тоски или грусти, что уже не могъ работать.

Онъ раздѣлся и сѣлъ на кровати. При колеблющемся свѣтѣ пылающей бумаги, которою подвернута была свѣча, еще видны были стѣны съ растрескавшимися обоями, вколоченные гвозди и все то, что было на нихъ развѣшано: башлыкъ, въ видѣ колпака съ длинными тупыми концами, полотенце, дорожная сумка съ стальнымъ замочкомъ, подаренная ему крестной матерью, какой-то пучекъ веревокъ, какіе-то пузыри. Но Петя находился въ состояніи полу-бреда или мистическаго созерцанія. Низенькій потолокъ, озаренный голубоватымъ заревомъ умирающаго огонька, не мѣшалъ ему видѣть небо, звѣзды, и тамъ, въ темныхъ безднахъ, за предѣлами міра, другіе міры, плавающіе въ видѣ смутно свѣтящихся пятенъ.

«Ну развѣ все это постижимо!? воскликнулъ онъ про себя, запрокидывая голову и приподнимая руки.—Господи! Если ты и вездѣсущъ, и безконеченъ, если ты и здѣсь, и тамъ,—въ этой конурѣ, и въ той дали,—то какой-же образъ или видъ я могу придать тебѣ!?.. Нѣтъ, ты непостижимъ, и никто, никто, никогда не можетъ постичь тебя!!»

Петѣ захотѣлось молиться, и человѣческій образъ въ видѣ Спасителя заслонилъ собою и эти темныя бездны міра, и эти

Digitized by Google

тайны вселенной. Никакого другаго образа не могъ и вызвать передъ собою несчастный Петя, всѣми силами отчаявшейся души своей старавшійся представить себѣ Творца вселенной. Онъ поднялъ плечи, нагнулъ голову и закрылъ лицо свое горячими ладонями.

«Это Христосъ! подумалъ онъ.—Только его я и могу вообразить себѣ. Богъ, какъ всевѣдущій, знаетъ, что мы не въ силахъ представить себѣ безконечнаго, и является намъ въ конечныхъ, человѣческихъ формахъ: это намъ по силамъ и это намъ дано въ образѣ Сына Божія».

Помолясь и перекрестясь съ чувствомъ глубоко вѣрующаго, Петя ощупалъ свою подушку, легъ и закрылся одѣяломъ. Мозгъ его былъ утомленъ не совсѣмъ обычнымъ для него возбужденіемъ; но Петю успокоила мысль, что онъ не язычникъ и что незнакомый ему священникъ напрасно такъ обозвалъ его.

«Впрочемъ, продолжалъ онъ думать,—пусть я буду казаться невѣрующимъ, это лучше, это гораздо лучше: по крайней мѣрѣ, никто не назоветъ меня дуракомъ»...

Такія думы и такіе молитвенные экстазы находили на Петю очень рѣдко, но онъ никогда никому не говорилъ объ нихъ. Вставая на другой день, онъ уже не думалъ ни о чемъ, кромѣ своихъ уроковъ, стакана чаю, булки или того—какова погода, который часъ, и успѣетъ-ли онъ пѣшкомъ дойти до гимназіи. Гимназія была не близко, и ради того, чтобы придти туда во-время, онъ долженъ былъ просыпаться рано.

ГЛАВА IX.

Весьма немногіе—можетъ быть, Померанскіе, Озноби̇нъ, да еще кто-нибудь—знали домашнюю, семейную жизнь Клина. Въ послѣднія пять-шесть лѣтъ Егоръ Антоновичъ самъ упрашивалъ своихъ старыхъ знакомыхъ и пріятелей не дѣлать ему визитовъ и не сообщалъ имъ своего адреса: онъ всѣхъ

Digitized by Google

увѣрялъ, что его съ утра до ночи нѣтъ дома и что напрасно ѣхать къ нему—къ чорту на кулички.

Самъ-же онъ, если не работалъ при свѣчахъ и газовыхъ лампахъ въ департаментѣ, то непремѣнно засѣдалъ гдѣ-нибудь въ гостяхъ, игралъ въ преферансъ, разумѣется, осторожно и по-маленькой, слушалъ городскія сплетни, велъ дѣловые разговоры, и, надо отдать ему справедливость, рѣдко любезничалъ съ дамами. Вообще, внѣ дома, онъ былъ остороженъ—тише воды, ниже травы,—и только изрѣдка рѣшался, не безъ чувства собственнаго достоинства, присаживаться къ клавишамъ и играть. Онъ все еще игралъ довольно бойко, en artiste, и не отказывался играть въ обществѣ, особенно послѣ сытнаго ужина, трюфелей, портеру и шампанскаго.

По большей части, слушающіе игру Клина немного смыслили въ музыкѣ, и Клинъ зналъ это, но ему все-таки было пріятно вѣрить ихъ похваламъ, улыбкамъ и рукопожатіямъ.

Принявъ и проводивъ замужнюю дочь свою, Клинъ былъ дня два-три въ самомъ хорошемъ настроеніи духа, ходилъ изъ угла въ уголъ, потирая руки, не придирался къ Петѣ и нерѣдко, за обѣдомъ, шутилъ съ Маврой. Шутки его всегда отзывались нѣкоторою циничностью. Вообще этою циничностью выраженій Клинъ никогда особенно не смущался,—ни при покойной женѣ, ни при взрослой дочери,—а теперь, при Петѣ, старый артистъ, разумѣется, и совсѣмъ пересталъ церемониться.

Но потомъ пустота и тишина квартиры, когда Мавра уходила на базаръ, а Петя въ гимназію, и когда некому было запереть двери за Клиномъ, если-бы онъ вздумалъ куда-нибудь отправиться, наводили на него хандру, страхъ и даже злость. Но злиться было не на кого. Ужь нельзя было призвать Анюту, дать ей пришить пуговицу или починить галстухъ, разбранить, напугать ее и затѣмъ велѣть ей подать шубу и запереть за нимъ двери.

Digitized by Google

Разъ онъ очутился въ отчаянномъ положеніи. Ему нужно было везти къ «его превосходительству» какія-то бумаги, которыя слѣдовало доставить непремѣнно къ двѣнадцати часамъ, и что-же? пройдясь по своей квартирѣ, онъ убѣдился, что все пусто, что даже дверь изъ кухни на чорную лѣстницу не замкнута!.. Несмотря на физическую возможность уйти, Клинъ былъ похожъ на рыкающаго льва, запертаго въ клѣткѣ: не было никакой нравственной возможности покинуть домъ свой на жертву ворамъ, которые часто снились Клину, или на жертву всякихъ непредвидѣнныхъ случайностей.

Въ это тяжелое для него утро откуда-то вернувшаяся Мавра чуть не была сброшена съ лѣстницы, а его превосходительство, начальникъ департамента, узналъ, что у Клина сбѣжала дочь и вышла замужъ безъ родительскаго позволенія. Все это было впервые высказано самимъ Клиномъ, какъ бы въ оправданіе того, что онъ опоздалъ на цѣлые три четверти часа, и, дѣйствительно, этой новостью онъ умилостивилъ строгаго начальника, даже навелъ на него нѣкоторый страхъ за участь всѣхъ вообще родителей и за распущенность дочерей, воспитанныхъ, повидимому, въ самыхъ строгихъ правилахъ.

Съ этого непріятнаго дня Клинъ сталъ вставать раньше, и такъ-какъ въ это время было темно, то онъ зажигалъ огарокъ и отправлялся въ комнату къ сыну, который нерѣдко долженъ былъ умываться и одѣваться ощупью въ сумеркахъ декабрьскаго утра, если ни у него, ни у Мавры не случалось подъ утро ни свѣчи, ни огарка. Петя-же утромъ вставалъ около семи часовъ, тотчасъ-же надѣвалъ свою вѣтромъ подбитую шинель, подвязывался башлыкомъ сверху кепи, накидывалъ за спину кожаную сумку съ книгами и тетрадями и отправлялся въ гимназію. Клинъ замыкалъ всѣ двери и выходилъ со двора не раньше возвращенія Мавры, которая уже не смѣла возвращаться съ базара позднѣе десяти часовъ.

Digitized by Google

Петя тоже, хотя и не грустилъ о томъ, что Анна покинула домъ, но все-таки чувствовалъ ея отсутствіе, особенно въ долгіе зимніе вечера, оставаясь совершенно одинъ или самъ другъ съ Маврой, которая вѣчно была въ одномъ и томъ-же настроеніи духа: казалось, она и тогда была въ духѣ, когда голодала или когда, вернувшись съ мороза, разувалась и оттирала холодными руками застывшія ноги.

За то читать, мечтать, припоминать первую любовь свою, сочинять и по-своему философствовать настало для Пети самое удобное время. Ознобинъ, который со дня своего возвращенія, раза два или три посѣтилъ его, былъ тоже въ какомъ-то особенно-мрачномъ настроеніи, больше обыкновеннаго тянулъ рѣчь свою и, наконецъ, признался, что онъ скоро женится.— Когда? На комъ? Что за особа его невѣста? не безъ участія распрашивалъ Петя и получалъ слѣдующіе отвѣты:

— Когда—не знаю; а не знаю потому, что я еще не сватался. На комъ—это я могу вамъ сказать: на дѣвушкѣ, которая... э... можетъ съума свести, если захочетъ; на дѣвушкѣ, которая напоминаетъ мнѣ типъ вашей покойной матери... э... этимъ, я думаю, все сказано.

Для Пети этими словами ничего не было сказано.

— Да какъ-же зовутъ ее? Какъ ея фамилія?

— А вотъ... э... я какъ-нибудь васъ съ ней сведу и познакомлю. Вамъ будетъ даже очень полезно такое знакомство...

— Почему?..

— Есть дѣвушки, которыя настраиваютъ нашу душу на все хорошее, высокое и праздничное. Женственности въ нихъ много, а женственность—это... э... сила, безъ которой ничто же бысть, еже бысть... Всѣмъ міромъ она заправляетъ! Вотъ что такое женственность.

— Познакомьте, непремѣнно познакомьте, говорилъ Петя, и въ глубинѣ души своей завидовалъ Ознобину.

Digitized by Google

Но дня за два до Рождества, а именно съ того дня, когда ученики всѣхъ школъ бываютъ распущены по домамъ, Ознобинъ пропалъ, точно въ воду канулъ.

ГЛАВА X.

Было 24 декабря; наступилъ поздній вечеръ. Обыкновенно въ это время, кромѣ поскрипыванія пера въ комнатѣ Пети, постукиванья маятника въ столовой да похрапыванья задремавшей Мавры въ кухнѣ никакихъ иныхъ звуковъ въ квартирѣ Клина не раздавалось.

Но на этотъ разъ въ кухнѣ у Мавры слышались голоса, хлопанье двери и чьи-то мужскіе шаги; словомъ, чувствовалось присутствіе въ кухнѣ гостей.

Петя, одинъ-одинехонекъ, лежалъ, вытянувъ ноги, на диванчикѣ въ той самой гостиной, гдѣ мы въ первый разъ познакомились съ нимъ. Полный мѣсяцъ серебрилъ стекла оконъ, освѣщалъ вкось пустые подоконники и даже захватывалъ часть крашенаго, недавно мытаго пола. Въ столовой было такъ-же темно, какъ и въ передней; отца не было дома.

Петя хандрилъ. На этотъ разъ хандра его нашла себѣ пищу въ нѣсколько оскорбленномъ самолюбіи.

Предполагая, что въ этотъ вечеръ у Померанскихъ—елка, Петя съ утра ждалъ пригласительной записки. Такъ-какъ уже нѣсколько лѣтъ онъ проводилъ этотъ сочельникъ въ семьѣ у своей крестной матери, въ той семьѣ, гдѣ прожила свои послѣдніе годы родная мать его, то онъ былъ увѣренъ, что и на этотъ разъ пригласятъ его. Но приглашенія не было, и, наконецъ, онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что о немъ забыли. Это его огорчало и онъ въ этотъ вечеръ втрое сильнѣе чувствовалъ свое сиротство и одиночество.

«Да и зачѣмъ ей, моей крестной, приглашать меня? У ней своихъ много. Что я такое для нихъ, что-бы меня помнить? Спасибо и за то, что призрѣли мать мою, дали ей

Digitized by Google

уголокъ въ своемъ домѣ... Чего еще?! Только этотъ Володька почему-то задралъ носъ; думаетъ, что студентъ, такъ ему и чортъ не братъ... Положимъ, Алексѣй малый дѣльный, тому не до меня; а что этотъ Володька-то о себѣ воображаетъ?! Туда-же — принципъ равенства проповѣдывалъ, искуство въ грязь топталъ, латинскія книги сжегъ... хорошъ! И Варя стала такой щепетильной, такой «не тронь меня», что боишься какъ-нибудь задѣть ее, — чего добраго разсыплется! Моя крестная добрѣе ихъ всѣхъ... Ну, да чортъ ихъ возьми совсѣмъ! Что это они лѣзутъ мнѣ въ голову? Стоитъ-ли и думать-то о нихъ!»

Такъ выражалъ про себя свою злую досаду напъ одинокій юноша, и хотя дошелъ до сознанія, что думать объ этомъ не стоитъ, но все-таки никакъ не могъ не вспомнить прошлогодняго вечера подъ Рождество и не вообразить себѣ сегодняшней елки у Померанскихъ. Не могъ онъ не вспомнить, какъ въ этотъ вечеръ, послѣ елки, бывало, мать звала его къ себѣ въ комнатку, цѣловала, дарила ему книги, чулки, вязанные ею самой изъ красной шерсти, карандаши, тетради и всякую всячину. Онъ вспомнилъ, какъ, бывало, ночевалъ въ домѣ Померанскихъ и какъ, на другой день, мать поила его своимъ кофе и распрашивала его объ Анютѣ, которая обыкновенно проводила вечера подъ Рождество среди своихъ подругъ, — у Радольеновыхъ.

Часу въ десятомъ, Петя почувствовалъ, что затылокъ его, все время упиравшійся въ деревянную ручку дивана, заболѣлъ отъ нажима. Онъ всталъ, зацѣпился за столъ и такъ толкнулъ его, что зазвенѣла лампа, потянулся поглядѣлъ въ окно и подумалъ: какая свѣтлая, однакожъ, ночь! Настоящая рождественская! Пойду, похожу по улицамъ, куда глаза глядятъ... А что если вдругъ я встрѣчу *ее*?.. Узнаю я *ее* или не узнаю? Обрадуется она мнѣ или не обрадуется? Что, если вдругъ случится что-нибудь романическое, необыкновенное?..

По темному полу застучали сапоги Пети, онъ пошелъ

Digitized by Google

позвать Мавру; но, отворивъ дверь въ кухню, остановился не безъ нѣкотораго изумленія.

На деревянномъ столѣ, между окномъ и очагомъ, стояла маленькая елочка, въ видѣ рогульки, съ прилѣпленными къ ней желтыми, восковыми, только-что зажженными свѣчками. Около стола, на лавкѣ и скамьяхъ, сидѣли гости: бородатый мужикъ въ армякѣ,—повидимому чей-то кучеръ; жена старшаго дворника — въ шерстяной косынкѣ, косая и вѣчно съ какимъ-нибудь ребенкомъ на рукахъ или у подола; какой-то пожилой, длинный человѣкъ, вродѣ отставнаго солдата, въ партикулярномъ сюртукѣ, въ крахмальной манишкѣ и въ порыжѣломъ черномъ галстукѣ; горничная, племянница Мавры, и ея внучка, дѣвочка лѣтъ восьми, завитая, съ пунцовой лентой поверхъ черныхъ волосъ, блѣдная, какъ воскъ, черноглазая и одѣтая въ лѣтнее кисейное платьеце, съ коротенькими рукавчиками.

Дѣвочка сидѣла на первомъ мѣстѣ, подъ образами, и когда, при входѣ Пети, всѣ привстали, она одна осталась неподвижной, только подняла на него большіе глаза свои, мягкіе и черные, какъ черный бархатъ. — Она глядѣла хозяйкой или маленькой феей посреди этого кухоннаго общества. Только передъ ней одной стояла тарелка съ пряниками, изюмомъ и леденцами, тогда какъ передъ другими стояли пивныя бутылки, два стакана и глиняная кружка.

У очага гудѣлъ самоваръ съ наставленной длинной и неуклюжей трубой; на плитѣ стоялъ чайникъ съ отбитымъ кончикомъ носа, желѣзный подносикъ съ чашками; пахло пивомъ и какой-то гарью.

Петя хотѣлъ тотчасъ-же уйти, но Мавра обратила къ нему свое темное сморщенное лицо, весело ухмылявшееся, и заговорила:

— Ай, баринъ, голубчикъ! Мы кутимъ; добро пожаловать; не хочешь-ли пряничковъ? А то и чайку съ нами напейся. Чего стоишь, садись, садись...

Digitized by Google

Петя присѣлъ на кончикъ скамейки.

— А вотъ поглядико-сь, какая у меня внучка-то, продолжала Мавра.—Ты что думаешь?... Она у меня барышня: танцовать и по французскому тоже учится. Вотъ какъ!.. А ты что про насъ думаешь?.. Такъ-то!...

Дѣвочка даже не улыбнулась, только перевела на Мавру свои большіе, спокойные глаза. А Мавра была на высотѣ своего земнаго благополучія; къ ней пришли родные и нанесли ей всякихъ лакомствъ, внучка-же привезла ей платокъ и маленькую елку, которую и зажгла у нея въ кухнѣ.

Не въ первый разъ Петя видѣлъ эту странную, черноглазую дѣвочку, но впервые обратилъ на нее вниманіе. Онъ слышалъ мелькомъ, что у Мавры есть какая-то внучка, дочь швейцара, что она живетъ у какого-то генерала и воспитывается вмѣстѣ съ маленькой дочерью, что ее привозятъ къ бабушкѣ и увозятъ обратно на генеральскихъ пошевняхъ,—саняхъ стараго покроя,—и что генералъ этотъ тоже старикъ и живетъ гдѣ-то около смоленскаго кладбища...

Петя съѣлъ два мятныхъ пряника и сказалъ:

— У тебя весело, Мавра, только, ради Бога, выпусти меня на улицу.

— А зачѣмъ тебѣ на улицу? Сиди съ нами, чего тебѣ?.. Вотъ, Ефимъ тебѣ пивца нальетъ, а я, пожалуй, пѣсенку спою, про милаго дружка... А?

Но Петя сказалъ, что онъ только пройдется и тотчасъ-же придетъ домой чай пить.

— Холодно на дворѣ или нѣтъ? обратился онъ съ вопросомъ къ почтенной компаніи.

— Ничего, сказалъ кучеръ:—жить можно.

— Ни чуточки не холодно, протянула косая дворничиха. Была мятель, да и та прошла.

— Мѣсячно... свѣтло... и путь санный... чай много господъ на тройкахъ катается, замѣтилъ верзила въ манишкѣ и рыжемъ галстукѣ.

Digitized by Google

— Не озябнете, баринъ, усмѣхалась краснощекая горничная.

— Да куда-же ты пойдешь? А?.. Дитятко ты мое?!.. А?..

«Ужь точно, что дитятко»! съ горечью подумалъ Петя, всталъ и позвалъ запереть за нимъ дверь на крючекъ и задвижку.

По сугробамъ свѣжаго, еще рыхлаго снѣга, сверкавшаго при свѣтѣ мѣсяца, Петя перешелъ черезъ улицу по 14 линіи и пошелъ по направленію къ набережной. Онъ и самъ не зналъ—куда идетъ, зачѣмъ идетъ.

Морозу было не больше трехъ или четырехъ градусовъ, но, отъ того-ли, что Петя только-что вышелъ изъ теплой кухни или отъ того, что нервы его были такъ настроены, ему показалось свѣжо, и онъ ускорилъ свои шаги.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже стоялъ на томъ мѣстѣ, откуда раскрывается просторъ, который ночью кажется еще необъятнѣе,—просторъ, заключающій въ себѣ и ледяную ширь Невы, и куполъ Исакія, и Николаевскій мостъ, и безчисленные огоньки фонарей, идущихъ и вправо, и влѣво и въ видѣ золотыхъ линій теряющихся, наконецъ, въ той буровато-темной мглѣ, въ которой тонутъ стройныя очертанія каменныхъ массъ, домовъ и чертоговъ.

Петя остановился и окинулъ глазами знакомый ему просторъ, какъ-бы ища, нѣтъ-ли въ немъ чего-нибудь, особеннаго, праздничнаго... Но ничего праздничнаго не нашелъ онъ въ этомъ холодномъ и блестящемъ просторѣ, можетъ быть, потому, что и въ душѣ его не было ничего праздничнаго. Одно казалось ему: что въ эту ночь непремѣнно случится съ нимъ что-то необыкновенное, не то страшное, не то пріятное...

Идя по слѣдамъ какой-то дѣвушки въ черномъ капорѣ, которая показалась ему при блескѣ газоваго фонаря идеально хорошенькой, онъ дошелъ почти до 4 линіи. Дѣвушка вошла въ кондитерскую; онъ послѣдовалъ за нею. Въ карманѣ у него не было ни одной копейки, но онъ все-таки сталъ

Digitized by Google

осматривать разложенныя бонбоньерки, кучи конфектъ и печеній, цѣлую полку шеколадныхъ плитокъ, уложенныхъ крестъ на крестъ въ видѣ столбиковъ, круглые бисквитные пироги съ узорами изъ фруктовъ и сахару и выставленную на показъ, увѣшанную цвѣтными стеклянными фонариками, елку. Пока онъ все это разглядывалъ, онъ убѣдился, что вошедшая съ нимъ дѣвушка не только не *она*, но и вовсе не идеально-хорошенькая.—Кондитерша, голубоглазая нѣмочка со вздернутымъ носикомъ и съ такими ямками на щекахъ, что когда она улыбалась, онѣ казались маленькими, алаго цвѣта провалами, обратилась къ нему, рекомендуя «очень хорошенькую» бонбоньерку.

— Мнѣ въ другомъ родѣ... процѣдилъ Петя сквозь зубы, поежился и подумалъ: «Дернула меня нелегкая—заходить».

— Ну, вотъ, не выберете-ли изъ этихъ,—предложила кондитерша, выкладывая передъ нимъ разнаго рода кардонныя, бронзовыя, деревянныя и кожаныя издѣлія, въ видѣ пресъ-папье, звѣрей, корзинокъ и ящичковъ съ музыкой и безъ музыки.

Петя косился на все это и слегка пожималъ плечами.

— А что стоитъ эта елка? спросилъ онъ ее, засунувъ руку въ карманы своихъ панталонъ.

Но нѣмочка, какъ видно, потеряла съ нимъ всякое терпѣніе; вмѣсто отвѣта, она поглядѣла на него съ подозрительнымъ равнодушіемъ и обратилась къ другимъ покупателямъ.

Петя поправилъ кепи и, нѣсколько сконфуженный, вышелъ на улицу.

Но не успѣлъ онъ пройти и пяти шаговъ, какъ сзади легла на его плечо чья-то тяжелая рука. Петя вздрогнулъ и оглянулся.

— Ты зачѣмъ былъ въ кондитерской? послышался хриплый голосъ; это былъ голосъ отца его.

Петя тотчасъ-же узналъ его лохматую шапку, изъ-подъ которой выглядывали глаза, тупой носъ съ горбинкой и знакомыя, слишкомъ знакомыя черты лица.

Digitized by Google

— Захотѣлъ погрѣться, озябъ, отвѣтилъ Петя.

— А гдѣ ты былъ, а?

— Нигдѣ не былъ.

— Такъ гдѣ-же ты былъ?

— Я сейчасъ изъ дому и сейчасъ домой... скучно стало, я и вышелъ.

— За юбками, чай, за дѣвченками побѣгать?.. Рано, братъ... Еще на какую нарвешься... Смотри!

— Ни на какую я не нарвусь, потому что... Я-же говорю тебѣ, что стало скучно, и я вышелъ для того, чтобы пройтись на свѣжемъ воздухѣ: цѣлый день дома сидѣлъ, работалъ...

Вѣроятно, отцу его было тоже скучно. Онъ повѣрилъ сыну и сказалъ нѣсколько дрогнувшимъ, даже ласковымъ голосомъ:

— Пойдемъ, Петя, вмѣстѣ...

Они пошли и долго оба молчали. Сынъ старался не перегнать отца и сдерживалъ шаги свои; отецъ шелъ своей обыкновенной, ровной походкой, нѣсколько перекачиваясь впередъ, какъ-бы слегка кланяясь, лѣвую руку засунувъ въ правый рукавъ шубы, а правую въ лѣвый.

— Чего ты струсилъ, когда я остановилъ тебя. А?

— Струсилъ...

— Чего-же ты струсилъ?

— Думалъ, начальство... Спросили-бы билетъ, за то, что я кепи не снялъ и такъ прошелъ... А у меня съ собой и билета нѣтъ...

— Гм!

Наконецъ, они подошли къ дому, гдѣ квартировали, и вошли въ ворота.

— Пройдемъ черезъ кухню, сказалъ отецъ.

— Да тамъ гости...

— Какіе гости?

— Внучка пріѣхала къ Маврѣ, вонъ и сани стоятъ;

Digitized by Google

ыньче у нея елка; пряниковъ, орѣховъ нанесли ей... Она частливая...

— Гм!

— Что-же, мы только помѣшаемъ ей...

Петя сталъ подниматься по чистой лѣстницѣ. Странно му было, что отецъ не разсердился и послушно пошелъ за имъ. Странно показалось и Маврѣ, что молодой баринъ ернулся не одинъ, а самъ другъ съ старымъ бариномъ.

— Ты что тамъ, никакъ елку затѣяла, дура? Глупости затѣваешь! сказалъ ей Клинъ, снимая шубу и откашливаясь.

— Была елка да потухла; пряничками, коли не съѣли, могу поподчивать.

— Да ты не пьяна?

— А, можетъ быть и пьяна. Внучка у меня,—воспитанница генеральская,—слава тебѣ Господи...

— Давай намъ чаю, перебилъ ее Клинъ,—да зажги свѣчи. Гмъ, вѣчно у тебя спичекъ нѣтъ!.. Хочу я съ Петей тоже Рождество встрѣчать... Петя, куда ты? остановилъ онъ сына, выходя изъ передней.—Давай Рождество встрѣчать...

ГЛАВА XI.

У Мавры самоваръ уже давно кипѣлъ, и даже чай былъ заваренъ; оставалось только принести два стакана и бутылочку рому.

Егоръ Антоновичъ выпилъ свой чай съ подбавкою ямайскаго, повидимому, съ особеннымъ удовольствіемъ; но хандра, хандра безъимянная, никакому анализу не поддающаяся, притаилась на днѣ души его, какъ свернувшійся клубомъ ежъ, и не оставляла въ покоѣ накопившуюся желчь. Бесѣдуя съ сыномъ, онъ думалъ: «ишь, старая корга! Какая-то тамъ внучка—дѣвчонка и такъ ее балуетъ! Меня, небось, никто не побалуетъ...»

Digitized by Google

— Пётъ! сказалъ онъ вдругъ, поднимая голову.—Хоть бы ты меня чѣмъ-нибудь побаловалъ...

— Чѣмъ же я могу побаловать тебя?

— Вотъ зажги свѣчи у рояля, да съиграй мнѣ, знаешь, мою любимую сонату Мендельсона... Чай, ты еще не забылъ ее...

— Да вѣдь я не съумѣю, какъ нибудь совру, и ты разсердишься. Право, лучше не играть, папа.

— Играй...

— Давно ужь я не игралъ ее.

— Играй...

И пока Петя зажигалъ стеариновые огарки, воткнутые въ два низенькихъ подсвѣчника и уже потемнѣвшіе отъ пыли и времени, Клинъ ходилъ по комнатѣ и бормоталъ:

— Вотъ ты-бы послушалъ: нынче, у Тютина, консерваторка одна, дѣвчонка,—такъ, на видъ головастикъ какой-то, а какъ играла! Фу! Сила, блескъ, трескъ, роскошь и такая, братъ, механика, что на славу! Удивительно, право, сколько ихъ нынче развелось, этихъ... гм... артистокъ... Да!—Вотъ, думалъ я, мы съ тобой удивимъ вселенную, а ты и того,— и подгулялъ, братъ.

Старикъ остановился и, пока Петя раскладывалъ ноты, глядѣлъ на него, сильно щурясь, точно мысленно все еще упрекалъ его за то, что, несмотря на всѣ старанія и даже побои со стороны отца, онъ не артистъ и не можетъ удивить вселенную.

Петя проигралъ сонату съ чувствомъ, съ тактомъ и ни разу не ошибся. Отецъ, усѣвшійся въ сторонѣ, остался доволенъ его игрой.

— Спасибо и за то, что не спалъ, проговорилъ онъ.— Только въ одномъ мѣстѣ ты немножко смазалъ: *стаккато* это у тебя не вышло... Но спасибо, спасибо...

— Не стоитъ благодарности, отвѣчалъ сынъ съ повеселѣвшими глазами.—Онъ никакъ не ожидалъ, что отецъ оста-

Digitized by Google

ется доволенъ игрой его, и едва-ли не впервые отъ роду лышалъ изъ устъ его «спасибо».

— Ну, ты меня поддразнилъ: теперь я тебѣ что нибудь ъыграю, сказалъ отецъ и, согнавъ Петю, сѣлъ на его мѣсто.

Съ строгимъ, почти злымъ лицомъ, посидѣлъ онъ съ минуту надъ клавишами, потомъ сталъ играть. Клинъ, казалось, самъ былъ пораженъ игрой своей. Петя замеръ... Усѣвшись въ уголокъ, около стола, онъ смотрѣлъ то на отца, то въ темный коридоръ, откуда выглядывали Мавра и ея внучка, личико которой бѣлѣлось на темномъ фартукѣ бабушки, какъ на черномъ фонѣ. Очевидно, дѣвочка по собственной охотѣ слушала эту музыку, потому что Мавра не была охотница до фортепіанной игры, которой она, разумѣется, не понимала... Но неужели внучка ея понимала эту игру?.. Вотъ, выставилось впередъ ея личико, и какое вниманіе, какая чуткая неподвижность облегла его!

Пьеса, которую разыгрывалъ наизусть старый Клинъ, была какого-то фантастическаго содержанія: въ ней слышались то звуки колокола, то заунывная пѣсня, то какой-то легкій, воздушный, точно порхающій танецъ, и все это завершалось торжественнымъ хоромъ и громовыми акордами.

Казалось, это была лебединая пѣснь Клина. Окончивъ игру, онъ опустилъ руки, опустилъ голову. Среди наступившей тишины послышался въ коридорѣ шорохъ, и блѣдное личико дѣвочки, промелькнувъ, исчезло... Петя всталъ и подошелъ къ отцу.

— Ты нынче такъ игралъ, сказалъ онъ,—такъ игралъ, что я давно не слыхалъ ничего подобнаго!..

Петя конечно зналъ, что отецъ его любитъ похвалу и что ничего не сказать ему—значитъ огорчить его.

— Ну, да что! вздохнувъ, произнесъ Клинъ. Моя пѣсенка спѣта... Ученики мои, и тѣ говорятъ, что будто-бы моя метода устарѣла... И кто-же мнѣ это говоритъ? Фатишка, дрянь, который о музыкѣ имѣетъ такое-же понятіе, какъ я о ки-

Digitized by Google

тайской граматикѣ... Поступилъ къ министру, расчесалъ баки, надѣлъ бѣлыя перчатки, отвезъ букетъ къ Патти и думаетъ, что онъ можетъ судить и о контрапунктѣ, и объ оркестровкѣ, и о мелодіи, и обо всемъ... Ну, да чортъ ихъ возьми! Налей-ка еще рюмочку коньяку. Мнѣ давно уже не было такъ по себѣ, какъ сегодня... Очень я радъ, что ушелъ отъ Тютина. Эдакій шутъ! Хочетъ, чтобъ я... чтобъ я съума сошелъ; увѣряетъ, что... эдакую глупость онъ мнѣ сморозилъ... Ну, Петя, какъ ты думаешь: могу я понравиться женщинѣ? А?

— Не знаю, можешь-ли, совершенно искренно отвѣтилъ юноша, свѣсивъ не много на бокъ свою волосатую голову, какъ бы въ раздумьѣ и сомнѣваясь.

— Нѣтъ, ты скажи: могу я понравиться какой-нибудь эдакой субтильной дамѣ?.. А?

— Все бываетъ на свѣтѣ... Можетъ быть...

Егоръ Антоновичъ выпилъ еще пол-рюмки коньяку. Носъ его покраснѣлъ; выпуклые, сѣрые глаза сдѣлались если не свѣтлѣе, то пронзительнѣе: въ нихъ загорѣлся какой-то маленькій, очень маленькій лучъ, и этотъ лучъ такъ и мелькалъ всякій разъ, когда старикъ поглядывалъ на Петю и когда приэтомъ говорилъ ему:

— Это правда: все бываетъ, все бываетъ... Знаешь, Петя, однажды со мной была необыкновенная, необыкновенная исторія... Я уже былъ женатъ тогда, а вѣришь-ли, все, что было мною скоплено,—шесть тысячъ восемьсотъ рублей,—я взялъ да и прокутилъ въ какія-нибудь двѣ-три недѣли... Такъ все и прокутилъ, и разбросалъ, и чортъ знаетъ, какія я тогда штуки выдѣлывалъ: небу было жарко!..

— И мама это видѣла? спросилъ Петя.

— Чорта съ два! Какъ она могла видѣть?.. Я уѣхалъ въ Москву, потомъ въ Нижній, участвовать тамъ въ одномъ концертѣ, и поднялъ цѣлую бурю: пьяные купцы вынесли меня на рукахъ...

Digitized by Google

Клинъ помолчалъ подъ наплывомъ воспоминаній, потомъ опять заговорилъ:

— Никогда ни одной бабѣ не говорилъ я и не скажу, много-ли у меня денегъ! И мамѣ твоей никогда не говорилъ... И ты, если когда-нибудь будешь богатъ, молчи, покуда не увидишь, что баста,—есть чѣмъ ослѣпить глупыхъ людей, а умныхъ заставить поклониться тебѣ въ ножки... Будь я богатъ въ тѣ поры, когда начиналъ мою карьеру, ты думаешь, я не одолѣлъ-бы моихъ враговъ, не заставилъ-бы ихъ понять, что я такое?.. Ты думаешь, я-бы поступилъ въ стракулисты, въ чиновники?.. Вонъ, Мейерберъ: взялъ да на свой счетъ и поставилъ «Роберта Дьявола...» Ему сказали, что нѣтъ денегъ на постановку его оперы: такъ и не нужно, говоритъ, чортъ васъ возьми, у меня своихъ много... Взялъ да и поставилъ... Слава, трескъ, громъ и всякая всячина!.. Петъ! Потуши свѣчи... Ну, вотъ, мы и встрѣтили праздникъ. Постой... отчего ты не у сестры? Я думалъ, ты къ сестрѣ пойдешь.

— Да, пойду я въ мятель, за тридевять земель, киселя ѣсть... Да и почемъ я знаю, что она сегодня дома? Чай, тоже у кого нибудь на елкѣ.

— А у Померанскихъ?

— Э! Богъ съ ними, съ ихъ елкой, очень мнѣ нужно...

Это восклицаніе Пети въ особенности успокоило Клина, такъ какъ онъ терпѣть не могъ этихъ Померанскихъ, предполагая, что покойная жена его, жившая у нихъ, должна была изображать его и его характеръ не иначе, какъ въ самыхъ черныхъ краскахъ.

О чемъ-то раздумывая, Клинъ походилъ по столовой, пошарилъ въ боковомъ карманѣ и маленькимъ ключикомъ отперъ дверь своего кабинета, гдѣ было бюро и за ширмою стояла кровать его. Петя нѣсколько озадаченный всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ въ этотъ вечеръ, размышлялъ: «возможное-ли дѣло, чтобы отецъ мой прокутилъ когда-то шесть слиш-

Digitized by Google

комъ тысячъ? Онъ такъ скупъ, что иногда не давалъ женѣ денегъ на самое необходимое, не хотѣлъ сдѣлать дочери теплаго платья на зиму, такъ что Анюта только послѣ смерти матери перешила себѣ старый салопъ ея... Онъ, наконецъ, вѣчно жаловался, что у него нѣтъ денегъ, и вдругъ, этотъ человѣкъ говоритъ, что ему ничего не стоило прокутить шесть тысячъ въ какія нибудь двѣ недѣли? Не вздоръ-ли это? Не просто-ли фантазія старика, возбужденнаго тремя рюмками коньяку?» думалъ Петя, сидя въ столовой на стулѣ и понуривъ голову.

Въ кабинетѣ затеплилась свѣчка.

— Петъ, поди-ка сюда.

— Пора тебѣ спать, сказалъ Петя отцу, входя въ его комнату.

— Вотъ тебѣ десять рублей... Я ихъ намедни въ карты выигралъ... На, братъ: кути на праздникахъ или купи себѣ что-нибудь, какой-нибудь подарокъ...

— Зачѣмъ это? Тебѣ самому деньги нужны.

Клинъ, не выпуская изъ руки депозитки, пристально поглядѣлъ на Петю.

— Деньги всѣмъ нужны; бери, произнесъ онъ тономъ ниже.

— Если отъ души ты мнѣ даешь, то...

Глаза старика загорѣлись и тотчасъ-же прищурились.

— А ты думаешь, у меня и души нѣтъ?! гнѣвно заговорилъ онъ. Ты... что ты хотѣлъ этимъ сказать?.. Говори, калмыцкая рожа!

— Я то и сказалъ, что хотѣлъ сказать. Если отъ души, любя меня, ты даешь, то я возьму.

— Ничего ты не получишь... Болванъ, тварь неблагодарная!.. Ишь, вздумалъ условія мнѣ предлагать, вздумалъ еще кобениться. «Если», «если»!.. И души-то у меня нѣтъ, и любить-то я не могу!.. Знаю я, кто это напѣлъ тебѣ, негодяй! Видно, еще не выдохлось... та-же фанаберія и въ

Digitized by Google

тебѣ... Вмѣсто того, чтобъ обрадоваться, на шею ко мнѣ броситься... Пошелъ вонъ!

— Папа, прости меня! задрожавъ всѣмъ тѣломъ и поблѣднѣвъ, произнесъ Петя.

— Вонъ, пошелъ, говорятъ тебѣ!.. вонъ, вонъ, чтобъ я не видалъ тебя, вонъ!!!

Старикъ затопалъ ногами... Петя, какъ съумасшедшій, выбѣжалъ за порогъ двери, прибѣжалъ къ себѣ въ комнату, ничкомъ бросился къ себѣ на кровать и спряталъ въ подушку свою голову, точно спасаясь отъ какого-то страшнаго, занесеннаго надъ нимъ удара.

— Вотъ какъ мы встрѣтили праздникъ! проговорилъ онъ, и слезы, горячія слезы готовы были хлынуть изъ глазъ его.

ГЛАВА XII.

На другой день, въ первый день Рождества, старый Клинъ и юный сынъ его встали поздно. Мавра была у обѣдни. Барина и барченка стерегла дворничиха: она заперлась въ кухнѣ и въ ожиданіи кухарки ставила самоваръ и разводила плиту.

Сѣрый тусклый денекъ глядѣлъ въ окно, когда около 10 часовъ проснулся Петя. Заложивъ руки подъ затылокъ, онъ не двигался и глядѣлъ въ одну точку, ничего не замѣчая и, Богъ его знаетъ, о чемъ думая. Глаза его были сухи и холодный покой лежалъ на утомленномъ лицѣ его.

Около него, на стулѣ, лежало чистое бѣлье, которое не отличалось ни тониной, ни бѣлизной; и на полу стояли вычищенные кое-какъ, кривые и стоптанные сапоги; на письменномъ столѣ, гдѣ возвышался глобусъ, былъ будничный безпорядокъ; но Петя ничего не замѣчалъ, глядѣлъ въ одну точку и не двигался.

Онъ пошевелился не раньше, какъ часы въ столовой пробили одинадцать.

Digitized by Google

«И въ такую минуту, въ такую минуту, когда я думалъ, что онъ меня хоть немного да любитъ, когда я чуть было не повѣрилъ, что сойдусь съ нимъ по-человѣчески, — онъ, какъ лакея, прогналъ меня! .. Нѣтъ, сегодня-же я объяснюсь; сегодня-же вызову его на объясненіе»!.. Вотъ что онъ думалъ, когда перемѣнялъ бѣлье, мылъ лицо и руки надъ рукомойникомъ, въ комнатѣ, гдѣ прежде жила сестра. Затѣмъ, напяливъ на себя, вмѣсто халата, форменную шинельку, онъ сѣлъ за столъ и машинально хватался то за перо, то за книги.

Пришла Мавра звать его къ отцу чай пить.

— Скажи, что я ничего не хочу, отвѣчалъ Петя.

— Ничего не хочешь! удивилась старуха. — Да ты что, болѣнъ что-ли? Что ты, Господь съ тобой!

— Ничего не хочу...

— Ну вотъ! Поди и скажи ему самъ, что ты ничего не хочешь, съ сердцемъ сказала Мавра, показывая пальцемъ на дверь. — Ишь ты! Стану я для праздника божія да на всякую брань напрашиваться!

Старая кухарка, какъ видно, была съ тактомъ. Не даромъ она бывала дерзка только въ такія минуты, когда инстинктивно чувствовала, что это сойдетъ ей съ рукъ, и недаромъ съумѣла она прожить десять лѣтъ у почтеннаго Егора Антоныча, который, по ея-же словамъ, былъ «не оченно золъ и не оченно добръ». Видя упрямство Пети, она затрясла головой и проговорила:

— Вотъ, Богъ святъ, уйду, покину васъ, благо внучка зоветъ къ себѣ гостить.

Петя поглядѣлъ на старуху съ тревожнымъ недоумѣніемъ. Неужели и она уйдетъ? Что-жь будетъ тогда, если и она ихъ оставитъ? Петя и самъ не подозрѣвалъ, до какой степени онъ былъ привязанъ къ этой Маврѣ, съ лицемъ старой вѣдьмы, съ душею-же любвеобильной, неподкупной и преданной ему.

Онъ бросилъ на столъ книгу.

Digitized by Google

— Ну, ужь если ты уйдешь, такъ и я уйду... Ну!..

— Петъ! Иди чай пить, хриповатымъ голосомъ позвалъ его Клинъ, который тоже заходилъ зачѣмъ-то въ Анютину комнату и, быть можетъ, слышалъ изъ коридора послѣднее восклицаніе Пети.

Петя поднялся съ креселъ и, запахнувшись шинелью, вышелъ въ коридоръ въ ту минуту, когда отецъ его въ туфляхъ и старомъ халатишкѣ входилъ въ столовую.

— Я еще не одѣтъ, сказалъ Петя.

— Иди не одѣтый, отозвался отецъ, не поворачивая головы.—Ну, что? Проспался? обратился онъ къ сыну, слегка кривя ротъ и усаживаясь за самоваръ.

Въ эту минуту какъ-бы что-то ударило въ окно и отдалось глухимъ деревяннымъ стукомъ.

— Вона,—пушка! Двѣнадцать, значитъ... Часики-то наши на тринадцать минутъ отстали. Ты чего ихъ не провѣряешь? Подвинь стрѣлку.

Петя влѣзъ на стулъ и переставилъ стрѣлку.

«Точно ничего и не было! подумалъ онъ.—Неужели отецъ забылъ, что было вчера и какъ онъ оскорбилъ меня?»

Затѣмъ они долго, молча, пили чай и закусывали свѣжими бубликами съ анисомъ. Отецъ сидѣлъ съ открытой шеей и красной грудью; черноволосая, давно не стриженная голова сына, казалась взъерошенной копной; лицо его было блѣдно, брови немного сдвинуты.

— За что ты вчера прогналъ меня? началъ, наконецъ, Петя, довольно спокойнымъ голосомъ, но не поднимая головы и не глядя на своего родителя.

Клинъ опустилъ на блюдечко горячій стаканъ, отъ котораго пахло ромомъ, и поглядѣлъ на сына.

— А ты, рожа, за что вчера оскорбилъ меня?

— Я не хотѣлъ оскорбить тебя... напротивъ...

— Безсребренникомъ вздумалъ прикинуться!.. Даютъ ему деньги... а онъ... Впередъ, братъ, умнѣе будь... Ужь если

Digitized by Google

нашла на меня такая добрая минута, — пользуйся, не раздражай!

— Ты, папа, не понимаешь меня, рѣшился выговорить сынъ, какъ-бы робѣя и еще ниже опуская голову.

— Я тебя не понимаю?!

— Не понимаешь... Не хочу я пользоваться твоей минутой; что мнѣ твоя минута? Минута — пустяки... Хоть сто тысячъ предложи мнѣ — не возьму. Но я и за гривенникъ скажу тебѣ спасибо, если ты дашь мнѣ его отъ души, любя меня... Вотъ ты и знай, какой я. А если ты меня не любишь, договорилъ Петя дрогнувшимъ голосомъ,—лучше прогони меня: что за охота жить съ человѣкомъ, котораго не любишь.

«Точно жена;—ея слова!!..» подумалъ про себя Клинъ, пристально поглядѣлъ на сынка и, какъ-бы не желая выходить изъ того шутливаго тона, съ какимъ онъ началъ съ нимъ бесѣдовать, повторилъ:

— Ишь какой безсребренникъ! Вонъ сестра твоя,—та-бы взяла, не стала-бы артачиться. Ты этакъ, пожалуй, и на службу поступишь,—не станешь взятокъ брать?

— Не стану.

— Ну, а приношеній за труды?

— И приношеній за труды брать не стану.

— Этакъ, братъ, не разбогатѣешь.

— Не всѣмъ-же быть богачами. Вѣдь вотъ ты-же не разбогатѣлъ?

При этомъ Петя поднялъ голову и уставилъ на отца черные глаза свои.

На лицѣ Клина показалась краска, на лобъ набѣжала морщина, а ноздри его расширились.

— А, можетъ быть, я и разбогатѣлъ, медленно, какъ-бы раздумывая, произнесъ Клинъ и затѣмъ, раскрывши ротъ, поглядѣлъ на сына, будто спрашивая: «ну, что ты на это скажешь?»

Digitized by Google

— Этому я не вѣрю, мотнувъ плечомъ, отрѣзалъ Петя и потупился.

— Ты думаешь, началъ говорить старикъ, сморщивъ носъ, — ты думаешь, я даромъ бѣгалъ по урокамъ, даромъ возился съ подрядчиками, даромъ загубилъ талантъ и во всемъ себѣ отказывалъ? Пятнадцать лѣтъ ношу одну и ту-же шапку, самъ себѣ чищу платье... Ты думаешь, что это я... такъ... для плезиру... или по глупости?..

Сердце Пети дрогнуло: въ голосѣ отца уже слышались тѣ зловѣщія нотки, которыя были очень хорошо ему извѣстны и не предвѣщали ничего добраго.

— Положимъ, не даромъ, отвѣтилъ Петя;—но и расходовъ у тебя не мало. Квартира, обѣдъ, прачка; мы тоже чего-нибудь да стоили...

Чтобъ не разсердить отца, лучшаго отвѣта въ эту минуту, казалось, нельзя было и выдумать, и, дѣйствительно, этотъ осторожный отвѣтъ нисколько не разсердилъ Егора Антоныча.

— Да, отозвался Клинъ болѣе спокойнымъ голосомъ, отвернувшись отъ самовара и глядя въ сторону.—Жизнь не дешева, все дорожаетъ; меньше какъ на два, на три рубля и дня прожить нельзя, какъ ни экономничай... Бери три рубля въ сутки, выйдетъ тысяча-девяносто пять рублей въ годъ. Да еще воспитанье ваше, одежда, тетради, книги, да и мало-ли чего... фу! А все-таки я ухитряюсь и сберегаю на черный день малую толику... Я это тебѣ говорю, потому что ты не Анна, не суешь своего носа туда, куда тебѣ совать не слѣдуетъ. Я прямо говорю тебѣ: было время, любилъ я славу, хотѣлъ знаменитостью, артистомъ быть, понялъ, что мнѣ безъ денегъ нельзя сдѣлаться знаменитостью, и полюбилъ деньги.. И люблю ихъ, и коплю ихъ, и не хочу, чтобъ кто-нибудь на старости въ грязь, въ лужу затопталъ меня.

Клинъ при этомъ, какъ-бы разгорячась, приподнялъ ногу и топнулъ въ полъ.

Digitized by Google

— Я буду богатъ, и если самъ не успѣю насладиться дарами жизни, то, по крайней мѣрѣ, ты не будешь нищимъ. Будетъ послѣ чѣмъ помянуть меня. Гм!.. Вотъ и теперь у меня есть случай, да колется... Не знаешь, какъ и ухватиться за него,—вотъ что... Ну, да это еще бабушка на двое сказала; это еще неизвѣстно; помеломъ на водѣ писано...

И Клинъ, сильно прищурившись, сталъ смотрѣть въ одну и ту-же сторону, какъ бы разглядывая что-то неясное, носящееся не то въ тусклой комнатѣ, не то въ собственной головѣ его.

Такъ почти до трехъ часовъ дня мирно пробесѣдовали отецъ и сынъ. Наконецъ, Клинъ сказалъ, что онъ дома не обѣдаетъ и ушелъ одѣваться.

Въ странномъ расположеніи духа, какъ-бы озадаченный, вернулся Петя въ свою комнату. Предположеніе сестры, что отецъ могъ-бы дать ей десять тысячъ, уже не казалось ему фантастическимъ. Таинственные намеки на какой-то случай, который можетъ почему-то улучшить или поправить обстоятельства отца его, тоже не могли не заинтриговать его. Неужели онъ хочетъ еще жениться, и на богатой? думалъ онъ, соображая вчерашній и сегодняшній разговоръ свой съ родителемъ.

Во всякомъ случаѣ, Петѣ казалось, что онъ лучше чѣмъ когда нибудь понялъ своего отца, не смотря на всю загадочность его рѣчей и намековъ.

ГЛАВА XIII.

— Вы что сегодня вечеромъ дѣлаете? спросилъ Петю Ознобинъ, входя къ нему въ неприбранную комнату и заставъ его съ веромъ въ рукахъ, не смотря на сумерки.

— Что дѣлаю? Кучу, отвѣчалъ Петя.—Всю эту недѣлю сидѣлъ и спины не разгибалъ.

Digitized by Google

— Да эдакъ вы головную боль наживете или что-нибудь еще хуже, возразилъ Ознобинъ, пожимая своей холодной рукой теплую руку Пети.

— Теперь все рѣшилъ, все покончилъ, сдѣлалъ переводы, цѣлыя страницы по-гречески наизусть выдолбилъ, и наконецъ...

Петя хотѣлъ сказать, что наконецъ принялся онъ сочинять нѣчто вродѣ разсказа или повѣсти, но Ознобинъ перебилъ его.

— Молодецъ вы.

— А сегодня вечеромъ, я у этихъ... у Померанскихъ. У нихъ елка, и я встрѣчаю новый годъ у нихъ.

— Вотъ какъ! А не хотите встрѣтить новый годъ у моей невѣсты?..

— Какъ?..

— Да такъ... э... мнѣ вдругъ сегодня пришло въ голову: почему-бы вамъ съ ней и не познакомиться; я-же о васъ съ ней говорилъ... Она живетъ въ chambres garnies, нанимаетъ маленькую комнатку, э... на Малой Морской.

— Вѣдь и вы на Малой Морской?

— Нѣтъ, я... въ Кирпичномъ...

— А часто видитесь? А?

— Почти-что каждый день, отвѣчалъ Ознобинъ, помолчавъ.

— Какъ-же мнѣ быть? Не могу-же я не быть у своей крестной матери; то есть, быть можетъ, я-бы и не пошелъ, да приглашенъ,—понимаете...

— Да, вы должны быть, вы должны, вы должны быть... э... это я понимаю... Ну... когда-нибудь...

— Не хочу я «когда-нибудь: или никогда, или сегодня. Заѣзжайте за мной или заходите.

— Къ Померанскимъ?

— Да, часовъ въ десять эдакъ... Я у нихъ обѣдаю въ шесть, потомъ елка, потомъ, въ десять, я думаю, можно мнѣ будетъ и удрать. Только не будетъ-ли это поздно?

Digitized by Google

— Нѣтъ... э... это еще рано въ десять! Ликандра Александровна въ театрѣ сегодня и вернется не раньше одинадцати. Я, такъ, около одинадцати и заѣду за вами. Ну, прощайте; мнѣ еще дѣло есть, съ озабоченнымъ лицомъ, протягивая руку, проговорилъ Ознобинъ.

— Посидите еще. Я все одинъ, все одинъ, и иногда мнѣ кажется, что я начинаю съума сходить.

— Съума вы никогда не сойдете.

— Почему?

— Да потому, что у васъ есть призваніе. Вы нужны... Впрочемъ, пять минутъ я еще посижу у васъ.

Вмѣсто пяти минутъ, Ознобинъ просидѣлъ у Пети слишкомъ часъ. Разумѣется, разговоръ ихъ вертѣлся на томъ, что въ эти минуты больше всего интересовало Петю, и о чемъ Ознобину хотѣлось говорить. Несмотря на то, что Петя, судя по лѣтамъ, еще и не годился ему въ наперсники, Ознобинъ былъ о немъ самаго высокаго мнѣнія. Онъ вообще былъ всегда самаго высокаго мнѣнія о тѣхъ лицахъ, къ которымъ былъ расположенъ, и самаго низкаго о тѣхъ, кто почему-либо не пользовался его расположеніемъ.

— Э, васъ это удивляетъ, говорилъ, между прочимъ, Ознобинъ,—а я все-таки считаю ее своей невѣстой, хоть я и не сватался... И все-таки она будетъ женой моей. Такъ ужъ самимъ Господомъ Богомъ подстроено: ей безъ меня дѣваться не куда, а мнѣ безъ нея тоже не жить... Э... это васъ удивляетъ, потому что вы многаго не знаете, не можете знать... А что вы думаете, что она за меня не пойдетъ только потому, что... э... у меня ни мѣста, ни денегъ нѣтъ,—такъ я-бы гроша, выѣденнаго яйца, не далъ-бы за нее, если-бы она испугалась моей бѣдности. Есть мѣсто или нѣтъ, богатъ или не богатъ тотъ человѣкъ, котораго любишь, э... этого вопроса даже и не должно быть у порядочной женщины... Каковъ я есмь, такимъ и полюби меня, а что будетъ, то будетъ!.. А гдѣ я съ ней познакомился? Гмъ! я съ ней еще

Digitized by Google

въ псковскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ, познакомился; тамъ часто видѣлись... Я для нея и въ Петербургъ вернулся; не хотѣлъ одну отпускать; провожать поѣхалъ...

— И по желѣзной дорогѣ вмѣстѣ ѣхали?

— Гмъ; ну да, и по желѣзной дорогѣ вмѣстѣ ѣхали.

— И она тоже зябла?

— И она тоже. Впрочемъ, я ей ноги своимъ пледомъ укутывалъ.

— И сами чуть не замерзли?

— Что значитъ «чуть»?.. Не замерзъ, значитъ, и не замерзъ. На все судьба... Не судьба мнѣ остаться холостякомъ, и... э... что хотите, батюшка вы мой, дѣлайте, холостякомъ не останусь... Постойте, дайте мнѣ адресъ вашей сестры; мнѣ надо побывать у ней.

— Зачѣмъ?

— Надо побывать... Вотъ, кстати вспомнилъ; пишите адресъ.

Петя взялъ со стола карандашъ и на клочкѣ бумаги сталъ писать адресъ Духовой.

— У васъ все судьба, на все судьба; хоть-бы мнѣ объяснили, что это такое по-вашему — судьба!

— Э! Это ясно и безъ всякаго объясненія... Принимали-ли вы когда-нибудь... хоть содовые порошки?.. Ну вотъ, всыпьте въ одинъ стаканъ acidi tartarici, въ другой — natri bicarbonici, размѣшайте съ водой и слейте оба стакана въ одинъ стаканъ. Что произойдетъ? Вода зашипитъ и... и... можетъ-ли она не зашипѣть? Не можетъ: ужь такая судьба у нея. Такъ, если я съ вами знакомъ, а вы знакомы со мной, изъ этого знакомства произойдетъ нѣчто такое, чего не избѣжать ни мнѣ, ни вамъ... Вотъ я... э... настроилъ васъ на любопытство, вы меня настроили на откровенность; а что изъ этого выйдетъ, мы не знаемъ.

— Можетъ быть и ничего не выйдетъ, замѣтилъ Петя.

— Этого не можетъ быть; потому что все въ мірѣ воз-

Digitized by Google

дѣйствуетъ одно на другое, и въ этомъ тайна всѣхъ явленій... э... естественныхъ, историческихъ и психологическихъ. Словомъ, судьба... э... это извѣстные и неизвѣстные намъ законы природы или самого Господа Бога. И я, и вы, и расы, и народы, и государства, зачастилъ Ознобинъ уже безъ всякихъ «э», — подчинены имъ такъ-же неизбѣжно, какъ неизбѣжно замерзаетъ вода, какъ термометръ стоитъ ниже точки замерзанія... Вѣдь если этого не случится, то есть, если она не замерзнетъ, такъ вѣдь это всемірный переворотъ! Поймите вы... Для меня все это ясно, какъ дважды-два — четыре. А такъ-какъ мнѣ все это ясно, то мнѣ и сомнѣваться нечего въ томъ, любятъ меня или не любятъ. Должны любить... должны! кончилъ онъ, вставая, улыбаясь и какъ-бы обращая въ шутку слова свои: — ну-съ, значитъ, заѣду за вами къ Померанскимъ.

— Если не помѣшаетъ судьба?

— Разумѣется, серьезно сказалъ Ознобинъ, — если не помѣшаетъ судьба!

— Хорошо... А если меня просто-на-просто не пустятъ?

— Пустятъ; кто можетъ не пустить. Впрочемъ, если вамъ тамъ будетъ очень весело, то можно будетъ и въ другое время. Но прощайте, я спѣшу. У меня еще дѣло есть.

— Куда-же вы? Къ Маврѣ?

— Да, я пришелъ и уйду черезъ кухню. Помните, Петя: въ первый разъ, когда я былъ у васъ, я пришелъ черезъ кухню; съ тѣхъ поръ я, по большей части, этой дорожки и держусь... А помните, разъ зашелъ я черезъ парадную и... э... во-первыхъ, едва дозвонился, а потомъ что? Засталъ вашу мать въ слезахъ, а васъ въ постели... Нѣтъ ужь, подумалъ я тогда-же, лучше я буду черезъ кухню ходить, такъ видно лучше.

Какое-то непріятное, какъ физическая боль, воспоминаніе слегка покоробило Петю.

— А вы все еще суевѣрны? спросилъ онъ.

Digitized by Google

— А что такое суевѣріе? Я не суевѣренъ, я... просто наблюдателенъ. Вѣдь, если я, выйдя отъ васъ, случайно пойду налѣво, вмѣсто того, чтобы пойти направо, я не приду туда, куда хочу придти.

— Отъ чего-же?—Можно.

— Пожалуй, что и можно, только крюку дамъ, лишнюю версту пройдусь.

Объясненіе было темно и ничего ясно не говорило въ пользу суевѣрія, но Петя молчалъ.

Ознобинъ надѣлъ свое пальтишко и, съ помощью ухмыляющейся Мавры, закутался въ пледъ. Петя надѣлъ ему на лобъ шапку и уже сталъ провожать его за дверь, какъ вдругъ потянулъ его назадъ.

— Иванъ Несторычъ!.. Голубчикъ! Одну минуту!..

Ознобинъ вернулся въ кухню и, не снимая шапки, вопросительно вытянулъ впередъ свою голову.

— Ознобинъ, ради Бога, найдите мнѣ уроки; я хочу уроки давать.

— Какіе уроки?

— По-латыни, по-гречески, по-нѣмецки, по всѣмъ предметамъ гимназическимъ. Я не шутя вамъ говорю; я хочу, слышите, Ознобинъ, я хочу себѣ заработывать хоть на сапоги. Непремѣнно, Ознобинъ, непремѣнно!

— Надо публиковать.

— Публикуйте; что хотите, дѣлайте, только достаньте мнѣ уроки. Я не шутя вамъ говорю.

И, дѣйствительно, по выраженію глазъ и по тону голоса явно было, что Петя не шутитъ.

— Хорошо, постараюсь, сказалъ Ознобинъ и вышелъ.

Петя вернулся, вычистилъ платье и сталъ одѣваться, чтобъ идти обѣдать къ Померанскимъ.

Мавра стала чистить картофель и, не обращая вниманія на жалобное мяуканье голоднаго Васьки, трясла головой и думала: «Уроки! Учителемъ хочетъ быть, ишь ты! Не спро-

Digitized by Google

сить-ли Орѣхова: такъ и такъ, ваше превосходительство, Аполлонъ Карповичъ, мой баринъ молоденькій хочетъ уроки давать,—не хотите-ли?»

ГЛАВА XIV.

Что же это за семейство, куда отправился Петя? Мы уже знаемъ, что обитаетъ оно въ собственномъ домѣ, и если при этомъ скажемъ, что оно обитаетъ въ двѣнадцати комнатахъ, что при домѣ семнадцать квартиръ, большихъ и малыхъ, которыя даютъ около 14,000 чистаго годоваго дохода, и что Померанскіе ѣздятъ въ собственной своей каретѣ, то, думаю, есть полное основаніе вообразить себѣ, что семейство это благоденствуетъ. Но если мы добавимъ, что для семейства Померанскихъ, судя по жизни ихъ, нужно, по крайней мѣрѣ, 40,000 рублей въ годъ, чтобы оно сводило концы съ концами, то что-же мудренаго, если это благоденствующее семейство часто нуждается въ деньгахъ и по временамъ ропщетъ на судьбу свою.

Если Ознобинъ смотрѣлъ на судьбу свою, какъ на нѣчто непреложное и, можетъ быть, «какъ турокъ или татаринъ, за все судьбѣ былъ благодаренъ», то Померанскіе смотрѣли на судьбу не иначе, какъ на капризнаго деспота въ юбкѣ или какъ на такое начальство, которое распредѣляетъ и всѣмъ выдаетъ жалованье,—однимъ гроши, другимъ рубли, третьимъ тысячи и, наконецъ, четвертымъ, своимъ фаворитамъ или любимчикамъ—милiоны или въ годъ сотни тысячъ.

И, разумѣется, ощущая бездну разныхъ неудовлетворенныхъ потребностей, въ особенности-же потребность щедрой рукой разсыпать свои благодѣянія тѣмъ, кому судьба назначила самое маленькое жалованье, семейство Померанскихъ, состоящее изъ семи душъ, было очень недовольно судьбой. И не мудрено: вѣдь на каждую душу приходилось въ годъ не болѣе двухъ тысячъ, тогда какъ каждая изъ этихъ душъ

Digitized by Google

съ большимъ удовольствіемъ могла-бы потратить въ годъ не только весь доходъ—14,000, но и сто четырнадцать.

Вотъ почему у каждаго члена семьи было на душѣ какое-то затаенное неудовольствіе. Каждый думалъ: «что-жь это такое? Нынче есть деньги, — даже много денегъ, — а завтра, глядь, мама говоритъ: денегъ нѣтъ». Но тотъ, кто, повидимому, долженъ былъ больше всѣхъ безпокоиться, а именно отецъ семейства, Иванъ Семіоновичъ Померанскій,— тотъ ничего не зналъ и меньше всѣхъ безпокоился.

Человѣкъ чиновный и когда-то всѣми уважаемый, Иванъ Семіоновичъ былъ уже такъ лысъ и такъ старъ, что ни жена, ни управляющій домомъ, ни дѣти его не безпокоили. Въ своей комнатѣ, разгороженной на-двое цвѣтной перегородкой, пользовался онъ самой безмятежной старостью. Ему было 70 лѣтъ, и такъ какъ у него подъ рукой имѣлось все, что ему было нужно, — и постель, и чистое бѣлье, и носовой фуляровый платокъ, и папироски, и письменный столъ, и календарь, и бритвенный ящикъ съ зеркаломъ, и «Московскія Вѣдомости», и коробочка съ пилюлями, и даже, на всякій случай, горчишники, — то Иванъ Семіоновичъ могъ, сидя у себя въ креслахъ, пить чай, сморкаться, перечитывать старыя письма, сосать папироску или, глубокомысленно понуривъ лысую голову, предаваться воспоминаніямъ о молодости. Иногда только бритое лицо у него вытягивалось, и онъ ложился на диванъ брюхомъ кверху, покрывался халатомъ, складывалъ на желудокъ свои пухлыя руки, охалъ и дѣлалъ странныя гримасы; но и это происходило вовсе не отъ безденежья, не отъ судьбы, а отъ боли въ кишкахъ или отъ ревматизма въ ногахъ, или отъ другой какой-нибудь, ни съ чѣмъ несравнимой, гадости.

Иванъ Семіоновичъ не даромъ когда-то продалъ свое имѣнье и купилъ себѣ домъ въ Питерѣ: онъ былъ увѣренъ, что нигдѣ покойнѣе и безобиднѣе не проведетъ онъ своей старости, и — не обманулся.

Digitized by Google

Гороховая улица сдѣлалась для него его отечествомъ, и лѣтній переѣздъ на дачу въ Павловскъ казался ему чѣмъ-то вродѣ заграничнаго путешествія. Смерть Марьи Ивановны Клинъ была послѣднимъ событіемъ, которое потрясло его. Онъ вдругъ вообразилъ себѣ, что безъ нея рухнетъ все хозяйство, не будетъ у него ни чаю, ни носовыхъ платковъ, ни пилюль, ни папиросъ, ни туфель. На Марью Ивановну Клинъ, когда она, покинувъ мужа, жила у нихъ, онъ глядѣлъ какъ на свою благодѣтельницу и безпрестанно упрашивалъ жену свою—дать ей двадцать пять руб. мѣсячнаго жалованья.

И дѣйствительно, послѣ ея похоронъ старый Померанскій почувствовалъ, что безпорядокъ, царствующій въ его домѣ, сталъ вторгаться и къ нему въ комнату, такъ-сказать, выглядывать изъ-за порога и показывать ему кончикъ своего невзрачнаго носа. Но скоро вмѣсто Марьи Ивановны появилась какая-то нѣмочка, — Софья Ивановна, и порядокъ снова воцарился.

Старикъ рѣдко выходилъ въ другія комнаты, развѣ только къ чайному столу, когда были гости. (Это значило, что онъ здоровъ и въ духѣ).

Онъ зналъ очень хорошо свою жену, Лизавету Гавриловну, бывшую пятнадцатью годами его моложе, зналъ, что это преумная и предобрая женщина; но давно уже совѣтовалъ ей не хозяйничать самой, а только выдавать деньги, воспитывать дочь, ѣздить въ гости и принимать гостей. И, дѣйствительно, Лизавета Гавриловна, при всемъ умѣ своемъ, была очень безтолкова: то скряжничала, то роскошничала, то проповѣдывала эманципацію, то говорила о розгахъ и жалѣла, что ни разу не высѣкла ни одного изъ сыновей своихъ.

Изъ семьи своей больше всѣхъ любила она,—кто-бы могъ это подумать,—не родныхъ своихъ дѣтей, а пасынка, старшаго сына Ивана Семіоновича, Ивана Иваныча, родившагося лѣтъ двадцать восемь тому назадъ отъ перваго брака. Это, конечно, не мѣшало ей баловать и остальныхъ дѣтей, изъ

Digitized by Google

которыхъ старшему, Володѣ, было двадцать лѣтъ, а меньшой дочери, Сонѣ, двѣнадцать.

У Ивана Семіоновича былъ еще родной братъ Григорій Семіоновичъ; но тотъ постоянно жилъ въ своей усадьбѣ, гдѣ-то около Луги, очень рѣдко заѣзжалъ въ Питеръ; но, когда заѣзжалъ, останавливался у брата, и Иванъ Семіоновичъ былъ всегда очень радъ ему...

Это былъ единственный человѣкъ, который читалъ ему наставленія и надъ которымъ онъ подтрунивалъ. Григорій Семіоновичъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ; онъ не выносилъ городскаго шума и былъ настоящимъ русскимъ сельскимъ хозяиномъ, терпѣть не могъ никакихъ нововведеній или улучшеній и постоянно самолично слѣдилъ за всѣми сельскими работами.

Иванъ Семіоновичъ былъ однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ московскаго благороднаго пансіона, а Григорій Семіоновичъ не кончилъ гимназическаго курса и по своему безпамятству никакъ не могъ выдержать экзамена въ Константиновское училище. Иванъ Семіоновичъ былъ когда-то чуть не администраторомъ, а Григорій Семіоновичъ, послуживъ лѣтъ пять провинціальной Ѳемидѣ, въ бѣломъ кирпичномъ зданіи, подъ черной вывѣскою съ золотой надписью—«Присутственныя мѣста», все бросилъ, поѣхалъ въ деревню и тамъ на вѣки закабалилъ себя. Иванъ Семіоновичъ былъ когда-то человѣкомъ пылкимъ и любилъ женщинъ—не хуже любаго помпадура; Григорій-же Семіоновичъ былъ высокъ, худъ, лице имѣлъ какое-то трехугольное, съ длиннымъ носомъ и узенькимъ подбородкомъ; ходилъ, нѣсколько сгорбившись, на длинныхъ сухихъ ногахъ, походилъ на болотную птицу и, говорятъ, съ юныхъ лѣтъ, послѣ какой-то болѣзни, потерявъ всякой вкусъ къ женскому полу, сдѣлался угрюмъ, богомоленъ и когда случалось ему цѣловать у какой-нибудь дамы ручку, онъ прикладывался къ ней, точно къ мощамъ, безъ малѣйшей улыбки. Вообще, усмѣхался онъ очень рѣдко

Digitized by Google

и, по большей части, только въ такихъ случаяхъ, когда ему или за него кого-нибудь сватали. Ему, вѣроятно, нравилась мысль, что его считаютъ способнымъ къ брачной жизни, и онъ раза два въ жизни довольно искусно разыгралъ роль человѣка, который влюбленъ и не прочь посвататься... Теперь онъ былъ старъ; всякій разъ, уѣзжая отъ брата, говорилъ ему: «прощай; мы, братъ, быть можетъ, уже и не увидимся», и затѣмъ беззвучно цѣловалъ его въ щеку, точно клевалъ его. Въ Петербургъ онъ пріѣзжалъ обыкновенно затѣмъ, чтобъ побывать въ двухъ-трехъ церквахъ, послушать пѣвчихъ, купить новую проповѣдь, продать овесъ, справиться о цѣнѣ на ленъ, и при этомъ всегда увозилъ съ собой нѣсколько картонныхъ листовъ или папокъ, свертки золоченой и цвѣтной бумаги, картинки дѣтскія, клей, краски въ порошкахъ, небольшія зеркальныя стекла, садовые ножи и прочее въ томъ-же родѣ. Говорятъ, что Григорій Семіоновичъ все свободное время свое въ деревнѣ, особливо зимой, посвящалъ на то, чтобъ дѣлать ящички, коробочки, рамки и всякаго рода вещицы изъ картона и цвѣтной бумаги. Кто знаетъ, быть можетъ въ этомъ ремеслѣ и было его прямое назначеніе, а потому ни латынь, ни алгебра не лѣзли ему въ голову.

Петя, ровно въ пять часовъ позвонившій въ квартиру Померанскихъ, не засталъ дома ни своей крестной матери, ни ея старшей дочери, Вари, ни ея пасынка, Ивана Иваныча; онъ встрѣтилъ только Софью Ивановну, новую ключницу, которая занимала ту самую комнату, гдѣ жила когда-то мать его, и спросилъ ее, можетъ-ли онъ пойти въ кабинетъ къ самому старику и съ нимъ поздороваться.

Софья Ивановна, вытянувъ въ струнку сухія губы и, оглядѣвъ его съ ногъ до головы ястребинымъ взглядомъ, отвѣчала, слегка шепелявя:

— Зачѣмъ вамъ къ нему, — что нужно? У него теперь братъ.

— Григорій Семіоновичъ?

Digitized by Google

— Ну да, Григорій Семіоновичъ; ступайте-ка въ комнату въ Володѣ; тотъ никакъ дома, тамъ и сидите.

Но прежде чѣмъ войти въ комнату къ Володѣ, Петя прошелъ столовую, гдѣ уже горѣли лампы и прислуга накрывала на столъ, и зашелъ въ залу, освѣщенную одной только свѣчей, тускло горѣвшей на рояли, хотя во всѣхъ комнатахъ по стѣнамъ и въ канделябрахъ были вставлены свѣчи. Въ томъ-же залѣ увидалъ онъ темную, вѣтвистую, еще неубранную елку, которая стояла передъ среднимъ окномъ, водруженная въ какой-то ящикъ, вѣроятно съ пескомъ, и обставленная низенькими табуретами. Петя обошелъ ее. Давно уже не видалъ онъ никакой зелени и съ любовью поглядѣлъ на это произведеніе природы. «Что ее украшать; она и такъ хороша!» подумалъ юноша и черезъ коридоръ прошелъ въ комнату къ Володѣ, съ которымъ онъ когда-то игралъ въ лошадки, и который вотъ уже второй годъ какъ посѣщалъ университетскія лекціи. Петя былъ съ нимъ на «ты» съ самаго дѣтства, и какъ свой человѣкъ, не церемонился съ нимъ. Съ нѣкоторыхъ поръ между ними пробѣжала какая-то черная кошка; но въ наше время, между всѣми безпрестанно бѣгаютъ какія-то черныя кошки, стало быть, въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго.

ГЛАВА XV.

Было шесть часовъ; обѣдъ былъ готовъ; но когда сядутъ за столъ Померанскіе, это было извѣстно развѣ только одному Аллаху... Никогда въ этой семьѣ никто не зналъ, когда онъ ляжетъ спать, когда встанетъ, когда напьется чаю или позавтракаетъ. Щепетильно-акуратная, грубая Софья Ивановна не разъ выходила изъ себя и даже ругалась, видя такой безпорядокъ, но и она угомонилась... Обѣдать только подали Ивану Семіоновичу въ его комнату; Григорій Семіоновичъ сказалъ, что онъ не голоденъ и будетъ ждать. Онъ ходилъ

Digitized by Google

по коврамъ изъ угла въ уголъ, какъ длинноногій куликъ, посаженный въ большую клѣтку; только при каждомъ поворотѣ его справа налѣво или слѣва направо поскрипывали сапоги, а онъ искоса поглядывалъ на своего брата, который ѣлъ свой супъ, заткнувши за пазуху конецъ салфетки, и ѣлъ, и бормоталъ, отвѣчая брату... А разговоръ между ними былъ приблизительно слѣдующаго содержанія.

— Ты, Иванъ, совсѣмъ безбожникъ, и чѣмъ больше я на тебя смотрю, тѣмъ больше въ этомъ убѣждаюсь. Ты афеистъ, Иванъ, афеистъ!..

— Гм!.. обгладывая куриную лапку, бормоталъ Иванъ.— На какомъ-же это основаніи?

— Ты, Иванъ, я думаю, даже у Исакія ни разу не былъ...

— Былъ, давно это, но былъ... А что я, продолжая обгладываніе куриной лапки, невнятно бурчалъ Иванъ Семіоновичъ, — я давно... это точно, давненько не былъ у обѣдни... такъ я... Гм... Дай мнѣ твои ноги, тогда и спрашивай... Хоть на прокатъ дай, пойду, а то... какъ я могу... помилуй!..

— И вотъ что я еще замѣтилъ, продолжая шагать и прикладывая палецъ къ носу, заговорилъ Григорій Семіоновичъ.— Ты либералъ, Иванъ!

— Хе!.. Ну такъ что-жь?.. самодовольно улыбнувшись и поднявъ голову отозвался Иванъ Семіоновичъ. Софья Ивановна, возьмите тарелку, да велите подать мнѣ какого-нибудь винца... знаете, столоваго, медку или лафитцу...—Гм... да, братъ, я не хотѣлъ тебѣ отвѣчать при этой нѣмкѣ, а теперь изволь... Да, братъ, либералъ... Ну такъ что-же?..

— Ты-бы лучше молчалъ, Иванъ... Ужь если ты пропащая голова, то хоть дѣтей-то, собственныхъ своихъ дѣтей-то не заражай... Вѣдь они... о-го-го-го!.. Они уже заражены, Иванъ, и ты за нихъ отвѣтишь, братъ, — передъ Богомъ и передъ царемъ отвѣтишь...

Digitized by Google

— Хе!.. еще съ большимъ самодовольствіемъ крякнулъ Иванъ Семіоновичъ... Да кто-же въ нашъ вѣкъ не либералъ?.. Ну и я...

— Бога ты, Иванъ, не боишься... Ну, вонъ, наконецъ, жена твоя пріѣхала, слава Богу!.. Съ тобой говорить опасно, да и вообще въ вашемъ Петербургѣ, того гляди, попадешься въ какую нибудь исторію.

Въ дверь вошла старуха Лизавета Гавриловна, бросила на диванъ нѣсколько свертковъ и, еще румяная отъ холода, чмокнула мужа въ лысину.

Григорій Семіоновичъ сгорбился и съ примѣрнымъ равнодушіемъ приложился къ рукѣ ея.

— Завтра, сестрица, я ѣду съ первымъ поѣздомъ.

— Какъ! Въ новый-то годъ!.. Что это... помилуйте!..

— Непремѣнно уѣду; сегодня встрѣчу съ вами новый годъ, поздравлю... и завтра отправлюсь.

— Да вы тутъ ужь не повздорили-ли? спросила она, разомъ окидывая глазами и ухмыляющуюся физіономію мужа, и меланхолическій носъ своего *бо-фрера*.

— Да... гм... въ политическихъ убѣжденіяхъ не сошлись, серьезно замѣтилъ Иванъ Семіоновичъ. — Онъ такъ, а я этакъ...

— Ну вотъ еще о чемъ вздумали спорить! Григорій Семіоновичъ, милый мой, очень я голодна... пожалуйста, если Иванъ Ивановичъ дома, велите подавать обѣдать.

Григорій Семіоновичъ какъ-то подогнулъ колѣни, точно слегка присѣлъ, потомъ поднялъ носъ и вышелъ.

Лизавета Гавриловна заперла за нимъ двери и стала показывать мужу сперва разные куски матерій, купленныхъ для людей, затѣмъ подарки и, между прочимъ, подарокъ для Григорія Семіоновича—пресъ-папье—бронзовую собаку на черномъ мраморѣ.

— Хорошо-ли это.. а?

— Это не хорошо, другъ мой...

Digitized by Google

— Чѣмъ-же это не подарокъ? Ты только погляди, вѣдь какъ это сдѣлано! Живая, настоящая живая собака!

— Да зачѣмъ ему это? Ты-бы ему Филарета или Иннокентія сочиненія купила,—это было-бы...

— Ну ужь извини; ты мнѣ это говорилъ, но, извини... Этого и въ книжныхъ лавкахъ нѣтъ: говорятъ, гдѣ-то въ синодальной... А гдѣ эта синодальная? Я и такъ опоздала; шлялась, шлялась; толпа такая, что ноги отдавили. Ужасъ, проходу нѣтъ!

— Я тебѣ, душенька, говорилъ,—покупай до праздниковъ.

— Ахъ, до праздниковъ! А гдѣ у меня были деньги до праздниковъ? Только вчера получила отъ жильцовъ изъ седьмаго номера; да и то твой Ивановъ, управляющій, отдавать не хотѣлъ. Такъ тебѣ не нравится эта собака?..

— Нѣтъ, отчего-же, душенька... Это ничего, это хорошій, дорогой подарокъ; чай рублей двѣнадцать?

— Двадцать восемь, а не двѣнадцать! Гдѣ вы теперь за двѣнадцать найдете такія вещи?! Ты вотъ тутъ сидишь, ничего не знаешь, тебѣ хорошо... А вотъ я-бы тебя послала...

— Ну, ну, не сердись, голубчикъ мой!.. Дари, что хочешь... Твой вкусъ,—твое дѣло.

Въ это время кто-то постучался. Лизавета Гавриловна быстро накрыла бумагой бронзовую собаку, наскоро обмотала ее шнуркомъ и услыхала голосъ Софьи Ивановны.

— Что-же это вы не отворяете? Я иду съ тарелками. Чего запираетесь?

— Ну, ну... не грубите.. Кому-же и запираться, какъ не мужу съ женой.

Софья Ивановна въ струнку вытянула свои сухія губки и поставила на салфетку передъ носомъ старика тарелку съ котлетами и тарелку съ компотомъ.

Пока происходила эта маленькая сцена, Петя сидѣлъ въ комнатѣ Володи.

Digitized by Google

Володя, закуривая на свѣчѣ папироску, развалился въ широкихъ сафьянныхъ креслахъ въ углу комнаты и, устремивъ карiе глаза свои въ другой уголъ, гдѣ сидѣлъ на стулѣ Петя, спросилъ его.

— Отчего ты у насъ давно не былъ?

Петя тоже разлегся и отвѣчалъ.

— Оттого, что я занятъ и живу не близко...

— Нѣтъ, не оттого.

— Отчего-же?

— Я ужь знаю отчего!..

— Ну, коли знаешь, такъ и не спрашивай.

Володя помолчалъ минуты три и опять спросилъ его:

— А давно тебя билъ твой отецъ? Говорятъ, онъ бьетъ тебя...

Петя вспыхнулъ, поднялъ голову и отвѣчалъ съ нѣкоторымъ пренебреженiемъ.

— Тебѣ какое дѣло?

— И ты ему позволяешь?! Стыдись, Петя! Можно быть ретроградомъ, да ужь не до такой степени. — Вонъ, сестра твоя Анна,—та молодецъ! Взяла да и ушла, а ты...

— Сестра ушла съ тѣмъ, чтобъ замужъ выйти; любовь не свой братъ...

— Какъ-будто мы не знаемъ. Не дальше какъ вчера она была у насъ. Любовь! По любви! Какiя глупости! Просто— нашла предлогъ, чтобъ избавиться отъ такого родителя... Лучше въ омутъ головой, чѣмъ покоряться тирану... Не въ тебя, знать, огонекъ благородства еще не погасъ... А ты даже и у нея не былъ.

— Я у нея два раза былъ; но развѣ она на меня жаловалась?

— Еще-бы не жаловаться! Хорошъ братецъ, нечего сказать: самъ не бываетъ, да еще и отца вооружаетъ противъ нея... Видно губа-то не дура, знаетъ, гдѣ раки-то зимуютъ.

Петя былъ озадаченъ.

Digitized by Google

— Что ты такое говоришь? Я ничего не понимаю,— какіе раки? Какъ это я вооружаю отца?!

— Пожалуйста, пожалуйста, братъ, не прикидывайся казанскимъ сиротой или воплощенной невинностью. Знаешь, небось, что у папеньки капиталецъ, можно и домъ, и имѣніе купить и заграницей пожуировать... И что всего гаже, что всего омерзительнѣе,— ты знаешь, что все это плоды казнокрадства, явное доказательство, что отецъ твой взяточникъ,—знаешь, и очень доволенъ! Да еще страешься и сестру отстранить отъ отца... Хорошъ!..

— Да чортъ! Что ты врешь?! Какое казнокрадство? Какія тутъ тысячи? Что такое!?... вскричалъ Петя, въ бѣшенствѣ вскочивъ со стула и вдругъ смолкъ.

Въ дверяхъ показался носъ Григорія Семіоновича и послышался его нѣсколько свистящій голосъ:

— Обѣдать, обѣдать; васъ ждутъ, господа!.. Пойдемте... О чемъ вы тутъ раскричались?

Ни Володя, ни Петя не отвѣчали ему ни слова, только взглянули другъ на друга и вышли вслѣдъ за долговязымъ Григоріемъ Семіоновичемъ.

ГЛАВА XVI.

Вся семья Померанскихъ и гости ихъ собрались въ столовой.

Дядя Григорій, Иванъ Ивановичъ и гость его, нѣкто англоманъ Ахатовъ, выпили по рюмочкѣ желудочной. Всѣ закусили. Петя тоже конфузливо, бочкомъ пробрался къ закускѣ и полакомилъ себя такой зернистой икрой, какой онъ давно не ѣлъ.

— Ну, что, какъ твое здоровье, голубчикъ? потрепавъ Петю по щекѣ, спросила хозяйка и, не дождавшись отвѣта, утерла салфеткою ротъ свой, несомнѣнно соленый, такъ-какъ она до селедки и маринованныхъ грибовъ была великая охот-

Digitized by Google

ица. Щеки старухи уже утратили тотъ румянецъ, который принесла она съ холода, только кончикъ носа ея все еще былъ порядочно красенъ и немного лоснился.

На длинномъ обѣденномъ столѣ горѣли два канделябра, каждый по четыре свѣчки. Обѣдъ былъ не то чтобы ужь очень парадный, но праздничный. Дѣвочки, гостьи Сони, и сама Соня были декольте, въ лентахъ и локончикахъ.

— Садитесь, господа, тихо скомандовала хозяйка.

Всѣ отодвинули стулья и сѣли.

— Еще пирожки не готовы, по-нѣмецки сказала Софья Ивановна.

Минутъ пять ждали пирожковъ; Лизавета Гавриловна сидѣла какъ на иголкахъ; ей воображалось, что поваръ пьянъ, въ кухнѣ идетъ баталія и пирожки подгораютъ.

— Софья Ивановна, справьтесь, что тамъ такое?..

Софья Ивановна вскочила и, разсерженная, исчезла въ дверяхъ темнаго коридора.

Гость Ахатовъ, единственный человѣкъ за столомъ, который былъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, слегка улыбался. Онъ только-что вернулся изъ Лондона, гдѣ проживалъ всѣ свои доходы, и ему казалось, что дико, даже неприлично сидѣть за столомъ въ тѣхъ-же самыхъ костюмахъ, въ которыхъ и хозяйка, и дочь, и сыновья шлялись все утро по гостиному двору. Лизавета Гавриловна смутно догадывалась, что ея гость чѣмъ-то скандализированъ, и, конечно, приписывала это своей безтактности—усадить всѣхъ за столъ прежде, чѣмъ поспѣли пирожки.

Наконецъ, пирожки поспѣли, и сухощавая, все еще сердитая нѣмка немедленно погрузила въ миску большую серебряную суповую ложку.

Желудки успокоились и рты пришли въ движеніе. Началась застольная болтовня...

Судя по обѣду, тотчасъ-же можно было заключить, что эта семья не аристократическая — въ англійскомъ смыслѣ

Digitized by Google

слова; въ русскомъ-же смыслѣ слова—не великосвѣтская, но съ большими барскими претензіями на роскошь и съ очень маленькими претензіями на представительность... Болтовня за столомъ вовсе не была тѣмъ пріятнымъ журчаньемъ, которымъ отличаются сдержанныя рѣчи. Голоса раздавались довольно громко и безпрестанно перекрещивались. Дѣвочки хихикали. Гимназисты наливали себѣ въ рюмки краснаго вина и пили за здоровье хорошенькихъ. Хозяйка спорила съ дядей Григоріемъ, который замѣтно скучалъ по деревнѣ и хандрилъ, опуская низко въ тарелку большой, меланхолическій носъ свой. Ахатовъ доказывалъ Ивану Ивановичу, что войны съ Турціей не будетъ и почему именно не будетъ.

— Это позоръ, если не будетъ, громко и совершенно неожиданно возразилъ Алеша, сосѣдъ Пети, отрокъ съ блѣднымъ личикомъ и негодующими сѣрыми глазами.—На что-же намъ и силы такія даны, если не на то, чтобы заступаться за оскорбленныхъ и униженныхъ, за тѣхъ славянъ, которыхъ грабятъ, мучатъ и насилуютъ?

— Молчи, Алеша, перебивалъ студентъ Володя, — не знаешь ты нашихъ силъ; никакихъ у насъ силъ нѣтъ, у насъ даже и пороху нѣтъ, чтобъ воевать, и всѣ наши бомбы набиты пескомъ или мякиной вмѣсто пороху.

Англоманъ хотя и былъ возмущенъ вмѣшательствомъ мальчишекъ въ разговоръ его, но одобрительно поглядѣлъ на Алешу и, сдвинувъ брови, повернулъ къ Ивану Ивановичу одно только гладко выбритое, лоснящееся личико.

— Гдѣ у насъ флотъ? Нѣтъ, скажите вы мнѣ, гдѣ у насъ флотъ?!

Иванъ Ивановичъ никогда не думалъ о томъ, нуженъ-ли намъ флотъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Россія держава не морская, а земледѣльческая, и сталъ высказывать кой-какія соображенія,—надо-же было что нибудь отвѣчать. Онъ припоминалъ какую-то газетную статью и по своему, довольно нескладно, развивалъ ее, и при этомъ, принимая задумчивый

Digitized by Google

видъ, разглаживалъ свои мягкіе, золотистые усики. И всякій разъ, когда принималъ онъ задумчивый видъ, гувернантка Сони—дѣвица лѣтъ 30-ти, француженка, мадемуазель Бригале, смотрѣла ему въ лицо, и на его невысокій лобъ, обрамленный густыми, темнокаштановыми волосами, и на его алыя, сочныя губы, и на его голубые, влажные глазки, смотрѣла открыто и смѣло глазами явно влюбленной женщины. Она давно уже была влюблена въ него, и всѣ это знали, и никто этому не удивлялся, такъ-какъ въ Ивана Ивановича всѣ дѣвицы—положительно всѣ, и умныя, и глупыя, и богатыя, и бѣдныя, и старыя, и молодыя — влюблялись, такъ-сказать, взапуски. И Иванъ Ивановичъ это зналъ, давно былъ убѣжденъ, что иначе и быть не можетъ, но, къ счастью влюбленныхъ дѣвственницъ, не умѣлъ да и не хотѣлъ пользоваться своими побѣдами, то изъ лѣни, то изъ боязни надѣлать глупостей, то изъ какой-то самоувѣренности, что стоитъ ему только пожелать — и любая дѣвушка съ миліоннымъ приданымъ немедленно, какъ по командѣ, предложитъ ему и себя, и все свое состояніе въ полное его распоряженіе.

Наблюдательному человѣку было-бы не скучно въ семействѣ Померанскихъ, но и онъ-бы сталъ втупикъ, если-бы вздумалось ему рѣшить вопросъ, о чемъ это семейство думаетъ, во что вѣритъ или какихъ держится принциповъ. Тутъ онъ нашелъ-бы всего понемногу: и барскихъ замашекъ стараго, помѣщичьяго времени и какого-то демократничанья, и ретроградства въ одномъ и радикализма въ другомъ,—словомъ, какой-то нравственный и умственный хаосъ. Были въ этомъ хаосѣ и свѣтлыя пятна, но они то мелькали, то пропадали, точно также, какъ были дни, когда и поваръ не былъ пьянъ, и Софья Ивановна казалась добренкой нѣмочкой, и Соня хорошо училась, и Варя, старшая дочь Померанскихъ, была въ довольно веселомъ настроеніи духа.

Въ этотъ обѣдъ Варя не была въ веселомъ настроеніи и, сидя около матери, почти-что ничего не ѣла. Эта блѣд-

Digitized by Google

ная, почти прозрачная и въ то же время не дурная собою дѣвушка, очевидно, питалась однимъ только воздухомъ: она только отвѣдывала кушанья, которыя подавали ей, и тотчасъ приказывала принять тарелку. Каждый обѣдъ мать уговаривала ее ѣсть, ѣсть какъ можно больше, въ особенности ѣсть говядину. Но никакіе совѣты, никакія приказанія не могли преодолѣть въ ней отвращеніе ко всему мясному и даже рыбному. Она питалась только сухарями, бисквитами, шоколадомъ, иногда бульономъ, иногда миндалемъ и цукатами. Всѣми докторами давно уже было рѣшено, что она малокровна въ высшей степени и что только горы Тироля, бальзамическій воздухъ, козье молоко, свѣжая баранина да желѣзо въ пилюляхъ помогутъ ей. Лицо у Вари было доброе, блѣдныя губки улыбались иногда привѣтливо, въ глазахъ иногда свѣтился умъ. Она, пользуясь свободой и досугами болѣзненной дѣвушки, была гораздо начитаннѣе своихъ братьевъ. У нея были подруги, которыя искренно были къ ней привязаны.

Петя не понималъ ее и считалъ за «не тронь меня»; но Петя былъ еще далеко не въ томъ возрастѣ, когда понимаютъ женщинъ и взрослыхъ дѣвушекъ.

— Была у васъ сестра моя? спросилъ Петя Алешу, тоже гимназиста, котораго онъ считалъ дѣльнымъ малымъ.

— Не видалъ, не знаю, отвѣчалъ Алеша.

— А я думалъ, у васъ была уже елка, въ сочельникъ.

— Нельзя было, папа чуть не умеръ. Да и дядю Григорія поджидали. Надо-же поподличать—вѣдь ты знаешь, мы его единственные наслѣдники.

— Мама! раздался голосъ Володи, — одного я не могу понять: зачѣмъ намъ елка, когда Соня и та уже не ребенокъ?

Соня дрогнула, оглянулась на брата и сдвинула бровки.

— Надо-же чѣмъ-нибудь ознаменовать праздники. Не все-же будни, отвѣчала Лизавета Гавриловна.

Digitized by Google

Соня съ чувствомъ быстро поглядѣла на мать и опять весело затараторила. Но завязался споръ о елкѣ; одни увѣряли, что елка — вздоръ, что елка тамъ только и хороша, гдѣ есть маленькіе, очень маленькіе пострѣлята; другіе увѣряли, что елка въ нашъ вѣкъ, какъ и все, потеряла всякое символическое значеніе, что дѣло не въ елкѣ, а въ томъ удовольствіи, которое она можетъ доставить людямъ, для которыхъ въ году свѣтитъ лѣтнее солнце съ небольшимъ три мѣсяца. Иванъ Ивановичъ обратился черезъ столъ къ мадемуазель Бригале съ вопросомъ, что она ему подаритъ.

— О, не скажу, отвѣчала она ему по-французски, вся просіявъ и готовая тотчасъ-же отвѣчать ему: «подарю тебѣ все, что ты хочешь, такъ-какъ ты тиранъ моего сердца».

Къ концу стола опять заговорили о томъ, будетъ-ли война.

— Пускай будетъ, рѣшилъ Володя, — она, по крайней мѣрѣ, очиститъ воздухъ.

Какимъ образомъ война очиститъ воздухъ, никто его не спросилъ.

Петя сидѣлъ уже нахмурившись. Онъ припоминалъ разговоръ свой съ Володей, и этотъ разговоръ внутренно бѣсилъ его. «Гмъ! думалъ онъ,—какая во всѣхъ увѣренность, что мой отецъ богатъ. Ну, такъ что-жь? Онъ и самъ мнѣ намекалъ, что у него деньги есть. Но почему-же, почему-же непремѣнно и казнокрадство, и взятки, и чортъ знаетъ что!? И какъ онъ смѣетъ думать, что я отбиваю отца отъ сестры... изъ какихъ-то корыстныхъ цѣлей?.. Скотина!..»

— Твой братъ, Володя, ужасно какъ задираетъ носъ! сказалъ Петя на ухо Алешѣ и, наливая себѣ въ рюмку краснаго вина, пролилъ нѣсколько капель мимо, на чистую скатерть, что тотчасъ-же замѣтила его сосѣдка Софья Ивановна. Петя сконфузился.

— Извините, сказалъ онъ.

— Должно-быть у васъ рука дрожитъ, замѣтила она ему съ неудовольствіемъ.

Digitized by Google

— Дрожитъ, отвѣчалъ Петя.

— Это съ чего?

— Я васъ боюсь...

— Покорнѣйше благодарю.

Узенькія губы Софьи Ивановны вытянулись въ улыбочку и стали еще уже; только пушокъ надъ губами, вродѣ усиковъ, сталъ замѣтнѣе. Эта промелькнувшая на ея лицѣ улыбочка была маленькой вспышкой ея маленькаго польщеннаго самолюбія. «Гмъ! боится, подумала она.—Будь онъ мой сынъ, драла-бы я его за вихоръ каждое утро, вотъ тогда небойсь сталъ-бы бояться».

— Я васъ не съѣмъ, замѣтила она своему черноглазому сосѣду:—только не мѣшаетъ вамъ взять соли и посыпать, а то пятна будутъ.

Петя тотчасъ-же исполнилъ ея совѣтъ, взялъ соли на кончикъ столоваго ножа и посыпалъ на скатерть.

Обѣдъ шелъ къ концу: подали мороженое, затѣмъ варенье, сыръ и кофе. Наконецъ, закурили папиросы, и надъ столомъ повисло облако табачнаго дыма.

Алеша спросилъ Петю, отчего онъ такъ давно не былъ и когда тотъ сказалъ: «просто оттого, что не хотѣлъ надоѣдать или навязываться», Алеша отвѣчалъ: «экій вздоръ; мы свои люди, нечего тебѣ церемониться».

— Ну, пора теперь убирать елку! сказала, тяжело поднимаясь и отодвигая стулъ, хозяйка. Загремѣли стулья и всѣ поднялись. Взрослые отправились въ залу, убирать елку, дѣти черезъ коридоръ—въ ихъ дѣтскую, ожидать подарковъ.

ГЛАВА XVII.

Около девяти часовъ вечера зала Померанскихъ представляла слѣдующую картину: елка, завѣшанная бомбоньерками, горѣла, сверкая золотыми звѣздами въ перемежку съ золотыми грецкими орѣхами. Дѣти возились, раздѣвали и

Digitized by Google

одѣвали куколъ, разставляли посуду, разглядывали картинки и, повидимому, были на половину счастливы, на половину чѣмъ-то озабочены. Варя сидѣла, окруженная своими подругами, здоровыми, краснощекими дѣвицами, и, что довольно рѣдко въ Питерѣ, довольно веселыми; только одна изъ нихъ, самая высокая, будущая belle femme или тетёха, глядѣла исподлобья и всякій разъ, когда входилъ въ залу Иванъ Ивановичъ, махала себѣ въ лицо вѣеромъ, какъ бы желая простудить его. Впрочемъ, въ залѣ было очень жарко, и Ахатовъ никакъ не могъ понять, какъ это русскіе умѣютъ жить безъ свѣжаго воздуха. Вслѣдъ за подругами Вари явилось нѣсколько молодыхъ людей—двое во фракахъ, трое въ сюртукахъ, и слово «танцы» уже бродило на ихъ устахъ, какъ нѣчто весьма и даже весьма желанное. Только двое изъ нихъ отправились въ гостиную, усѣлись тамъ за ломбернымъ столомъ съ какимъ-то двумя старушками въ модныхъ шелковыхъ платьяхъ и стали козырять... Дядя Григорій долго, скося носъ, пресерьезно разглядывалъ подарокъ свой—бронзовую собаку; наконецъ поставилъ ее на рояль и о чемъ-то задумался; затѣмъ отправился отыскивать Лизавету Гавриловну, приложился къ ея рукѣ и проговорилъ себѣ подъ носъ: «Зачѣмъ это? Эхъ!...»

— Нравится вамъ собака, а? спросила его, цѣлуя въ лобъ, Лизавета Гавриловна.—Не правда-ли, точно живая? Замѣтили, какъ морда великолѣпно сдѣлана?

— Буду до конца дней беречь! пробормоталъ Григорій; затѣмъ отправился въ кабинетъ къ братцу Ивану и, походивши тамъ изъ угла въ уголъ, пробурчалъ:—ну, какъ я ее завтра повезу, эту собаку? Когда тутъ ящикъ заказывать! Неужто на колѣняхъ? Безбожникъ ты, Иванъ, и либералъ, и дѣти твои, и жена—всѣ вы безбожники.

— Помилуй Господи! отвѣчалъ Иванъ.—Пойдемъ, Григорій, чай пить; тамъ хорошенькихъ много, а?.. Пойдемъ, пойдемъ!

Digitized by Google

Петя, получивъ въ подарокъ сочиненія Тургенева, въ шести книгахъ, очень былъ доволенъ; онъ опять завернулъ ихъ въ бумагу, перевязалъ тесьмою и понесъ подарокъ свой въ комнату къ Софьѣ Ивановнѣ. Онъ хотѣлъ спрятать его тамъ, чтобъ попросить нѣмку на другой-же день прислать ему эти книги хоть съ разсыльнымъ, такъ-какъ онъ въ этотъ вечеръ ждалъ Ознобина, и ему не хотѣлось съ такой вязанкой идти въ первый разъ знакомиться съ его невѣстою, несомнѣнно молодой дѣвушкой. Комната Софьи Ивановны была направо изъ коридора, неподалеку отъ кухни. Постель ея стояла на томъ-же мѣстѣ, гдѣ спала покойная мать его; но комодъ, и столъ, и стулья, и сундукъ,—все это было не то, все это придавало совершенно иной характеръ комнатѣ. На комодѣ стояло складное зеркало и банка помады, лежала колода старыхъ картъ и горѣла свѣчка. Петя хотѣлъ оставить книги на окнѣ, но подоконникъ былъ занятъ бутылками, стклянками, горшкомъ съ высохшимъ геранiумомъ и проволочной мышеловкой. Петя опустилъ свои книги на стулъ около двери, самъ сѣлъ рядомъ съ ними и... нельзя сказать, чтобы задумался,—страшно болѣзненная скорбь стиснула его сердце. Точно въ какую-то острожную комнату вошелъ онъ вмѣсто того роднаго уголка, котораго тепло и благодатную уютность не цѣнилъ онъ, не умѣлъ цѣнить въ то время, когда здѣсь поджидала его любящая мать, въ темномъ шерстяномъ платьѣ и въ черномъ кружевномъ чепцѣ на сѣдыхъ волосахъ. Онъ подогнулъ ноги и сталъ оглядывать стѣны. «Ба! это нашъ образъ! Это образъ моей матери! подумалъ онъ.— При *ней* тутъ горѣла лампадка... Я и забылъ про этотъ образъ; надо будетъ сказать крестной, чтобы она его мнѣ прислала».

— Вы зачѣмъ сюда забрались? крикнула на него вошедшая со сверткомъ въ рукахъ Софья Ивановна.

Петя сказалъ, зачѣмъ.

— Ну, и сами отвезете! Стану я хлопотать о вашихъ книгахъ.

Digitized by Google

— Ну, не хотите, такъ не надо.

— Ну-ну! Оставьте, пришлю, коли будетъ время.

— Вотъ и образъ этотъ пришлите, сказалъ Петя, указывая на небольшую икону въ углу, въ серебряной ризѣ съ золотымъ вѣнчикомъ.

— Образъ! удивилась нѣмка.—Это что? Это зачѣмъ?

— Онъ принадлежалъ моей матери.

— А почемъ я знаю, что онъ принадлежалъ вашей матери?

— Я вамъ говорю.

— Такъ я и буду васъ слушать! Уходите, уходите, не мѣсто вамъ здѣсь.

Петя вышелъ въ коридоръ въ самомъ скверномъ настроеніи духа.

— Петя! раздалось въ концѣ коридора.—Петя, гдѣ ты? раздалось изъ-за двери налѣво.—Тебя ищутъ. Куда ты затесался? Ишь, за Софьей Ивановной вздумалъ пріударять! проговорилъ Володя, дернувъ его за рукавъ.—Ступай въ залу, тамъ тебя зоветъ твоя сестра.

Въ залѣ, между прочимъ, произошла перемѣна. Елка наполовину была уже обобрана, пахло чадомъ потушенныхъ свѣчъ, подъ ногами трещала орѣховая скорлупа; на всѣхъ столахъ стояли тарелки съ лакомствами. Лакей въ тѣхъ-же вязаныхъ перчаткахъ разносилъ чай. На диванчикѣ вмѣстѣ съ дѣвицами сидѣла сестра Пети, Анюта. Въ первую минуту, какъ онъ увидѣлъ ее, онъ обрадовался, но прежде чѣмъ успѣлъ онъ подойти къ сестрѣ, передъ нимъ очутилась блѣдная Варя съ блуждающей улыбкой и ласковымъ взглядомъ.

— Петя, прошелестила она своими блѣдными губками,—сыграйте кадриль, мы хотимъ танцовать.

Петя поглядѣлъ на нее, что-то вспомнилъ и сказалъ:

— Извините, я не могу играть.

— Отчего?

— Оттого, что никакъ не могу. Попросите Анюту.

Digitized by Google

— У Анюты есть кавалеръ и она сама танцуетъ.

— Ну, что хотите дѣлайте... я не играю...

Въ это время къ Анютѣ подошелъ Володя, и Анюта кокетливо опустила и подняла свои глазки. Она была такъ мило одѣта, такая хорошенькая, такая свѣжая. Издали она кивнула своей головкой брату.

Петя подошелъ.

— Здравствуй! Вотъ ты гдѣ! Наконецъ-то я тебя вижу. Говорятъ, ты не хочешь играть. Ноты есть, отчего-же ты не хочешь сдѣлать удовольствіе?

— Какой вы эгоистъ! начала Варя, снова подходя къ нему съ укоризною и въ лицѣ, и въ глазахъ, и въ голосѣ.— Вамъ даютъ случай всѣмъ намъ сдѣлать удовольствіе, а вы отказываетесь. Вы сами никогда не танцуете, и мы всѣ знаемъ, что вы танцовать не охотникъ, что-же вамъ стоитъ принести намъ такую ничтожную жертву?

— Я сегодня не расположенъ, отвѣчалъ Петя спокойно и холодно.

— Не расположенъ! Мы и разсчитываемъ не на ваше расположеніе, а на ваше умѣнье играть. Не напрасно-же вы учились музыкѣ!

— Совершенно напрасно.

— Петя, не упрямься; играй, Петя! сказала Анюта.

— Не стану, отвѣчалъ юноша и отошелъ.

Общій говоръ, похожій на ропотъ, два-три косыхъ взгляда, стаканы и чашки съ чаемъ, фрукты въ вазахъ и на столахъ, горничная въ фартукѣ, со щеткою, тихо и осторожно подметающая скорлупу, легкій смѣхъ, легкія гримаски и пожатія плечъ,—все это пронеслось мимо ушей и мимо глазъ упрямаго Пети. Но вотъ онъ слышитъ, опять зовутъ его въ гостиную.

— Петя, голубчикъ, ради Бога, для меня, съиграй имъ, пусть они потанцуютъ, сказала ему его крестная мать, которая сидѣла уже за картами и играла въ безикъ.

Digitized by Google

Петя хотѣлъ ей что-то отвѣтить, но дрогнулъ, вернулся въ залъ, подошелъ къ раскрытому роялю и сѣлъ на табуретъ передъ клавишами.

— Какой упрямецъ! сказала Варя, подходя къ матери.

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчала старуха.—Я его знаю. Мнѣ еще покойная Марья Ивановна объясняла его характеръ. Лаской все можно съ нимъ сдѣлать, онъ добрый... съ нимъ все можно лаской... Ступай, онъ уже началъ играть. Никогда ни въ чемъ онъ мнѣ не откажетъ.

— Еще-бы онъ вамъ отказалъ, мама! Лиза, пойдемъ!

Не прошло и четверти часа, какъ рояль уже гремѣлъ подъ пальцами Пети и слышался шумъ и смѣшанный говоръ танцующихъ. Иванъ Ивановичъ танцовалъ съ высокой брюнеткой Лизой, выглядывавшей изподлобья. Мамзель Бригале была *визави*, и желчь, ревнивая желчь клокотала въ груди ея... но она улыбалась и не сбивалась съ такта. Анюта танцовала съ Володей. Володя давно уже былъ неравнодушенъ къ ней и она это знала.

— Что-же вашъ мужъ? Какъ-же это онъ васъ одну отпустилъ?

— Развѣ онъ можетъ удержать меня, если я захочу...

— Значитъ, онъ у васъ подъ башмакомъ? А?.. Это хорошо... Это очень хорошо! Подѣломъ ему... не женись...

— Онъ отлично сдѣлалъ, что женился. Я-же—напротивъ, я сдѣлала великую глупость, что вышла за него замужъ.

— Отчего глупость?

— Такъ... это ужь мое дѣло...

— Вы никогда не дѣлаете глупостей... Вы умница...

И Володя, который былъ въ профиль похожъ на дядю Григорія, тоже немного помавалъ своимъ носомъ, когда шаркалъ, выступая впередъ подъ музыку.

— Я... только съ вами и танцую, сказалъ онъ между прочимъ Анютѣ,—только для васъ, ради васъ я превращаюсь въ какого-то вѣтренаго шаркуна.

Digitized by Google

— Отчего-же только ради меня?

— Оттого, что вы... прелесть...

— Не ожидала!

— Что-же вы не ожидали?

— Комплимента. Это не въ модѣ говорить комплименты...

— Плохо-же вы меня знаете, если думаете, что я способенъ на пошлые комплименты. Прошу васъ не обижать меня, Анна Антоновна.

— Я васъ не обижаю, но... все-таки плохо вѣрю вамъ...

«Рано или поздно, она будетъ моей», подумалъ Володя, слегка приподнявъ длинный, тоже нѣсколько птичій носъ и откинувъ назадъ рукой свои волосы, обстриженные въ скобку.

«Что будетъ, если этого молодца я сведу съума? подумала Анюта.—Будетъ-ли это полезно? Что скажетъ Лизавета Гавриловна? Фи! Лизавета Гавриловна! Развѣ ей не все равно? А что скажетъ мужъ? Мой мужъ, пока я не разбогатѣю, будетъ глядѣть на меня сквозь пальцы... а когда я разбогатѣю, будетъ каждый день цѣловать мои ручки и ножки... У меня отличный мужъ, и я ни на кого его не промѣняю. Но безъ взаимной свободы наши отношенія немыслимы».

Все это быстро промелькнуло въ головѣ Анюты... Но время шло и кадриль окончилась. Петя тотчасъ-же вскочилъ съ своего мѣста, вытеръ носовымъ платкомъ потный лобъ и пошелъ въ столовую выпить стаканъ лимонаду. Уже стрѣлка на стѣнныхъ часахъ показывала три четверти одинадцатаго.

«Неужели Озлобинъ меня надуетъ? подумалъ Петя. — Пойду и буду ждать на улицѣ»; и, отыскавъ гдѣ-то свой кепи, ни съ кѣмъ не простясь, Петя прошелъ въ переднюю.

Но прежде чѣмъ мы за нимъ послѣдуемъ, скажемъ, что едва только у молодежи, собравшейся встрѣчать новый годъ у Померанскихъ, загорѣлось сильное желаніе пополькировать, какъ уже отсутствіе Пети было замѣчено.—«Петя! раздавалось по всей квартирѣ. — Софья Ивановна, гдѣ Петя? Не у васъ-ли въ комнатѣ?» Всѣмъ почему-то казалось, что

Digitized by Google

Петя не ушелъ, а просто спрятался; но камердинеръ Порфирій доложилъ, что Петя, должно быть, ушелъ, потому что дверь на парадную лѣстницу оказалась отпертой и изъ передней исчезла гимназическая шинель его. «Петя ушелъ, Петя не захотѣлъ съ крестной матерью новый годъ встрѣчать!.. Онъ разозлился! На кого-же онъ разозлился?.. Какой злой! Какой непріятный, ничего хорошаго необѣщающій мальчикъ! Онъ чѣмъ старше, тѣмъ хуже... Онъ положительно испортился съ тѣхъ поръ, какъ умерла мать его, — при матери онъ былъ шелковый».

Такія мнѣнія въ разбродъ бродили по всѣмъ парадно-освѣщеннымъ комнатамъ Померанскихъ. Одинъ только Иванъ Семеновичъ былъ совершенно равнодушенъ къ исчезновенію Пети: онъ одинъ, пробравшись въ столовую, сидѣлъ у самовара и мирно бесѣдовалъ съ англоманизованнымъ помѣщикомъ Ахатовымъ, которому тоже не было никакого дѣла, будутъ или не будутъ молодые люди вальсировать и полькировать. Онъ уже держалъ въ одной рукѣ шляпу и собирался уходить, но Иванъ Семеновичъ такъ внимательно и съ такой улыбкой выслушивалъ его разсказы объ Англіи, о тамошнихъ порядкахъ, нравахъ и обычаяхъ, такъ многознаменательно вытягивалъ верхнюю губу и нагибалъ голову, что время текло незамѣтно и незамѣтно приближалась великая полночь, или минута, придуманная человѣчествомъ, чтобы вѣрнѣе дѣлить и считать мимотекущее время, не зная ни того, сколько прошло его, ни того, какъ долго и куда будетъ оно идти, и куда приведетъ, и гдѣ остановится.

Но, не заботясь о времени, никто такъ не нападалъ на характеръ Пети, какъ бѣдная Варя. «Это еще ничего, что онъ упрямъ, это даже хорошо; но онъ нечистоплотенъ, не умѣетъ ни причесаться, ни даже галстуха повязать какъ слѣдуетъ. Каблуки вѣчно стоптаны, платье смято и какъ-то обдергано... Очень понятно, что — конфузится. Но кто-же виноватъ?..»

Digitized by Google

— Нѣтъ, въ этомъ онъ не виноватъ, заступалась Анна.— Это скупость папа виновата; вспомни, какъ я была одѣта: изъ ситцеваго платья до 17 лѣтъ не выходила; и, бывало, чего намъ стоило выпросить денегъ на башмаки! И Петя не всегда упрямъ; онъ только скрытенъ и настойчивъ. Повѣрьте, еслибъ онъ не увидалъ меня у васъ, онъ-бы и игралъ, и навѣрное никуда-бы не ушелъ; но онъ меня не долюбливаетъ. Я не знаю, что я ему сдѣлала, но съ нѣкоторыхъ поръ я замѣтила... ужь я замѣтила, что онъ ужасно какъ охладѣлъ ко мнѣ... Что у него въ головѣ—Богъ его знаетъ! Я заѣзжала къ нему три раза — три раза не застала отца и уѣзжала съ невеселымъ сердцемъ. Петя, повидимому, былъ нисколько не радъ моему посѣщенію. Я просила его разъ передать папа, что въ воскресенье мы будемъ ждать его къ себѣ обѣдать... и что-же? Я увѣрена, что папа ничего не зналъ, что Петя ни слова не сказалъ ему, и папа не пріѣхалъ... Мнѣ, конечно, это больно; но кому-же это не былобы больно! Ахъ!.. Ну, да что, Богъ съ ними. Пока у меня нѣтъ дѣтей, проживу какъ-нибудь!

Все это Анна проговорила ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, даже восклицаніе: «ахъ!» не прозвучало никакимъ сердечнымъ порывомъ.

— Танцуйте, я вамъ сейчасъ сыграю вальсъ, заключила она, вставая и подходя къ роялю.

Варя порылась въ нотахъ и поставила передъ нею на пюпитръ какую-то тетрадь, на заглавномъ листѣ которой, въ награвированныхъ лучахъ, вѣнкахъ и гирляндахъ, красовалось имя Штрауса. Клинъ настолько вымуштровалъ дѣтей своихъ, что Анна чуть-ли не лучше Пети сразу могла играть à livre ouvert. Прищурясь, она пододвинула къ себѣ ноты и стала играть. Володя остановился противъ нея и, пока за спиной его кружились пары, пожиралъ своими карими глазками сѣроглазую молодую женщину. Варя-же, блѣдная, прозрачная Варя, очень любила танцы... они одни вызывали

Digitized by Google

призракъ румянца на ея восковомъ личикѣ. Она никогда не отказывалась ни отъ кадрилей, ни отъ вальсовъ, хотя и знала, что на другой-же день весь день она будетъ лежать и, такъ-сказать, умирать отъ слабости.

ГЛАВА XVIII.

И такъ, Петя вышелъ на улицу.

Петербургская ночь была черна и непривѣтлива; была оттепель; вѣтеръ, казалось, дулъ со всѣхъ сторонъ—и справа, и слѣва; фонари мигали, и трудно было сразу понять, дымъли это, скатываясь съ крышъ, проносится по вѣтру или это несется опустившееся облако. По Гороховой двигались сани, кареты, копошились черныя пятна и, несмотря на поздній часъ, фруктовыя лавки и погребки были отперты. Много и пьяныхъ брело и спотыкалось, наталкиваясь на тротуарныя тумбы или неровности мокрыхъ тротуаровъ. Каждый спѣшилъ встрѣтить новый годъ по-своему.

«Чортъ знаетъ, что такое: ни тепло, ни холодно! думалъ Петя, ходя около дома Померанскихъ, безпрестанно оборачиваясь или останавливаясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ подъѣзда, къ которому долженъ былъ или подъѣхать, или пѣшкомъ придти Ознобинъ. — Ужь если этотъ Ознобинъ да надулъ меня — вѣки вѣчные я этого не прощу ему».

Вопросъ, что думаютъ о немъ самомъ въ семьѣ его крестной матери, и хорошо-ли онъ сдѣлалъ, что не остался встрѣтить съ нею новый годъ, нисколько его не безпокоилъ, даже и въ голову не приходилъ ему. Онъ-бы непремѣнно остался, если-бы жажда увидѣть невѣсту его друга и познакомиться съ нею не увлекла его на улицу; онъ очень хорошо разсчиталъ, что останься онъ *тамъ*, его опять засадили-бы играть другую кадриль, да еще, чего добраго, безконечную monstre quadrille, а Ознобинъ сталъ-бы ожидать его и, по его милости, опоздалъ-бы къ невѣстѣ и огорчилъ-бы ее—тоже по его

Digitized by Google

милости. Онъ ушелъ потому, что логика сердца взяла у него верхъ надъ логикою установившихся приличій или пошлой лицемѣрія. Да онъ и не былъ по-свѣтски воспитаннымъ юношей, и тамъ, гдѣ никто ему не нравился, онъ и самъ не желалъ нравиться.

«Должно быть, очень бѣдная дѣвушка полюбила нашего Ознобина! думалъ онъ, безсознательно оглядывая фонарь и освѣщенную имъ вывѣску. — Какъ она ему будетъ рада! думалъ онъ, сторонясь отъ пьянаго мужика, размахивавшаго руками.—Что онъ скажетъ ей? И зачѣмъ это нужно, чтобы я познакомился съ его суженой? Какъ-то мы втроемъ встрѣтимъ новый годъ? О, какъ это будетъ хорошо!..»

«Какъ это будетъ хорошо!» думалъ онъ, останавливая взоръ свой на саняхъ, подъѣхавшихъ къ подъѣзду Померанскихъ.

— Ознобинъ, вы? окликнулъ онъ тѣнь съ папиросным огонькомъ во рту, вылѣзающую изъ саней.

— Я! откликнулась тѣнь. — А это вы?

— Я цѣлый часъ жду васъ; скоро двѣнадцать.

— Нѣтъ еще, успѣемъ. Садитесь.

Петя усѣлся съ нимъ въ сани, и они поѣхали.

А за полчаса тому нѣкто Алаева, Леконида Александровна, дѣвушка лѣтъ двадцати трехъ, только-что вернулась изъ оперы и, въ сопровожденіи двухъ кавалеровъ — улана Бекова и чиновника Зуева, по широкой лѣстницѣ, снизу освѣщенной газовыми лампами, взобралась на верхнюю, темную площадку и позвонила у двери направо.

— Никого у меня нѣтъ? спросила она скороговоркой горничную, которая отворила ей дверь и впустила гостей ея.

— Никого.

— Ну, слава Богу. А самоваръ? Пожалуйста, самоваръ. Мы озябли. Накрыли-ли вы столъ и были-ли въ булочной? рокочущимъ голоскомъ спрашивала и распоряжалась Леконида, раскутывая свою голову и снимая зимнее пальто, отороченное сѣренькимъ мѣхомъ.

Digitized by Google

Бековъ повѣсилъ на прибитую къ стѣнѣ вѣшалку сѣрую офицерскую шинель, Зуевъ — свою зимнюю бекешь съ бобровымъ воротникомъ. Передняя, гдѣ происходило это сниманье верхняго платья, насквозь провѣяннаго ночнымъ зимнимъ вѣтромъ, была не что иное, какъ часть широкаго коридора, довольно тускло освѣщеннаго одною керосиновою стѣнною лампою. Весь этажъ этотъ, очевидно, былъ приноровленъ къ одиночнымъ квартирамъ. Изъ коридора шли двери направо и налѣво, а тамъ, гдѣ не было дверей, было пространство съ однимъ окномъ, гдѣ за ширмою помѣщался лакей съ половыми щетками, ваксенными банками, вѣниками, тряпками и тому подобнымъ.

Леконида ввела друзей своихъ въ занимаемый ею номеръ, тотчасъ-же сѣрной спичкой зажгла свѣчи, и всѣ увидѣли, что столъ, дѣйствительно уже накрытый цвѣтною скатертью, пестритъ разными чайными принадлежностями и даже мѣднымъ для самоварныхъ ножекъ поддонникомъ.

— Ну, садитесь, господа, и закуривайте ваши папиросы.

Леконида присѣла къ туалету и оглядѣла свою пышную прическу съ большимъ и высокимъ шиньономъ. Зеркало отразило въ себѣ ея черные какъ уголь, пушистые и какъ-бы съ умысломъ спутанные, сухіе волосы, ея высокій лобъ, черные глазки китайской продолговатой формы, умѣренный носикъ, большой, зубастый ротъ и нѣсколько выдвинувшійся впередъ, энергическій подбородокъ.

Нельзя было назвать ее миловидной дѣвушкой, но вся верхняя часть лица ея могла-бы принадлежать и красавицѣ...

Она была нѣсколько болѣе чѣмъ средняго роста и кость имѣла широкую. Все въ ней, даже блѣдное лицо, дышало силой, и хотя она и жила въ деревнѣ у одного старика въ качествѣ чтицы, стало быть была бѣдная дѣвушка, но никтобы не назвалъ ее бѣдной, судя по ея туалету, сшитому по послѣдней модѣ, черному шелковому платью съ длиннымъ

Digitized by Google

хвостомъ и желтою отдѣлкой, розовому галстучку, бусамъ изъ горнаго хрусталя и кольцамъ на пальцахъ.

Поправивъ гребешкомъ свои волосы, она встала, и такъ-какъ, судя по стуку, производимому ея обувью, можно было заключить о высотѣ каблуковъ, то нѣтъ ничего мудренаго, что она казалась ростомъ гораздо выше, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ.

— Это удивительно, начала она, — что Ознобинъ здѣсь не торчалъ и не дождался меня.

— Да онъ, можетъ быть, и самъ былъ въ оперѣ, только сидѣлъ далеко и вы его не замѣтили. Вѣдь онъ ваша тѣнь; гдѣ вы, тамъ и онъ, оскаливая бѣлые зубы, проговорилъ уланскій офицеръ, очень красивый молодой человѣкъ съ очень добродушной улыбкой, очевидно добрый малый, откровенный и въ тоже время сдержанный. Произнося слова свои, онъ отступилъ и жестомъ предостерегъ Леониду Александровну, такъ-какъ въ эту минуту, закинувъ назадъ голову и выпятивши впередъ животъ, горничная внесла въ комнату большой шипящій самоваръ и, учащая шаги свои, приближалась къ накрытому столику.

— Если онъ моя тѣнь, то кто-же солнце? также оскаливъ зубы, произнесла Леонида (зубы ея слишкомъ выдавались впередъ и не отличались своею ровностью).

Вопросъ ея, — очевидно, вопросъ задирательнаго свойства,—почему-то прошелъ безслѣдно.

Бековъ промолчалъ, можетъ быть потому, что подумалъ: «А Богъ тебя знаетъ, кто для тебя солнце; можетъ быть—я». Зуевъ-же, которому она не очень нравилась, думалъ въ это время объ Ознобинѣ.

— Я его понимаю... Такъ и слѣдуетъ, сказалъ Зуевъ, брюнетъ среднихъ лѣтъ, курчавый, съ маленькой бородкой, съ профилемъ сатира, не греческаго, а нѣсколько еврейскаго происхожденія.

— Что-о! Что такъ и слѣдуетъ? нахмурившись спросила Леонида.

Digitized by Google

— Быть вашей тѣнью тому, кто отъ васъ погибаетъ.

— Садитесь къ самовару и заваривайте чай. Гмъ! Погибаетъ!.. Нелѣпый человѣкъ; и нелѣпый и невыносимый! Вы вотъ, господа, думаете, что онъ влюбленъ въ меня. Нисколько. Иначе какъ-бы онъ смѣлъ думать, что я воплощенная ложь, и исковерканное существо и пропащая дѣвушка?

— Да почему же вы думаете, что онъ такъ думаетъ?

— Да онъ мнѣ это въ глаза говоритъ.

— И объясняется въ любви при этомъ? спросилъ уланъ, расхохотавшись.

— И объясняется въ любви, безъ малѣйшаго смѣха прокотала своимъ мягкимъ баскомъ Леконида.

— Чудакъ! Чу-у-чу-дакъ! Чудакъ! зачастилъ хохочущій уланъ.

— Неужели, началъ Зуевъ, тоже нѣсколько зараженный смѣхомъ своего товарища,—неужели вы думаете, что въ васъ нельзя и влюбиться?

— О! Я этого вовсе не думаю, стоя спиной къ изразцовой печкѣ, убѣжденнымъ тономъ произнесла Леконида.— Ознобинъ... я его любви не вѣрю, это—фантазія.

— Всякая любовь — фантазія. Сейчасъ видно, сейчасъ видно, играя голосомъ и какъ бы грозя ей пальцемъ, проговорилъ Зуевъ,—что вы никогда никого не любили;—это сейчасъ видно.

— Что-жь, это ужасное преступленіе по вашему?

— По моему—преступленіе...

— Ну, вы—второй Ознобинъ,—поздравляю! Заваривайте чай, сдѣлайте такую милость!

— А вы намъ что-нибудь споете для новаго года, а? принимаясь за чайникъ, началъ Зуевъ.

— Гдѣ здѣсь пѣть, съума вы сошли!

— А въ столовой.

— Въ столовой! Подъ разстроенное фортепьяно, куплен-

Digitized by Google

ное на Апраксиномъ дворѣ! Когда вы поумнѣете, Зуевъ? Придумайте что-нибудь лучшее.

— Я придумалъ, отозвался уланъ, передавая Леконидѣ чашку съ чаемъ отъ Зуева.

— Что такое?

— Пойти въ кафе-ресторанъ, взять тамъ отдѣльный номеръ и втроемъ поужинать.

— Это недурно придумано, замѣтилъ Зуевъ, приподнимая крышечку съ чайника и нюхая.

— Потому и недурно, что не вы это придумали; но что вы нюхаете?

— Гдѣ вы покупаете чай? Никакого аромата!

— У васъ, видно, носъ залегъ, присаживаясь съ опорожненной чашкой, сказала Леконида.

— Нѣтъ, не то, Леконида Александровна, началъ уланъ;— ничего нѣтъ мудренаго, что въ вашемъ чаѣ аромата нѣтъ, онъ его нѣсколько разъ принимался нюхать, онъ весь его вынюхалъ, какому же тутъ аромату быть!

Леконида въ первый разъ засмѣялась, хоть и проговорила сквозь смѣхъ:

— Какія глупости!

Леконида давно была знакома съ Бековымъ и Зуевымъ, но если-бы они и не были знакомы ей, она бы точно такъ же бойко и непринужденно вела себя съ ними... Странная она была дѣвушка: хитрая съ пожилыми людьми и простодушная до наивности съ молодежью; корыстолюбивая и въ то же время переносящая свою бѣдность или недостатки съ удивительнымъ хладнокровіемъ, можно даже сказать — съ нѣкоторымъ эфектомъ или картинностью. Грубая, вслѣдствіе того, что никогда между пріятелями не взвѣшивала словъ своихъ, и въ то же время ими любимая именно за эту грубость и это товарищеское обращеніе. Безстрастная и въ то же время съ такой страстью въ тембрѣ своего большого,

Digitized by Google

хотя и необработаннаго голоса, что ея пѣніе для многихъ было чѣмъ-то въ родѣ магнита.

Напившись чаю, Зуевъ спросилъ ее, что-жь она думаетъ, идти ли имъ ужинать въ кафе или остаться?

— Разумѣется, идти, сказалъ Бековъ.

Леконида ничего не сказала, она задумалась.

Мысль идти ночью въ ресторанъ съ двумя кавалерами нисколько ее не конфузила. Она давно ужь была убѣждена, что можетъ вести ее совершенно такъ же, какъ и всѣ холостяки, съ той только разницей, что ни одному мужчинѣ не позволитъ поцѣловать себя, потому, думала она, что съ той поры она уже перестанетъ быть имъ равною. Мужчина можетъ цѣловаться безнаказанно,—дѣвушка не можетъ. А гдѣ неравенство, тамъ нѣтъ и свободы.

Но отчего же она задумалась? А просто оттого, что у ней денегъ было всего пять рублей и сорокъ копѣекъ, она разсчитывала, можетъ ли она истратить изъ нихъ около двухъ рублей и во что обойдется ей этотъ ужинъ? Заплатить же за нее другимъ она бы ни за что не позволила.

— Согласна, господа, если ужинъ не дорогой и если...

Но въ это время кто-то постучался въ дверь ея комнаты.

— Войдите! крикнула Леконида.

ГЛАВА XIX.

Въ дверь вошли, какъ и слѣдовало ожидать, Ознобинъ и Петя.

И не столько появленіе Ознобина, сколько появленіе никому невѣдомаго гимназиста,—фигуры непростительно молодой, черноголовой и блѣдной,—озадачило и Алаеву, и гостей ея.

Ознобинъ и Петя, съ своей стороны, была тоже озадачены.

Леконида, изумленная, хотѣла что-то сказать, но только протянула руку и, глядя изподлобья, выслушала, какъ Ознобинъ рекомендовалъ ей Петю. При этомъ она невольно по-

Digitized by Google

чувствовала на себѣ тяжелый, пристально-неподвижный взглядъ юноши и произнесла одну изъ тѣхъ банальныхъ фразъ, которыя всегда говорятся въ этихъ случахъ.

— Очень рада, давно желала познакомиться.

Ознобинъ подошелъ къ улыбающемуся Бекову. Зуевъ самъ протянулъ ему руку и сказалъ:

— Легки же вы на поминѣ.

— Кто же поминалъ меня... э?

— А это ужь сами догадывайтесь!

Петя сѣлъ на стулъ, спиной къ желѣзной кровати, покрытой пикейнымъ одѣяломъ. Леконида искоса оглядывала его и что-то соображала. Наконецъ, она обернулась къ Ознобину.

— Положимъ, вы человѣкъ хорошій, но когда же вы сдѣлаетесь настоящимъ человѣкомъ? Понимаете?

— Не понимаю, Леконида Александровна. Я, кажется, съ руками, съ ногами... и мозги у меня есть... э... словомъ, настоящій, какъ слѣдуетъ, а впрочемъ, чѣмъ вы прикажете быть, тѣмъ я и буду.

— Знаю, что вы человѣкъ послушный, покладистый, но зачѣмъ вы ставите меня въ неловкое положеніе?

— Какъ такъ въ неловкое положеніе?

«Ужь и въ самомъ дѣлѣ, подумалъ онъ про себя,—ловколи это я сдѣлалъ, что привелъ сюда молодого Клина?»

— Въ какомъ смыслѣ въ неловкое положеніе, Леконида Александровна?

— Вѣдь сознайтесь, вы Богъ знаетъ, что про меня ему наговорили.

И Леконида подбородкомъ указала на Петю.

Ознобинъ, улыбаясь, закурилъ на свѣчѣ папиросу и сталъ увѣрять ее, что если она, то есть Леконида Александровна, такая личность, что про нее можно много говорить, такъ ужь въ этомъ онъ не виноватъ; но пока онъ увѣрялъ ее въ этомъ, Леконида спросила гимназиста, какъ зовутъ его по-батюшкѣ, и тотчасъ же обратилась къ нему:

Digitized by Google

— Скажите, Петръ Егоровичъ, что онъ вамъ про меня говорилъ?

— Говорилъ, что вы напоминаете ему мою мать.

Взоры всѣхъ обратились на Петю.

Ознобинъ покраснѣлъ и пустилъ струйку дыма.

— Я сказалъ... э... началъ Ознобинъ.

— Молчите, перебила Леконида.—Я не съ вами разговариваю. Скажите, monsieur Клинъ, напоминаю я вамъ вашу матушку?

— Нисколько, отрѣзалъ Петя.

Всѣ захохотали.

— Я сказалъ, опять началъ Ознобинъ, — что... э... вы, Леконида Александровна, и его покойная мать принадлежите къ одному и тому-же типу женщинъ, къ одному изъ самыхъ для меня симпатическихъ и... э... и многоуважаемыхъ. Въ этомъ смыслѣ, да, вы мнѣ напоминаете моего стараго друга... э... т. е. покойницу мать его.

— А если вы въ этомъ увѣрены, то значитъ, вашъ покойный другъ была—воплощенная ложь! А?

— Когда-жь это я вамъ говорилъ, помилуйте?

— Да вѣдь я-же воплощенная ложь, по-вашему?

— Да... э... это съ вами иногда бываетъ, но это ровно ничего не значитъ. Возьмемъ въ примѣръ животныхъ: ужь, конечно, лошади всѣ одного типа, а между прочимъ у каждой свой характеръ... э... есть смирныя, есть горячія, есть и съ норовомъ—всякія, конфузливымъ голосомъ оправдывался Ознобинъ.

— Желала-бы я знать, къ какой породѣ людей вы принадлежите. Такихъ, какъ вы, ей-богу, я еще не встрѣчала. Будь вы не Ознобинъ, я-бы на васъ разозлилась; но хоть вы сравнили меня съ лошадью, я, такъ и быть, васъ прощаю, даже желаю вамъ нажить когда-нибудь малую толику деньженокъ и сдѣлаться патріотомъ.

— Гмъ! я очень вамъ благодаренъ за... э... это желанье...

Digitized by Google

можетъ быть... можетъ быть, у меня и будутъ деньги, если вы этого пожелаете.

— Ну, что-же еще онъ вамъ про меня говорилъ, этотъ несносный Ознобинъ? спросила Леконида Петю. Она видѣла, что этотъ разговоръ и занимаетъ, и забавляетъ друзей ея, Бекова и Зуева, которые, сидя около чайнаго стола, смотрѣли и на нее, и на Петю, и на Ознобина, какъ на дѣйствующія лица на сценѣ.

Петя все время сидѣлъ какъ на иголкахъ; ничего подобнаго онъ не ожидалъ,—не ожидалъ ни этого красавца-улана, ни этого Зуева, который казался ему Мефистофелемъ, ни такой невѣсты, ни такой прически а ля фру-фру, ни этого разговора. Онъ смекнулъ, что ему не слѣдуетъ выдавать Ознобина, и сказалъ:

— Не помню-съ, что... кажется, онъ говорилъ, что вы прекрасная, добрая дѣвушка, и что у васъ много... много...

— Чего? спросила Леконида.

Петя молчалъ.

— Суетности? спросила Леконида.

— Нѣтъ...

— Хитрости?

— Нѣтъ...

— Такъ чего-же? пожалуйста, не церемоньтесь. Я, ей-богу, не разсержусь.

— Женственности, проговорилъ Петя такимъ смущеннымъ голосомъ, точно стыдился этого слова или находилъ его не совсѣмъ приличнымъ.

Всѣ, кромѣ Пети и Ознобина, захохотали, даже Леконида засмѣялась, такъ что всѣ ея зубы засверкали и глаза—китайскіе глаза—сдѣлались на одну минуту щелками.

— Что-же это за экзаменъ, Леконида Александровна? заговорилъ Ознобинъ (почти безъ всякаго «э...»—такъ онъ былъ не то смущенъ, не то веселъ).—Неужели вы думаете, что я могу иначе объ васъ думать и... иначе говорить? Ра-

Digitized by Google

зумѣется, я хвалилъ васъ ему и вамъ хвалилъ его... Не даромъ-же вы сами пожелали съ нимъ познакомиться.

— Вы и не подозрѣваете, зачѣмъ я пожелала съ нимъ познакомиться — это тайна... Вы хорошо сдѣлали, что привезли его.

— Скоро новый годъ, Леконида Александровна, пойдемте хоть къ Борелю... и велимъ себѣ подать шампанскаго, сказалъ Бековъ;—у меня уже безъ десяти минутъ двѣнадцать...

— У меня безъ тринадцати минутъ, сказалъ Зуевъ, вынимая свои часы.

Петя невольно замѣтилъ, какая толстая золотая цѣпь виситъ у него вдоль бархатнаго жилета.

— А я еще не обзавелся часами, сказалъ Ознобинъ.

— И хорошо сдѣлали, сказала Леконида: — счастливые часовъ не наблюдаютъ.

Въ это время съ Петропавловской крѣпости раздались выстрѣлы.

— Вотъ и новый годъ! вставая и вытягиваясь во весь ростъ, произнесъ Бековъ. — Напрасно мы тутъ такъ замѣшкались. Поздравляю васъ, Леконида Александровна.

— Ну, хоть и не поздравляйте: ничего хорошаго не жду я отъ этой смѣны годовъ, если люди остаются тѣ-же.

Но не успѣла она договорить своей фразы, какъ въ дверь ея комнаты послышался мягкій стукъ, очевидно сдѣланный носкомъ; Петя, который всѣхъ ближе сидѣлъ къ выходу, отворилъ дверь, и на порогѣ появилась горничная съ подносомъ, на которомъ стояли бутылка и бокалы, налитые золотистою влагой шампанскаго.

— Вотъ это такъ, вотъ это какъ слѣдуетъ! воскликнулъ Зуевъ.

Леконида такъ изумилась, что даже дрогнула.

— Чья это выдумка? произнесла она, недовѣрчивыми глазами обводя присутствующихъ.—Ужь не ваша-ли это выдумка? спросила она Ознобина, который первый протянулъ

Digitized by Google

руку за бокаломъ и весь лоснился, стараясь не улыбаться и все-таки ухмыляясь.

— Я ничего не знаю, отвѣчалъ онъ.—Съ повымъ годомъ, Леконида Александровна! Съ новымъ счастьемъ!

— Маша, кто вамъ далъ эту бутылку? спросила хозяйка горничную.

— Этого-съ... не приказали сказывать, краснѣя и тоже усмѣхаясь, проговорила круглолицая, въ веснушкахъ, горничная; она боялась уронить подносъ и не знала, гдѣ ей его поставить.

— Ахъ, терпѣть не могу сюрпризовъ! Ну, да это мы узнаемъ.

Она встала, взяла бокалъ и со всѣми перечокалась.

— Желаю вамъ успѣховъ въ консерваторіи, сказалъ Зуевъ.

— И поступить на сцену, сказалъ Бековъ.

— Всегда быть въ ровномъ и веселомъ настроеніи духа, пробормоталъ Ознобинъ.

— А вы, Клинъ, чего мнѣ пожелаете? спросила Леконида Петю, который, какъ видно, уже нѣсколько привыкъ къ ея обществу.

— Выйти замужъ, отвѣчалъ Петя.

— О! Я этого вовсе не желаю!.. Сейчасъ видно, что вы ученикъ Ознобина.

— Я не ученикъ Ознобина, поспѣшно и какъ-бы себѣ подъ носъ отвѣчалъ Петя.

— Ну все равно... его протеже, или другъ, или наперсникъ.

Когда Леконида выпила бокалъ свой, Ознобинъ подошелъ къ ней и протянулъ ей руку съ тѣмъ сладкимъ выраженіемъ въ глазахъ, которое только свойственно влюбленнымъ и въ то-же время наивнымъ юношамъ; когда она подала ему руку, онъ хотѣлъ поднять ее къ губамъ своимъ, но она воспротивилась, сдвинула брови и сказала:

— Вы уже, знаете, что я терпѣть не могу никакихъ нѣжностей.

Digitized by Google

Пришла очередь чекаться Бекову съ Ознобинымъ.

— Желаю вамъ въ этомъ году жениться, сказалъ ему Бековъ и разомъ выдулъ бокалъ свой.

— Напрасное желанье! пророкотала Леконида.—Я даже вообразить себѣ не могу Ознобина женатымъ.

— Отчего? спросилъ Ознобинъ.

— Почему? спросилъ Бековъ.

— Да какой-же онъ мужъ? Онъ самъ вѣчно виситъ между небомъ и землей. Развѣ можно жениться при такомъ картинномъ положеніи?

Ознобинъ поблѣднѣлъ. Петя уставилъ на него черные глаза свои.

— Ну, а все-же... какъ-бы не владѣя собой, заговорилъ Ознобинъ,—все-же... э... вы, рано или поздно, будете моей женой.

Леконида поблѣднѣла въ свою очередь, въ глазахъ ея сверкнулъ огонь или, лучше сказать, серебряный блескъ холодной стали.

— Что вы... кажется, помѣшались?..

— Нѣтъ, я совершенно серьезно... или вы, или никто...

— Какое право вы имѣете говорить мнѣ такія вещи? Какъ вы смѣете надѣяться?.. Никогда я не подала вамъ никакой надежды.

— Э... никто не запретитъ мнѣ надѣяться. Думайте, что хотите... но моей надежды вы у меня не отнимете... На все судьба.

— Убирайтесь вы съ вашей судьбой, топнувъ ножкой и уже съ пылающимъ лицомъ произнесла Леконида.—Господа... я ухожу... Зуевъ, сбѣгайте и приведите сани... Прощайте, г. Ознобинъ... Надѣюсь въ будущемъ году мы съ вами не скоро увидимся. Возбуждать безплодныя надежды— это... не въ моемъ характерѣ.

Она велѣла горничной задуть свѣчи и отворить форточку, затѣмъ вышла въ коридоръ съ тѣмъ, чтобъ одѣться, закутать голову и уѣхать.

Digitized by Google

Въ коридоръ-же вышли Ознобинъ и Петя, первый держа въ рукѣ шапку, второй—кепи. По лицу Ознобина бродила какая-то разстроенная, неестественная улыбка, глаза казались двумя маленькими точками; онъ тяжело дышалъ. Оба, и Бековъ, и Зуевъ, проходя мимо него вслѣдъ за Леонидой, пожали его руку, и онъ крѣпко, нервно отвѣчалъ имъ на это пожатіе. Ему показалось, что эти молодые люди не безъ состраданія отнеслись къ его ни съ чѣмъ несообразной выходкѣ. Петя былъ совершенно разбитъ нравственно, не зналъ, что ему и думать. Онъ злился внутренно, но на что и на кого злился—онъ пока еще самъ не зналъ.

Ознобинъ поѣхалъ съ Петей на Васильевскій островъ,—непремѣнно до самаго дома хотѣлъ проводить его. Долго оба сидѣли молча — Петя не рѣшался заговорить, Ознобинъ не зналъ, о чемъ заговорить.

— Вѣтеръ, кажется, потише сталъ, сказалъ Петя.

— Ну, что вы думаете объ этой особѣ? Какъ вы объ ней разсуждаете? спросилъ Ознобинъ.

— Мнѣ она не понравилась.

— Не понравилась!.. изумился Ознобинъ.—Почему?

— Да развѣ можно такъ сердиться?

— Да вѣдь я-же самъ виноватъ... Э... это у насъ съ нею не въ первый разъ... Вотъ узнаете ее покороче и... э... будете отъ нея въ восторгѣ.

«Конечно, ты виноватъ, думалъ про себя Петя;—но чтобъ я былъ отъ нея въ восторгѣ—это дудки!»

— А не наклевывается уроковъ? спросилъ Петя.

— А?..

— Уроки вы мнѣ обѣщали найти.

— Похлопочу.

«До того-ли тебѣ, бѣдный Ознобинъ, чтобы хлопотать о другихъ, ты и о себѣ-то хлопотать не умѣешь, думалъ Петя.—Да и что это... зачѣмъ я присталъ къ нему съ уроками?

Digitized by Google

Iай, въ газетныхъ объявленіяхъ можно будетъ прочитать, гдѣ ребуется».

Молча переѣхали они Николаевскій мостъ.

— Ознобинъ!

— Что?

— А что это значитъ: она мнѣ сказала, что будто-бы это тайна, почему она желала со мной познакомиться. Что это за тайна?

— Тайна? Развѣ она вамъ сказала—тайна?

— Сказала.

— Не слыхалъ... э... это вамъ послышалось.

— Нѣтъ, я это очень хорошо помню.

— Гмъ! ну... не знаю...

Опять долгое молчаніе. Сани уже поворачивали въ ту линію, гдѣ квартировалъ Клинъ; Петя рѣшился опять обмолвиться и обмолвился.

— Я думалъ, она любитъ васъ.

— А, можетъ быть, и любитъ... э... э... почемъ вы знаете?

— Нѣтъ.

— Вамъ кажется «нѣтъ», а мнѣ... э... мнѣ кажется «да»... Сердце... э... у ней глубокое... нескоро до дна дороешься... да и не раскрывается оно для всякаго встрѣчнаго-поперечнаго...

— Можетъ быть, я ошибаюсь.

— Я-же думаю... э... что я не ошибаюсь... А вотъ мы и доѣхали... Прощайте.

Они простились. Петя исчезъ за воротами.

— Пошелъ назадъ! сказалъ Ознобинъ извозчику.

Вѣтеръ, дѣйствительно, сталъ тише, но въ ночномъ воздухѣ стало холоднѣе. У Ознобина морозъ подиралъ по кожѣ, на глазахъ навертывались слезы, что-то горькое подступило подъ самое сердце.

Въ Кирпичномъ переулкѣ безъ возраженій заплатилъ онъ извозчику все, что тотъ съ него потребовалъ, а именно рубль

Digitized by Google

и двадцать копеекъ. Ознобинъ взобрался вверхъ по черному ходу и очутился у себя въ комнатѣ. Раздѣвшись и потушивъ свѣчу, онъ легъ подъ свое одѣяло, охватилъ обѣими руками подушку, погрузилъ въ нее лицо свое и заплакалъ дѣтскими слезами любви, горя и досады. А ему нельзя было не досадовать: онъ ошибся въ разсчетѣ. Сильную волей дѣвушку онъ хотѣлъ поразить силою своей собственной воли или настойчивостью. Онъ думалъ смутить ее, заставить ее думать о словахъ своихъ, и разсердилъ. Мысль, что она не захочетъ съ нимъ видѣться, разрывала его на части, жгла его мозгъ и казалась ему такой ужасной, что не давала ему ни спать, ни думать, ни желать, ни надѣяться. Эта мысль почему-то не вдругъ пришла ему въ голову, а именно только въ ту минуту, когда онъ вернулся, раздѣлся и легъ, точно для такой мысли, для того, чтобъ она возникла, нужны были тишина ночи, мракъ и одиночество.

ГЛАВА XX.

Ознобинъ былъ однимъ изъ числа чудаковъ, самыхъ непосредственныхъ и совершенно искреннихъ. Всѣ странности его вытекали изъ его характера и, такъ-сказать, были въ гармоніи съ его міросозерцаніемъ.

Это былъ человѣкъ, у котораго всякая мысль, всякое чувство и даже всякое дѣло до такой степени сливались съ разнаго рода фантазіями, что трудно было найти между ними границу или не принять одно за другое. Леконида считала его только фантазеромъ и вовсе не вѣрила серьезности любви его.

Но прежде чѣмъ перейдемъ мы къ знакомству ихъ, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Ознобинѣ. Сынъ одного губернскаго почтмейстера, долго онъ жилъ, т. е. бѣгалъ, на совершенной свободѣ и даже, поступивъ въ гимназію, долго считался однимъ изъ самыхъ неспособныхъ и лѣнивыхъ маль-

Digitized by Google

чиковъ. Только съ шестого класса, до котораго дошелъ онъ по милости господствовавшей тогда системы и его удивительной памяти, всякій разъ кое-какъ выручавшей его при переходныхъ экзаменахъ,—только съ шестого класса Ознобинъ сталъ однимъ изъ первыхъ учениковъ, и затѣмъ, перебравшись въ Питеръ, прошелъ всѣ четыре университетскихъ курса. Вышедши кандидатомъ, онъ сталъ готовиться къ магистерскому экзамену и долженъ былъ написать дисертацію.

Кто не знаетъ, что дисертаціи по части естественныхъ наукъ ничего иного не требуютъ, кромѣ самостоятельной наблюдательности, изслѣдованій и фактовъ, но въ Ознобинѣ заиграла фантазія... и у него появились геніальные замыслы...

Онъ остался въ Питерѣ, сталъ посѣщать императорскую публичную библіотеку, заглядывать въ разныя книжки философскаго содержанія, не пропустилъ и Гартмана, съ которымъ ознакомился не по переводамъ, а по подлиннику, и сталъ писать.

Исписавъ не малое количество листовъ, онъ остановился на восклицаніи: «нѣтъ, это не то! Это не то... не то!..»

Затѣмъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ, онъ не брался за перо, предавался лѣни, заходилъ въ семейные дома (Ознобинъ терпѣть не могъ холостой компаніи), мечталъ, изучалъ поэтовъ, и если послѣ чтенія философіи Гартмана онъ пришелъ къ заключенію, что воля на землѣ олицетворилась въ женщинѣ, то не поэты-ли навели его на слѣдующія размышленія: «Безъ женщины или безъ жены я не буду въ силахъ сосредоточиться и у меня не хватитъ воли, чтобы что-нибудь сдѣлать. Я буду нулемъ, я никогда не напишу или не кончу своей дисертаціи, если женщина силою своей воли не будетъ, такъ-сказать, направлять меня на этотъ трудъ». И задумалъ онъ доказать своей дисертаціей, что самый совершеннѣйшій организмъ или человѣкъ будетъ тотъ, который будетъ такъ-же чувствителенъ къ уколу булавки, какъ дикарь чувствителенъ къ отрубленной рукѣ или ногѣ, и что низшія животныя почти

Digitized by Google

не чувствуютъ боли. Ему хотѣлось доказать, что мозгъ блохи гораздо совершеннѣе, чѣмъ вся солнечная система, и что духъ (Ознобинъ безъ духа не могъ себѣ объяснить ни одного явленія въ природѣ) живетъ во всемъ органическомъ мірѣ, начиная съ клѣточки и кончая человѣкомъ, и что только въ человѣкѣ онъ начинаетъ прогресировать или обособляться, т. е. дробиться на отдѣльныя души или личности, и что этотъ процесъ прогреса на человѣкѣ не останавливается, а идетъ дальше.

Не дѣло автора оспаривать Ознобина или соглашаться съ нимъ, такъ-какъ до сихъ поръ мы еще не видѣли ни его диссертаціи, ни его доказательствъ. Что-же онъ дѣлалъ, чтобъ достигнуть своей цѣли, т. е. жениться? Ничего. Думалъ-ли онъ, что безъ денегъ нельзя будетъ ему ни свить гнѣзда, ни обзавестись цыплятами? Нисколько не думалъ... Онъ былъ въ надеждѣ, что будетъ у него жена — будутъ и деньги, а не будетъ жены—денегъ никогда не будетъ. Это былъ самый непрактическій человѣкъ и при этомъ самый честный фантазеръ, дышущій туманами нашей весны и запахомъ нашихъ сосенъ въ лѣтніе мѣсяцы.

Онъ до того дошелъ съ своей дисертаціей, что ему положительно ѣсть стало нечего. Квартирная хозяйка, у которой нанималъ онъ за двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ промзглую комнатку и которой задолжалъ за четыре мѣсяца, уже гнала его съ квартиры и собиралась жаловаться на него въ мировой судъ.

Вдругъ въ одной газетѣ прочелъ онъ объявленіе, что какой-то господинъ ищетъ на лѣто наставника къ дѣтямъ.

«Не поѣхать-ли мнѣ въ деревню? подумалъ Ознобинъ;— вѣдь другаго исхода не предвидится. Хозяйка будетъ рада, она мнѣ повѣритъ и меня отпуститъ, а можетъ быть, я и выпрошу задатокъ и расплачусь съ ней... Богъ съ ней!»

Но Ознобинъ такъ-бы и остался на этомъ вопросѣ: не поѣхать-ли? такъ-бы и прозѣвалъ этотъ случай, если-бы не

Digitized by Google

Марья Ивановна Клинъ, при которой онъ совершенно случайно повторилъ вопросъ свой: не поѣхать-ли?

— Разумѣется, поѣхать, отвѣчала старушка.—Поглядите вы на себя, на что вы сами стали похожи! Ступайте, провѣтритесь... тамъ и дисертацію вашу легче допишите.

Ознобинъ даже удивился, что Марья Ивановна, которой онъ былъ такъ полезенъ, гонитъ его куда-то въ деревню.

Но Марья Ивановна не только уговорила его ѣхать, но и сама отправилась по объявленію (которое Ознобинъ вырѣзалъ изъ газеты и носилъ у себя въ карманѣ) въ тотъ домъ, гдѣ жилъ господинъ, желающій пріобрѣсти для двухъ маленькихъ дѣтей своихъ учителя или репетитора.

Господинъ этотъ оказался псковскимъ помѣщикомъ, по фамиліи Володимерецъ, человѣкъ лѣтъ сорока на видъ, хоть и смахивающій на цыгана, но весьма деликатный и не безъ претензій на современный либерализмъ. Услыхавъ отъ почтенной старушки, что у ней есть въ виду человѣкъ, готовящійся быть магистромъ и затѣмъ занять университетскую кафедру, онъ воскликнулъ:

— Это больше, чѣмъ мнѣ надо... это даже роскошь въ нѣкоторомъ родѣ! Пришлите ко мнѣ вашего Ознобина... но... но я не очень богатъ, достаточно-ли будетъ съ него пятидесяти рублей въ мѣсяцъ? У меня дѣти—одному семь лѣтъ, другому—девять; я хочу, чтобы старшій черезъ годъ поступилъ въ первый классъ классической гимназіи. Я, знаете, реалистъ, но что дѣлать! Нужда велитъ готовить дѣтей въ классическія гимназіи.

— По крайней мѣрѣ, шестьдесятъ рублей, стала торговаться съ нимъ Марья Ивановна, и такъ усердно торговалась, что Володимерецъ, Егоръ Львовичъ, согласился и на шестьдесятъ, съ тѣмъ только, чтобы были успѣхи.

— Я увижу, если будутъ успѣхи, я готовъ-съ... понимаете, мнѣ это тяжело, но я готовъ-съ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что Ознобинъ уплатилъ хозяйкѣ

Digitized by Google

за два мѣсяца, обѣщаясь выслать ей изъ деревни еще двадцать четыре рубля, дружелюбно простился не только съ ней, но и съ ея горничной, собралъ свои пожитки, надѣлъ на себя пледъ (дѣло было въ концѣ апрѣля) и въ одномъ вагонѣ съ семействомъ Володимерца отправился въ страны ему неизвѣстныя—куда-то въ псковскую губернію.

Семейство Володимерца состояло изъ мужа, его возлюбленной и двухъ мальчиковъ. Жена отсутствовала. Онъ не былъ съ ней въ разводѣ, но она отсутствовала, и Володимерецъ никогда ни при комъ не упоминалъ даже объ ея существованіи. «Э! говорилъ онъ своимъ пріятелямъ,— она счастлива по-своему, я—по-своему; какое мнѣ до нея дѣло!»

Ознобинъ, очутившись въ деревенской усадьбѣ, долго дичился, страшно скромничалъ и со всѣми деликатничалъ, но усердно принялся за уроки, хотя, увы, въ дѣтяхъ Володимерца встрѣтилъ онъ порядочныхъ тупицъ, и, не видя въ нихъ ничего необыкновеннаго, мѣсяца черезъ два, черезъ три сталъ относиться нѣсколько небрежно къ своимъ занятіямъ, сталъ часто или просыпать, или прогуливать свои уроки, или, зайдя въ кабинетъ къ Володимерцу, пробѣгать журналы да газеты, только-что полученныя съ почты, и толковать о политикѣ. Но удивительное дѣло: пока Ознобинъ занимался съ дѣтьми добросовѣстно, Володимерецъ былъ по отношенію къ нему ни рыба, ни мясо, а зимой, когда Ознобину надоѣли уроки, Володимерецъ полюбилъ его, просто на пріятельскую ногу сошелся съ нимъ. Не оттого-ли это, что въ своей деревнѣ онъ нерѣдко скучалъ (несмотря на присутствіе возлюбленной, какой-то полуграмотной модистки, вывезенной имъ изъ Питера), и почувствовалъ, что праздный Ознобинъ для него лицо во сто разъ болѣе подходящее, чѣмъ Ознобинъ, цѣлый день занятый его пострѣлятами, толкующій имъ, что такое единица, число, дробь, экваторъ и полюсы.

Ознобинъ самъ сталъ чувствовать, что въ деревнѣ ему живется недурно: онъ пополнѣлъ, похорошѣлъ и къ веснѣ

Digitized by Google

перезнакомился съ разными сосѣдями. Вотъ тутъ-то и началъ романъ его.

Въ семи верстахъ отъ усадьбы Володимерца находилась другая усадьба, а именно усадьба помѣщиковъ Библиныхъ, людей зажиточныхъ и независимыхъ.

Прежде всѣхъ, совершенно случайно, гуляя съ Володимерцемъ въ какой-то березовой рощѣ, познакомился онъ съ Леонидой Александровной Алаевой.

Давно уже хотѣлось Ознобину высказаться,—такъ много накопилъ онъ разныхъ идей и фантазій въ праздной головѣ своей,—и вотъ, встрѣтивъ въ Леонидѣ дѣвицу начитанную и неглупую, Ознобинъ пустился разсуждать съ ней о разнаго рода предметахъ, вызывающихъ на размышленіе. Леонида тоже была очень рада, она любила спорить, и Ознобинъ заинтересовалъ ее.

Оказалось, что Леонида живетъ въ усадьбѣ Библиныхъ вдвоемъ съ старымъ помѣщикомъ и, въ качествѣ чтицы, обязанной читать полу-ослѣпшему, болѣзненному старичку, Дмитрію Петровичу Библину, не только какъ хозяйка управляетъ всѣмъ домомъ, но еще и пользуется особеннымъ расположеніемъ влюбленнаго въ нее Дмитрія Петровича. Что-же мудренаго, что Леонида, иногда скучавшая со старикомъ, изъ его полу-темной комнаты уходила въ глубину сада, ища прохлады и отдохновенья, и изъ пяти разъ два или три раза стала въ этомъ саду у калитки, выходящей въ поле, находить Ознобина, который прибѣгалъ пѣшкомъ, чтобы навѣстить ее. Ознобинъ преодолѣлъ восточную лѣнь свою и оказался большимъ ходокомъ; оказавшись большимъ ходокомъ, онъ измѣнилъ Володимерцу и его усадьбѣ. Володимерецъ такъ привыкъ къ его присутствію, что сталъ ревновать его къ Леонидѣ и даже немножко трунить и сплетничать на его счетъ.

Ознобинъ долго не подозрѣвалъ въ себѣ ни малѣйшаго атома страсти и увѣрялъ своего патрона, Володимерца, что

Digitized by Google

онъ ходитъ къ Библинымъ просто потому, что знаетъ, до какой степени бесѣда его полезна молодой дѣвушкѣ, наклонной къ нигилизму или отрицанію.

Такъ продолжалось до іюня мѣсяца. Разъ—это было въ какос-то воскресенье или праздничный день—Ознобинъ послѣ обѣдни отправился къ Библинымъ въ усадьбу, зашелъ въ ихъ садъ и встрѣтилъ Леониду въ обществѣ съ какимъ-то еще молодымъ человѣкомъ, совершенно съ ногъ до головы сѣрымъ, который велъ подъ руку такую молоденькую, хорошенькую женщину, что Ознобинъ тотчасъ-же почувствовалъ къ ней симпатію.

— Рекомендую, сказала Леонида Ознобину: — Дмитрій Дмитріевичъ, сынъ Дмитрія Петровича, и жена его, Марья Ивановна.

— И вы Марья Ивановна! Можетъ-ли это быть! воскликнулъ Ознобинъ и тотчасъ-же вообразилъ себѣ, что всѣ Марьи Ивановны должны быть друзья его, такъ какъ и Марья Ивановна Клинъ—лучшій изъ друзей его.

Слово за словомъ, молодые Библины пригласили Ознобина къ себѣ обѣдать и были также, какъ и Володимерецъ, радехоньки, что въ деревнѣ нашелся человѣкъ не только не глупый, но и образованный, съ которымъ можно и поболтать, и поспорить, и поострить, и повздорить, и опять помириться, — словомъ, человѣкъ какъ нельзя болѣе пригодный для того, чтобъ какъ-нибудь разнообразить сельское уединеніе.

Молодые Библины недавно были обвѣнчаны и вернулись въ свою усадьбу изъ за-границы. Молодая барыня не только не оттолкнула отъ себя Леониды, но, повидимому, полюбила ее и дала ей волю хозяйничать по-прежнему. Старикъ-же увѣрилъ сына, что съ тѣхъ поръ, какъ Леонида приняла въ домѣ ключи и бразды правленія, расходы уменьшились и стало лучше,—и чай сталъ вкуснѣе, и говядина свѣжѣе, и сливки гуще.

Digitized by Google

Говоря это, старикъ дрожащими руками искалъ руки Леониды, чтобы при всѣхъ благоговѣйно облобызать ее.

Всѣ въ домѣ знали, что старый сластолюбецъ не опасенъ, но подозрѣвали, что Леонида слишкомъ много даетъ воли рукамъ его, какъ-бы желая упрочить надъ нимъ свое вліяніе, и что не будь у престарѣлаго Дмитрія Петровича сына, онъ, пожалуй, и до того-бы дошелъ, что оставилъ-бы ей все свое состояніе.

«Мнѣ-же лучше, думала про себя Леонида,—если этотъ старый дуракъ влюбленъ въ меня!»

Ознобинъ, конечно, и не подозрѣвалъ, что Леонида властолюбива, и хотя честна, но честна съ разсчетомъ, — просто потому, что быть честной выгоднѣе, чѣмъ быть безчестной. Онъ удивлялся ея силѣ, ея терпѣнію; онъ зналъ, что Леонида, младшая дочь бѣднаго отставного генералъ-маіора, оставшись сиротой, тотчасъ-же оперлась сама на себя, на свой умъ и на свои способности,—словомъ, одна изъ тѣхъ, которыя у *«чуждыхъ опоры не просятъ»*. Но, Боже мой, какъ забилось вдругъ его сердце, когда въ одинъ прекрасный день услыхалъ онъ ея голосъ! Она пѣла подъ акомпаниментъ Марьи Ивановны «Греческую ночь» Щербины, и Боже мой! какою необъятною страстью прозвучалъ въ устахъ ея стихъ: «Поспѣшай, поспѣшай на свиданье любви!»

«Она!» прошепталъ про себя Ознобинъ.—Чего же я ищу?.. Кладъ у меня подъ рукой... Мы оба сироты, оба люди бѣдные. Я—разумъ, она—воля, я—блондинъ, она—брюнетка, мы созданы другъ для друга».

И съ этой минуты все, что таилось въ глубинѣ души его, всплыло наружу. Слово было найдено. Путеводная звѣзда его жизни взошла на горизонтѣ и заиграла лучами. Онъ влюбленъ, онъ любитъ, и въ этомъ нѣтъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія.

И добродушный въ полномъ смыслѣ слова, добрый малый Дмитрій Дмитріевичъ, и жена его, существо еще свѣ-

Digitized by Google

жее, непомятое жизнью, дѣтски довѣрчивое и по дѣтски капризное, и даже кой-кто изъ горничныхъ стали догадываться, что Ознобинъ влюбленъ въ Леониду. Сама Леонида была въ этомъ давно уже увѣрена, прежде чѣмъ самъ Ознобинъ увѣрился въ этой великой истинѣ, и это льстило ея самолюбію и развлекало ее, давая ей возможность бѣсить его, смущать и радовать,—словомъ, держать въ полномъ повиновеніи.

ГЛАВА XXI.

Лѣто быстро приближалось къ концу.

Уроки Ознобина шли обрывками, по утрамъ, т. е. до завтрака. Дѣти не дѣлали большихъ успѣховъ, съ утра порываясь на свѣжій воздухъ. Ознобинъ сталъ пропадать у Библиныхъ. Володимерецъ не могъ простить ему этой измѣны и, встрѣчаясь съ нимъ, или отворачивался, или язвилъ.

Ознобинъ съ своей стороны, почему-то совсѣмъ разочаровался въ добротѣ его, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ, отпуская обратно въ Питеръ свою возлюбленную, прямо объявилъ ей, что она ему надоѣла, отпустилъ ее въ слезахъ и не далъ ей даже провожатаго до станціи.

Немного прошло времени, какихъ-нибудь мѣсяца два-три, съ тѣхъ поръ, какъ Ознобинъ почувствовалъ себя влюбленнымъ, но уже немало утекло воды, а такъ какъ извѣстно всѣмъ и каждому, что вода ничего не склеиваетъ, а все размываетъ,—въ отношеніяхъ Леониды къ молодымъ Библинымъ оказались трещины или промоины.

Правду говоритъ пословица, что въ одномъ оврагѣ двѣ волчицы не водятся. Молодая Библина почувствовала, что она, какъ хозяйка, не свободна, что Леонида ее стѣсняетъ и туда суетъ свой носъ, куда ей совать его не слѣдуетъ. И Леонида тоже почувствовала что-то неладное: у ней чаще стали брать ключи отъ буфета и шкафовъ и не возвращать

Digitized by Google

ей ихъ по цѣлымъ недѣлямъ. Дмитрій Дмитріевичъ сталъ съ нею какъ-то совѣстливъ и сдержанно-церемоненъ. Маша же, жена его, дула губки и увѣряла, что у ней апетита нѣтъ, Можетъ быть, милая Маша и потому еще стала капризнѣе. что была уже въ интересномъ положеніи, о чемъ, конечно, никто не зналъ.

Но Леконида, хотя, можетъ быть и догадывалась, что между ними пробѣжала черная кошка, вела себя совершенно по прежнему. Никакой конфузъ ее не конфузилъ, никакіе намеки не колебали въ ней намѣренія остаться въ этомъ домѣ и жить тутъ, подъ эгидою влюбленнаго старца, если не всегда, то какъ можно долѣе.

Въ минуты же скуки у нея почти-что всегда былъ подъ бокомъ Ознобинъ. Онъ былъ счастливъ отъ ея малѣйшаго къ нему вниманія, онъ откровенно, иногда со слезами на глазахъ, высказывалъ ей любовь свою. Она хвалила его за хорошія чувства къ ней, т. е. незамѣтнымъ образомъ поощряла ихъ.

Она сердилась иногда на его долгое отсутствіе и въ то же время безпрестанно говорила ему: «Ахъ, какъ вы мнѣ надоѣли, Ознобинъ!».

За обѣденнымъ или вечернимъ столомъ, съ нимъ, въ присутствіи молодыхъ хозяевъ, всегда почти случалось такъ, что Дмитрій Дмитріевичъ принималъ ея сторону, а Маша, жена его, принимала сторону Ознобина. Ознобинъ же увѣрялъ Леконидy, что она хоть и говоритъ, что Бога нѣтъ, но она все-таки въ него вѣритъ, потому что всякая живая душа не можетъ обойтись безъ вѣры, какъ и всякое живое тѣло безъ сердца или, по крайней мѣрѣ, безъ живого нерва.

Ознобинъ увѣрялъ ее, что хоть она и эмансипированная дѣвушка, но что она сама скоро почувствуетъ, что воля безъ разума есть не что иное, какъ ничѣмъ непросвѣтленный эгоизмъ или произволъ, и что произволъ нарушаетъ равновѣсіе жизни. Леконида называла его мистикомъ, спиритомъ

Digitized by Google

и никогда почти ни въ чемъ, ни въ одномъ словѣ не соглашалась съ нимъ.

— Что такого хорошаго вы нашли въ ней? разъ сказала Ознобину вполголоса Маша Библина и этимъ тихимъ, дружескимъ восклицаніемъ до такой степени его озадачила, что онъ сталъ подозрѣвать, что она сама къ нему неравнодушна и ревнуетъ.

Наступила поздняя осень—съ дождемъ, вѣтрами и невылазной грязью.

Ознобинъ поневолѣ сталъ рѣже видаться съ Леконидой.

А между тѣмъ въ домѣ Библиныхъ разыгрывалась цѣлая драма.

Молодой, добрый малый, Дмитрій Дмитріевичъ Библинъ все-таки былъ человѣкъ и, стало быть, не чуждъ кое-какихъ пороковъ; онъ тоже былъ эгоистъ и, не будучи явно скупымъ, любилъ деньги и былъ разсчетливъ: мысль, что Леконида добивается отъ его отца большихъ денегъ, что старикъ не даромъ заговорилъ съ нимъ о какомъ-то пересмотрѣ написаннаго имъ завѣщанія, была ему такъ непріятна, что онъ рѣшился держать ухо востро.

Не разъ слышалъ онъ за дверью, въ полутемной, съ опущенными зелеными сторами комнатѣ отца своего, его старческій, слащавый, расплывающійся голосъ, какъ бы захлебывающійся отъ избытка страсти: «Ma chère... Léconide, si jeunesse savait, si vieillesse pouvait». Или: «О, зачѣмъ я не скульпторъ!.. Ахъ, старость—не радость». Или: «Я... я... я хочу, чтобъ вы не остались безъ приданаго; я не хочу, чтобъ вы, мое милое дитя, бѣдствовали».

Конечно, воображеніе подсказывало молодому Дмитрію и то, чего не было... Но что потворство влюбленному старику было со стороны Леониды дѣломъ разсчета или корыстныхъ надеждъ, въ этомъ онъ не сомнѣвался и, разумѣется, всѣ свои догадки сообщалъ женѣ своей.

Пробовали они разочаровать Ознобина, но не могли:

Digitized by Google

Ознобинъ былъ неприступенъ въ своемъ заколдованномъ царствѣ мечты и очарованья.

Разъ, это было уже въ ноябрѣ, молодые Библины прибѣгли къ Ознобину съ просьбою уговорить Лекониду оставить ихъ.

— У нея божественный голосъ, удивительный голосъ, говорили ему молодые Библины.—Ей слѣдуетъ его развивать, ей слѣдуетъ учиться,—зачѣмъ же ея талантъ будетъ даромъ пропадать у насъ?.. Къ тому же, неужели вы не знаете, сказалъ ему молодой Библинъ,—что нашъ старикъ отъ нея не только съума сошелъ—заболѣлъ, едва языкомъ ворочаетъ.

Ознобинъ далъ имъ честное слово уговорить Лекониду. Онъ взялся за это съ особенной охотой, потому что и самъ долженъ былъ покинуть насиженное мѣстечко или усадьбу Володимерца. Мысль провожать до Питера Лекониду тоже соблазняла Ознобина.

Леконида, съ своей стороны, видѣла, что старикъ заболѣлъ и, такъ сказать, на ладонъ дышетъ. Ей вовсе не хотѣлось морозить себя въ день его погребенія и оставаться въ домѣ безъ всякаго дѣла, безъ всякаго значенія.

Словомъ, сами обстоятельства и подтолкнули, и помогли Ознобину. Въ одно прекрасное морозное утро, получивъ отъ Володимерца часть должныхъ ему денегъ, т. е. далеко не всѣ, простился онъ съ Библиными и, напутствуемый всевозможными пожеланіями, сѣлъ въ тарантасъ вмѣстѣ съ Леконидой и вмѣстѣ съ ней отправился на станцію желѣзной дороги. Нечего и говорить о томъ, что молодые Библины такъ были рады, что наградили Лекониду и вещами, и гардеробомъ, и деньгами.

Леконида съ затаенной злостью приняла подарки ихъ, и почти до самой станціи была такъ молчалива и грустна, что Ознобинъ только нылъ, но ничѣмъ не могъ ни развлечь ее, ни утѣшить.

По пріѣздѣ въ Питеръ, онъ нанялъ себѣ комнатку не подалеку отъ того дома, гдѣ поселилась Леконида, и сталъ

Digitized by Google

почти-что ежедневно посѣщать ее, что, конечно, не мѣшало ему бывать и у Пети, и въ публичной библіотекѣ. Леконида же тотчасъ стала хлопотать о своемъ поступленіи въ консерваторію и розыскала всѣхъ своихъ прежнихъ знакомыхъ, прежде чѣмъ посѣтила замужнюю сестру свою, Александру Александровну Ерошину, жену одного изъ сослуживцевъ Клина, женщину очень добрую, любящую мужа, дѣтей и довольство, стало быть далекую отъ какого-бы то ни было отрицанія.

Вопросъ, почему Ознобинъ до сихъ поръ былъ почти увѣренъ, что онъ любимъ, объясняется нестолько поведеніемъ Лекониды, которая позволяла ему высказываться и иногда слушала его, опустивъ рѣсницы и закинувъ голову, сколько складомъ его особеннаго міросозерцанія: онъ вѣрилъ въ магнетическую силу своей страсти, онъ вѣрилъ, что такая любовь, какъ его любовь, не можетъ быть нераздѣляема, что это не только невозможно, но даже и сверхъестественно. Не изъ фактовъ жизни черпалъ Ознобинъ свои убѣжденія и выводы, а изъ собственной головы, изъ соображеній чисто-теоретическихъ. Математической формулѣ, рѣшавшей неизвѣстное x, онъ, конечно, вѣрилъ больше, чѣмъ собственнымъ глазамъ своимъ, а у Ознобина были цѣлыя тетради, исписанныя алгебраическими выкладками, и кто знаетъ, сколько иксовъ (x) было рѣшено имъ и воплощено въ образы и схемы, никому невѣдомые и никѣмъ непризнаваемые.

ГЛАВА XXII.

Время идетъ незамѣтно и незамѣтно поглощаетъ навсегда наши житейскія мелочи... И какъ подумаешь, изъ какихъ мелочей слагается жизнь—тошно станетъ; но безъ нихъ не обходится ни одно великое дѣло. Историческія событія начинаются съ мелочей,—съ нашей домашней и семейной жизни, съ нашей кухни, съ нашихъ барскихъ палатъ, конюшень, чердаковъ и подваловъ. Для мѣловой горы нужны безконеч-

Digitized by Google

ныя массы вымершихъ микроскопическихъ организмовъ; для міровыхъ событій нужны миріады впечатлѣній, нами пережитыхъ и унаслѣдованныхъ нами отъ нашихъ предковъ.

Мой романъ будетъ вращаться на мелочахъ, но что изъ этихъ мелочей слагается и можетъ сложиться современемъ—не знаю; пусть объ этомъ разсуждаютъ, какъ хотятъ, люди способные къ какимъ-бы то ни было выводамъ.

Петя сильно на себя досадовалъ, зачѣмъ оставилъ подарокъ крестной—цѣлую связку книгъ сочиненій Тургенева—въ комнатѣ нѣмки Софьи Ивановны, въ сладкой надеждѣ, что она на другой-же день ихъ пришлетъ ему. Не тутъ-то было! Книгъ этихъ никто и не подумалъ посылать ему. Ждалъ онъ день, другой, третій... Послать за ними Мавру и не дать ей на извозчика ему не хотѣлось... Гдѣ старухѣ протащить пѣшкомъ такую массу печатной бумаги?.. Наконецъ, занялъ онъ у Мавры 6 копеекъ на почтовую марку и послалъ съ жалобой на проклятую нѣмку письмо къ Алешѣ.

На другой день къ вечеру онъ получилъ отвѣтъ, что книги его кто-то прибралъ, и какъ скоро онѣ найдутся, то немедленно будутъ къ нему посланы. «А всего лучше, писалъ Алеша,—если-бы ты самъ за ними зашелъ или заѣхалъ».

Петя рѣшился самъ идти къ Померанскимъ и наканунѣ Крещенія отправился на Гороховую.

«Если отдадутъ—хорошо, думалъ Петя, шагая безъ калошъ по снѣгу въ своей гимназической шинеленкѣ,—а не отдадутъ—ну и чортъ ихъ возьми! не нуждаюсь! Эхъ! Ну что-бы стоило мнѣ тогда-же взять ихъ съ собой?.. Какое ей до меня дѣло,—этой Софьѣ Ивановнѣ,—когда никто другъ о другѣ не хлопочетъ и не заботится?»

И Петѣ, въ его душевномъ настроеніи, уже казалось, что у этихъ Померанскихъ жить его покойной матери было куда какъ тяжело: она, бѣдная, напрягала всѣ свои силы, чтобъ быть имъ полезной, и за четыре дня до смерти еще была на ногахъ и распоряжалась...

Digitized by Google

Былъ второй часъ пополудни, когда онъ позвонилъ у Померанскихъ и узналъ, что «почитай» никого дома нѣтъ; но старый слуга Порфирій давно уже зналъ Петю и тотчасъ-же впустилъ его.

Не снимая шинели, Петя присѣлъ въ передней на плетеный стулъ и попросилъ Порфирія сходить къ Софьѣ Ивановнѣ,—спросить ее, куда дѣвала она книги, оставшіяся у нея въ комнатѣ, и сказать ей, что онъ самъ за ними зашелъ и дожидается. Около четверти часа, совершенно одинъ, просидѣлъ Петя въ передней, наконецъ вышелъ изъ терпѣнья, сбросилъ съ себя шинель и пошелъ въ столовую. Въ сумрачномъ коридорѣ онъ засталъ Порфирія, полушопотомъ разговаривающаго съ горничной.

— Ну что-же книги?!

— А вотъ, изволите видѣть, сказалъ ему Порфирій,— онѣ-съ, эти самыя книги, въ комнатѣ у барышни... Никакъ онѣ сами изволятъ ихъ читать... И ужь вы потрудитесь... какъ-нибудь... черезъ кого-нибудь... А Софья Ивановна очень занята и не могутъ-съ.

Горничная все это время съ раскрытымъ ротикомъ смотрѣла на Петю, и когда Порфирій выложилъ ему все, что удалось ему разузнать о книгахъ, и Петя недоумѣвалъ, что ему дѣлать, она сказала ему: «подождите!» и тотчасъ-же исчезла налѣво, за деревянной, маленькой дверкой.

Порфирій ушелъ въ кухню, гдѣ, слышно было, мололи жареный кофе. Изъ комнаты Софьи Ивановны какой-то мальчикъ пронесъ какой-то узелъ; изъ растворенныхъ учебныхъ комнатъ Володи и Алеши вѣяло застоявшимся папиросным запахомъ. Въ концѣ коридора топилась печка, и уголъ краснаго платяного шкафа былъ освѣщенъ волнующимся отблескомъ потрескивающаго пламени.

Петя пошелъ было къ печкѣ поглядѣть, какъ она топится, но горничная отворила дверку и позвала его.

Онъ вошелъ въ комнату къ Варѣ и очутился за перего-

Digitized by Google

родкой, гдѣ стояла вся бѣлая, съ бѣлыми подушками кровать ея. Тутъ на столикѣ увидалъ онъ книжку, съ вложеннымъ въ нее большимъ перламутровымъ ножикомъ, и не успѣлъ еще сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ послышался слабый голосокъ:

— Войдите, Петя...

Варя, въ сѣромъ фланелевомъ капотѣ и въ персидскихъ туфляхъ, лежала на кушеткѣ, съ безцвѣтными губками и съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ.

— Что съ вами? спросилъ Петя.

— Больна по обыкновенію, сердитымъ тономъ отвѣчала Варя. — Это вы за книгами пришли? Я могу вамъ ихъ отдать, пожалуй; только послѣдній томъ оставьте: я тамъ начала читать. Да что, развѣ вы еще не читали Тургенева?

— Кое-что читалъ, отвѣчалъ Петя.

— И вамъ нравится?

— Кое-что нравится, даже очень, отвѣчалъ Петя.

— Мнѣ скучно... Папа тоже не совсѣмъ здоровъ... Садитесь, поговоримъ... Это отчего вы скрылись отъ насъ?.. Неужели оттого, что Анна Егоровна, сестрица ваша, васъ побезпокоила своимъ присутствіемъ?

Петя, съ досады на такое глупое предположеніе, разсказалъ въ немногихъ словахъ, что въ этотъ вечеръ одинъ изъ его пріятелей обѣщалъ познакомить его съ своей будущей невѣстой и что онъ далъ ему слово встрѣтить у ней новый годъ. «Оттого я и играть у васъ боялся: думалъ — а ну, какъ заѣдетъ?»

— А! Такъ вотъ что! протянула Варя. — А мы-то думали...

Она ласковѣе поглядѣла въ глаза упрямца и подвинула къ нему коробку съ конфектами.

— Возьмите...

Петя взялъ одну конфекту.

— Хотите, я ваши книги отдамъ переплесть, прежде чѣмъ вы ихъ получите?

Digitized by Google

— Зачѣмъ... нѣтъ-съ, не надо.

— Отчего-же?.. Вѣдь я не на вашъ счетъ, чего вы испугались?..

— Когда-нибудь я и самъ ихъ переплету, сказалъ Петя

— Ну, какъ хотите!.. А какъ странно,—гляжу на васъ,—право странно: мы однихъ лѣтъ, и я ужь взрослая восемнадцатилѣтняя, а у васъ еще и усовъ нѣтъ.

— Кажется, начинаются, сказалъ Петя и потрогалъ пальцемъ у себя подъ носомъ.

— И неужели вы, такой еще недоросль, понимаете все, что пишется въ этихъ романахъ и повѣстяхъ?

— Они за тѣмъ и пишутся, чтобъ всѣ понимали ихъ... Я уже не маленькій, Варя!

— И Гоголя вы читали?

— Да, читалъ, а что?

— Смѣялись?..

— А вы смѣялись?

— Я?—нѣтъ...

— И я читалъ самыя смѣшныя его повѣсти: и о томъ, «Какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ», и его «Коляску», и его комическія сцены... Все это я читалъ, все это ужасно живо, точно живые люди, а... не смѣшатъ...

— А папа мой до сихъ поръ хохочетъ, какъ ребенокъ, и отъ Чичикова, и отъ генерала Бетрищева... Даже капитанъ Копейкинъ смѣшитъ его чуть не до слезъ... Неужели же мы—все наше поколѣніе—смѣхъ и тотъ потеряли? Вотъ вы,—я это замѣтила,—вы никогда почти не смѣетесь; отчего это?! Такъ еще молоды—и не смѣетесь.

Петя посмотрѣлъ на нее вопросительно, какъ-бы обдумывая слова ея. «Неужели я никогда не смѣюсь? Странно!» подумалъ онъ.

— Не оттого-ли это, что мы... даже и не плачемъ, право... замѣтила Варя.

Digitized by Google

— А какая польза въ слезахъ? началъ было Петя.

— Ахъ, польза! Конечно, польза! Слезы облегчаютъ наши страданія... А развѣ мы не страдаемъ?...

— Отчего вамъ страдать! Что вы! какъ-бы съ досадой проговорилъ Петя и тяжелымъ, сомнѣвающимся взглядомъ поглядѣлъ на блѣдное лицо ея.

— Да оттого, что жизни нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Да развѣ это жизнь? Вставать, ходить, ѣсть, одѣваться, раздѣваться, спать... опять вставать, видѣть глупости, слышать глупости, — однѣ только глупости!.. Вотъ этотъ Тургеневъ, этотъ жилъ... Хоть какъ-нибудь, хоть по-помѣщичьи, по-барски, да жилъ: былъ страстный охотникъ, наблюдалъ, встрѣчалъ женщинъ... Ахъ, какихъ, какихъ женщинъ ни встрѣчалъ онъ! И крестьянокъ, и старыхъ барынь, и молоденькихъ, страстныхъ дѣвушекъ, и ужь, конечно, самъ любилъ, иначе какъ-бы онъ могъ описывать любовь?!.

Варя вздохнула... Глаза ея точно вдругъ потускли, и она, помолчавъ, продолжала надтреснутымъ, слабымъ голосомъ:

— Вы думаете, я очень веселюсь, когда танцую? А я танцую, точно пьянствую. Мнѣ пріятно иногда двигаться, и двигаться подъ музыку... Когда у насъ танцы, я даже наблюдательнѣе, чѣмъ когда-нибудь; у меня точно свѣтлѣетъ въ мозгу... Теперь... теперь... я такъ рада, что и вы зашли. Я, знаете, иногда боюсь съума сойти... Другіе сходятъ съума отъ какого-нибудь страшнаго горя, отъ любви или отъ какихъ-нибудь идей о-со-бенныхъ, а я съума сойду оттого, что ни горя, ни любви, ни идей, ничего, ничего! Вотъ только эта комната, это окно, эти занавѣски и вся эта пестрая дрянь!.. Хороша у васъ комната?

— Нѣсколько похуже вашей будетъ.

— Вотъ лѣтомъ хотятъ везти меня за-границу... Да, говорятъ, дорого все становится... Не знаю, поѣдемъ-ли... Да зачѣмъ? Ничего, никуда мнѣ не хочется!

Digitized by Google

«И своя комната надоѣла, и никуда ей не хочется!» подумалъ Петя. Но Варя опять перескочила на другой предметъ разговора, точно мысли безъ всякой связи приходили ей въ голову.

— Какъ вамъ нравится наша француженка Бригале, Луиза Федоровна?

— Такъ-себѣ, не очень, пробормоталъ Петя.

— А я полгода тому назадъ была страстно влюблена въ нее.

— Какъ! вы были влюблены въ мамзель?!

— Ужасно!.. просто ночи не спала, бредила. Если-бы она сказала мнѣ: Варя, убѣжимъ со мной на край свѣта,—я-бы убѣжала съ ней. Просто какое-то магнетическое дѣйствіе она на меня производила, точно я была околдована.

Петя смотрѣлъ на нее съ возрастающимъ недоумѣніемъ.

— А теперь... теперь не то. О, далеко не то! Разъ она меня обидѣла, прогнала меня отъ себя, другой разъ тоже поступила со мной не по-дружески и, вѣрите-ли, я, кажется, никогда не плачу, а тутъ чуть не рыдала. Теперь я очень боюсь, какъ-бы нашъ Иванъ Ивановичъ въ нее не влюбился. О, если она захочетъ влюбить, она влюбитъ... Она колдунья...

— Ну, ужь меня-бы не влюбила! За это могу вамъ поручиться.

Варя задумалась и заговорила, понизивъ тонъ:

— А знаете, чего мнѣ ужасно какъ захотѣлось... ужасно!..

— Чего?

— Морошки.

— Морошки!

— Ну да, моченой морошки. Нельзя-ли вамъ сказать Софьѣ Ивановнѣ, чтобъ она какъ-нибудь распорядилась, послала-бы кого-нибудь узнать, гдѣ можно достать моченой, именно моченой морошки, моченой...

— Я къ вамъ ее пошлю, сами ей скажите. Прощайте, Варвара Ивановна. Такъ книги, стало быть, вамъ нужны?

Digitized by Google

— Какія книги? Ахъ, да... Нѣтъ, ради Бога, берите ихъ! У насъ ихъ растащутъ, и не найдете... Вонъ на окнѣ четыре книги, на туалетѣ—одна. А гдѣ еще? Вотъ ужь и не знаю! Поищите гдѣ-нибудь, а читать ихъ я не стану. Богъ съ ними! Все это я уже давно знаю... Хочется чего-нибудь новаго... Очень рада, что вы за ними зашли. Ахъ, какъ я устала!

И она закинула назадъ свою свѣтло-русую голову, вытянула руки вдоль своего тѣла, и все время, пока Петя собиралъ свои книги, лежала съ закрытыми глазами, точно спала. Но въ ту минуту, когда онъ вышелъ въ коридоръ, она привстала и, сжавъ обѣими руками восковые, съ голубыми жилками виски свои, произнесла:

— И шумъ меня тревожитъ, и тишина въ домѣ безпокоитъ. Ахъ, хоть-бы за-границу скорѣй!

ГЛАВА XXIII.

Петя тотчасъ-же вернулся домой, принялся за чтеніе, и, не странно-ли, тургеневскій Базаровъ не произвелъ на него никакого особеннаго впечатлѣнія, тогда какъ болгаринъ Инсаровъ показался ему чуть не идеальною личностью. Ужь не оттого-ли это, что мечта освободить одинъ изъ славянскихъ народовъ, — мечта, воплощенная въ такіе художественные образы,—была ближе къ наступающему времени, къ толкамъ о турецкихъ звѣрствахъ и о начинающемся возстаніи герцеговинцевъ?..

Петя рѣдко читалъ газеты, не имѣлъ ни случая, ни повода съ кѣмъ-нибудь разговаривать о политикѣ, но кое-что зналъ, задумывался и волновался.

Гимназисты послѣдняго класса, его товарищи, только и думали о томъ, какъ-бы выдержать экзаменъ зрѣлости и идти куда-нибудь дальше. Въ другихъ-же, низшихъ классахъ, напротивъ, вѣроятно было немало самыхъ ярыхъ политиковъ, и тамъ, точно такъ-же, какъ и за столомъ у Померанскихъ,

Digitized by Google

шли споры о томъ, будетъ-ли когда-нибудь Россія воевать съ турками или не будетъ.

Петя не боялся экзаменовъ; онъ читалъ по-латыни и по-гречески почти такъ-же, какъ и по-русски, но если онъ кого боялся, такъ это учителя латинскаго языка, чеха Милича. Этотъ Миличъ за что-то не взлюбилъ его и въ послѣдніе два года ни разу не поставилъ ему полнаго балла. Петя зналъ, принося каждую недѣлю домой баллы свои, что у него по латинскому языку между четверками попадаются иногда и тройки, и даже двойки, и положительно недоумѣвалъ, какая могла-бы быть тому причина. Петя зналъ, что этотъ своеобразный чехъ терпѣть не могъ, когда ему что-либо начинали переводить, не дочитавъ періода до конца или до точки, какъ-бы длиненъ ни былъ этотъ періодъ. За такую оплошность онъ, несмотря ни на какое знаніе, ставилъ единицы; но Петя ни разу, какъ ему казалось, не сдѣлалъ такой оплошности; онъ мысленно искалъ иной причины и пока находилъ одну: «ему не нравится моя физіономія».

Кончились святки, началось ученіе, и Петя опять сталъ вставать при свѣчахъ и, наскро напившись чаю, иногда съ отцомъ, иногда одинъ или самъ-другъ съ Маврой, надѣвалъ кепи, башлыкъ, закидывалъ за спину тяжелую сумку съ книгами и, согнувшись, дралъ въ гимназію, чтобъ не опоздать къ молитвѣ.

Чтобъ не слишкомъ надоѣдать нашимъ читателямъ, мы не будемъ слѣдить за уроками Пети. Онъ-же былъ усидчивъ, могъ по цѣлымъ днямъ сидѣть надъ своими тетрадями, и нерѣдко у него горѣлъ лобъ отъ напряженнаго вниманія.

Ознобинъ, который посѣщалъ его, и тотъ, заставая его за работой, не засиживался у него болѣе четверти часа или какихъ-нибудь двадцати минутъ.

Ознобинъ былъ грустенъ, замѣтно осунулся, но избѣгалъ говорить съ Петей о Леонидѣ или о томъ, въ какихъ онъ

Digitized by Google

съ ней отношеніяхъ. Досадно ему было, что первый визитъ Пети къ предмету его страсти былъ такъ неудаченъ и оставилъ такое невыгодное впечатлѣніе. Не одно самолюбіе Ознобина страдало,—страдало сердце; онъ былъ разбитъ не только нравственно, но и физически. Онъ думалъ, что простудился, чувствовалъ ломоту во всемъ тѣлѣ, и, разумѣется, не лечился. Вообще онъ терпѣть не могъ ни докторовъ, ни латинской кухни. Это какъ-то вязалось съ его фаталистическими воззрѣніями на судьбу или на высшую, всему начало и предѣлъ полагающую, міровую волю.

У него еще были деньги, несмотря на шампанское и разъѣзды. Но откуда были у него эти деньги? Мы уже намекали, что Володимерецъ, когда Ознобинъ уѣзжалъ изъ его деревни, съ тѣмъ, чтобы проводить Леониду Александровну, не додалъ ему всѣхъ причитающихся денегъ. Теперь скажемъ, что денегъ этихъ было немало: Володимерецъ не додалъ ему жалованья за цѣлыхъ четыре мѣсяца, что составляло 240 рублей—деньги большія для Ознобина. Но Ознобинъ тотчасъ-же повѣрилъ, что у Володимерца денегъ нѣтъ, и, по своему добродушію и безпечности, рукой махнулъ. Денегъ на дорогу хватало; хватало и на то, чтобы кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, прожить въ Пстербургѣ недѣли двѣ-три; стало быть, о чемъ-же тутъ думать? Не задерживать-же Леониду Александровну изъ-за двухъ сотъ рублей и не пускать-же одну безъ кавалера или провожатаго!

Но на святкахъ Володимерецъ пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ гостинницѣ у Демута. Ознобинъ, уже до крайности доведенный своимъ безденежьемъ, рѣшился отыскать его, зайти къ нему и побезпокоить. Рано утромъ онъ засталъ его въ номерѣ и дѣйствительно побезпокоилъ: упросилъ его заплатить хоть за два мѣсяца, съ тѣмъ, чтобы ужь, такъ-сказать, поквитаться съ нимъ.

Какъ ни ежился Володимерецъ, какъ ни намекалъ ему, что все лѣто онъ больше занимался Леонидой, чѣмъ дѣтьми

Digitized by Google

его, однако, кончилось тѣмъ, что онъ далъ ему сто рублей съ тѣмъ, чтобы ужь больше тотъ не просилъ и не требовалъ.

Ознобинъ согласился и, предружелюбно пробесѣдовавъ съ нимъ за чаемъ около часу или двухъ, простился.

Вотъ откуда были у Ознобина деньги. Онъ заплатилъ ими за свою каморку, заплатилъ за десять билетовъ въ кухмистерской и на сорокъ рублей получалъ возможность двигаться по Питеру съ помощью лошадиныхъ силъ и съ пущими шансами на то, чтобы простудиться, такъ-какъ по-прежнему сѣрый пледъ служилъ ему вмѣсто шубы. Онъ былъ-бы совершенно счастливъ и спокоенъ, имѣя у себя въ карманѣ нѣсколько рублей, если-бы не любовь и если-бы не ужасный промахъ, сдѣланный имъ подъ новый годъ.

Если-бы спросили меня: да какая-же дѣвушка вышла-бы за Ознобина замужъ, зная его безпомощность въ финансовомъ отношеніи? Я бы на это отвѣтилъ: «Не безпокойтесь». Сотни бѣдныхъ дѣвушекъ выходятъ замужъ за бѣдныхъ студентовъ, неокончившихъ курса, или за юныхъ, еще неоперившихся художниковъ, которые тотчасъ-же по полученіи первой серебряной медали за програму то-и-дѣло сочетаются бракомъ, въ ожиданіи будущихъ благъ, и затѣмъ голодаютъ, обремененные семействами.

И, несомнѣнно, Леконида Александровна вышла-бы замужъ за Ознобина, если-бы была одною изъ современныхъ идеалистокъ, вѣрила-бы въ трудъ, приносящій золотые плоды, и вѣрила-бы, что не нынче, такъ завтра все перевернется вверхъ дномъ и на высотѣ всѣхъ благъ земныхъ очутятся всѣ униженные и оскорбленные.

Къ счастію Ознобина, Леконида къ судьбѣ не имѣла ни малѣйшаго довѣрія, не вѣрила въ его будущность и при этомъ не была влюблена въ него. Но это-то счастье, съ посторонней точки зрѣнія, и было для него однимъ изъ самыхъ страшныхъ, подавляющихъ несчастій!

Digitized by Google

На другой-же день новаго года, въ третьемъ часу, взобрался онъ на знакомую лѣстницу и позвонилъ на верхней площадкѣ въ номера, гдѣ жила Леконида. Горничная, еще наканунѣ разносившая его шампанское, положительно не знала, что сказать ему: сказать, что его не велѣли принимать, ей было совѣстно; сказать, что Леониды Александровны дома нѣтъ, она не догадалась, и, наконецъ, промямлила, что Леконида Александровна одѣвается и собирается выйти.

Ознобинъ поколебался; но жажда выпросить, вымолить у нея прощеніе и позволеніе по-прежнему навѣщать ее, была такъ сильна и такъ его мучила, что онъ снялъ пальто и, несмотря ни на какія возраженія горничной, подошелъ по коридору къ затворенной двери и сгибомъ указательнаго пальца постучалъ въ нее.

Въ отвѣтъ на это щелкнула задвижка и затѣмъ послышался голосъ Леониды:

— Кто здѣсь?

— На одну минуту... на одну минуту, Леконида Александровна!

— А! Если вы Ознобинъ, то меня дома нѣтъ, звучно и внятно долетѣло до ушей его.

Кровь прилила къ его лицу; съ минуту стоялъ онъ, понуривъ голову, глядя въ полъ и ничего не видя. Затѣмъ медленно пошелъ назадъ, и когда сострадательная горничная хотѣла помочь ему надѣть пальто, онъ проворчалъ сухо: «не надо», и спустился съ лѣстницы. Швейцаръ въ синей ливреѣ съ мѣдными пуговицами, которому еще такъ недавно Ознобинъ далъ рубль на водку, оскаливъ зубы, спросилъ его: «Али не застали? Кажись, онѣ еще не проходили. Надо полагать, что дома... али я прозѣвалъ?»

Ознобинъ ничего не сказалъ ему на это и вышелъ на улицу.

Кто-же послѣ этого удивится, что Ознобинъ осунулся, даже подурнѣлъ, и что онъ съ Петей почти-что ни слова не говорилъ о своей, измѣнившей ему возлюбленной?

Digitized by Google

Вся надежда у Ознобина оставалась на сестру Леониды, Александру Александровну, у которой онъ былъ уже раза два, даже разъ обѣдалъ, и къ мужу которой, Николаю Николаевичу, онъ чувствовалъ глубочайшую симпатію.

Случай посѣтить этого Николая Николаевича скоро ему представился.

ГЛАВА XXIV.

Ознобинъ нашелъ у себя въ карманѣ адресъ Духовыхъ, что-то вспомнилъ и поѣхалъ на Выборгскую.

Въ маленькой передней Духовыхъ, пропитанной апетитнымъ запахомъ кухни, Ознобинъ увидѣлъ знакомую ему физіономію долгоносаго Володи Померанскаго. Кухарка только-что помогла ему надѣть въ рукава теплое пальто, подбитое мѣхомъ. Онъ уѣзжалъ; Анна Егоровна была тутъ-же въ дверяхъ, она вышла провожать его и стояла, опершись на косякъ локоткомъ своимъ.

Появленіе Ознобина заставило ее слегка всплеснуть руками и даже воскликнуть: «Ознобинъ!»

Володя изъ-за мѣховаго воротника поглядѣлъ на гостя и, отклоня нѣсколько назадъ свою голову, сказалъ:

— Мы, кажется, знакомы. Вы тотъ самый, что, помните, разсказывали у насъ за чаемъ не то о воробьяхъ, не то о воронахъ,—что-то очень занимательное.

— Да, я бывалъ у Марьи Ивановны, и разъ, помнится мнѣ, пилъ чай у васъ.

— Да, да, это вы; я васъ узналъ.

— Очень радъ.

И, наскоро пожавъ другъ другу руки, они разошлись: одинъ сошелъ внизъ и кликнулъ: «сани!» а другой солидными, медленными шагами вошелъ въ скромную обитель Анны Егоровны.

Ознобинъ никакъ не могъ понять, рада она ему или не рада: лицо ея, точно она стояла передъ очагомъ, сильно

Digitized by Google

раскраснѣлось, даже ушки ея были замѣтно подрумянены, глаза были невесело оживлены, хотя на губахъ и появилась улыбка, когда Ознобинъ сталъ съ ней здороваться и сказалъ ей, что она разцвѣла и похорошѣла.

— По одному пожатію руки вашей слышу, какъ много силы въ васъ прибавилось.

— А вы похудѣли; видно, вамъ не впрокъ пошла провинція... Это, однако, хорошо, что вы обо мнѣ, бѣдной женщинѣ, вспомнили; два года не видались, могли-бы и забыть меня...

— Я... э... пріѣхалъ отдать вамъ долгъ.

— Какой долгъ?

— А вотъ какой... э... цѣлыхъ пять рублей имѣю честь вручить вамъ... Занималъ у вашей матери... и завезъ вамъ.

— Отчего-же вы не Петѣ, а мнѣ завезли?

— Вамъ... Если-бы я долженъ былъ вашему отцу и его-бы на свѣтѣ не было, я-бы отдалъ мой долгъ его сыну; а такъ-какъ я долженъ былъ вашей матери, то... имѣю честь преподнести.

И Ознобинъ, ухмыляясь, вынулъ изъ жилетнаго кармана вчетверо сложенную депозитку и передалъ ее Аннѣ Егоровнѣ.

— Ну, спасибо, сказала Анна.—А у васъ и тутъ сочинилось какое-то новое правило, какъ-будто я не могу наслѣдовать отъ отца! Петя такого-же мнѣнія?

— Не знаю, какого онъ мнѣнія, только думаю, что вы не будете нуждаться въ сюртукѣ или въ сапогахъ вашего папа...

— Деньги—не сюртукъ и не сапоги... Вы были-бы справедливѣе, если-бы половину долга отдали Петѣ, а половину мнѣ... Это было-бы справедливѣе.

— А... э... если... э.. я несправедливъ, дайте... э... мнѣ сдачи два рубля съ полтиной, я, пожалуй, ихъ и отвезу ему.

— Гмъ!.. Я сама ему отвезу! съ затаенной досадой проговорила Анна Егоровна.—Но садитесь. Не хотите-ли чего закусить?...

Digitized by Google

— Нѣтъ, э... я не голоденъ. Чаю-бы выпилъ стаканъ съ удовольствіемъ, потому что... не тепло... и далеко до васъ...

— Отецъ меня не любитъ, Петя не любитъ и вы... вы то же, уходя въ свою чистую кухоньку, проговорила Анна.

Заваривъ чай, она вернулась въ комнату.

Ознобинъ сидѣлъ у того самаго стола, гдѣ когда-то Духовъ угощалъ отца Филиппа и Петю праздничнымъ пирогомъ. Анна сѣла къ окну по другую сторону стола.

— Что-же вы не курите? спросила она.

— А вотъ мы сейчасъ, съ вашего позволенія... Только... э... позвольте, я не хочу васъ безпокоить... э...

И Ознобинъ, вынувъ папироску, самъ пошелъ въ кухню и тамъ закурилъ ее.

— Спички забылъ, сказалъ онъ, возвращаясь.

— Что-же, вы вѣрно разбогатѣли, что долги платите?

— Ну, конечно... разбогатѣлъ...

— Можетъ быть, даже и мнѣ взаймы дадите, если нужда заставитъ просить?

— Съ большимъ удовольствіемъ, рубль, два, три... э... съ большимъ удовольствіемъ, если только я буду такъ-же богатъ... какъ я теперь богатъ.

Анна презрительно улыбнулась; Ознобинъ это замѣтилъ. Вообще ему было какъ-то не по себѣ: не нравился ему такой казенный разговоръ съ дѣвушкой, которая выросла у него на глазахъ и съ которой онъ не разъ бесѣдовалъ какъ отецъ съ родной дочерью.

— Давно вы были у брата? спросила Анна. Румянецъ все еще не сходилъ съ лица ея, только уши стали бѣлѣе. Казалось, ее что-то мутило или безпокоило.

— Онъ теперь... э... такъ... занятъ своими уроками, что я не рѣшаюсь часто... э... навѣщать его. А вы ужь больше не играете?

— Былъ разъ у меня папа, посидѣлъ съ часъ, не сказалъ ничего утѣшительнаго, да еще и спрашиваетъ: отчего

Digitized by Google

это у меня инструмента нѣтъ? Гмъ! да оттого и нѣтъ, говорю я ему, что еще не на что купить,—денегъ нѣтъ. «Когда-нибудь разживетесь», сказалъ... Мнѣ это очень нравится... «Разживетесь». Ну, да Богъ съ нимъ!.. Знакомы-ли вы съ Половцевымъ?..

— Съ какимъ?.. Нѣтъ, не знакомъ, пуская дымъ, холодно отвѣчалъ Ознобинъ.

— А съ Поляковымъ знакомы?

— Нѣтъ.

— И ни съ кѣмъ изъ тѣхъ, кто у него служитъ?

— Нѣтъ.

— Съ кѣмъ-же вы знакомы?

— А все... э... больше съ натуралистами...

— Ну, вотъ вамъ, пейте чай; авось, напившись чаю, вы будете любезнѣе.

— А развѣ я не любезенъ? спросилъ Ознобинъ, принимаясь за стаканъ чаю, который на подносикѣ, съ кускомъ бѣлаго хлѣба, принесла ему кухарка.

— Ну, а знаете вы... Ерошина... Николая Николаича... кажется, Николая Николаича... вотъ того самого, что бросилъ казенную службу и поступилъ на частную?.. Онъ еще служилъ подъ начальствомъ моего папеньки.

— А развѣ онъ служилъ подъ начальствомъ Егора Антоныча? Не зналъ...

— Его вы знаете?

— Знаю... какъ не знать... честнѣйшій человѣкъ...

— Что честнѣйшій! Всѣ думали, что онъ не далекъ, а онъ прекрасное получилъ мѣсто въ одной конторѣ и прекрасно пристроился. Отчего вы мѣста у него себѣ не попросите?

— А оттого... э... оттого, что въ государственной машинѣ всякій винтъ долженъ знать свое мѣсто... когда-нибудь и я привинчусь... не я самъ, такъ другіе привинтятъ, коли я понадоблюсь...

Digitized by Google

— Эхъ вы... философы!.. Не люблю я васъ!...

— Я знаю, что вы меня не любите.

— Ничего вы не знаете! За что мнѣ не любить васъ? Что вы такое сдѣлали? Но вообще такихъ людей, какъ вы, я не цѣню и... и даже не уважаю...

Ознобинъ поморщился.

— Вы вѣчно на седьмомъ небѣ... тамъ гдѣ-то... на воздухѣ... вѣчно! А еще жениться собирались... можетъ быть, и теперь собираетесь.

— А вотъ женюсь, тогда и не буду на седьмомъ небѣ...

— Гдѣ вамъ! Непрактичный вы человѣкъ, Иванъ Несторычъ!

Ознобинъ, не глядя на Анну, вытянулъ ноги и повѣсилъ голову.

— Ну, да, началъ онъ помолчавъ,—я и не хочу быть практическимъ... Скверно быть у насъ практическимъ человѣкомъ. Никогда ничего не сдѣлаешь...

— Какъ никогда ничего?! Только они и дѣлаютъ дѣла.

— Гмъ! Петръ Великій былъ непрактическій человѣкъ, а сколько дѣлъ натворилъ!

— Что вы!.. Вотъ еще что выдумали! Петръ Великій — непрактическій.

— Да такъ... Какому-бы... э... практическому человѣку пришло въ голову изъ тогдашняго московскаго царства сформировать громадную россійскую имперію? Казалось, э... никакихъ данныхъ на это не было... э... ни денегъ, ни флота... ни войска, какого нужно... ничего... И вдругъ пришла-же такая фантазія! Взялъ, да и сталъ несбыточныя вещи творить... Изъ невѣждъ кораблестроителей понадѣлалъ, изъ блинниковъ и пекарей — главнокомандующихъ... э... Нѣтъ, ничего подобнаго и не пришло-бы въ практическую голову... разсуждать-бы стала, ну и пришла-бы къ... къ тому, что... того нельзя, да этого нельзя... тутъ надо подождать, а тамъ подумать да сообразить... Ну... э... и ничего-бы не вышло...

Digitized by Google

Анна поглядѣла на него, какъ на помѣшаннаго.

— Да вѣдь вы, сказала она ему,—вы, кажется, не Петръ Великій! Что-же вы такое говорите!

— Э... очень простую вещь. Вся наша исторія, и земля и сила создались непрактическими людьми. Вонъ Ермакъ полѣзъ сдуру чортъ знаетъ куда, да и захватилъ Сибирь. Вонъ, и въ наше время, Черняевъ—тоже непрактическій человѣкъ, взялъ да и... э... того... и завоевалъ Ташкентъ.

— Да вы-то... вы!.. Вы-то что такое?

— Я-то что?.. Вы сказали, что я человѣкъ непрактическій, ну вотъ мнѣ и лестно... э... можетъ быть, и я что-нибудь сдѣлаю... Хоть какую-нибудь мысль пущу, въ видѣ... э... фантазіи...

— Какая-же это у васъ фантазія, желала-бы я знать!.. Ужь не разбогатѣть-ли вамъ хочется?

— Избави Господи!

— Ну, жениться и наплодить съ полдюжины нищихъ...

— Что жениться! жениться—это средство, это не цѣль... ну, да что мнѣ съ вами говорить! Я или скоро умру, или когда-нибудь вы обо мнѣ, Анна Егоровна, услышите... Прощайте.

— Прощайте, совершенно равнодушно повторила Анна. Ей вовсе неинтересно было бесѣдовать съ Ознобинымъ.

Но она и его, также какъ и Володю Померанскаго, пошла проводить до передней и остановилась въ дверяхъ.

— Кланяйтесь Петѣ... и, можетъ быть, у меня будетъ къ вамъ маленькая просьба... Надѣюсь, что не откажитесь исполнить.

— Можетъ быть, и не откажусь, сказалъ Ознобинъ, всаживая, что ни есть силы, сапогъ свой въ калошу, которая почему-то не хотѣла лѣзть ему на ногу.

«Нѣтъ, ужь больше я не пойду къ ней, подумалъ, уходя, Ознобинъ.—Экая недѣлька мнѣ выдалась!.. Куда ни сунься—

Digitized by Google

вездѣ мертвечина. Я ее нарочно этимъ Петромъ-то Великимъ съ казенщины сбилъ, ну, и, разумѣется, тоже и съ толку сбилъ... Гмъ, практическая! Нѣтъ, Богъ съ ними!»

ГЛАВА XXV.

Леконида Александровна каждое утро ходила къ замужней сестрѣ своей, въ Почтамтскую улицу, для того, чтобы пользоваться ея пьянино, пѣть гаммы и вообще готовиться къ урокамъ пѣнія (въ консерваторіи).

Зять ея, Николай Николаевичъ, по обыкновенію, каждое утро отсутствовалъ, а Александра Александровна, по счастію, не была музыкантшей, не отличалась тонкостью слуха и, стало быть, уши ея довольно легко, т. е. весьма терпѣливо, выносили голосовыя упражненія Леконидѣ.

Затворивъ дверь въ залу, она уходила въ дѣтскую (у ней были дѣти, мальчикъ и дѣвочка) и не думала о тѣхъ завывающихъ звукахъ, которые все-таки не могли не долетать до ушей ея, такъ-какъ квартира ея была не десятитысячная, а самая обыкновенная квартира въ пять съ половиною комнатъ, за которую мужъ ея платитъ 1,200 руб. съ водою и дровами.

Послѣ упражненія своего артистическаго голоса Леконида чувствовала апетитъ и постоянно подсаживалась къ столику, который накрывался въ спальнѣ у Александры Александровны и на которомъ иногда появлялись яйца въ смятку, сыръ, сардинки и всегда — кофейникъ, сахарница, сухари и чашки.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, въ концѣ января, за этимъ столикомъ, около часу пополудни, сидѣли — сама хозяйка, еще въ домашней блузѣ и безъ шиньона, Леконида, затянутая въ рюмочку и въ очень высокомъ шиньонѣ, и одна гостья, дамочка лѣтъ тридцати двухъ, очень еще свѣженькая и хорошенькая, — пріятельница или старая знакомая

Digitized by Google

Александры Александровны, которая познакомилась съ нею еще на дачѣ въ Павловскѣ, въ тотъ самый годъ, когда она выходила замужъ.

Гостью звали Миной Михайловной Тютиной. (Хотя она была вовсе не Тютиной, а Басковой, но всѣ ее звали Тютиной, потому что генералъ Тютинъ впродолженіи десяти лѣтъ считалъ ее женой своей.)

Мина Михайловна была олицетвореніемъ множества самыхъ пикантныхъ противоположностей: она была полна въ плечахъ, повидимому, совершенно здорова и—блѣдна; у ней была высокая грудь и маленькая, очень маленькая ручка; она казалась спокойной и безпрестанно кипятилась. Вся жизнь ея прошла безпорядочно, но она казалась въ обществѣ очень порядочной дамой, порядочнѣе многихъ изъ числа безукоризненно-добродѣтельныхъ или такихъ, которыя никакъ-бы не могли выйти замужъ, даже за своихъ любовниковъ, потому что обладали уже настоящими мужьями, мужьями самаго несомнѣннаго качества.

Какъ кажется, она очень любила Александру Александровну и не разъ говорила ей: «вы моя единственная знакомая!.. Единственная!»

Да и трудно было ей не любить Александру Александровну. Сестра Леониды была точно изъ другой семьи, отъ другого отца и другой матери. Она была голубоглазая блондинка съ очень мягкимъ лицомъ, мягкимъ подбородкомъ, мягкими темно-русыми волосами, и, словомъ, вся она была такая мягкая, что при ней и съ ней было всѣмъ уютно. Что можетъ быть дороже подушки для головы усталой и всяческими думами измученной! Подушка не станетъ ни насмѣхаться, ни упрекать, ни клеветать на кого-бы то ни было.

Конечно, Александра Александровна была далеко не подушка, но у ней было свойство выслушивать всевозможныя противорѣчія и отрадные и возмутительные слухи съ одинаковымъ спокойствіемъ, безъ волненія, аховъ и оховъ, безъ

Digitized by Google

возраженій и безъ всякаго негодованія. Можно было увѣрять ее, что Бога нѣтъ, что семейная жизнь—нелѣпость, что дѣтей должно воспитывать общество, и Александра Александровна никогда не спорила...

Не происходило-ли это отъ того, что никакіе атеистическіе доводы не помѣшали-бы ей на ночь перекрестить дѣтей своихъ, никакія доказательства, что слѣдуетъ дѣтей своихъ отдать въ чужія руки, не заставили-бы ее отдать кому-нибудь своего Васю или свою Маню? Никому, никому! Ни за какія сокровища! Если-бы на всей землѣ распались семейныя узы, она-бы и отъ этого не пришла въ негодованіе, но осталась-бы точно такою-же семьянинкой, женой и матерью, какою была и до сего дня.

Ей точно также никакого не было дѣла и до поведенія Мины Михайловны: она ей желала добра, вотъ и все, и въ этомъ смыслѣ слова она была дѣйствительно «единственной».

Вотъ если-бы заболѣлъ ея Вася или захворала ея Маня—о, тогда, тогда-бы она страшно струсила и стала-бы волноваться, и то довѣрять, то не довѣрять доктору, и страдать, и не спать ночей, и безпрестанно будить своего мужа. Словомъ, это было-бы далеко не то-же самое, что Бога нѣтъ или что десять городовъ было подожжено и двѣсти человѣкъ умерло съ голоду.

Ясно, что Александра Александровна была эгоистка, но эгоистка смирнаго качества, никому не мѣшала думать все, что угодно, и никому не мѣшала ни радоваться, ни страдать, ни заблуждаться, ни падать.

Дѣти ея были совершенно здоровы и играли на коврѣ въ сосѣдней комнатѣ, подъ надзоромъ молоденькой, недавно нанятой бонны нѣмецкаго происхожденія. Сидя на распашку, Александра Александровна, повидимому, была совершенно довольна и счастлива: и кофе казался ей вкусенъ, и сестра казалась блистательной дѣвицей, и Мина Михайловна добрѣйшимъ въ свѣтѣ существомъ.

Digitized by Google

За кофейнымъ столикомъ рѣчь шла о нашемъ знакомомъ Егорѣ Антоновичѣ Клинѣ. Почему-то онъ очень сильно интересовалъ Мину Михайловну.

— Эка бѣда, что онъ старъ, говорила Леконида, откусывая сухарь своими бѣлыми зубами. — Развѣ это порокъ? А что говорятъ про него, будто онъ разсчетливъ, такъ и это не порокъ. Вы очень сантиментальны, Мина Михайловна.

— Я очень сантиментальна! удивленнымъ голосомъ проговорила Мина Михайловна и тотчасъ глоткомъ кофе запила свое восклицаніе, такъ-какъ въ сущности оно ровно ничего не значило.

— Да, вы сантиментальны; а я... все и всѣхъ вижу насквозь: это мое несчастіе и моя сила. Я знаю, что на однихъ чувствахъ далеко не уѣдешь. Чувство—это вода: сегодня—вода, завтра—ледъ, послѣ завтра—паръ; это что-то и текучее, и твердое, и газообразное.

И при этомъ Леконида повертѣла передъ собой своими длинными пальцами, точно кисть руки ея, украшенная бирюзой и маленькими алмазами, могла изобразить собою и текучее, и твердое, и газообразное тѣмъ только, что повертѣлась въ воздухѣ.

Можетъ быть, Мина Михайловна въ глубинѣ души своей и была совершенно согласна съ ней, но ей хотѣлось возражать, хотѣлось спорить.

— Ахъ, что вы говорите, Леконида Александровна! Чувство — это все, это вся жизнь, это потребность сердца. Ни существовать, ни дышать невозможно тому, кто не имѣетъ чувства. Вы прежде испытайте, Леконида Александровна, а уже потомъ... ну, потомъ и говорите. Нельзя безъ чувства, нельзя, нельзя.

Леконида посмотрѣла на нее и проговорила:

— Я не съ тѣмъ, чтобы съ вами спорить. Есть чувство, ну, и хорошо, что оно есть; а нѣтъ, ну, и нѣтъ, — и хорошо, что его нѣтъ.

Digitized by Google

— Что тутъ хорошаго!—Александра Александровна, куда вы? Постойте! Ну, развѣ вы согласились-бы жить, никого не любя: ни мужа, ни дѣтей, ни... словомъ, никого? Какая-бы это была жизнь? Вотъ ужь мѣднаго-то гроша нельзя дать за такое существованіе!

Александра Александровна совершенно согласилась съ ней и ушла въ дѣтскую.

— Мало-ли что можно любить, замѣтила Леконида. — Ну, вотъ я люблю музыку, люблю галопировать на сѣдлѣ, люблю хорошую книгу и даже люблю дураковъ, надъ которыми можно вдоволь натѣшиться.

— Ну, да! Что-же я и говорю: надо непремѣнно въ жизни что-нибудь любить, хоть собаку, и дорожить тѣми, кто насъ любитъ, очень дорожить.

Леконида поняла, что послѣднія слова Мины Михайловны, произнесенныя тихой скороговоркой, не что иное, какъ маленькій, въ ея огородъ брошенный, камешекъ, такъ-какъ съ полчаса тому назадъ она при ней разсказывала сестрѣ своей, какъ она спровадила Ознобина.

— Да, это правда, сказала Леконида; — я тоже очень люблю тѣхъ, кто меня любитъ, но не тѣхъ, кто, любя, надоѣдаетъ мнѣ.

Унявъ расплакавшагося ребенка, Александра Александровна вернулась къ своему кофейному столику.

— Какая эта няня недогадливая, начала она:—я не велѣла давать Манѣ въ руки апельсинъ, потому что она его кусаетъ. Вмѣсто того, чтобы спрятать, она его положила на самомъ виду; ну, та, разумѣется, увидала и капризничаетъ. Бѣда съ этими нянюшками! Взяла молоденькую, думала — лучше, а она влюблена тамъ въ кого-то, мечтаетъ... Богъ знаетъ, гдѣ ея голова.

— Да, ужь это такъ. Какъ-же вы хотите иначе? замѣтила Мина Михайловна.—Молодость не свой братъ: не такъ, такъ иначе даетъ себя знать. У моей Ксеніи была русская

Digitized by Google

нянюшка, старушенція ужасная, и я была очень довольна ею. Сидитъ, бывало, копается или шерстяные чулки надвязываетъ, дѣвочка играетъ, и все тихо; рѣдко, бывало, когда позовутъ меня.

— Да-а! Но надо-же, чтобъ дѣти по-нѣмецки пріучались говорить, замѣтила Александра Александровна.

— Когда у тебя они подростутъ, найми меня, я буду имъ уроки давать, проговорила Леконида.

— Вотъ тоже уроки! отозвалась Мина Михайловна. — Кто нынче не даетъ уроковъ! Всѣ хотятъ уроки давать, рѣшительно всѣ, даже дѣвушки съ состояніемъ и тѣ мечтаютъ быть учительницами... Точно всѣ помѣшались, право... Да я-бы, кажется, ни за что...

«Гдѣ тебѣ уроки давать!» подумала Леконида и, чему-то засмѣявшись, поглядѣла въ глаза Тютиной и зарокотала мелодическимъ баскомъ своимъ:

— У васъ будетъ отличный учитель, если вы выйдете замужъ за этого Клина. Сынъ его поступитъ въ университетъ, и если вамъ вздумается учиться по-латыни или по-гречески, студентъ будетъ у васъ подъ рукой.

— Про кого вы это? смѣясь спросила Мина.

— Да про вашего будущаго пасынка.

— А вы его знаете?

— Я нарочно для васъ съ нимъ познакомилась, нарочно! Видите, какое я въ васъ принимаю участіе.

— Это любопытно... Какъ-же вы нашли его?—Благовоспитанный?

— Ничего: чернилъ не пьетъ... Очень собой не дуренъ, т. е. не красавецъ, не Аполонъ Бельведерскій, но лицо съ выраженіемъ, въ особенности глаза...

— Сѣрые?

— Нѣтъ, черные, какъ угольки... Только еще наивенъ. Сейчасъ видно, что еще ни у кого въ передѣлкѣ не былъ. Вы, когда выйдете замужъ, дайте мнѣ его на воспитаніе.

Digitized by Google

Минѣ Михайловнѣ Богъ знаетъ что представилось подъ словомъ «воспитаніе».

— Извольте, съ удовольствіемъ, сказала она, подмигнувъ глазомъ. — Вы его, а онъ васъ.

— Вы полагаете, что каждый мальчикъ можетъ перевоспитать меня?

— Да это всегда такъ бываетъ, Леконида Александровна. Если дѣвушка начинаетъ воспитывать мужчину, то кончается тѣмъ, что когда онъ немножко переростетъ ее, тотчасъ же начинаетъ ее перевоспитывать или просвѣщать... Не правда-ли, Александра Александровна?.. Только, шутки въ сторону, не можете-ли вы меня познакомить съ этимъ мальчикомъ? Мнѣ-бы очень, очень интересно было его видѣть... Дайте мнѣ слово, что вы меня познакомите.

— Хорошо, сказала Леконида, — я ему напишу, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ, и дамъ вамъ знать, когда онъ у меня будетъ.

— Ахъ, какая вы милая!.. Какая вы душка, Леконида Александровна!

— А скоро ваша свадьба?

— Какая свадьба? Ахъ, вы о свадьбѣ! Какъ вамъ не грѣхъ... Клинъ еще и не думаетъ свататься, да и я еще ни на что не рѣшилась. И всего вѣрнѣе, что ничего не будетъ... Про него-же такіе... разные слухи... ничего не поймешь, даже какой онъ человѣкъ... Ахъ, милая Леконида Александровна, вы такъ близки къ этому Ознобину: разузнайте вы, пожалуйста, отъ него, что и какъ... Онъ вѣдь часто бывалъ у его покойной жены... и говорятъ... говорятъ, не совсѣмъ-то чисты были ихъ отношенія.

— Не знаю, какія были ихъ отношенія, но Ознобинъ еще въ деревнѣ описывалъ мнѣ этого Клина, какъ скрягу и деспота, — ну, а Ознобинъ вовсе не такой человѣкъ, чтобъ ему вѣрить или чтобъ на его словахъ можно было что нибудь строить или рѣшать. Онъ людей не знаетъ и судитъ о

Digitized by Google

нихъ превратно. Самый дрянной человѣчишко можетъ показаться ему перломъ и самые хорошіе люди вдругъ почему-то, ни съ того, ни съ сего, окажутся у него дрянью. Это фантазеръ, и кто не по его мѣркѣ скроенъ, тотъ и дурной человѣкъ по его мнѣнію. Стало быть, въ этомъ случаѣ я совѣтую вамъ лучше полагаться на ваши собственные глаза и уши, чѣмъ на глаза и уши какого-нибудь Ознобина. — Такъ-ли я говорю, сестра?

— Я Ознобина очень мало знаю, онъ рѣдко у насъ бываетъ. Кажется, Николай Николаевичъ полюбилъ его, отозвалась хозяйка.

— Ну, твой Николай Николаевичъ! Онъ тоже... очень странный человѣкъ. Я понимаю честность; но быть честнымъ съ безчестными — не понимаю. Попадись мнѣ воръ, который только-что укралъ гдѣ-нибудь сто тысячъ, я съ величайшимъ удовольствіемъ готова его разорить или, насколько можно, ограбить при первомъ удобномъ случаѣ. Что за жалость по отношенію къ какимъ-нибудь подрядчикамъ или милліонерамъ, которые вѣчно надували казну?! И не смотря на то, что твой Николай Николаевичъ честенъ, какъ сама воплощенная честность, надувать казну будутъ, и будутъ, и будутъ, и ни-то, никакіе щепетильные Николаи Николаевичи не помѣшаютъ этому. Незачѣмъ ему было бросать службу въ военномъ министерствѣ и поступать въ контору, на жалованье, съ котораго онъ не разбогатѣетъ.

Мина Михайловна все время, покуда говорила Леконида, не спускала съ нея своихъ глазъ и, такъ-какъ вполнѣ была увѣрена, что находится въ самомъ интимномъ кружкѣ, не стерпѣла и сказала:

— Вы будете богаты, Леконида Александровна. Ручаюсь вамъ, что вы будете богаты.

Въ голосѣ Мины Михайловны прозвучала радостная увѣренность, точно ей уже видѣлось, какъ къ ногамъ Лекониды прольется золотой дождь и какъ она торжествуетъ.

Digitized by Google

— Гмъ, вашими бы устами да медъ пить! отозвалась Леконида и поглядѣла въ сиреневые глазки неожиданной пророчицы.

— Я была дура, стала каяться Мина Михайловна;—и очень жалѣю.... я могла-бы... о, я могла бы быть очень богатой, еслибы захотѣла.

— Вы и такъ богаты, сказала ей Александра Александровна, наливая себѣ послѣднюю чашку кофе.

Въ эту минуту вошла горничная и подала ей письмо, полученное съ городской почты.

— Это не мнѣ, это Николаю Николаевичу, сказала Александра Александровна.—Положите ему на столъ.

— А!.. Это Ознобинъ, это его рука! оглядѣвъ конвертъ, произнесла Леконида.

— А ты его руку знаешь?

— Еще бы! Цѣлую кучу его записокъ и даже одну тетрадь, вотъ эдакую тетрадищу, я сожгла... Какъ мнѣ не знать руки его!.. А интересно-бы знать, что этотъ шутъ гороховый пишетъ. Сестра, сдѣлай такую великую милость, не вели его принимать, когда я у тебя... Я его знаю, каналью: онъ непремѣнно будетъ добиваться, такъ ли, иначе ли гдѣнибудь со мной увидаться. Я этого не же-лаю...

— Отчего же вы не желаете, если онъ такъ любитъ васъ?

— Не же-лаю! еще рѣшительнѣе, отставляя слогъ отъ слога, повторила Леконида.—Если я скажу вамъ, что на это есть у меня свои причины, то, надѣюсь, вы не будете настаивать. Такъ я хочу.

И, утеревъ ротъ свой маленькой узорной салфеточкой, Леконида встала и пошла въ залу, гдѣ стоялъ раскрытый рояль. Минутъ черезъ пять подъ акомпаниментъ струнныхъ звуковъ раздался ея голосъ. Она запѣла что-то изъ «Рогнѣды», оперы Сѣрова, котораго она была поклонницей.

Мина Михайловна нѣсколько минутъ съ большимъ вниманіемъ слушала эти звуки и этотъ свѣжій голосъ.

Digitized by Google

— Какой голосъ! Боже мой, какой голосъ! воскликнула она и затѣмъ принялась болтать съ Александрой Александровной, которую считала своей «единственной».

ГЛАВА XXVI.

О чемъ же милая Мина Михайловна болтала съ своей «единственной», придвинувъ поближе стулъ и склоня къ ней свое блѣдно-матовое личико съ тоненькими бровками, съ тоненькимъ носикомъ и сиреневаго цвѣта глазками,—личико не совсѣмъ молодое, но еще свѣжее и, можетъ быть, покрытое тончайшимъ слоемъ тончайшей пудры? Я говорю «можетъ быть» потому, что многіе увѣряли меня, будто Мина Михайловна бѣлится, тогда какъ друзья ея, напротивъ, увѣряли, что она просто нисколько не старится, и не старится потому, что въ ней все еще сидитъ молодая, семнадцатилѣтняя душа, теплая и, такъ сказать, все и всѣхъ готовая согрѣть, «разумѣется, съ помощью губъ и рукъ», не безъ двусмысленной улыбки прибавляли эти друзья-зубоскалы, защитники красоты ея.

Душа—это, конечно, нѣчто невидимое, и о ея молодости можно судить только по ея проявленіямъ. Но смѣю думать, что прежняя Мина Михайловна, которая раннюю весну своей жизни ознаменовала такимъ пасажемъ, что сокрушила мать и должна была уѣхать изъ дому, и теперешняя Мина Михайловна—не одна и та же. Красавица-дѣвушка, рѣшившаяся нѣкогда, очертя голову, на тайное свиданіе съ молодымъ вертопрахомъ, котораго она всего только два раза видѣла, вынужденная потомъ ѣхать въ Петербургъ и, пройдя черезъ одно чистилище, называемое родильнымъ домомъ, поселиться съ грудною дочкой въ одной изъ меблированныхъ комнатъ, содержимыхъ ея двоюродной тетушкой, Маргаритою Поль,—эта красавица-дѣвушка и эта Мина Михайловна, которая

Digitized by Google

прожила около десяти лѣтъ съ генераломъ Тютинымъ, подъ видомъ его законной супруги, и въ настоящую минуту готовилась выйти замужъ за Клина, у котораго не только деньги есть, но и денежная карьера въ будущемъ,—далеко не одна и та же личность. Та молодая душа, которая увлекалась романами собственнаго своего изобрѣтенія, которая любила и была обманута, далеко не та молодая душа, которая собирается обманывать.

Къ единственному другу своему, Александрѣ Александровнѣ, Мина Михайловна чувствовала такое влеченіе, что, оставшись съ нею вдвоемъ передъ простывшимъ кофейникомъ и еще немытыми чашками, невольно отдалась потоку откровенности. Сначала она говорила съ ней о Леонидѣ и о томъ, что ей непремѣнно нужно выйти замужъ, такъ какъ она, Мина, по своему собственному опыту знаетъ, до какой степени опасно дѣвушкѣ быть одной и надѣяться на свою самостоятельность.

— Мнѣ очень, очень нравится ваша сестра, говорила она—и лгала, потому что Леонида ей вовсе не нравилась и она нисколько не заботилась объ ея участи.

Потомъ она заговорила о Клинѣ и въ такихъ краскахъ описала его своему другу:

— У него презентабельная наружность, хоть онъ и невысокъ ростомъ; онъ уже съ просѣдью, но не сѣдой, о, далеко еще не сѣдой! Глаза у него выразительные, сѣрые, съ блескомъ; онъ брѣетъ подбородокъ и на его щекахъ румянецъ. Вообще онъ имѣетъ видъ человѣка здороваго. О, да, это одна изъ тѣхъ желѣзныхъ натуръ, которыя совершенно выводятся и уже рѣдко встрѣчаются между молодыми людьми, развѣ только между гвардейцами... О, между ними есть презздоровые-здоровые! Онъ былъ несчастенъ въ первомъ бракѣ, жена была мотовка, не умѣла воспитывать дѣтей своихъ и даже измѣняла ему и все это старое горе наложило на него клеймо или печать какой-то суровости или меланхоліи. Онъ

Digitized by Google

скромно ведетъ себя въ обществѣ и никогда никому не строитъ куръ... (можете себѣ представить!) Но за то... какой онъ артистъ, какъ хорошо понимаетъ классическую музыку, какъ играетъ! Даже удивительно! (Какъ жаль, что вы его не слыхали, милая Александра Александровна!) Живетъ онъ очень скромно, даже бѣдно, это онъ самъ говоритъ; но у него есть деньги, около ста тысячъ. Онъ давно уже служитъ и произведенъ въ статскіе совѣтники; скоро получитъ новое мѣсто и казенную квартиру. Конечно, мнѣ Богъ съ ними, съ его деньгами! Мнѣ не деньги нужны, мнѣ нуженъ покой, продолжала она чистосердечно высказываться Александрѣ Александровнѣ, и лгала, потому что если-бы ей сказали, что у Клина нѣтъ ни гроша, она бы и не подумала о замужествѣ.—Къ тому же, мнѣ давно уже необходимо выйти изъ моего фальшиваго, неестественнаго положенія. Моей Ксеніи уже десятый годъ; сестрѣ Надѣ—семнадцать. Очень можетъ быть, что она вернется въ Петербургъ изъ провинціи, и, конечно, ей будетъ лучше вернуться ко мнѣ, какъ къ законной супругѣ Клина, чѣмъ къ бѣдной, покинутой женщинѣ. Впрочемъ, милая Александра Александровна, не думайте, чтобъ я пользовалась чѣмъ нибудь отъ Павла Павлыча (т. е. генерала Тютина). Ни... вотъ настолько! У меня были свои деньги—деньги моей матери. Мы когда-то были очень богаты, у отца моего была фабрика и дѣла шли очень хорошо. Сестра Надя, конечно, бѣднѣе меня, но... что дѣлать! Отецъ не успѣлъ ей скопить приданаго, обанкротился и умеръ.

Такъ лепетала Мина Михайловна... Въ ея лепетѣ было много правды, но съ примѣсью той лжи, которая сама собой такъ и напрашивалась ей на языкъ... Такъ, напримѣръ, дочкѣ ея, Ксеніи, былъ вовсе не десятый годокъ, а тринадцать лѣтъ и два мѣсяца...

Мать не оставила ей никакихъ денегъ, тогда какъ Тютинъ, человѣкъ и богатый, и тароватый, прожилъ на нее по-

Digitized by Google

рядочныя суммы и около 20,000 р. положилъ ей въ банкъ на всякій непредвидѣнный случай.

Александра Александровна все это уже знала изъ прежнихъ ея разговоровъ съ Миной Михайловной. Но Мина Михайловна любила повторяться въ минуты чистосердечныхъ признаній, и если бы эти признанія кто нибудь записывалъ, непремѣнно нашелъ бы въ нихъ немало противорѣчій, наводящихъ на кой-какія сомнѣнія.

Александра-же Александровна не замѣчала никакихъ противорѣчій, потому что часто, слушая ее, думала совершенно о другомъ и потому еще, что, несмотря на всю доброту свою, ко всему, что не касалось ея мужа, ея дѣтей, ея прислуги и ея самой, относилась съ весьма поверхностнымъ участіемъ, что не мѣшало ей улыбаться или быть грустной, когда она слышала что нибудь непріятное.

Не знаю, долго-ли, можетъ быть, до самаго обѣда, бесѣдовали-бы наши пріятельницы, а Леконида упражняла-бы и пальцы, и голосъ свой, сидя въ залѣ передъ раскрытымъ роялемъ, если-бы вслѣдъ за звонкомъ не раздались шаги самого Николая Николаевича Ерошина.

Едва вошелъ онъ въ залу, какъ музыка прекратилась, и Леконида, не сходя съ табурета, протянула ему свои пальчики.

— Ну что-жь, играйте! сказалъ ей Ерошинъ, не улыбаясь, и усталыми шагами прошелъ въ кабинетъ свой.

Но Леконида закрыла ноты, встала и пошла къ сестрѣ.

Рѣзкая и смѣлая въ своей откровенности, она чувствовала, что этотъ человѣкъ, можетъ быть, еще рѣзче и еще откровеннѣе. Его осанистость, невысокій, но умный лобъ, густые, взъерошенные волосы, нависшія, густыя брови, глубокій, проницательный взглядъ, раздвоенная борода, нѣсколько впалыя щеки, рябоватый прямой носъ и строгія губы, прячущіяся подъ нависшими кончиками усовъ, — словомъ, вся фигура Ерошина, нѣсколько плебейская, нравилась Леконидѣ

Digitized by Google

и внушала ей невольную сдержанность. Ни при комъ она не была такъ осторожна въ своихъ словахъ или выраженіяхъ, какъ при этомъ мужѣ родной сестры своей. Мысленно она считала его нелѣпымъ человѣкомъ и никакъ не могла понять его, несмотря на всю свою хитрость и наблюдательность. Пробовала она иногда при немъ радикальничать—не удавалось,—обрывалъ; пробовала казаться старовѣркой или нападать на современныя идеи — обрывалъ. Иногда ей казалось, что онъ расположенъ къ ней, иногда казалось, что онъ не только къ ней совершенно равнодушенъ, но и терпѣть ее не можетъ. Пробовала она распрашивать о немъ сестру свою, но Александра Александровна увѣряла ее, клялась и божилась, что мужъ ея—добрѣйшее въ мірѣ существо и ничего противъ нея не имѣетъ.

При всякомъ другомъ она-бы стала играть и пѣть, не обращая никакого вниманія, пріятно или непріятно это ушамъ его; но Николай Николаевичъ, входя, сказалъ: «ну что-жь, играйте», и Леконида тотчасъ-же перестала играть... Въ этомъ: «ну что-жь!» послышалось ей какое-то снисходительное пренебреженіе, дескать, «такъ и быть... продолжайте, сударыня!..»

Что-бы она ни дѣлала, никогда никакихъ наставленій она отъ него не слыхала. Но недавно за обѣдомъ, когда она смѣялась надъ Ознобинымъ на то, что онъ какъ-то разъ назвалъ ее воплощенной ложью и существомъ исковерканнымъ, онъ усмѣхнулся и поглядѣлъ на нее глазами до такой степени внушительно-насмѣшливыми, что Лекониду покоробило, она вспыхнула и сказала ему:

— Что вы такъ на меня смотрите?

— Я ничего... помилуйте, отвѣчалъ Николай Николаевичъ, налилъ себѣ пива и, моча въ пѣнѣ усы свои, сталъ понемногу отпивать свою кружку.

«Онъ тоже невысокаго обо мнѣ мнѣнія, подумала про себя Леконида;—но онъ меня еще не знаетъ»...

Digitized by Google

Выпивъ свою кружку, Николай Николаевичъ досталъ сигару, срѣзалъ ея кончикъ перочиннымъ ножичкомъ, зажегъ спичку и закурилъ. Все это продѣлалъ онъ не спѣша, акуратнѣйшимъ образомъ, и опять поглядѣлъ на Леониду, и опять глаза ихъ встрѣтились.

— Вотъ что я скажу вамъ, началъ онъ:—вы очень самонадѣянны и очень высокаго о себѣ мнѣнія.

— Такъ-же, какъ и вы о своей персонѣ...

Такія столкновенія за обѣдомъ или вечеромъ послѣ чая бывали у нихъ довольно часто, но это нисколько не нарушало между ними такъ-называемаго семейнаго согласія; однако, Леонида почему-то безотчетно стала его бояться. Ей вовсе не хотѣлось, чтобы кто-нибудь читалъ у нея въ душѣ и отгадывалъ ея помыслы и желанія, такъ-какъ въ ней было двѣ совѣсти: одна для однихъ, другая для другихъ. Она сочла-бы чѣмъ-то отвратительнымъ и гнуснымъ обмануть, положимъ, какого-нибудь Петра Дмитріевича или сказать ему неправду и въ то-же время могла-бы совершенно спокойно надувать какого-нибудь Дмитрія Петровича. Могла быть совершенно равнодушной къ сплетнямъ цѣлаго города, даже къ мнѣнію людей, отъ которыхъ такъ или иначе зависитъ судьба ея, и въ то-же время способна была выходить изъ себя и волноваться, если человѣкъ, который, по ея мнѣнію, заслуживаетъ ея вниманія, дурно о ней сказалъ или, какъ ей показалось, дурно о ней подумалъ. Ей не разъ было совѣстно сдѣлать выговоръ или замѣчаніе горничной и, какъ мы видѣли, нисколько не совѣстно оттолкнуть отъ себя человѣка, который оказывалъ ей всевозможное вниманіе и былъ почти рабомъ ея. Все, что было въ ней честнаго и хорошаго, все было или жило въ душѣ ея безсознательно, и, напротивъ, она сознательно избирала иногда нечестныя средства для достиженія своихъ цѣлей, сознательно фальшивила и притворялась, и такъ-какъ при этомъ совѣсть ея оставалась спокойна, ей вовсе не хотѣлось, чтобъ какой-нибудь

Digitized by Google

Николай Ерошинъ (какая ординарная, ничего не подсказывающая фамилія!) тормошилъ ее.

Вотъ почему Леконида безсознательно побаивалась мужа сестры своей.

ГЛАВА XXVII.

Пройдя въ узенькій рабочій кабинетикъ свой, увѣшанный фотографіями въ рамкахъ, заставленный шкафами и заваленный кучами дѣловыхъ бумагъ, Николай Николаевичъ тотчасъ же на столѣ своемъ нашелъ письмо Ознобина, подошелъ къ окну, насупился и прочелъ.

«Что-же мнѣ ему отвѣчать?» проворчалъ про себя Ерошинъ.

И, задумчиво поглядѣвъ въ окно, Ерошинъ прошелся по ковру отъ окна до кушетки, полюбовался на колекцію сибирскихъ камней и минераловъ, разложенныхъ на полкѣ одного книжнаго шкафа; потомъ присѣлъ къ письменному столу и на полулистикѣ почтовой бумаги, согнувъ его вдвое, написалъ четкимъ, хотя и размашистымъ почеркомъ:

«Что за вопросъ, любезнѣйшій! Я всегда дома къ 6 часамъ. Приходите обѣдать. А что казается этой Духовой, то я ее не знаю и не понимаю, чего ей отъ меня хочется... Скажите ей, что я могу назначать *рандеву* только по воскресеньямъ утромъ, отъ 11 до 12. Пусть подастъ мнѣ хоть вашу визитную карточку,—я приму ее... Не знаете-ли вы, о чемъ эта барыня хочетъ просить меня?.. Но—до свиданія.

Вашъ Н. Е.»

Немедленно отправивъ горничную опустить эту записку въ почтовый ящикъ, Ерошинъ черезъ комнату жены своей прошелъ въ дѣтскую и, проходя мимо кофейнаго, еще неприбраннаго столика, кивнулъ головой Минѣ Михайловнѣ и сказалъ женѣ:

— Сейчасъ я писалъ къ Ознобину и приглашалъ къ обѣду.

Digitized by Google

— Сегодня? спросила Леконида, какъ-бы встрепенувшись и быстро повернувъ къ нему свою голову.

— А если успѣетъ, то и сегодня, не поворачивая головы, произнесъ Ерошинъ и вошелъ въ дѣтскую, гдѣ въ это время слышался гулъ работающей швейной машинки.

Вася, мальчуганъ по четвертому году, въ рубашкѣ и въ коротенькихъ штанишкахъ, растянувшись брюшкомъ на коврѣ, болталъ ноженками съ голыми икрами. Построивъ изъ деревяшекъ нѣчто вродѣ пирамидальнаго дворца, онъ изподлобья заглядывалъ въ широкія скважины своего архитектурнаго произведенія, такъ-какъ внутри его находилась какая-то фигура на подобіе дамы, вырѣзанная изъ бумаги и согнутая втрое, чтобъ можно было удобнѣе посадить ее.

Нѣмочка пріостановилась нажимать подножку, двигающую колесо, но не встала и даже не поклонилась.

— А гдѣ-же Маня?.. спросилъ Ерошинъ.

— Маня у мамы...

— Какъ-же это я не видалъ ее?... Ну, работайте, работайте.

Снова затрещала швейная машинка, и Ерошинъ вернулся въ спальную.

— Гдѣ Маня? спросилъ онъ.

— У меня за спиной, отвѣчала мать.

Ерошинъ сѣлъ рядомъ съ женой на угловой диванчикъ, тоже обитый глянцевитымъ ситцемъ, и принялся шалить— щекотать двумя пальцами двухлѣтнюю дочку, которая и хихикала, и дула губки, и прятала румяное личико подъ рукавъ своей матери.

Разыгравшійся отецъ долго не видалъ, какъ Леконида, стоя, натягивала себѣ на руку перчатку и прощалась съ сестрой своей.

— Вы развѣ не у насъ обѣдаете? спросилъ онъ ее, когда она и ему протянула сложенные вмѣстѣ четыре пальчика.

— Нѣтъ.

Digitized by Google

— Я думалъ, что вы у насъ. Напрасно уходите.

— Что дѣлать!

И она вышла въ залу надѣть свою шляпку. Мина Михайловна тоже вышла проводить ее.

— Ты сегодня Лекониду безъ обѣда оставилъ, сказала Александра Александровна, оставшись наединѣ съ своимъ мужемъ.

— Какъ такъ? съ удивленіемъ спросилъ Ерошинъ.

— Ты зачѣмъ сказалъ ей, что у насъ Ознобинъ обѣдаетъ?

— Ахъ, Богъ мой! Ознобинъ! Развѣ онъ могъ-бы лишить ее апетита, если-бы и зашелъ къ намъ?.. Я звалъ его не на сегодня, но и сегодня, и всегда онъ можетъ зайти ко мнѣ.

— Ахъ, ты не понимаешь!..

— Да что тутъ понимать? Что за бѣда, если человѣкъ увлекся и вообразилъ себѣ, что можетъ сдѣлаться мужемъ твоей сестры? Что она за принцеса!?

— Тсъ!.. Тише!.. Ты ничего не понимаешь. Вообрази себѣ, что Ознобинъ явится и станетъ извиняться... Разумѣется, она должна будетъ извинить его, и потомъ онъ опять безпрестанно станетъ шляться къ ней, и опять всѣ въ домѣ, начиная съ швейцара, будутъ воображать, что къ ней ходитъ женихъ или, еще хуже,— любовникъ. Вотъ почему она и не хочетъ встрѣчаться съ нимъ...

— Пустяки!.. Сказала-бы ему просто: не ходите ко мнѣ часто, потому-де и потому... Ну, онъ и самъ-бы понялъ. Что онъ? Ты думаешь, онъ глупѣе ея, что-ли?!..

— Разумѣется, глупѣе... Ну что присталъ, когда ни у нея, ни у него за душой ни гроша? Еще добро-бы видѣлъ, что она влюблена въ него...

— Ну, такъ-бы и говорила: я васъ не люблю и любить не буду; а то мазала по губамъ до тѣхъ поръ, пока человѣкъ на стѣну не полѣзъ... Ложь, ложь!.. Вотъ тоже эта барыня, другъ-то твой...

Digitized by Google

— Ахъ, пожалуйста замолчи, никакихъ друзей у меня нѣтъ.

Проводивъ Лекониду, Мина Михайловна тоже пришла проститься съ Александрой Александровной.

— Прощайте, Николай Николаевичъ. Скоро и сумерки... Не сердитесь на меня, ради Бога; право я не такъ дурна, проговорила Мина, обращаясь къ Ерошину.

— За что мнѣ на васъ сердиться? Что вы! Я ни на кого никогда не сержусь, только бранюсь иногда, да ворчу про себя, да себя за вихры деру, ради успокоенія печени: надо же вѣдь и печень-то свою какъ-нибудь успокоивать...

— Ну, будьте здоровы; да зайдите ко мнѣ когда-нибудь...

— Вы сегодня дома обѣдаете?

— Дома.

— И пригласили къ себѣ Лекониду?

— Да, я сказала ей, но не знаю, удостоитъ-ли она меня своимъ посѣщеніемъ. Клинъ будетъ...

— Какой Клинъ?! подпрыгнувъ на диванѣ, воскликнулъ Ерошинъ; но въ эту секунду нога жены его сильно надавила ему на ногу, какъ-бы предостерегая его отъ неосторожнаго слова или рѣзкаго отзыва.

— Ай, чортъ возьми!.. Мозоль! Помилуй, матушка! сморщившись до-нельзя отъ боли, еще громче крикнулъ весь красный Николай Николаевичъ.

Никакъ ужь этого не ожидала несчастная Александра Александровна; она и смутилась, и покраснѣла до ушей, и схватила своего мужа за руку...

— Ухъ, какъ больно!.. Что тебѣ это вздумалось?.. Такъ значитъ... тьфу!.. Клинъ у васъ будетъ?.. Ну, да спасетъ васъ Богъ отъ тошноты. Или по части музыки что-нибудь... разыграть что-нибудь на фортепьяно? . По этой части онъ, говорятъ, тоже собаку съѣлъ... Прощайте, извините, что я не провожаю васъ: жена ногу отдавила...

— Я нечаянно, оправдывалась Александра Александровна, передавая ему на руки Маню и вставая.

Digitized by Google

— Ну, какое нечаянно!..

И, оставшись одинъ съ Маней и увидавъ, что у нея тоже стревоженное личико, Ерошинъ прижалъ ее къ груди своей.

— Ты-то чего, дурочка, испугалась?..

И сквозь мягкіе усы свои раза три прикоснулся онъ губами къ розовой, пухленькой щекѣ ея, а дѣвочка, широко раскрывъ глаза, слезливо глядѣла на дверь и звала свою мать.

ГЛАВА XXVIII.

Пустяки, незаслуживающіе, повидимому, ни малѣйшаго вниманія, остаются пустяками и пропадаютъ безъ слѣда только гдѣ-нибудь, гдѣ личное самолюбіе не играетъ одной изъ самыхъ выдающихся ролей...

Намъ... нескоро намъ дожить до такого общества.

Для рѣдкаго изъ насъ пустяки остаются безъ послѣдствій. Спросите, чѣмъ такой-то N. N., «пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ», взялъ верхъ надъ цѣлой дюжиной даровитыхъ тружениковъ, просвѣщенныхъ и честныхъ, или чѣмъ онъ выдвинулся впередъ? Пустяками... Отчего такой-то М. М. бѣдствуетъ и умираетъ съ голоду? Отъ пустяковъ. Чѣмъ такой-то молодой человѣкъ испортилъ всю свою будущность? Сущимъ вздоромъ: не во-время вспылилъ, не кстати сказалъ правду, не въ добрый часъ зашелъ къ пріятелю...

Казалось-бы, не бѣда, что Ознобинъ былъ самаго дурного мнѣнія о старомъ Клинѣ, и еще въ деревнѣ, описывая Леконидѣ (этой божественной, ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ несравнимой дѣвушкѣ!) петербургскую жизнь свою, настолько-же бранилъ Егора Антоныча, насколько восторгался покойной женой его и Петей (этимъ геніальнымъ мальчикомъ).

Леконида все это выслушивала только потому, что надо-же, чтобъ кто-нибудь что-нибудь говорилъ, нельзя-же цѣлый

Digitized by Google

день ничего не слышать; но, какъ мы уже знаемъ, она вовсе не считала Ознобина знатокомъ людей или безпристрастнымъ ихъ оцѣнщикомъ.

А между тѣмъ Мина Михайловна уже знала, что есть на свѣтѣ какой-то Ознобинъ, влюбленный въ Леконiду, который терпѣть не можетъ почтеннаго Егора Антоныча и говоритъ о немъ безъ всякаго уваженія къ его лѣтамъ и заслугамъ.

Но и Мина Михайловна объ этомъ мало думала, потому что вообще не любила думать...

Зря пригласила она Леконiду обѣдать — въ ту минуту, когда, уходя отъ сестры, она сказала Минѣ: «Да оттого и ухожу, что не хочу встрѣчаться съ Ознобинымъ; лучше поголодаю, куплю себѣ калачъ и съѣмъ его»...

Леконида, такъ же какъ и сестра ея, ни разу еще не была у Мины Михайловны (Ерошина разъ была, но не застала ее дома и оставила ей карточку).

И Леконида согласилась, обѣщала непремѣнно къ 5 часамъ вечера быть у Тютиной, въ Малой Конюшенной, въ домѣ подъ № 00. Ей было любопытно поглядѣть на житье-бытье той женщины, которая не нынче—завтра станетъ мачихой Пети, и поглядѣть на Клина: настолько-ли онъ старъ, чтобъ стоило выходить за него. По мнѣнію Леконiды, за стариковъ можно выходить только въ такомъ случаѣ, если они и очень богаты, и очень дряблы, настолько-же влюбчивы, насколько слабы головой и слѣпы. Этотъ афоризмъ какъ-то самъ собой сложился въ головѣ ея еще въ то время, когда она управляла усадьбой Библиныхъ и когда старый Библинъ клялся ей, что одно ея присутствіе дѣлаетъ сердце его на двадцать лѣтъ моложе.

Въ пятомъ часу Леконида безъ всякаго затрудненія отыскала квартиру Тютиной, дверь, обитую зеленымъ сукномъ и мѣдными гвоздиками, — позвонила, вошла и тотчасъ-же очутилась въ объятіяхъ Мины Михайловны...

Digitized by Google

Небольшая квартира Тютиной, освѣщенная лампами, кенкетами и фонариками, хоть кого могла бы поразить своею пестротою, блескомъ и роскошью.

Три комнатки ея, гостиная, спальня-будуаръ и столовая, были чѣмъ-то въ родѣ трехъ миніатюрныхъ чертоговъ, убранныхъ зеркалами и штофомъ, уставленныхъ вазочками, статуэтками и дорогими бонбоньерками. На потолкахъ были лѣпныя завитушки, по карнизамъ — золотыя каймы, надъ окнами — кисти; та нишь, гдѣ стояла кровать, закрывалась раздвижнымъ тяжелымъ занавѣсомъ на золоченыхъ кольцахъ.

Столовая была нѣсколько проще, но и она убрана была серебромъ и фаянсомъ и уставлена, должно быть, очень дорогими рѣзными стульями съ высокими спинками.

«Нѣтъ, подумала Леконида, — наши помѣщики, у которыхъ не больше 500 десятинъ, такъ жить не могутъ. Должно быть, она очень богата». Но кто-бы это могъ подумать, и не странно-ли создано человѣческое сердце? Леконида, конечно, не отказалась-бы отъ богатства, и что-же? Въ глубинѣ души ея шевельнулось нѣчто вродѣ гадливости или презрѣнія къ этой всѣми силами старающейся угодить ей женщинѣ. Мина предлагала ей лечь на постель и отдохнуть, пока ниого нѣтъ, предлагала ей рюмку вина или стаканъ селитерской воды, предлагала ей, если только она озябла, закутать ее съ ногъ до головы въ шаль свою. Леконида не устала, не озябла, только руки ея были холодны и даже глаза блестѣли холодно.

— А гдѣ ваша дочка? спросила она своимъ рокочущимъ голоскомъ.

— А, Ксеня! Пойдемте къ ней, она одѣвается.

Изъ столовой шли еще двѣ двери, одна въ коридорчикъ, второй велъ въ кухню, а другая въ комнату, предназначенную для Ксеніи.

— Вы представить себѣ не можете, какое мнѣ сдѣлали предложеніе, проговорила Мина, прижимая локоть Лекониды къ

Digitized by Google

груди своей. — Мнѣ такъ неловко было-бы сегодня обѣдать вдвоемъ съ мужчиной, котораго я такъ мало знаю.

— Да вѣдь онъ-же женихъ вашъ?

— Тсъ!.. Кто вамъ это сказалъ? Онъ сватался за меня заочно, но я еще вовсе не дала ему своего согласія.

Договоривъ это, Мина отворила дверь, и Леконида тотчасъ увидѣла профиль дѣвочки, сидящей съ книжкой въ рукахъ передъ зеркаломъ и поневолѣ слегка задирающей свою головку, такъ-какъ рука съ гребнемъ ходила по золотистымъ волнамъ волосъ ея. Эти волосы расчесывала и заплетала горничная высокаго роста, сухощавая, чернобровая и нѣсколько кривоносая.

Дѣвочка встрепенулась, увидѣвъ мать и ея гостью, опустила книжку на свои колѣни, подняла головку, и при свѣтѣ лампы Леконида увидѣла личико поразительной красоты.

— Что вы читаете? спросила Леконида.

— Кота-Мурлыку, отвѣчала дѣвочка.

— А, знаю! Это очень фантастично, но... многіе хвалятъ. Професоръ Вагнеръ, авторъ этихъ сказокъ, знакомъ съ одной моей подругой, и, если ей вѣрить, это человѣкъ далеко не дюжинный. Я до сказокъ и вообще до поэзіи небольшая охотница, но хорошая тенденція, даже въ сказкахъ, заслуживаетъ полнаго вниманія. Я думаю, что не только въ сказкахъ, но даже и въ музыкѣ можетъ быть тенденція.

— Ну, ужь нѣтъ, возразила Мина Михайловна, великая охотница до возраженій.

— Да, да, да, Мина Михайловна. Музыка, даже безъ словъ, безъ всякихъ...

Въ это время изъ передней долетѣлъ до слуха Мины Михайловны звукъ звонка.

— Это, должно быть, Клинъ, пробормотала Мина.

Горничная, чесавшая дѣвочку, бросила гребень и пошла въ переднюю.

— Пойдемте.

Digitized by Google

Леконидѣ еще не хотѣлось уходить. Ксенія казалось ей сказочнымъ существомъ,—до такой степени была она мила, стройна и граціозна съ полупричесанной головой своей. Хотя Мина Михайловна давала ей не болѣе десяти лѣтъ, но на видъ ей было, по крайней мѣрѣ, четырнадцать. Не шевелясь, выслушала Ксенія тираду ей незнакомой барышни, ожидала спора между нею и матерью, но спора не послѣдовало, онѣ вышли, и она опять могла приняться за «Кота-Мурлыку», въ ожиданіи горничной.

Каково-же было удивленіе Мины и Лекониды, когда въ гостиной встрѣтили онѣ не стараго Клина, а молодаго, курчаваго, съ продолговатымъ, нѣсколько еврейскимъ лицомъ и карими, нѣсколько косыми глазами Зуева, того самаго, который подъ новый годъ пилъ у Лекониды чай и шампанское.

— Какими судьбами?

— Какими вы судьбами? въ одно и то-же время воскликнули они, протягивая другъ другу руки.

Оба казались удивленными, у Зуева были выпуклые глаза и, казалось, отъ неожиданнаго сюрприза имъ хотѣлось выскочить.

Мина Михайловна покраснѣла до ушей и тотчасъ-же сказала Зуеву, что она не ждала его, и что если онъ пріѣхалъ съ визитомъ, то она очень рада; но терпѣть не можетъ пустыхъ визитовъ.

— Но у васъ какой-то праздникъ! Вы кого-то ждете! Кто этотъ счастливецъ?

— Мой женихъ.

— Ба! Не зналъ.

— И прошу васъ никому не говорить. Это моя тайна. И прошу васъ.

— Я умѣю соблюдать тайны, особенно тайны женщинъ, сказалъ нѣсколько обиженнымъ тономъ Зуевъ. (Женскія тайны а и свои собственныя Зуевъ ставилъ ни во что; онъ счи-

Digitized by Google

талъ какъ-бы долгомъ своимъ посвящать въ эти тайны своихъ пріятелей).

— Знаю, что вы скромны. Ну, садитесь.

— Нѣтъ-съ, я знаю пословицу: не въ пору гость хуже татарина, и тотчасъ-же удалюсь, если вы, Мина Михайловна, позволите мнѣ поздравить васъ и поцѣловать ваши ручки.

— Если вы не нафабрили вашихъ усовъ, то... Садитесь-же.

— Ни за что.. Прощайте...

Леконида замѣтила, какъ глаза его блеснули не то страстью, не то злорадствомъ, не то чѣмъ-то зловѣщимъ, когда онъ, протянувъ ей руку, прощался съ ней...

— Ахъ, да!.. сказалъ онъ, вернувшись съ порога.—Я не даромъ заѣхалъ: на все судьба, какъ говоритъ Ознобинъ!.. Судьба!.. Если вамъ понадобится шаферъ, я къ вашимъ услугамъ, Мина Михайловна... Обѣщаете?

— О, непремѣнно, непремѣнно!

Слегка подогнувъ ногу, онъ ловко отступилъ и низко поклонился ей.

Уходя, онъ думалъ: «Какъ-бы не такъ!.. Женихъ! Никакого жениха... Все это надувательство, просто сѣти, въ которыя заманиваютъ Лекониду Алаеву. Ожидаютъ кого-нибудь... Неужели Леконида поддастся?.. Э!.. Всѣ онѣ на одинъ покрой!»

— Ахъ! Хорошо-ли это, стала безпокоиться Мина Михайловна, — что я не оставила его обѣдать... или, по крайней мѣрѣ, не пригласила его... Право, я боюсь, что онъ обидѣлся... Никогда не слѣдуетъ обижать людей, это мое правило...

— Я сама не понимаю, отчего вы его не оставили, сказала Леконида.

— Да просто онъ смутилъ меня... Не ждала, и вдругъ... А вы давно его знаете?..

Digitized by Google

— Я? сидя въ золоченыхъ креслахъ, отозвалась разсѣянно Леконида.—Да, я давно его знаю; онъ служилъ у моего дяди и часто, еще при покойномъ отцѣ, бывалъ у насъ...

— И онъ вамъ нравится?

— Да, какъ и всѣ: не лучше другихъ и не хуже... Большой волокита, ко мнѣ равнодушенъ,—вотъ и все, что я могу сообщить вамъ...

Мина вышла посмотрѣть, накрытъ-ли столъ и все-ли въ порядкѣ. Пока она хлопотала по хозяйству, а Леконида, присѣвъ къ пьянино, что-то наигрывала, нѣсколько голодная, такъ-какъ былъ уже шестой часъ въ исходѣ,—раздался звонокъ.

На этотъ разъ въ переднюю ввалился Клинъ и, пока снималъ съ себя шубу, громко откашливался.

ГЛАВА XXIX.

Мы уже разъ замѣтили, что Клинъ дома и Клинъ въ обществѣ—это были два лица совершенно разныя.

Въ обществѣ Егоръ Антоновичъ также иногда злился, но онъ молчалъ, только кровь приливала къ щекамъ его, глаза ни на что не глядѣли и щурились, какъ у кота, въ ту минуту, когда онъ зѣваетъ. Въ обществѣ онъ также ругался, но про себя, и при этомъ могъ настолько обладать собой, что даже тому чиновнику, который покупалъ букеты для примадонны и осмѣлился сказать ему, что метода игры его устарѣла, Клинъ не сказалъ ни слова, только отошелъ и мысленно весь вечеръ всяческими, пристойными и непристойными, словами ругалъ его.

Вообще же онъ казался очень почтеннымъ человѣкомъ, очень смирнымъ, очень дѣловымъ и даже весьма учтивымъ съ дамами, не даромъ-же онъ былъ артистомъ и въ молодости посѣщалъ не только салоны губернаторовъ, обладающихъ музыкально-развитыми женами, но и кой-какіе аристократическіе дома въ столицахъ.

Digitized by Google

Что-же мудренаго, что генералъ Тютинъ, нареченный мужъ и покровитель Мины Михайловны, когда задумалъ окончательно развязаться съ ней, остановилъ свое вниманіе на плотной и серьезной фигурѣ Егора Антоныча?

«Вотъ кто, подумалъ онъ,—долженъ ей замѣнить меня... Онъ не проживетъ ея капитальца и ей не дастъ прокутить его... Ей будетъ подъ старость покойно, и Ксенія нравственно не будетъ испорчена».

Странно, почему именно давно всѣмъ извѣстный циникъ и дѣвушникъ Тютинъ вдругъ такъ сталъ заботиться не только о нравственности своей крестной дочери Ксеніи, но и о нравственности Мины.

Долго пришлось-бы разсказывать о томъ, какъ ловко внушалъ онъ Клину мысль жениться на содержанкѣ, какъ долго, то шутя, то серьезно увѣрялъ онъ Егора Антоныча, что Мина къ нему неравнодушна, и какъ въ то-же время онъ увѣрялъ Мину, что старый Клинъ съ ума спятилъ—влюбленъ въ нее, точно какой-нибудь школьникъ, и что такъ-какъ онъ уѣзжаетъ на югъ въ страны далекія, и такъ-какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ будетъ, нужнѣе всего нравственное вліяніе, то онъ долженъ съ нею разстаться, а такъ-какъ у Клина, по крайней мѣрѣ, однихъ билетовъ тысячъ на 70, то ей не слѣдуетъ пренебрегать его капризной страстью и ковать желѣзо, пока горячо...

Но Клинъ былъ тертый калачъ, да еще такой тертый, что передъ нимъ Ерошинъ могъ бы показаться только недавно испеченнымъ калачикомъ. Хоть онъ и былъ Егоръ, но *объегорить* его было нелегко. Женщинъ онъ или презиралъ, или ненавидѣлъ, — презиралъ тѣхъ, которыя легко ему подчинялись, и ненавидѣлъ тѣхъ, которыхъ нравственная сила не поддавалась никакимъ искушеніямъ, которыя были самостоятельны и отъ него независимы или же, подобно покойной женѣ его, проявляли стойкость убѣжденій или стойкость характера. Влюбиться юношески Клинъ уже не могъ, и хотя

Digitized by Google

Мина Михайловна дразнила его воображеніе, скупой старикъ не поддавался ей...

Уѣзжая на югъ, по порученію министра, Тютинъ сказалъ Минѣ: «Если ты не глупа, ты за него выйдешь замужъ, а если будешь глупа, то знай, что между нами все кончено». То-же, что сказалъ онъ Клину, Клинъ зарубилъ у себя на носу, но все-таки не далъ ему никакого на этотъ счетъ положительнаго отвѣта или обѣщанія.

Тютинъ уѣхалъ въ ноябрѣ, стало быть, съ ноября почти что вплоть до марта новаго 1875 года для опечаленной, какъ бы овдовѣвшей Мины Михайловны наступило нѣчто вродѣ междуцарствія. А такъ какъ никакое междуцарствіе никогда не отличается тишиной и порядкомъ и въ исторіи русскаго народа называется *смутнымъ временемъ*, то и для Мины Михайловны наступилъ періодъ развинченности, скуки и всяческихъ увлеченій. Ей хотѣлось и кутить, и выйти замужъ.

Что она покутила, и покутила на славу, это доказывается тѣмъ, что Зуевъ познакомился съ ней на улицѣ, и затѣмъ разъ посѣтилъ ее въ четыре часа ночи, послѣ маскарада и ужина въ нѣмецкомъ клубѣ, и еще разъ по утру, а именно въ Крещенье, когда онъ страшно озябъ на церковномъ парадѣ и когда, стоя на невской дворцовой пристани, онъ вспомнилъ, что обѣщался зайти позавтракать къ Минѣ.

А что она, несмотря на свои похожденія, все-таки хотѣла выйти замужъ, это доказывается тѣмъ, что почтеннѣйшій Клинъ съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе у ней отобѣдать.

Увы! Знала-ли Мина, что всѣ ея прелести были для него—пустяки, что если онъ и поддавался искушенію, то потому, во-первыхъ, что часть данныхъ ему на ухо обѣщаній стала, такъ сказать, осуществляться, уже пошла въ ходъ та бумага, которая повышала его, давала ему новое мѣсто, а при мѣстѣ казенную квартиру, съ казеннымъ отопленіемъ; потому, во-вторыхъ, что связи его упрочивались, ибо Тютинъ

Digitized by Google

по связямъ своимъ въ Питерѣ былъ не послѣдняя спица въ колесницѣ; потому, въ-третьихъ, что у Мины были деньги, около 20,000 рублей, и, наконецъ (это самое главное), Клинъ понялъ, что ему слѣдуетъ перемѣнить жизнь свою, выйти на просторъ и быть у всѣхъ на виду.

Онъ думалъ, что никто изъ его близкихъ знакомыхъ не знаетъ, что у него есть деньги, и что если онъ станетъ жить пошире и пороскошнѣе, всѣ подумаютъ, что онъ разбогатѣлъ не по милости службы въ комисаріатѣ, а по милости жены своей.

Всѣ эти соображенія, вмѣстѣ взятыя, и заставили его придти къ убѣжденію, что пророчество матери его исполнится, что онъ будетъ и богатъ, и славенъ, и что сердце у него еще не такое старое, чтобъ противостоять женскимъ прелестямъ, а стало быть, и слѣдуетъ ему дать волю, благо случай есть. И все-таки Клинъ не рѣшался.

Когда вошелъ онъ въ маленькую, двумя лампами освѣщенную гостиную, Леконида приняла его за какого-то пристава.

Клинъ былъ въ форменномъ сюртукѣ съ стоячимъ воротникомъ и серебряными пуговицами. Одна рука его была безъ перчатки, другая была облечена въ замшу. Лицо съ подстриженными усами и прилегающими къ воротничкамъ щеками казалось четырехугольнымъ. Сѣрые волосы на головѣ его торчали какъ щетка; сѣрые, большіе глаза казались какъ-бы удивленными и даже нѣсколько суровыми, точно они собирались спросить: что-же все это значитъ? Для чего такой блескъ и великолѣпіе? И что это за дѣвица въ черномъ платьѣ, сидящая за пьянино?

Съ привѣтомъ на устахъ выбѣжала къ нему навстрѣчу Мина Михайловна и подала ему руку.

Клинъ улыбнулся и показалъ кончики зубовъ своихъ.

Обѣдъ былъ готовъ. Клинъ извинился, что опоздалъ, дожидаясь курьера съ бумагами.

Digitized by Google

Отрекомендованный Леонидѣ Алаевой, онъ сказалъ ей, что, кажется, онъ имѣлъ честь знать ея батюшку, Александра Клементьевича Алаева, и даже разъ воспользовался его тарантасомъ и доѣхалъ до станціи. Но что это было давно, когда еще онъ былъ молодъ и когда еще о желѣзныхъ дорогахъ только мечтали, да и то очень немногіе.

За обѣденнымъ столомъ, при свѣчахъ, воткнутыхъ въ бронзовую канделябру съ четырьмя расходящимися змѣиными головами, усѣлись четверо. На главномъ мѣстѣ — хозяйка, направо — Клинъ, налѣво — Леонида, а съ нею рядомъ — просто и гладко причесанная Ксенія въ темно-лиловомъ платьицѣ и въ свѣтло-лиловомъ полушелковомъ фартучкѣ.

Леонида нисколько не была разочарована Клиномъ, по той простой причинѣ, что и не ждала отъ него ничего особенно хорошаго. Только красненькія жилки на кончикѣ его акуратно выточеннаго носа да мѣшочки подъ глазами обратили на себя ея вниманіе.

Разговоръ былъ пустой; потомъ Клинъ заговорилъ о музыкѣ и сталъ припоминать, кого онъ зналъ изъ музыкантовъ. Похвастался, что Глинка совѣтовалъ ему писать оперу, разсказалъ, какой сюжетъ хотѣлъ онъ взять для оперы (мы уже знаемъ, что этотъ сюжетъ былъ взятъ имъ изъ повѣсти графа Сологуба «Аптекарша»). Потомъ Клинъ сухо и отрывочно разсказалъ, какъ ему предстояли двѣ карьеры — сдѣлаться полковымъ капельмейстеромъ или поступить въ чиновники, и почему онъ поступилъ въ чиновники.

Затѣмъ Мина Михайловна стала его разспрашивать о сынѣ. Какой онъ? Что онъ, высокъ или низокъ, хорошъ или дуренъ? И Клинъ отозвался о Петѣ съ самой лучшей стороны, сказалъ, что это мальчикъ рѣдкихъ способностей и рѣдкаго прилежанія. «Вотъ сестра его, такъ та была лѣнива, добавилъ онъ; — теперь она пристроилась, вышла замужъ безъ моего позволенія за учителя, но, слава Богу, живетъ недурно».

Digitized by Google

— Вы ее простили? спросила Мина не безъ участія къ судьбѣ его дочери.

— Простилъ, что дѣлать! какъ-бы извиняясь, отвѣтилъ Клинъ и пожалъ плечами.

Послѣ обѣда онъ выпилъ чашку кофе, отказался отъ папиросъ, сказалъ, что онъ табаку не куритъ, такъ какъ это и вредно и убыточно.

Леконида посидѣла недолго; она поцѣловала Ксенію, кивнула головой Клину и черезъ спальную, освѣщенную розовымъ фонарикомъ, перешла въ столовую. Мина пошла провожать ее и, провожая, вторично пролепетала ей:

— Ахъ, какъ я хорошо сдѣлала, что васъ позвала; было такъ неловко обѣдать съ нимъ самъ-другъ! Какъ я вамъ обязана!

Клинъ-же, пользуясь ихъ отсутствіемъ, спросилъ Ксенію, сколько ей лѣтъ, и очень удивился, когда та сказала ему, что тринадцать.

— Какъ-же это... Его превосходительство говорилъ мнѣ, что онъ всего одинадцать лѣтъ какъ... живетъ... то-есть женатъ на вашей матушкѣ.

Ксенія сильно покраснѣла, опустила рѣсницы и не сказала ни слова.

Клинъ понялъ. что смутилъ ее и задумался.

«Одинадцать лѣтъ! Не шутка—одинадцать лѣтъ! смутно слышался ему голосъ Павла Павловича;—и за все это время она (т. е. Мина) вѣрна мнѣ... Найдите такую жену! Нѣтъ такихъ денегъ, такихъ милліоновъ нѣтъ, которые могли-бы вознаградить женщину за одинадцать лѣтъ преданности и вѣрности». Такъ говорилъ Тютинъ—и что-же? Ксенія говоритъ, что она дочь его. Не можетъ-же она этого не знать... но ей тринадцать! Кто же изъ нихъ вретъ?

— Нѣтъ... я еще того... я еще погожу свататься, рѣшилъ Клинъ.

Тутъ его мысли были прерваны воротившейся Миной Михайловной, которая тотчасъ-же пошла въ буфетъ и вынула

Digitized by Google

бутылочку чайнаго ликера. Когда она, улыбаясь, наливала гостю своему въ маленькую граненую рюмочку эту золотистую влагу, Ксенія, боясь заплакать, встала изъ-за стола и исчезла за дверью своей комнаты прежде, чѣмъ мать успѣла замѣтить это исчезновеніе.

— Пейте за здоровье вашихъ друзей и доброжелателей... Я тоже немножко выпью. У васъ ихъ немного. Павелъ Павловичъ почему-то особенно васъ любитъ. За здоровье Павла Павловича!

Они чокнулись; Клинъ выпилъ свою рюмку и крякнулъ. Мина помочила только губки и, лѣвой рукой облокотясь на столъ, сѣла, повернувшись къ Клину. и поглядѣла вопросительно въ глаза его.

— Отличный ликеръ, прохрипѣлъ онъ. — Давно не пилъ я ничего такого... Гмъ... да!

Вопросительное выраженіе потемнѣвшихъ глазокъ Мины, перешло въ задумчивое и даже грустное.

— Отчего у васъ такъ много враговъ? начала она. — Чего-чего мнѣ про васъ ни говорили! Можетъ быть, и правда... и вы человѣкъ ужасный.

— Я! удивился Клинъ. -Кто это вамъ сказалъ, что я— ужасный?

— Да многіе... Говорятъ, будто вы скряга, — такой скряга, что даже собственному сыну на сапоги не даете, и... будтобы вы... деспотъ... ужасный, ужасный!

— Я деспотъ?.. Какой это негодяй вамъ такъ чернилъ меня? вспылилъ Клинъ. Гнѣвъ явно, красными пятнами выступилъ на щекахъ его, въ глубинѣ глазъ промелькнуло что то стальное и острое.

— Не сердитесь, не сердитесь! вставая и какъ-бы чего испугавшись, проговорила Мина. — Я этому не вѣрю. Вижу только, что вы вспыльчивы; это я даже люблю: когда мужчина вспыльчивъ, это значитъ — онъ добрый.

— Я... Гмъ, я не сержусь... но очень-бы желалъ... гмъ... знать, кто-бы это могъ говорить?

Digitized by Google

— Это говорилъ... постойте... это я сейчасъ скажу вамъ. Онъ, кажется, васъ не очень-то любитъ, это... какъ бишь его? Ознобишинъ... Озноб...

— Ознобинъ... А! Этотъ студентишка! Гмъ! Да, онъ бываетъ у моего сына, но я давно его не вижу... Гмъ! гмъ! Пустельга!.. пустѣйшій человѣкъ! Только и знаетъ, что шляется. А развѣ вы знакомы съ этимъ... Гмъ... гмъ!

— Никогда не видала.

— Никогда не видали?

— Никогда...

Клинъ машинально налилъ себѣ еще полрюмки ликера, выпилъ и закашлялся.

Такъ вы... кхъ... кхъ... полагаете... этотъ Ознобинъ... въ числѣ враговъ моихъ?

— Полагаю... о чемъ-то размышляя, произнесла Мина Михайловна. — Что вы такъ раскашлялись?

— По... поперхнулся...

Мина налила въ стаканъ воды и подала ему. Клинъ запилъ перхоту и поблагодарилъ.

— Значитъ, всячески хотятъ насъ съ вами разстроить, милая Мина Михайловна?

— Какъ разстроить? сказала Мина и поглядѣла на него какъ бы съ недоумѣніемъ.

Клинъ покраснѣлъ. «Ага! подумалъ онъ, — насъ хотятъ разстроить! Ну, нѣтъ... дудки! меня не проведешь».

— Что разстроить? помолчавъ, повторила Мина.—Какъ же это... Вѣдь мы не женихъ съ невѣстой!

— А почему-бы и нѣтъ? смѣло глядя ей въ глаза, отозвался Клинъ. — Это... гмъ! зависитъ отъ васъ...

Мина не то притворилась озадаченной, не то въ самомъ дѣлѣ была озадачена.

— Что такое? . протянула она, сморщивъ лобикъ свой;— не понимаю. Выражайтесь точнѣе, Егоръ Антоновичъ.

Digitized by Google

— Да... что-съ... я готовъ и жениться, если вы меня не забракуете.

И кисть его руки, лежащая на столѣ, судорожно дрогнула: ясно, что, несмотря на спокойный тонъ голоса, сердце его въ эту минуту тоже пугливо дрогнуло.

Вытянувъ руки, обоими кулачками упиралась она въ край стола и стояла, наклонясь грудью надъ скатертью. При блескѣ свѣчъ лицо ея казалось розовымъ; она была смущена, хоть и ожидала этой развязки съ увѣренностью, что иначе и быть не можетъ.

— Это ваше неизмѣнное рѣшеніе? проговорила она полушопотомъ. — Вы не шутите?..

— Не шучу-съ, нисколько.

— А... вы меня любите?

И она поглядѣла на него искоса; одна бровь ея приподнялась и едва замѣтная гримаска искривила ея губы; ей было и жутко, и весело.

Въ эту минуту она была такъ моложава, что показалась Клину молоденькой дѣвушкой.

— Вы мнѣ давно очень нравитесь, сказалъ Клинъ.

— А, «нравитесь»! Этого мало... Я многимъ нравлюсь... это дѣло вкуса... Я хочу, чтобъ вы меня любили, чтобъ вы заставили меня все... все забыть... чтобъ вы для меня ничего не жалѣли... готовы были за меня въ огонь и въ воду...

Бѣдный Клинъ! Онъ понялъ, что долженъ объясняться въ любви, иначе все пропало. Чувство досады и на нее, и на себя закралось въ грудь его.

— А зачѣмъ-бы я сталъ свататься, если-бы не любилъ, но... въ мои лѣта... влюбляться... Еще, чего добраго, выже меня осмѣете... Хе...

— Не осмѣю, не безпокойтесь...

— Я, разумѣется... Кхъ... кхъ!.. Я тоже... у меня тоже сердце... я не звѣрь... Мина Михайловна... началъ онъ говорить, кашляя и задыхаясь.

Digitized by Google

— Успокойтесь... выпейте еще воды... Ахъ, да... это водка... Боже мой, какая я разсѣянная!

— Не безпокойтесь, я самъ налью.

Онъ поднялъ другой, болѣе тяжелый графинъ съ водой и сталъ наливать; Мина видѣла, какъ при этомъ дрожала жилистая, красная рука его.

— Я былъ несчастенъ, началъ Клинъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ, — очень несчастенъ съ первой женой моей... Эта женщина ни въ чемъ не хотѣла угодить мнѣ, во всемъ мнѣ поперечила, даже собственныхъ дѣтей моихъ возстановила противъ меня, наконецъ, ушла отъ меня и стала распускать обо мнѣ чортъ знаетъ какіе слухи!

— Я это знаю... о... я все знаю! съ чувствомъ воскликнула Мина Михайловна.

— И соглашаетесь быть женой моей?

— Если вы меня любите, то — да.

— Мама! послышался какъ-бы плачущій, звенящій голосокъ Ксеніи.

Мина дрогнула и оглянулась на дверь ея комнаты; на вершокъ эта дверь была раскрыта, но продольная щель, которую образовала она, тотчасъ-же съузилась, точно рука дѣвочки, которая начала было отворять ее, опять потащила ее назадъ, какъ только голосъ ея проникъ въ ярко освѣщенную столовую.

— Сейчасъ приду, отозвалась мать и молча поглядѣла на жениха.

Клинъ не сводилъ съ нея глазъ.

— Вотъ и ей, вашей дочкѣ, будетъ непріятно, если она узнаетъ, что я, такой пожилой, такой старый, рѣшаюсь быть вашимъ мужемъ.

— Ахъ, какое мнѣ дѣло... пріятно ей или непріятно?!.. Что она понимаетъ?.. И вы вовсе для меня не стары; Павелъ Павловичъ былъ гораздо, гораздо старше васъ.

— Да, онъ, кажется, немножко старше.

Digitized by Google

— И я увѣрена, что онъ измѣнилъ мнѣ не даромъ... О, вѣтреные мужчины, вѣтреные! Надѣюсь, что вы хоть немножко посолиднѣе.

— Надѣюсь...

— Ступайте въ мой будуаръ... я сейчасъ явлюсь къ вамъ.

Клинъ тяжело поднялся съ своего мѣста и пошелъ въ дверь, которая была за спиной его.

— Мама! Ты развѣ замужъ выходишь? нагнувшись надъ своими колѣнями и закрывъ лицо руками, проговорила дѣвочка, когда мать вошла къ ней въ комнату.

— Готовь къ завтраму уроки и не мѣшайся не въ свое дѣло, душа моя. Выйду, такъ выйду, а не выйду, такъ не выйду. Поступлю такъ, какъ выгоднѣе для меня и для тебя. Прощай, душа моя, приходи къ чаю...

— Нѣтъ, ужь позволь мнѣ, я здѣсь останусь.

— Какъ хочешь... я тебя не принуждаю.

Мина догадалась, что Ксенія страдаетъ. Какъ мать и добрая женщина, она поцѣловала ее въ голову и, не желая ни ее, ни себя разстраивать, вышла изъ этой маленькой, дѣвственнымъ дыханіемъ напоенной комнатки. А Клинъ ждалъ ее въ будуарѣ, гдѣ стояло на туалетномъ столѣ ея венеціанское зеркало съ гирляндой изъ стеклянныхъ цвѣтовъ вмѣсто рамы, и гдѣ маленькое атласное канапе или софа — свидѣтельница многихъ романическихъ сценъ и тайныхъ объятій — въ особенности дразнила мечту его; самый воздухъ этой богато-убранной, уютной комнатки, казалось, возстановлялъ его силы, возвращалъ ему молодость.

«Теперь онъ мой! подумала Мина, — особенно, если я съумѣю довести его до чортиковъ».

Но на порогѣ въ будуаръ свой она пріостановилась, что-то вспомнила, обошла обѣденный столъ, отворила дверь въ коридорчикъ, позвала горничную и велѣла ей, во-первыхъ, погасить въ столовой всѣ лишнія свѣчи и въ десять часовъ подать серебряный самоварчикъ въ гостиную на круглый сто-

Digitized by Google

ликъ, не забыть коньякъ и круглый пирогъ, принесенный изъ кондитерской, и всѣмъ, кто позвонитъ, отказывать.

Затѣмъ Мина Михайловна, шурша шелковой юбкой, появилась въ сіяніи розоваго фонарика, подошла къ Клину, обняла его за шею и поцѣловала.

На другой день утромъ, проснувшись около десяти часовъ, Клинъ позвалъ Мавру и велѣлъ ей, когда вернется Петя изъ гимназіи, передать ему отъ его имени двадцать пять рублей и велѣть ему на эти деньги заказать себѣ новые сапоги и вообще купить себѣ все, что нужно.

ГЛАВА XXX.

Не скажи Мина Михайловна нашему почтенному Егору Антоновичу Клину, что какой-то Ознобинъ обзываетъ его скрягой и деспотомъ, то весьма вѣроятно, что старый артистъ надолго отложилъ-бы сватовство свое, тѣмъ болѣе, что Ксенія своимъ тринадцатилѣтнимъ возрастомъ навела на него коекакія сомнѣнія. Но Клинъ вдругъ вообразилъ себѣ, что какіе-то ни съ чѣмъ несообразные люди, вродѣ Ознобина, не сегодня, такъ завтра, успѣютъ повредить ему, съумѣютъ такъ ловко очернить его въ глазахъ прелестной Тютиной, что, чего добраго, все пойдетъ къ чорту и, не видать ему Мины, какъ ушей своихъ. Онъ вознегодовалъ и, такъ-сказать, на зло врагамъ своимъ, рѣшился посвататься.

Мы были свидѣтелями этого курьезнаго сватовства, но, надѣюсь, читатели уволятъ меня отъ описанія тѣхъ нѣжностей, которыми въ тотъ-же вечеръ удостоила жениха своего наша любвеобильная Мина Михайловна. Нѣжности эти начались съ прикосновенія розовыхъ устъ ея къ влажному лбу его, и, разумѣется, кончились тѣмъ, что онъ чуть не задушилъ ее, и непремѣнно-бы задушилъ, если-бы она, какъ змѣйка, не соскользнула съ колѣнъ его. Не даромъ нашъ почтенный Клинъ, вернувшись домой далеко за полночь, долго не могъ

Digitized by Google

заснуть, долго кряхтѣлъ въ потемкахъ и не даромъ мысленно увѣрялъ себя, что онъ отъ роду никогда никого такъ не любилъ и никогда не былъ такъ любимъ, какъ любимъ онъ теперь этой очаровательной Миной.

Петя очень удивился, когда на другой день, вернувшись къ обѣду изъ гимназіи, онъ получилъ изъ рукъ ухмыляющейся Мавры сѣренькую двадцати-пяти-рублевую депозитку.

«Что такое?» подумалъ онъ.

— Бери; видно, на него стихъ такой нашелъ. Нечего тебѣ глаза-то на меня пялить! Не свои деньги я даю тебѣ. Купи себѣ сапоги и что хочешь, — хоть бутылку пивца, хоть медку... Угостишь — хорошо, не угостишь — и того лучше!

Такъ, растягивая чуть не до ушей двузубый ротъ свой, скрипѣла благодушная Мавра. Она была рада этимъ деньгамъ такъ, какъ-будто на нее съ неба кладъ свалился. Петя былъ гораздо равнодушнѣе.

— Я вотъ что, Мавра, сдѣлаю, говорилъ онъ, не слушая сладкоскрипучихъ рѣчей ея.—Сапоги я куплю; это давно мнѣ надо — новые сапоги купить; а остальное, что сдачи получу, отцу отдамъ. Ты, вѣрно, не поняла его или не разслышала. Онъ, можетъ быть, только и далъ, что на сапоги.

— Ни-и... ни... не моги ты этого! Будешь сдачу ему отдавать — возьметъ, да еще тебя-же обругаетъ; ты лучше ручку у него поцѣлуй: дескать, спасибо, такой-сякой, голубчикъ, папенька! Во-отъ что!

— Ну, хорошо. Вотъ увидишь ты, что сдачи потребуетъ.

И Петя тотчасъ, поглядѣвъ на столовые часы, надѣлъ шинель и пошелъ покупать себѣ сапоги. Ему не терпѣлось; до обѣда-же оставалось около двухъ часовъ, такъ-какъ въ этотъ день онъ довольно рано вернулся изъ гимназіи.

Клинъ, напротивъ, опоздалъ; онъ вернулся со службы только около семи часовъ и разсердился, зачѣмъ Мавра вышла въ переднюю съ огаркомъ безъ подсвѣчника, и, по обыкно-

Digitized by Google

венію, примостила его на окошечко, выходящее въ холодные сѣни. Замѣчательно только то, что Клинъ разсердился, такъ-сказать, умѣренно, рыча, но не возвышая голоса.

Сапогами Пети онъ остался очень доволенъ; впрочемъ, не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія, тотчасъ-же облекся въ сѣрый, домашній сюртукъ и не спросилъ сдачи.

— Ну, спасибо, сказалъ Петя и приложился къ рукаву своего родителя, такъ-какъ обѣ кисти рукъ Клинъ засунулъ себѣ въ карманы панталонъ, тоже сѣрыхъ, и, нахмурившись, думалъ не о сапогахъ и не о деньгахъ, — нѣтъ! (поднимай выше!) онъ думалъ, что-бы такое подарить ему своей невѣстѣ, Минѣ Михайловнѣ.

Клинъ смутно боялся при этомъ, что на него опять найдетъ нѣчто вродѣ умопомраченія, страсть къ расточительности, почти равная его скаредности,—словомъ, что-то вродѣ запоя послѣ долгаго воздержанія. Это случалось съ нимъ очень рѣдко, и, разумѣется, не въ такихъ размѣрахъ, какъ бывало въ первые годы его брачной жизни, когда онъ охладѣлъ къ несчастной Марьѣ Ивановнѣ, испортилъ свою артистическую карьеру и переѣхалъ жить на Васильевскій островъ. Тогда, воспользовавшись отпускомъ, онъ прокутилъ въ Москвѣ и въ Нижнемъ 3,000 р., а не 6,000 руб., какъ сказалъ онъ сыну, и сказалъ, нужно замѣтить, не за тѣмъ, чтобы похвастаться, а просто потому, что онъ и въ своихъ собственныхъ глазахъ невольно преувеличивалъ послѣдствія своего отчаяннаго безумія, которому придавалъ размѣры небывалые.

Старикъ, очевидно, былъ выбитъ изъ обычной колеи своей, но Мина Михайловна еще не успѣла довести его до чертиковъ или отуманить его посѣдѣлую голову. Онъ не разъ принимался рѣшать, что будетъ ему стоить новый бракъ и новая семейная жизнь, во что обойдется ему этотъ лакомый кусочекъ, эта Мина Михайловна. «Дернула-же меня нелегкая съ ней познакомиться!» думалъ онъ иногда.

Вдругъ однажды утромъ онъ что-то вспомнилъ. Въ халатѣ

Digitized by Google

на распашку и въ стоптанныхъ туфляхъ выскочилъ онъ изъ своего кабинетика и крикнулъ:

— Мавра!

Мавра подумала, что и ни вѣсть что случилось, притворила заслонку у очага, передвинула на плитѣ кофейникъ и, проворно шаркая ногами, появилась въ столовой.

— Что вы, баринъ?

— Мавра! А давно былъ у насъ этотъ распротоканалья Ознобинъ?.. А?..

— А не помню. Кажись, на той недѣлѣ былъ... А что?

— Ну, такъ ты вотъ что: какъ только онъ сунетъ сюда носъ свой,—гони! Слышишь?!. Такъ и гони его мошенника; и чтобъ съ Петькой не смѣлъ онъ дружбу водить!

— Да какъ-же я буду гнать его, батюшка ты мой! Шутка сказать—гнать человѣка. Да какъ-же это я? заголосила озадаченная Мавра.

— Да такъ-же! Такъ и скажи ему, бестіи, что я, я не велѣлъ его принимать! Чтобъ его и духомъ не пахло!.. Слышишь? Такъ и Петѣ скажи... Я не хочу, не хочу, — вотъ тебѣ и сказъ!.. А не то, смотри, вышвырну я васъ обоихъ на улицу, и тебя, и Петьку... Ну, что стоишь? Ступай!

И Клинъ, запахнувшись, опять ушелъ въ свою комнату, какъ медвѣдь въ берлогу.

Прошла недѣля. Никто не станетъ удивляться, что Клинъ все чаще и чаще сталъ по вечерамъ засиживаться у своей возлюбленной и что онъ подарилъ ей великолѣпное кольцо съ изумрудомъ и бриліянтами, купленное имъ по случаю за полцѣны и передѣланное на новый фасонъ: изъ мужскаго, когда-то, кому-то пожалованнаго еще при Александрѣ I-мъ, онъ велѣлъ передѣлать его въ женское, и когда оно было готово, самъ надѣлъ его на бѣленькій пальчикъ Мины Михайловны.

Мина была въ восторгѣ и на другой-же день утромъ пошла показать это кольцо своей *единственной*, т. е. Александрѣ Александровнѣ Ерошиной.

Digitized by Google

ГЛАВА XXXI.

Ознобинъ не заставилъ слишкомъ долго ждать себя Однажды, часу въ девятомъ вечера, онъ отворилъ дверь въ кухню къ Маврѣ и явился передъ нею, какъ листъ передъ травой.

Мавра всплеснула руками, чего она никогда не дѣлала, когда приходилъ Ознобинъ: онъ былъ для нея слишкомъ привычнымъ гостемъ и притомъ еще ея любимцемъ за его привязанность къ Петѣ.

— Ну, слава-Богу! проговорила Мавра; — барина дома нѣтъ...

— Какъ, развѣ Пети дома нѣтъ? спросилъ Ознобинъ, раскутываясь.

— Барина, стараго барина дома нѣтъ... Пожалуйте... Только, что я вамъ скажу... Ну, да ужь лучше пусть Петя вамъ самъ скажетъ... Постойте-ка...

И она, подмигнувъ однимъ глазомъ, потянула Ознобина за рукавъ.

Ознобинъ пріостановился и пригнулъ къ ней лѣвое ухо.

— Постойте-ка, что я вамъ скажу... Вы только не сердитесь, отецъ родной; вѣдь онъ точно бѣлены объѣлся: не велѣлъ васъ пущать.

— Кто?.. Петя?!.

— Какой Петя!.. Пожалуйте!.. Онъ вамъ разскажетъ.

Петя услыхалъ его голосъ и на порогѣ обнялъ Ознобина, чего онъ также никогда не дѣлалъ.

— Что такое? Э... за что... э... за что вашъ папа не велѣлъ пускать меня?..

— А я почемъ знаю... Садитесь...

Ознобинъ сѣлъ на старое кресло съ продавленной кожаной подушкой, повѣсилъ носъ и сталъ жаловаться на свое здоровье.

Digitized by Google

— Устаю, говорилъ онъ,—и ничего не могу дѣлать!

Петя безъ всякихъ церемоній разсказалъ ему, какъ отецъ призвалъ Мавру и велѣлъ ей сказать ему, чтобы онъ, Петя, не смѣлъ видѣться съ нимъ, т. е. съ Ознобинымъ.

— Ну... э... что-жь? Ну, и не будемъ видѣться! тихимъ голосомъ проговорилъ Ознобинъ и поглядѣлъ на Петю изподлобья, взглядомъ человѣка, истомленнаго пыткой.

— Это почему «не будемъ»? вдругъ вспылилъ Петя, и глаза его загорѣлись.—Я не ребенокъ, могу видѣться, съ кѣмъ хочу, любить, кого хочу! Я еще объ этомъ спрошу его; я еще поговорю съ нимъ: что за причина?!

— Очень простая... э... онъ женится!

— Же-нится! Какъ женится?! удивился Петя и даже улыбнулся.—Это тоже ваша фантазія?

— Какое... э... фантазія!... Дѣло рѣшеное.

— Да отъ кого вы это слышали?

Тутъ Ознобинъ началъ ему разсказывать, безпрестанно обрывая рѣчь свою, растягивая фразы и разглядывая свои ногти, которые онъ порядкомъ-таки пообкусалъ въ послѣднее время.

— Э... это уже рѣшено... А откуда я знаю,—отъ Ерошина... Я имѣлъ порученіе къ нему отъ вашей сестры, Анны Егоровны. Она писала ко мнѣ, что ей нужно съ нимъ видѣться; я послалъ ей отвѣтъ Ерошина и черезъ недѣлю этакъ пошелъ справиться, была ли она у него въ назначенный день, въ воскресенье. Оказалось—не была... Э... Ерошина я засталъ въ хандрѣ, не въ духѣ... Кто при такой погодѣ въ духѣ?.. Ну, поговорили... Хорошій онъ человѣкъ... Э... ну, да... я и говорю ему, что эта самая Духова, которая хотѣла видѣться съ нимъ, дочь Клина и ваша сестра.

— А почемъ онъ меня знаетъ?

— Онъ васъ знаетъ,—я про васъ говорилъ ему; и вашего отца онъ тоже хорошо знаетъ... Ну, и объ отцѣ вашемъ потолковали.

Digitized by Google

Ознобинъ пріостановился и поглядѣлъ на Петю.

— Ну, э... мало-ли, что мы толковали. Тутъ я и узналъ, что отецъ вашъ женится на содержанкѣ... то есть... э... не на содержанкѣ, а на любовницѣ какого-то генерала Тютина. То есть... какъ-бы это вамъ сказать?.. она жила съ нимъ въ гражданскомъ бракѣ... и... Ерошины, оказывается, ее знаютъ...

Петя глядѣлъ во всѣ глаза. Онъ былъ пораженъ, ему не вѣрилось, и минуты три продожалось молчаніе...

— Отецъ мой тоже хочетъ вступить съ нею въ гражданскій бракъ? спросилъ, наконецъ, Петя.

— Ну, нѣтъ, отвѣчалъ Знобинъ;—эта барыня хочетъ его на себѣ женить какъ слѣдуетъ. И... э... если женить, то прочно женить, основательно...

— Вы думаете? съ недовѣріемъ замѣтилъ Петя.

— Непремѣнно... Надняхъ она была у Ерошиныхъ и показывала имъ изумрудное кольцо... э... рубликовъ въ шестьсотъ эдакъ... ну, и я узналъ, что... э... это кольцо... ей подарилъ...

— Отецъ?

— Ну да... разумѣется... Говорятъ, у этой Тютиной есть незаконная дочь, лѣтъ пятнадцати.

— Стало быть, она старуха, если дочери пятнадцать лѣтъ?

— Можетъ быть и старуха... Но... понимаете... если Егоръ Антонычъ влюбленъ и женится, то не мѣшаетъ заблаговременно принять кое-какія мѣры, чтобъ я не ходилъ сюда: дескать, опасный человѣкъ,—почемъ знаешь, чего не знаешь.

Знобинъ по большей части угадывалъ невпопадъ.

— Женится! какъ бы про себя повторилъ Петя, потупившись.

— А я, знаете, что было вздумалъ?.. Хотѣлъ тотчасъ же идти къ этой барынѣ, разсказать ей все и уговорить ее не выходить замужъ; словомъ, урезонить, если только она порядочная женщина... Но Ерошинъ, Николай Николаевичъ,

Digitized by Google

помѣшалъ: основательно посовѣтовалъ мнѣ въ чужія дѣла не мѣшаться. Э... это точно, что въ чужія дѣла мѣшаться не слѣдуетъ.

— Какъ же вы хотѣли отговорить ее? спросилъ Петя.

— А очень просто: напугать ее. Сказать, что отецъ вашъ очень скупъ, не... э... уживчивъ и, вообще, не рожденъ для семейной жизни... э... то же, что селезень... Какой онъ семьянинъ!.. Семья—это дѣло святое...

— Ха! Семья—дѣло святое! Выдумаете же вы!... Святое!!. Это почему, желалъ бы я знать!.. Самое обыденное дѣло вы называете святымъ?!

— Да... э... вы еще и не видали ни одной семьи.

— Я самъ—ея отродье; а вы говорите—«не видалъ»!

— Вы—не примѣръ... э... и между породами птицъ есть самцы, которые терпѣть не могутъ гнѣздъ и сами разоряютъ ихъ. Самки отъ нихъ прячутъ свои яйца... Что же изъ этого? Все-таки гнѣздо для птицы—святое дѣло; для него живетъ она, ради него и любитъ, и дѣтей выводитъ, и поетъ... Гнѣздо, нора, берлога—э... это все самое святое... самое поэтическое въ жизни животныхъ...

— Ну, а человѣкъ, къ несчатью, не совсѣмъ животное, разсердился Петя.— Не могу я, какъ волченокъ, убѣжать въ лѣсъ или куда глаза глядятъ.

— И не нужно .. Въ лѣсу теперь куда хуже, чѣмъ у васъ въ квартирѣ: не переночуете и ночи безъ того, чтобъ не издрогнуть и не заболѣть.

— Ну, у насъ въ лѣсу нельзя жить,—климатъ не позволяетъ, а безъ семьи—можно.

— Вы бы еще сказали, что и безъ матери можно обойтись... Э... конечно, я съ вами не спорю—есть и гнилыя семьи. Но гнило то общество, которое... э... есть не что иное, какъ сумма гнилыхъ, разлагающихся семействъ.

— Вотъ такихъ семействъ, какъ мое, не безъ горечи пояснилъ Петя,—или вотъ какъ у Померанскихъ... Такая же

Digitized by Google

семья выйдетъ и изъ этого новаго брака моего отца съ содержанкой...

— Э... что нибудь да выйдетъ; стоитъ-ли говорить объ этомъ.

— Да когда же это будетъ? Когда же свадьба?

— Не спрашивайте, впадая въ прежній тонъ разслабленнаго, отозвался Ознобинъ.—Я ничего не знаю... и знать не хочу.

— Вамъ, конечно, все равно... Вамъ что... Не у васъ, а у меня будетъ мачиха.

— Ну, будетъ, такъ будетъ... э... все вздоръ передъ вѣчностью...

— Ну, такъ и не хандрите, если все вздоръ.

— Конечно, это глупо — хандрить, и я вамъ не совѣтую... Но что вамъ можетъ сдѣлать мачиха,—вы не ребенокъ...

— Ничего мнѣ не сдѣлаетъ мачиха,—это правда: поступлю въ университетъ, стану давать уроки, писать что нибудь... Мнѣ много ли нужно!.. Вотъ такъ же, какъ вы, найму себѣ комнатку и, кто знаетъ, заживу самостоятельною жизнью. Живутъ же другіе... Вотъ живете-же вы...

— Ну, да... вы думаете, легко это—жить внѣ семьи?.. Но—пора мнѣ и убираться, прощайте!..

Въ отвѣтъ на это Петя крикнулъ въ дверь:

— Мавра, чаю!

Никто не откликнулся.

— Мавра!

Сонное молчаніе и какая-то глухая воркотня въ кухнѣ.

Петя пошелъ въ кухню, Ознобинъ—за нимъ.

Въ кухнѣ на полу кипѣлъ, ворчалъ и фыркалъ самоваръ; Мавры не было.

«Куда это ее унесло?» подумалъ Петя и присѣлъ на скамью; Ознобинъ сталъ передъ нимъ и, держа пледъ свой на рукѣ, сказалъ:

Digitized by Google

— Вы теперь когда ко мнѣ зайдете?.. Вы должны заходить ко мнѣ... Вѣдь вы знаете, что я... васъ любилъ, привязанъ былъ къ вамъ; ну, а мнѣ заходить къ вамъ украдкой... э... этого я не хочу... и не захочу до тѣхъ поръ, пока... э... отецъ вашъ не напишетъ мнѣ, то есть... э... не пригласитъ меня... Ну, а не увидимся—что дѣлать ..

— Охота вамъ говорить на эту тему! Ну, кто мнѣ можетъ помѣшать съ вами видѣться, если я захочу? А на вашъ счетъ я все-таки объяснюсь съ отцомъ: просто скажу ему, что вы у меня были... А какъ вы думаете,—сказать ему прямо: «я знаю, что ты женишься», или не говорить?

— Гмъ!... покуда лучше не говорить; а, впрочемъ, что-жь! Если спроситъ, отъ кого вы знаете... э... можете прямо сказать ему: отъ Ознобина...

Ознобинъ приложилъ къ самовару спичку, спичка вспыхнула; онъ закурилъ папиросу, затянулся и выпустилъ струйку дыма... Кухня, тускло освѣщенная жестянымъ фонаремъ, висящимъ на стѣнѣ, наполнилась вдругъ тѣмъ табачнымъ запахомъ, который такъ любила Мавра...

Петя приподнялъ крышку самовара, чтобы дать просторъ клокочущему кипятку, и думалъ: странный этотъ Ознобинъ! то «лучше не говорить», то «можно и сказать».

— Слухи есть, началъ, затянувшись, Ознобинъ... что отецъ вашъ... сталъ богатъ; говорятъ, скопилъ себѣ большія деньги... Э... что-жь и нужно для современной женщины, какъ не деньги? Да, говорятъ, и у ней есть до двадцати тысячъ; значитъ, съумѣла выудить у этого генерала, бывшаго сожителя, то-есть... Деньги и лѣзутъ къ деньгамъ, — естественно! Духомъ познается духъ, и ничѣмъ нельзя купить его, а тѣло можно... Отчего-бы только отцу вашему не жениться на молоденькой? Вотъ, подождалъ-бы,—дочка ея подросла-бы, красавица, говорятъ, — Ерошина отъ кого-то слышала... Но и то сказать: что ему красота! 20,000—другое дѣло! Двадцать тысячъ и копеечная душонка въ пятирублевомъ тѣлѣ!..

Digitized by Google

Ознобинъ все это говорилъ, очевидно, находясь въ нервномъ возбужденіи: должно быть, сильно ненавидѣлъ онъ въ эту минуту нашего почтеннаго Егора Антоныча, если рѣшился при его сынѣ говорить о немъ такъ нецеремонно и съ такимъ презрѣніемъ.

Петя былъ блѣденъ и молчалъ.

Ознобинъ пересталъ говорить и задумался.

— Нѣтъ, прервалъ онъ вдругъ свою задумчивость.—Все это будетъ нечестно, неблаговидно и ни къ чему хорошему не поведетъ! Просто скажите ему отъ меня, что я его терпѣть не могу; но то, что вы отъ меня узнали о женитьбѣ, нѣчего вамъ ему говорить: и не поможетъ, да и вамъ, какъ сыну, не слѣдуетъ... Пусть себѣ тѣшится; такихъ, какъ вашъ отецъ... э... много на свѣтѣ! Еще отецъ вашъ лучше: скрывается, бѣднымъ прикидывается; другіе и этого не дѣлаютъ,—явно грабятъ и явно роскошничаютъ... Четверть Петербурга на краденыя казенныя деньги построена... Таковы люди были и будутъ!

«Не должны они быть таковы и не будутъ», подумалъ про себя Петя и такъ ударилъ кулакомъ по краю очага, что сбоку отскочилъ кусокъ глины и, разсыпавшись, упалъ на полъ.

Въ эту минуту вернулась Мавра, съ подсахаренными крендельками и испеченными въ булочной пичужками, жаворонками...

Старухѣ, которой Петя заплатилъ всѣ копеечные долги свои, хотѣлось непремѣнно угостить и его, и опальнаго гостя, друга покойной госпожи ея,—и она бѣгала въ дальнюю булочную.

— Сейчасъ будетъ чай! Сейчасъ! Зачѣмъ вы тутъ?.. Еще угорите... Сейчасъ!..

Но Ознобинъ, не внимая ей, напялилъ на себя пальто, перекинулъ черезъ плечо пледъ, нахлобучилъ шапку и, протянувъ руку Петѣ, сказалъ: «прощайте», точно вздохнулъ.

Digitized by Google

Петя, очнувшись, сталъ упрашивать его остаться.

Мавра-же стала у двери, разставила свои корявыя, худыя руки и заскрипѣла: «Ей-богу-же, не пущу; ну вотъ ей-богу же!..»

Но Ознобинъ былъ неумолимъ, отвелъ ея руки въ сторону, толкнулъ ногой дверь и вышелъ. Безхарактерные люди упрямы.

ГЛАВА XXXII.

Ознобинъ прожилъ всѣ деньги, полученныя имъ отъ Володимерца. Онѣ поддержали кредитъ его у квартирной хозяйки, дали ему возможность совершить не по образу пѣшаго хожденія нѣсколько дальнихъ концовъ по городу, купить бутылку шампанскаго, двѣ-три книги, цѣлую стопу писчей бумаги, пачку конвертовъ, нѣсколько вещицъ въ оптическомъ магазинѣ Рихтера, и затѣмъ, превратившись въ мелочь, ушли и оставили Ивана Несторовича безъ гроша въ карманѣ.

И вотъ Иванъ Несторовичъ цѣлый день ходитъ у себя въ комнатѣ, неодѣтый, т. е. въ ночной рубашкѣ и въ брюкахъ, поддерживаемыхъ парою помочей, очень старыхъ, вывезенныхъ имъ еще изъ родного города, гдѣ ему вышила ихъ тетка и крестная мать его, жена казначея. Ходитъ онъ изъ угла въ уголъ, и мысли его никакъ не могутъ развернуться, медленно переходя отъ одной неудачи къ другой или отъ одной вопіющей людской несправедливости къ другой.

Леконида, за его любовь, поступила съ нимъ, какъ съ заклятымъ врагомъ своимъ. Анна Егоровна, за все, чѣмъ онъ былъ для нея въ тѣ дни, когда она еще ходила въ школу и не могла справиться съ ариѳметическими задачами, не только приняла его сухо, но и прямо заявила, что не уважаетъ людей вродѣ Ознобина. Клинъ далъ грозное повелѣніе не принимать его. Положимъ, онъ самъ его терпѣть

Digitized by Google

не можетъ; положимъ, Петя не обратилъ никакого вниманія на этотъ приказъ, но все-же невесело и даже какъ-то противно. Ерошинъ, очевидно, полюбилъ его; но въ послѣдній разъ, когда онъ заходилъ къ нему, горничная еще въ передней доложила ему, что у нихъ будетъ обѣдать Леонида Александровна, и такъ двусмысленно при этомъ улыбнулась, что Ознобинъ, какъ-то самъ того не замѣчая, вышелъ, спустился внизъ по лѣстницѣ, да и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Что можетъ быть отвратительнѣе такой жизни? Но самая отвратительная для него минута еще ждала его. Ровно въ половинѣ пятаго, т. е. въ сумерки, онъ почувствовалъ страшную охоту выкурить папироску, и какъ ни рылся у себя въ столѣ и въ карманахъ—ни на столѣ между бумагами и книгами, ни въ карманахъ не оказалось ни одной, ни единой!..

Въ эту минуту папироска вытѣснила изъ его памяти образъ Леониды и всѣ его неудачи показались ему ничтожными передъ этой насмѣшкой судьбы, передъ этимъ лишеніемъ! Вѣроятно, голодъ, который начиналъ понемногу мутить его, во сто разъ усиливалъ въ немъ жажду выкурить хоть одну папироску.

«Хоть-бы у сосѣдей одну занять», подумалъ Ознобинъ. Но во всѣхъ номерахъ царила тишина; даже за перегородкой, гдѣ жила одна дѣвица-педагогичка, не слышно было ни шаговъ, ни шороха, ни голоса, ни вздоховъ. Только издали, съ конца коридора, доносились до него какіе-то неопредѣленные фортепьянные звуки. Гдѣ ихъ нѣтъ, этихъ фортепьянныхъ звуковъ! Ими наполненъ весь Петербургъ съ одного конца до другаго, и нѣтъ такого этажа, нѣтъ такихъ чердачковъ, куда-бы они не проникали!

«Экая мерзость!» подумалъ Ознобинъ и сталъ повязывать галстухъ свой.

Одѣвшись, онъ вышелъ пройтись по улицѣ и зашелъ въ знакомую табачную лавочку: оставалась еще надежда взять въ долгъ штукъ 25 папиросъ; но и тутъ случай не помогъ

Digitized by Google

ему. Хозяинъ лавки, русскій, съ лицомъ чахоточнаго нѣмца, ушелъ куда-то обѣдать; за прилавкомъ-же сидѣла незнакомая дѣвочка, которая и просюсюкала:

— Чего вамъ? Хозяинъ усѣлъ.

Съ отчаяньемъ въ душѣ пошелъ Ознобинъ дальше, безъ всякой цѣли. Ему было невыносимо сознавать, что, будь у него въ карманѣ какой-нибудь двугривенный — и онъ былъ-бы счастливъ. Ему казалось, что выкури онъ только одну папироску — и вся его хандра провалится къ чорту, тотчасъ-же въ голову его придутъ необыкновенно свѣтлыя мысли, онъ сразу пойметъ и увидитъ, что ему дѣлать.

А на улицѣ было и свѣтло, и свѣжо, и людно, и, какъ нарочно, такія расфранченныя шлюхи, такія красивыя дѣвушки выходили отъ портнихъ и корсетницъ, заходили въ кондитерскія за пирожнымъ, или, Богъ ихъ знаетъ куда и зачѣмъ, ѣхали, что Ознобину стало еще грустнѣе. Какая пропасть женщинъ, и ни одной ему близкой! Какое множество табачныхъ магазиновъ, и ни одной папироски въ губахъ его!

Ерошинъ былъ дома. Свѣсивъ голову, сидѣлъ онъ у себя въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ и занятъ былъ провѣркой какихъ-то срочныхъ бумагъ.

Онъ поморщился, услыхавъ звонокъ въ передней, и скорчилъ сердитую мину, когда Ознобинъ отворилъ дверь и спросилъ его:

— Можно мнѣ войти?

Ерошинъ, не вставая, даже не кивнувъ головой, сказалъ ему:

— Можно-то можно, только съ условіемъ — не мѣшать и сидѣть смирно, пока я не кончу.

Ознобинъ былъ очень радъ, что съ нимъ не церемонятся, тотчасъ-же молча подошелъ къ столу, вытянулъ шею и, замѣтивъ подъ бумагою уголокъ картонной коробки, просунулъ

Digitized by Google

въ нее свои пальцы. Доставъ себѣ папиросу, онъ отошелъ въ уголъ, зажегъ ее собственною спичкой и сталъ курить.

«Вотъ и на сердцѣ стало какъ-будто полегче», подумалъ онъ, усаживаясь на кушетку между двумя шкафами, пуская дымокъ и при этомъ слегка задирая вверхъ голову.

Цѣлыхъ три четверти часа сидѣлъ Ознобинъ и какъ неотвязную муху гналъ отъ себя назойливую мысль — занять рубля два или три у Ерошина. Онъ не любилъ занимать деньги, если, не предвидѣлось впереди никакой работы; а работы на этотъ разъ не предвидѣлось,—впереди были одни только голодные дни съ однимъ лишь жиденькимъ чаемъ и, что всего ужаснѣе, безъ папиросъ.

— Ну, вотъ напишу еще строки двѣ-три и — кончено! сказалъ Ерошинъ, повидимому, очень довольный тѣмъ, что гость его былъ нѣмъ, какъ рыба, и нисколько не мѣшалъ ему.

— Ну, теперь баста! Теперь отдохну, сказалъ онъ, протягивая руку гостю. Ознобину показалось, что Ерошинъ въ хорошемъ настроеніи духа.

— А я зашелъ... э... узнать, была-ли у васъ, наконецъ, эта Анна Егоровна Духова или не была?

— Была.

— И это не секретъ, зачѣмъ она была у васъ?

— Какіе секреты!... Ей, изволите видѣть, вообразилось, что я могу пристроить ея мужа на частной службѣ, такъ-какъ ей не хочется, чтобы онъ оставался учителемъ. Лѣтомъ, говоритъ, у него почти совсѣмъ нѣтъ уроковъ, а деньги нужны и на дачу, и на то, и на сё. Потомъ она, изволите видѣть, недовольна своимъ папенькой, и просила меня посовѣтовать, какъ ей поступить, чтобы онъ далъ ей денегъ... Спрашивала, не знаю-ли я какой нибудь вліятельной личности, черезъ которую она могла-бы похлопотать насчетъ своего приданаго. А потомъ-съ ей очень хотѣлось выпытать отъ меня, какими средствами нажилъ отецъ ея столько денегъ, да и справедливо-ли это, а если справедливо, то гдѣ дока-

Digitized by Google

зательства? Я на это ничего не могъ ей сказать и только посовѣтовалъ сходить къ одному старенькому чиновнику Васенькину, который очень хорошо знаетъ дѣла Егора Антоновича, т. е. въ какомъ они положеніи. Онъ очень скромный старичекъ, этотъ Васенькинъ, но на ласку податливъ. Затѣмъ я посовѣтовалъ супругу ея открыть частный пансіонъ для приготовленія дѣтей въ среднія учебныя заведенія. Эта мысль ей очень понравилась и, ухватясь за нее, она сказала, что съѣздитъ къ отцу и попытается попросить его помочь ея мужу въ финансовомъ отношеніи. А когда я намекнулъ ей, что, можетъ быть, отецъ ея женится, она не повѣрила... Не понравилась мнѣ она, ваша Духова! Не дурна, но современемъ будетъ бой-баба, и любитъ деньгу, очень любитъ, только о ней и думаетъ.

— Я тоже иногда о нихъ думаю... э... когда у меня ни копейки, сказалъ Ознобинъ.

— А у васъ ни копейки? спросилъ Ерошинъ, покосившись на него.

— Ну, ужь это... э... позвольте мнѣ знать.

— Займите у меня, если что...

— Нѣтъ... э... это — покорнѣйше благодарю. Когда-нибудь, можетъ быть, и придется... э... перехватить. А вотъ еще папиросочку позвольте.

— А хотите, я вамъ работу найду?

— Я не на всякую работу способенъ; не на все Господь Богъ вразумилъ меня.

— Да я и не заставлю васъ проводить газовыя трубы или чинить замки, — знаю, что вы на это не мастеръ. А жаль! Часто въ жизни мнѣ приходилось жалѣть, что я не плотникъ, не столяръ и не слесарь. Что мое мѣсто? Только за тѣмъ и сижу, чтобы не дать кому-нибудь надуть и провести меня. Если на половину будутъ меньше красть и меньше подрывать интересы общества, такъ и за то спасибо! Тутъ ужь не о томъ думай, чтобы все цвѣло, росло и развива-

Digitized by Google

лось, а какъ бы совсѣмъ не увяло, не расшаталось и не рухнуло. Да, подлое время!

— Перемелется — мука будетъ, замѣтилъ Ознобинъ.

— Да, вотъ ждите, когда перемелется и мука будетъ! разсердился Ерошинъ, двинувшись въ креслахъ всѣмъ своимъ нѣсколько грузнымъ туловищемъ. — Мука! Изъ мякины ничего не будетъ, никакой муки! И отчего это вы такой оптимистъ? Все вы чему-то вѣрите и на что-то надѣетесь. Мало-людей вы знаете, милѣйшій. Вонъ, намедни, встрѣтился со мной Плюмпудинговъ, извѣстнѣйшій человѣкъ между всѣми великими міра сего. Будь онъ не Плюмпудинговъ, а какой-нибудь князь или баронъ, онъ въ министры-бы пролѣзъ; орденамъ счету нѣтъ, дѣльцомъ изъ дѣльцовъ слыветъ. Заговорилъ я съ нимъ—усмѣхается. «Я, говоритъ, хоть и не люблю реформъ и ни одной еще реформѣ не сочувствовалъ, а въ семидесяти четырехъ комисіяхъ по этимъ самымъ реформамъ участвовалъ». Какъ-же такъ? говорю... Значитъ, противъ реформъ голосъ свой подавали? «Зачѣмъ, говоритъ, что я за дуракъ?! Я отлично понималъ роль свою и другіе меня понимали». Да какъ-же, говорю, неужели вы на словахъ или на бумагѣ утверждали то, что отрицали мысленно? Засмѣялся. «Ишь, говоритъ, какимъ младенцемъ прикидываетесь! Точно вамъ это въ дикозину». Вотъ вамъ и государственный человѣкъ! А вы еще говорите: перемелется—мука будетъ! Вотъ вы еще на дняхъ говорили, что отрицательные типы у насъ вырождаются, а чѣмъ-же это не типъ, этотъ Плумпудинговъ?

— То есть тотъ же Чичиковъ, только пожиже.

— Нѣтъ-съ, погуще, а не пожиже... Да и совсѣмъ не Чичиковъ... Этотъ—своего рода бюрократическій нигилистъ подъ маской благонамѣреннаго консерватора, да еще съ вѣсомъ-съ. Какъ-же это не типъ?

— Гмъ, да, это, пожалуй, что и такъ; только не вѣрю я, знаете, никакому нигилизму. Все это... э... нѣчто вродѣ

Digitized by Google

повѣтрія: не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ о немъ не будетъ ни слуху, ни духу.

— Вы думаете? произнесъ Ерошинъ и опять покосился на Ознобина.

Но Ознобинъ уже ни о чемъ не думалъ. Онъ поблѣднѣлъ и слушалъ: за дверью, въ залѣ, неровнымъ стукомъ простучали по полу чьи-то каблучки, стукнула доска раскрытаго рояля и что-то зашелестѣло и задвигалось.

— Извините, сказалъ онъ, вставая,—я у васъ заговорился. Пришелъ... э... на одну минуту и заговорился. Прощайте, пора.

— Куда? Да вѣдь уже и на столъ накрываютъ. Отобѣдайте. За обѣдомъ поспоримъ.

— Не могу, Николай Николаевичъ.

Ознобинъ былъ какъ на иголкахъ; сердце его страшно билось, но чтобы замаскировать свое смущеніе, онъ низко нагнулся надъ столомъ, поискалъ глазами и вынулъ изъ коробки еще одну папиросу.

— Да что у васъ, лихорадка, что ли? Руки такія холодныя.

— Да, я... все еще не совсѣмъ хорошо себя чувствую.

Въ эту минуту за дверью въ залѣ кто-то заигралъ на роялѣ. Да, это Леконида!.. Для Ознобина не оставалось уже ни малѣйшаго сомнѣнія, что это *она*. Онъ узналъ игру ея.

Ерошинъ же не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія; онъ даже и представить себѣ не могъ, чтобъ Ознобинъ трусилъ дѣвушки, въ которую, какъ увѣряли, влюбленъ и за которую чуть было не посватался. Онъ пожалъ руку Ознобина и съ недоумѣніемъ поглядѣлъ ему вслѣдъ, когда онъ вышелъ.

Леконида услыхала шаги, повела глазами въ сторону, увидала Ознобина, тихо, какъ бы на цыпочкахъ, проходящаго въ переднюю, но ни на секунду не прекратила своей игры.

Digitized by Google

Ознобинъ понялъ, что она съ умысломъ не обращаетъ на него вниманія. Злыми глазами поглядѣлъ онъ на нее, притворяя за собой дверь въ переднюю, затѣмъ надѣлъ пальто, вышелъ и позвонилъ, чтобъ горничная заперла за нимъ дверь.

Но, вмѣсто горничной, изъ двери высунулось бородатое лицо Ерошина.

— Ознобинъ!.. Иванъ Несторовичъ!

Ознобинъ остановился на лѣстницѣ и поднялъ вверхъ голову, не снимая шапки.

— Вернитесь! догадываюсь, въ чемъ дѣло... чудакъ вы эдакій! Отчего вы... того...

— Не могу, Николай Николаевичъ, проговорилъ Ознобинъ, мотнувъ головой.

— Что за вздоръ!.. Идите...

Ознобинъ поднялся на нѣсколько ступенекъ и сказалъ Ерошину:

— Ради Бога, не просите меня, не останусь. Я чувствую что буду или глупъ, или грубъ... Я нагрублю, непремѣнно нагрублю... Не могу, Николай Николаевичъ.

— Ну, Богъ съ вами, если вы такой трусъ; приходите завтра, ея не будетъ.

— Постараюсь... Прощайте, Николай Николаевичъ, спасибо вамъ.

ГЛАВА XXXIII.

Итакъ, Ознобину не удалось даже пообѣдать у Ерошина. Такое, значитъ, было сочетаніе созвѣздій надъ головой его, а съ предопредѣленіемъ ничего не подѣлаешь. Но Ознобинъ все-таки не унимался. Онъ, такъ сказать, не сразу покорствовалъ и вовсе не намѣренъ былъ умирать съ голоду.

Вернувшись домой въ самомъ трагическомъ настроеніи духа, онъ нашелъ у себя въ комодѣ нѣсколько щепотокъ чаю, завернутаго въ мягкую оберточную бумагу, и пошелъ

Digitized by Google

въ кухню съ просьбою заварить ему чай и дать кусокъ чернаго, людского хлѣба, «если есть», добавилъ онъ, уходя.

Дѣвушка, которая убирала его комнату, принесла ему чай и кусочекъ ржаного хлѣба, и только тутъ догадался Ознобинъ, что у него нѣтъ сахару.

— Что это вздумалось вамъ черный хлѣбъ? Вы бы за калачемъ или за булкой послали, я бы сбѣгала.

— Зачѣмъ посылать. Для меня и этого довольно, отозвался Ознобинъ, лежа безъ сюртука на своей постели.

Онъ, конечно, тутъ же признался бы этой дѣвушкѣ, что у него нѣтъ ни копейки, но во время догадался, что лучше всего держать языкъ за зубами. Ибо, чего добраго, узнаетъ хозяйка... и почувствуетъ къ нему нѣчто вродѣ презрительнаго недовѣрія...

Затѣмъ онъ налилъ въ стаканъ крѣпкаго чаю, откусилъ кусокъ хлѣба и запилъ. «Пьютъ же китайцы чай безъ сахару», подумалъ онъ и все-таки нашелъ, что чай безъ сахару—это тоже, что супъ безъ соли или каша безъ масла.

Нечего разсказывать о томъ, какъ, выкуривъ послѣднюю папироску, взятую у Ерошина, Ознобинъ рѣшился лечь, закрыться пледомъ и не двигаться. До самыхъ сумерекъ лежалъ онъ, какъ пластъ, и неизвѣстно, спалъ или мысленно боролся съ темными призраками, порожденіями тоски и бѣдности. Разсѣять ихъ онъ уже не имѣлъ силы безъ вѣры въ Лекониду, въ эту «божественную дѣвушку», которую онъ любилъ всѣми силами души своей и боялся возненавидѣть тоже всѣми силами своего существа.

Но какъ разъ въ сумерки судьба привела къ нему гостя,—гостя, едва-ли не самаго пріятнаго для него, особенно въ такую минуту.

Гость этотъ былъ не кто другой, какъ Петя.

Когда вошелъ онъ, Ознобинъ молча протеръ глаза и сѣлъ на своей кровати. Онъ очень обрадовался, но лицо у него было сонное и голосъ тоже сонный.

Digitized by Google

— Какими судьбами? пробормоталъ онъ.—Какъ это вы... того... пришли? Ну, спасибо, садитесь... Гдѣ бы вамъ сѣсть?.. Да вотъ на стулъ, на этотъ,—онъ, кажется, крѣпокъ; а что на немъ сюртукъ виситъ, такъ это не бѣда: онъ и такъ смятъ... Ну, что новаго?

— А вотъ что... Я и забылъ вамъ намедни показать, началъ Петя веселымъ голосомъ и тотчасъ же, поставивъ ногу на стулъ, показалъ ему новые сапоги свои.—Какъ вы думаете, что стоятъ?

— Э... двойная подошва... Заплатили десять? А?

— Видите, какая подошва толстая!.. Я думалъ, что и девять дорого, а вы десять...

— Ну, у Пеля такъ и всѣ двѣнадцать заплатите...

— О!..

— Ей-богу...

— А вотъ, видите, продолжалъ хвастаться Петя, вынимая старый, знакомый Ознобину, замшевый кошелекъ съ стальнымъ замочкомъ,—вонъ еще сколько денегъ осталось! Считайте: никакъ тринадцать рублей и девяносто четыре копейки. Хочу купить себѣ коментаріи на Горація. Знаете, на экзаменахъ удивить хочу. Половину «Метаморфозъ» наизустъ вызубрилъ; Софокла «Антигону» прочелъ, всю какъ есть... Удивительно хорошо!.. Хочу перевести бѣлыми стихами. Какъ вы думаете, Ознобинъ, слажу я съ бѣлыми стихами или не слажу?

— Не знаю, сладите-ли... э... не знаю, не знаю... Попробуйте... можетъ быть... Не богамъ-же горшки обжигать!

— А вы думаете, это то-же, что горшки обжигать?.. Это вовсе не такъ легко, какъ кажется...

— Не легко-то не легко; это точно, что не легко.

— А знаете, я за совѣтомъ къ вамъ.

— За какимъ? Я никакими стихами никогда писать не пробовалъ.

— Да я не о стихахъ... Я получилъ одно письмецо, и знаете отъ кого? Ни за что не догадаетесь.

Digitized by Google

— Не знаю.

— Отъ Лекониды Александровны.

Ознобинъ уставилъ на него глаза свои.

— Ну, да, отъ вашей Лекониды. Проситъ меня зайти къ ней сегодня вечеромъ... И какъ это она узнала адресъ мой, удивительно!.. Пишетъ, что ей нужно со мной видѣться...

Ознобинъ встрепенулся,—что-то вродѣ надежды шевельнулось въ немъ,—онъ надѣлъ сюртукъ и молча зажегъ свѣчку, такъ-какъ въ комнатѣ было уже довольно темно: былъ девятый часъ вечера.

— Зоветъ меня чай пить... Ну, скажите, зачѣмъ я ей нуженъ? А?.. Знаете-ли, Иванъ Несторовичъ, я у васъ посижу, а къ ней не пойду.

— Гмъ... странно! А какой-же совѣтъ-то просить вы пришли ко мнѣ?

— Да вотъ этотъ самый: идти или нѣтъ?

— А съ вами ея записка?

Ознобину не вѣрилось; но онъ зналъ руку Лекониды, и когда Петя вынулъ изъ бокового кармана ея записочку, онъ тотчасъ-же призналъ ее.

— Ну, что-же, ступайте, вздохнувъ, проговорилъ онъ.

— А зачѣмъ я пойду?

Ознобинъ помолчалъ; ему вообразилось, что, можетъ быть, Леконида зоветъ Петю для того, чтобъ поговорить съ нимъ *о немъ*, т. е. объ Ознобинѣ; можетъ быть,—чѣмъ чортъ не шутитъ!—она чувствуетъ раскаянье и желаетъ съ нимъ помириться. Наконецъ,—кто знаетъ,— можетъ быть, Ерошинъ ей что-нибудь говорилъ, и она поняла всю жестокость, всю грубость ея поведенія относительно его.

— Гмъ... да!.. пробормоталъ Ознобинъ. Это любопытно. И зачѣмъ ей васъ звать?.. Любопытно!..

— Такъ вы совѣтуете идти?

Ознобинъ вскочилъ и прошелся по комнатѣ.

Digitized by Google

— Да, Петя, идите, и приходите отъ нея ко мнѣ; я... э... буду ждать васъ. Вѣдь мы въ двухъ шагахъ живемъ; это вѣдь недалеко.

— Знаю, что недалеко, и, конечно, я могу зайти; но что я тамъ буду съ ней говорить, скажите на милость!.. Я... не умѣю...

— Это любопытно! бормоталъ про себя Ознобинъ.—Это такъ любопытно, что вы должны идти...

— Ну, хорошо... пойду... Только, право, не хочется.

Ознобинъ мало-по-малу совсѣмъ урезонилъ Петю. Онъ прямо сказалъ ему, что, весьма вѣроятно, вечеръ этотъ и для него, Ознобина, не пройдетъ даромъ, потому что разрѣшитъ ему одинъ вопросъ, очень его безпокоющій; что свиданіе съ Леонидой непремѣнно что-нибудь откроетъ или выяснитъ, ибо Леонида даромъ или безъ всякой цѣли ни за что-бы не позвала его.

Уходя, Петя предложилъ ему взаймы пять рублей.

— Пожалуй, отъ васъ я возьму, равнодушно проговорилъ Ознобинъ и взялъ у него пять рублей.

Затѣмъ Ознобинъ повязалъ галстухъ, надѣлъ пальто и проводилъ Петю до угла Малой Морской и Кирпичнаго переулка. Затѣмъ, сдѣлавъ небольшой крюкъ, онъ пошелъ по Гороховой, зашелъ въ трактиръ (гдѣ извозчики пьютъ чай, пока лошади жуютъ овесъ), спросилъ себѣ порцію солонины съ хрѣномъ и съѣлъ эту порцію съ великимъ удовольствіемъ. Потомъ купилъ фунтъ сахару, папиросъ и побѣжалъ домой ожидать Петю. Войдя въ свою комнату, онъ хоть и зажегъ свѣчу, но тотчасъ-же потушилъ ее, желая сохранить огарокъ до того времени, пока въ дверь его не постучится Петя.

Затѣмъ, ровно до часу ночи онъ не могъ заснуть: прислушивался къ шагамъ въ коридорѣ, пріотворялъ дверь всякій разъ, когда слышался звонокъ, но, увы, изнывъ отъ нетерпѣнія, онъ пришелъ, наконецъ, къ заключенію, что Леонида потащила Петю въ театръ, или въ концертъ, или на

Digitized by Google

какую-нибудь лекцію и что Петѣ нѣтъ возможности придти къ нему, если только не случилось съ нимъ никакого особеннаго несчастія.

Съ Петей не случилось никакого несчастія, но Ознобинъ былъ недалекъ отъ истины: Леонида въ этотъ день получила клубный, дамскій билетъ отъ улана Бекова и во что-бы то ни стало хотѣла быть въ художественномъ клубѣ. Она сильно досадовала на себя, зачѣмъ пригласила къ себѣ въ этотъ вечеръ Мину Михайловну, и была-бы очень довольна, еслибъ до десятаго часа вечера никто къ ней не зашелъ, ни Мина Тютина, ни Петя Клинъ. Но Мина явилась въ половинѣ девятаго. Леонида должна была усадить ее, распорядиться насчетъ самовара и признаться, что у нея есть билетъ въ художественный клубъ. Затѣмъ съ необычайнымъ тактомъ она стала упрашивать Мину не быть въ претензіи, если она въ десять часовъ уѣдетъ, такъ какъ ей очень хочется ѣхать, даже необходимо ѣхать, потому что въ этотъ вечеръ будетъ пѣть одна ея знакомая дѣвушка и ей очень хочется знать, какое впечатлѣніе на публику произведетъ голосокъ ея.

— Не церемоньтесь со мной, душа моя, поѣзжайте, поѣзжайте, утѣшала ее милая гостья.—А гдѣ-жь вашъ маленькій Клинъ?..

— Э... онъ еще не пришелъ и, можетъ быть, не придетъ.

— Ну, мнѣ все равно, голубушка Леонида Александровна; только если онъ придетъ, вы, пожалуйста, не проговоритесь... Я вовсе не хочу, чтобъ онъ смотрѣлъ на меня, какъ на свою будущую мачиху...

— Не безпокойтесь. Помните—у васъ за обѣдомъ я даже Клину не сказала, что познакомилась съ его сынкомъ. Вообще я не изъ числа болтливыхъ... Къ чему?

— О, да! Будь у меня тайны, я, кажется, никому-бы кромѣ васъ не открыла ихъ, никому-бы на свѣтѣ... Такъ я

Digitized by Google

въ васъ увѣрена, душа моя, Леконида Александровна, такъ я отъ всей души... отъ всего сердца...

«Ну, я-бы тебѣ своей тайны не повѣрила», подумала про себя Леконида.

Затѣмъ, разговорившись, онѣ обѣ до такой степени забыли о Петѣ, что сами какъ-будто немножко удивились и сконфузились, когда вслѣдъ за самоваромъ на порогѣ мелькнули серебряныя пуговицы и обрисовалась фигура юноши,— черная голова, изжелта-блѣдное лицо, черные глаза и крупныя губы.

ГЛАВА XXXIV.

Петя вошелъ въ комнату, стараясь быть какъ можно развязнѣе; но, пожавъ протянутыя ему женскія руки, не зналъ, куда ему сѣсть, и когда его усадили около столика съ самоваромъ, онъ уронилъ на полъ свой кепи и затѣмъ положилъ его на салфетку между чашками.

— Я пришелъ-съ потому, что вы хотѣли меня видѣть.

Леконида усмѣхнулась, переложила его кепи на подоконникъ и сказала:

— Я звала васъ вотъ зачѣмъ: эта особа почему-то очень желаетъ съ вами познакомиться.

И, указавъ на Мину Михайловну, Леконида съ великою неохотою принялась за жестянку съ чаемъ.

Петя покраснѣлъ; Мина засмѣялась, и зубки ея, маленькіе, жемчужные, отчетливо вырисовались изъ-подъ верхней, румяной губы, напоминающей собою форму того самаго лука, который носилъ при себѣ Амуръ и который точно такъ-же распрямлялся, когда спускали тетиву его, какъ распрямлялся смѣющійся ротикъ Мины Михайловны.

«Эта Леконида просто шутитъ надо мной. Съ какой стати этой особѣ желать со мной познакомиться?» подумалъ Петя. Но сама особа, т. е. Мина Михайловна, какъ хорошенькая,

Digitized by Google

чень понравилась ему, — даже показалось, что онъ гдѣ-то огда-то встрѣчалъ ее.

— Да, я давно желала съ вами познакомиться, начала Мина,—и очень рада... Говорятъ, вы много учитесь, — это аже вредно—такъ много учиться... Чѣмъ-же вы теперь осо-енно заняты?

Петя отвѣчалъ, что ей нисколько неинтересно знать, чѣмъ онъ занимается.

— Все, что васъ касается, все меня интересуетъ, помолавъ, отозвалась ему озадаченная Мина Михайловна.

— Почему-жь это я удостоиваюсь такого вниманія?

— А это секретъ; много будете знать — скоро состарѣетесь.

— Отчего-же дураки и дуры старѣются гораздо скорѣе умныхъ? Сколько умныхъ людей дожили до глубокой старости, сохранили бодрость духа и подвижность тѣла... Гете, напримѣръ, Пальмерстонъ, Тьеръ, Гладстонъ.

Петя съ умысломъ сталъ говорить «умныя» вещи, чтобъ не показаться дуракомъ, и, наконецъ, признался, что онъ сочиняетъ повѣсть. (Мужчинамъ онъ-бы ни за что этого не сказалъ, но дамамъ—можно).

— Что-же это за повѣсть? спросила Леконида, опуская на дно чашки кусокъ сахару.

— Это очень интересно! въ то-же самое время проговорила Мина.—Какая-же это повѣсть?

— Какъ вамъ сказать—какая! Это такъ... описаніе одного приключенія... одной осени, проведенной мною на дачѣ.

— Какое-же это было приключеніе?

Петя поглядѣлъ на улыбающуюся Мину, Леконида поглядѣла на Петю.

— У васъ есть свои тайны, сказалъ Петя.—Ну, у васъ свои, а у меня свои.

— Мы и не описываемъ нашихъ тайнъ, а вѣдь вы пишете не для себя; можетъ быть, даже когда-нибудь напеча-

Digitized by Google

таете, пророкотала Леонида металическимъ голоскомъ своимъ.—Вотъ всѣ и узнаютъ вашу тайну...

— Это почему? Напротивъ, всѣ подумаютъ, что я сочинилъ или выдумалъ.

— Ну, да что-же это мы васъ разспрашиваемъ? смѣясь, сказала Леонида.—Какъ-будто нельзя догадаться, какая-такая тайна! Вы, просто, описываете вашу любовь; были влюблены, ну, и описываете.

— Можетъ быть-съ, потупившись, пробормоталъ Петя.

— Ну, то-то-же! Отъ насъ ничего не скроете.

— Я и не мѣшаю вамъ догадываться.

Въ эту минуту Петя принялъ чашку съ чаемъ изъ рукъ Леониды и въ первый разъ замѣтилъ, что она носитъ кольца, и такія кольца, что глядя на нихъ, никому не пришло-бы въ голову, что она бѣдная дѣвушка.

— А что вашъ Ознобинъ?

Петя поднялъ на Леониду черные глаза свои.

— Что Ознобинъ?

— Мнѣ интересно знать, заразилъ-ли онъ васъ своимъ мистицизмомъ?

— А развѣ онъ мистикъ?

— Отъявленный.

— Отчего-же онъ мистикъ?

— Вѣритъ въ Бога, въ сатану, въ судьбу, и во что только еще онъ не вѣритъ!

— А можетъ быть, и я вѣрю, нерѣшительно сказалъ Петя.

— Ну, такъ и вы мистикъ...

— Не зналъ.

— Мистикъ — это такой человѣкъ, который вѣритъ въ несуществующее и свои галюцинаціи принимаетъ за дѣйствительность. Вамъ еще простительно быть мистикомъ,—вы еще мальчикъ; но Ознобину, который воображаетъ себя ученымъ, этого нельзя прощать... По моему мнѣнію, такой человѣкъ мѣднаго гроша не стоитъ.

Digitized by Google

«Ого, какъ строго!» подумалъ про себя Петя и, какъ-бы задѣтый за живое тѣмъ, что его называютъ мальчикомъ, рѣшился не уступать Леконидѣ ни въ одномъ словѣ и даже не показывать вида, что онъ поддается ей.

— Не знаю, насколько вы правы по отношенію къ моему другу, но... вы... заблуждаетесь.

— Я заблуждаюсь!

— Да; вы говорите, что всякій человѣкъ, который вѣритъ въ несуществующее — мистикъ. А если такъ, то каждый математикъ — не что иное, какъ мистикъ: онъ вѣритъ и въ точку, и въ линію, онъ ихъ признаетъ, такъ-какъ безъ нихъ невозможно никакое геометрическое построеніе, невозможны никакія вычисленія. А между тѣмъ въ природѣ мы не видимъ ни точки, ни математической линіи. То-же и въ физикѣ. Эфира никто не видитъ и вы не видѣли, а между тѣмъ нужно-же вообразить себѣ такую матерію, которая могла-бы служить проводникомъ солнечныхъ и звѣздныхъ лучей, или такую, которая наполняетъ міровое пространство.

Леконида нѣсколько удивилась, что безусый мальчикъ начинаетъ съ такимъ рѣшительнымъ видомъ ее оспаривать.

— Я ничего не говорю о гипотезахъ, гипотезы нужны.

— Ну, и для меня, и для всѣхъ нужно «нѣчто», объясняющее существованіе міра.

— Но отъ этого еще далеко до того, чтобы признавать безсмертіе души. Эта гипотеза ничего не объясняетъ.

— Безъ этой гипотезы тяжело... жить не стоитъ.

— Очень стоитъ... Я и тысячи мнѣ подобныхъ живемъ и можемъ жить безъ этой гипотезы.

— Значитъ, вы вѣрите только въ матерію?

— Ну, да, только въ матерію.

— А матерія можетъ думать, по-вашему?

— Не можетъ, рѣзко отвѣтила Леконида.

— Отчего-же вы думаете? Вѣдь вы — матерія?

— Мысль — тоже фактъ, доступный наблюденію, но фактъ

Digitized by Google

другого порядка; это такое-же явленіе, какъ и огонь. Задуйте огонь—и его нѣтъ; задушите человѣка—и мысли тоже нѣтъ.

— А огонь думаетъ?

— Нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ-же вы это явленіе сравниваете съ другимъ явленіемъ, которое нисколько на него не похоже?

Леконида разсердилась, даже покраснѣла.

— Вижу, сказала она, сдвинувъ бровки,—что вы достойный ученикъ Ознобина. Ну, и вѣрьте. Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ.

— Значитъ, вы постоянно зябнете? не унимался Петя.

— Ахъ, какой скучный разговоръ вы затѣяли! перебила ихъ Мина Михайловна, замѣтивъ, что разговоръ этотъ раздражаетъ ихъ и въ-концѣ-концовъ не приведетъ ни къ чему хорошему.

Петѣ казалось, что онъ хотя и не сказалъ ничего новаго, но не ударилъ лицомъ въ грязь, поддержалъ свое достоинство и какъ-бы отплатилъ Леконидѣ за ея пренебрежительный отзывъ о немъ, какъ о мальчикѣ.

Послѣ того, какъ ласковый голосокъ Мины перебилъ его, онъ тотчасъ-же впалъ въ другой тонъ и началъ говорить:

— Конечно, и на меня тоже находятъ разныя сомнѣнія, и я не разъ спорилъ съ Ознобинымъ, но все же у него есть какая-то своя, особенная, оригинальная точка зрѣнія. . Я даже не знаю, во что въ сущности онъ вѣритъ и что думаетъ. Но и онъ когда-нибудь выскажется, и, можетъ быть, выскажется не иначе, какъ съ кафедры, когда будетъ професоромъ.

— Ни-ког-да! разставляя слогъ отъ слога, утвердительнымъ голосомъ сказала Леконида и подошла къ зеркалу.

— Вамъ не пора-ли? спросила ее Мина.

Леконида посмотрѣла на свои часики и поправила волосы. Петя вынулъ изъ кармана носовой платокъ и вытеръ имъ

Digitized by Google

лобъ свой. Онъ не замѣтилъ, что платокъ его порядочно смятъ и даже грязенъ; но Мина это замѣтила.

— Покажите мнѣ вашъ платокъ, сказала она.

Петя взглянулъ на платокъ и, смутившись, сталъ засовывать его обратно въ карманъ.

— Пожалуйста, покажите.

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ?

— Я хочу видѣть вашу мѣтку.

— На немъ нѣтъ никакой мѣтки.

— Такъ не покажете?

Петя съ досадой тряхнулъ головой и ничего не сказалъ.

— Да, ужь скоро десять часовъ; но какъ-же я васъ оставлю? заговорила Леконида.

— Пожалуйста, не церемоньтесь. Я тоже должна скоро покинуть васъ.

Прихорашиваясь передъ своимъ маленькимъ туалетомъ съ помощью шпилекъ, гребешковъ и проч. и затѣмъ растягивая на машинкѣ новую пару перчатокъ, Леконида разспрашивала Петю: любитъ-ли онъ музыку, часто-ли бранитъ его отецъ и доволенъ-ли онъ своей прислугой.

Вопросы были коротенькіе, да и отвѣты Пети, который наблюдалъ за ней, тоже отличались своимъ лаконизмомъ. Такъ, на вопросъ, любитъ-ли онъ музыку, онъ отвѣчалъ: ненавижу.

— Отчего?

— Оттого, что насильно заставляли любить ее.

— Кто?

— Отецъ.

— А мать?

— Пріучала меня къ терпѣнію.

— Ну, что-жь привыкли къ терпѣнію?

— Привыкъ.

— Дурно.

Былъ уже одинадцатый часъ, когда Леконида собралась

Digitized by Google

и когда Мина, таинственно улыбаясь, встала и, протянувъ руку Петѣ, сказала:

— Надѣюсь, вы меня проводите. А какъ-же это вы однѣ поѣдете, Леонида Александровна?

— Я всегда одна; за меня не безпокойтесь.

«Я и не безпокоюсь», подумала про себя Мина и вышла въ коридоръ вмѣстѣ съ Петей. Леонида позвала дѣвушку и велѣла ей подать себѣ большой платокъ на голову и пальто.

— А! вы еще не переросли меня, мы почти одного роста, сказала Мина Петѣ, становясь съ нимъ рядомъ и прикасаясь къ плечу его плечомъ своимъ.—Мнѣ ловко будетъ идти съ вами рядомъ подъ-руку и всѣ подумаютъ: вотъ маменька идетъ съ сынкомъ своимъ.

— Вы не похожи на маменьку.

— На что-же я похожа?

Петя не нашелся сказать, на что она похожа. Можетъ быть, ему хотѣлось сказать: «вы похожи на Венеру въ шляпкѣ и въ юбкѣ», но онъ самъ испугался такого пошлаго сравненія и молчалъ, стоя въ кепи и надѣвая въ рукава шинель свою. Леонида простилась съ нимъ, но не звала его заходить къ себѣ. Мина уцѣпилась за Петю и сошла съ нимъ внизъ, изъ полумрака въ свѣтъ, по ступенькамъ парадной лѣстницы.

На улицѣ Леонида наняла извозчика. Мина Михайловна съ Петей отправились пѣшкомъ въ Малую Конюшенную.

— Извините меня, сказала она Петѣ,—что я съ вами не церемонюсь. Я увѣрена, что вы скоро, очень скоро меня узнаете и полюбите.

— Васъ немудрено и полюбить, съ замираніемъ сердца произнесъ Петя. — Вы хорошенькая, но... я думаю, что никогда уже не увижу васъ.

— Ахъ, почемъ знать, чего не знаешь! Но какъ-бы насъ съ вами не задавили.

Digitized by Google

И, переходя Невскій проспектъ по торцовой мостовой, она придержала Петю и дала промчаться мимо нихъ двумъ экипажамъ съ фонарями и высокими козлами.

— Зайдемте къ Елисееву.

Она зашла къ Елисееву въ лавку, купила коробку съ сушеными фруктами и дала ее нести Петѣ. Петя взялъ ее въ правую руку, а лѣвую опять согнулъ, чтобы Мина могла просунуть въ нее свою легкую, какъ нѣчто совершенно воздушное, и въ тоже время вовсе не худенькую, а круглую и мягкую ручку.

— Вы, вѣрно, любите сладкое? сказалъ Петя уже на улицѣ.

— Да, люблю все сладкое; только это я не себѣ купила.

— Кому-же?

— Вамъ.

— Ну, нѣтъ, я ни за что не возьму.

— Вы возьмете, потому что не захотите меня обидѣть. Ахъ, сколько еще народу!

Дѣйствительно, на широкомъ тротуарѣ Невскаго между Полицейскимъ мостомъ и Казанскимъ кое-гдѣ уже бродили «погибшія, но милыя созданія»,—лица, по большей части, набѣленныя, а иногда и непростительно-дѣтскія, на видъ свѣженькія и даже наивныя... Около нихъ уже сновали и старички, и чиновники, и юнкера, и подгулявшіе приказчики, и писаря разныхъ департаментовъ.

— Вы никогда не гуляете ночью по Невскому? спросила Мина Петю.

— Едва-ли не въ первый разъ я иду здѣсь въ одинадцать часовъ вечера, отвѣчалъ Петя.

— Вотъ вы какой затворникъ! Какія-же вы себѣ позволяете развлеченія?

— Лѣтомъ у меня немало развлеченій. На дачѣ, напримѣръ, я очень люблю бродить гдѣ-нибудь, особенно въ лѣсу и въ сильный вѣтеръ. Ну, зимой не до того-съ, и такъ иногда устаешь. Правда, я еще здоровъ, не могу пожаловаться.

Digitized by Google

— Я сейчасъ замѣтила, что вы много читаете и пишете.

— Какъ это вы замѣтили?

— Вы горбатитесь, когда сидите; вотъ пройдетъ еще годъ, другой—и совсѣмъ сдѣлаетесь горбатымъ. Извините, что я такъ откровенна; это потому, что вы мнѣ очень нравитесь.

«Ужь не признанье-ли это въ любви?» съ замираніемъ въ сердцѣ подумалъ про себя наивный Петя. Онъ былъ въ такомъ возрастѣ, когда всякая сколько-нибудь смазливая бабёнка привлекательна и когда идеализировать одну изъ самыхъ пошленькихъ особъ прекраснаго пола съ хорошенькими глазками—ничего не стоитъ.

— Я самъ нецеремоненъ, проговорилъ Петя.

Такъ они разговаривали и тихо шли подъ покровомъ мартовской, сырой, но безвѣтреной и нехолодной ночи.

Разспросы Мины Михайловны и ея нѣсколько фамильярное обращеніе раздражали Петю, смущали и приводили въ явное недоумѣніе; а его будущей мачихѣ именно это очевидное смущеніе юноши и доставляло особенное удовольствіе. Какъ многоопытная жрица любви, онъ инстинктивно чувствовала, что онъ или цѣломудренъ, какъ Іосифъ, или неопытенъ, какъ новичекъ.

Такъ, незамѣтно, повернули они въ Малую Конюшенную и затѣмъ вошли въ нижнія, парадныя сѣни, освѣщавшіяся небольшимъ квадратнымъ окошечкомъ, за которымъ горѣла свѣча. Окошечко это было занавѣшено и, очевидно, выходило изъ конуры или комнатки, гдѣ обиталъ швейцаръ. Но швейцаръ не слыхалъ, какъ отворилась дверь, и не вышелъ. Лѣстница была темна, но Мина Михайловна жила невысоко.

Когда она остановилась передъ дверью, Петя ощупью сталъ искать звонка, чтобы позвонить.

— Не звоните, сказала Мина и, вынувъ изъ кармана небольшой ключикъ, тотчасъ-же ощупала замочную скважину.

Дверь отперлась. Мина пожала руку Пети, тихо три раза сказала ему: «спасибо, спасибо, спасибо», но прежде, чѣмъ

Digitized by Google

онъ въ полутьмѣ успѣлъ передать ей коробку съ конфектами, дверь захлопнулась и его кокетливая спутница исчезла, какъ мимолетное, хоть и не воздушное видѣніе.

«Это или камелія, подумалъ Петя, — или просто какая-нибудь скучающая вдовушка. Отчего-жь она не позвала меня, не сказала: «приходите», ничего не сказала? Леконида, прощаясь, тоже не звала меня»...

Такъ или почти такъ размышлялъ Петя, пустившись въ обратный путь, къ Ознобину. Въ Кирпичномъ переулкѣ онъ вошелъ въ ворота черезъ калитку, у которой спалъ дворникъ, сидя на низенькомъ табуретикѣ, поглядѣлъ на то окно, которое, какъ ему казалось, выходило изъ комнатки Ознобина, но окно это было темно.

«Я опоздалъ, онъ спитъ», подумалъ Петя. Къ тому-же ему не хотѣлось подниматься по узенькой, темной, мало знакомой лѣстницѣ и, постоявъ съ минуту въ раздумьи, онъ вышелъ на улицу и привычными къ далекимъ переходамъ ногами скорымъ шагомъ пошелъ домой на Васильевскій островъ.

На другой день, когда Петя часу въ пятомъ возвращался домой изъ гимназіи, рядомъ съ нимъ шелъ одинъ изъ его товарищей, верзила лѣтъ двадцати, извѣстный въ классѣ подъ именемъ долговязаго Поджабрина, такъ-какъ онъ безпрестанно разсказывалъ о своихъ любовныхъ приключеніяхъ, на половину созданныхъ его похотливымъ воображеніемъ, часто совершенно невѣроятныхъ, но почему-то настолько заманчивыхъ, что молодежь хоть и смѣялась надъ нимъ, однакожь, вѣрила ему. Петя считалъ его пустѣйшимъ изъ пустѣйшихъ малыхъ, но, можетъ быть, именно поэтому-то и разсказалъ ему дорогой, какъ наканунѣ вечеромъ онъ познакомился съ одной хорошенькой барынькой и проводилъ ее до самой ея квартиры.

— Ахъ ты простофиля, простофиля! пенялъ ему новый Поджабринъ.—Какъ-же ты это упустилъ!

— Да такъ; нельзя-же, братецъ...

Digitized by Google

— Тебѣ все нельзя... Эхъ-ма!..

— Да вѣдь она и не звала меня.

— Не звала, не звала! А ты зачѣмъ ей не сказалъ: «Ахъ, я усталъ, не могу идти; позвольте, сударыня, отдохнуть у васъ»... Ну, и пустила-бы отдохнуть. Какъ-будто мы не знаемъ... Эхъ, братецъ, эдакой счастливый случай, и ты упусилъ! Да я-бы... не успѣла она и двери отворить, такъ-бы и проскользнулъ... Ей-богу-бы проскользнулъ! И ужь, чортъ возьми, ни за что-бы не ушелъ, до утра-бы...

— А если у ней тамъ мужъ, или братъ, или отецъ, или любовникъ? Вотъ-бы тебя и поколотили...

— Ничего-бы не поколотили; еще поблагодарили-бы, что проводилъ... Нѣтъ, плохъ ты, братецъ ты мой, плохъ, плохъ!

«Чортъ его знаетъ! Можетъ быть, этотъ дуракъ и правъ, что я простофиля!» подумалъ Петя, разставшись съ новоиспеченнымъ, по образцу знаменитаго героя, Поджабринымъ.

ГЛАВА XXXV.

Мина разсказала Клину, какъ и гдѣ она познакомилась съ Петей, и при этомъ сочинила маленькую исторію о Леонидѣ Алаевой и Ознобинѣ, разукрасивъ ее такими романическими подробностями, какихъ вовсе не было.

— Гмъ! пробурчалъ, насупившись, Клинъ.—Недаромъ я не велѣлъ къ себѣ пускать его: не зналъ я за нимъ такого художества!

— Отчего-же вы не велѣли пускать его?

— Да оттого, что онъ врагъ, врагъ мой, — клеветникъ, сплетникъ!..

— Ну, вотъ, стоитъ обращать вниманіе!

— О!.. Какая добрая! Хе, хе!

— Мало-ли что говорятъ. На меня, напримѣръ, что хочешь говори,—мнѣ все равно. Если я ни въ чемъ не виновата, пусть выдумываютъ... Иной съ досады, зачѣмъ я за-

Digitized by Google

мужъ выхожу, нарочно сочинитъ какую-нибудь исторію, да Богъ съ нимъ, на здоровье!.. А Петя — ничего, добрый малый, кажется...

— Глупъ...

— Отчего глупъ?.. Нѣтъ, онъ такъ хорошо спорилъ съ Леонидой о Богѣ и о душѣ, такъ хорошо, что удивительно даже...

— Во-о-на: Пётъ мой о Богѣ пускается разсуждать... Дуракъ!..

«Ну, онъ не изъ мяконькихъ, женихъ-то мой», подумала Мина и задумчиво стала любоваться подаркомъ жениха — изумруднымъ кольцомъ своимъ.

Въ тотъ же день Петя развернулъ коробку съ засахаренными фруктами, — подарокъ или, какъ онъ думалъ, подачку вчерашней барыни, — зашелъ къ Маврѣ въ кухню и велѣлъ ей эту коробку отнести своей внучкѣ. Мавра вся засіяла, даже задрожала отъ восторга.

— Ай да господинъ баринъ!.. Какъ не отнести!.. Только зачѣмъ-же ты себя-то обижаешь?.. А?..

Затѣмъ Петя по секрету сообщилъ ей, что есть слухи, будто-бы отецъ его женится.

— Ну... тогда прощай, баринъ: я не останусь; гдѣ ужь мнѣ, старой коргѣ, на двоихъ угодить. Мнѣ и на печь пора, — помирать...

А когда Петя ушелъ, она принялась вытирать тряпкой полъ и, нагнувшись и выставивъ два желтыхъ зуба, еще оставшихся во рту ея, бормотала:

— Ну, дай ему Богъ. Вотъ и мнѣ-бы ужь замужъ пора, да никто не беретъ; а кажись чѣмъ-бы не жена, не супружница! Всѣмъ взяла... Экъ что выдумалъ — жениться!.. И какая такая дура выискалась? Помилуй, Господи!.. То-то онъ таровать сталъ, бросая тряпку на лавку и подходя къ плитѣ, продолжала бормотать старуха. И посудину велѣлъ отдать за-ново вылудить, и наволочки новыя на подушки заказалъ, — ишь!..

Digitized by Google

Въ тотъ-же день вечеромъ Петя получилъ отъ Ознобина письмо въ двѣ строчки: «Если ничего съ вами не случилось, увѣдомьте, что значитъ, что вы отъ Л. не захотѣли зайти ко мнѣ».

Петя присѣлъ строчить отвѣтъ и описалъ, насколько могъ, свой вчерашній споръ съ Леонидой, красоту той дамочки, которая съ нимъ кокетничала и которую проводилъ онъ до дому, а затѣмъ объяснилъ ему причину, почему онъ не рѣшился зайти къ нему.

Нечего и говорить, до какой степени опечалило и разочаровало Ознобина это отвѣтное посланье. Того-ли онъ ожидалъ? То-ли весь день, цѣлые сутки, подсказывала ему его фантазія? И, несмотря на то, что у него были папиросы, страшно, болѣзненно страшно заныла душа его. *Она* его игнорируетъ, на примиренье нѣтъ никакой надежды; а между тѣмъ послѣдняя встрѣча разбередила его сердечную рану, нанесенную и любовью, и оскорбленіемъ, и чѣмъ-то вродѣ прилива злости, несвойственной его душѣ.

Коробка съ конфектами въ первый же воскресный день была снесена Маврой внучкѣ и передана ей отъ имени Пети.

И думалъ-ли онъ, гадалъ-ли онъ, что эта коробка дастъ ему возможность впервые испытать свои силы на учительскомъ поприщѣ? «Ужь и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ-ли судьбы!» подумалъ онъ, когда Мавра, вернувшись отъ внучки, сообщила, что нашла ему ученицу.

— Хочешь давать уроки? А?.. спросила она на ходу, переступая порогъ его пыльной, вѣчно неприбранной комнаты.

— Хочу...

— А хочешь внучку мою учить? А? Что смотришь?.. Не шутя, взаправду говорю тебѣ, — внучку мою, вотъ что енаралъ Орѣшинъ къ себѣ вмѣсто дочки въ хоромы взялъ.

— Ту самую? указывая рукой на дверь, по направленію къ кухнѣ, спросилъ Петя.

Digitized by Google

— Ну, ну, ну... ту самую .. эту самую... черноглазую.

— Молчаливую-то?

— Ну, да... Пришла я, значитъ, отдала твой подарочекъ отъ твоего имени: такъ и такъ, говорю. Очень она обрадовалась тому, что это ты ей прислалъ, даже обняла меня... Ну, вотъ... ты только выслушай... Не успѣла я кофейку чашечку выпить, гляжу—самъ енаралъ... Встала я это, кланяюсь... «Что ты это, говоритъ, ты-бы лучше какого ни на есть учителя предоставила ей... Грамоту, говоритъ, она знаетъ, и читать, и писать, и все; а вотъ разнымъ наукамъ, говоритъ, не обучалась»... И назвалъ онъ тутъ науку одну,—ужь и не помню, какую.

— Какую-же? Граматику, что-ли, или географію?

— Ну, вотъ, эту самую науку. Не знаю, знаешь-ли ты ее... Но я и говорю: есть, говорю, у насъ учитель хорошій; мой молодой баринъ, говорю, хочетъ уроки давать. «Да онъ, говоритъ, не вертопрахъ-ли?».. И-ни-ни-ни! говорю. «Ну что-жь, говоритъ, зови его... Я, говоритъ, съ моимъ удовольствіемъ. Даже, говоритъ, оченно буду радъ. А что, говоритъ, за эту науку онъ потребуетъ?» Да что потребуетъ, говорю; то, что ему дадите, ваше превосходительство, то и возьметъ.

— А онъ и дастъ мнѣ пять копеекъ за часъ.

— Ни, что ты, пять копеекъ!.. Полтину дастъ, вотъ увидишь... Онъ вѣдь не бѣдный; чай тоже, какое ни на есть, имѣнье есть. Да что деньги? Самъ-то онъ золото... Сѣденькій такой, милый! Вотъ ты сходи къ нему, я тебѣ адресъ его скажу... А она, внучка-то моя, ничего, способна; ты не думай, что холопскаго рода, такъ и того... неспособная!

— Я ничего не думаю. Я, знаешь, и даромъ готовъ ей уроки давать, если она бѣдная; я съ бѣдной ни за что не возьму.

— Возьми, что дадутъ .. Слышишь?..

— Слышу...

Digitized by Google

— Ну, то-то. А ты вотъ въ вербное-то воскресенье и ступай къ Смоленской Божіей матери, къ обѣднѣ... Обѣдню отстой, помолись, да и заверни къ нему. Онъ тамъ недалеко живетъ, — отъ кладбища рукой подать... Эхъ, ужь какъ я рада, какъ я рада! Молебенъ отслужу Владычицѣ. . Только ты того... ты ее хорошенько, не давай ей спуску-то... Что не такъ — такъ и покричи, это ничего; рукамъ воли не давай, а покричать — отчего не покричать!..

— Ну, вотъ еще; стану я кричать на такую птицу.

— Пти-и-цу!.. Какую птицу?

— На такую маленькую... Помню я ее: смотритъ точно птица: молчитъ, не улыбается... А зайти — я зайду.

— Зайди и скажи: Мавра прислала. Ну, онъ вѣдь не глупъ, енаралъ-то, тотчасъ-же догадается...

— Ну, хорошо, спасибо... ступай!..

— Ну, Богъ съ тобой!.. Сиди, не мѣшаю.

ГЛАВА XXXVI.

До вербнаго воскресенья оставалось еще дня три или четыре. Въ эти дни Петя постничалъ поневолѣ, такъ - какъ Мавра ничего не давала ему скоромнаго. Егоръ-же Антонычъ окончательно потерялъ привычку обѣдать дома, ибо, совершенно неожиданно вернувшись къ молодымъ мечтамъ, несвойственнымъ старости, онъ каждый разъ послѣ обѣда у Мины Михайловны раскрывалъ піанино и предавался музыкѣ, припоминая то свое, то чужое, и часто смѣшивая чужое съ своимъ, выводилъ такія музыкальныя арабески, что Мина Михайловна то была въ восторгѣ, то впадала въ унынiе, чуть не плакала, смотря по настроенію.

Музыка эта не разъ достигала и до ушей молоденькой Ксеніи и мѣшала ей учиться, навѣвая на нее такія думы, что она нерѣдко, водя глазами по строчкамъ и даже шевеля губами, не понимала того, что читала, точно между нею и

Digitized by Google

книгой носились тѣни или призраки и пугали ее своимъ безпрестанно-измѣняющимся безобразіемъ. То видѣлся ей въ карикатурномъ видѣ старый Клинъ, цѣлующій въ щеку ея мать; то являлась передъ нею сама мать, подслушивающая, спитъ-ли она, и затѣмъ хохочущая въ столовой; то представлялась ей кривоносая горничная, потихоньку сплетничающая ей на стараго жениха и увѣряющая ее, что будущій ея вотчимъ и пьяница, и драчунъ, и что будто-бы онъ никому не сказываетъ, гдѣ живетъ, потому что живетъ не какъ люди, а какъ свинья или собака, и будто-бы у него въ одномъ ящикѣ письменнаго стола заперта сырая говядина, которую онъ кусками выдаетъ жарить, а въ другомъ ящикѣ — жареная или вареная, которую онъ не успѣлъ съѣсть... Словомъ, что-то такое невѣроятно-безобразное.

Повидимому-же все шло прекрасно, и если-бы Петя не вздумалъ заступаться за Ознобина какъ-разъ въ такое время, когда отецъ его облекся въ свой парадный сюртукъ военнаго покроя и торопился выѣхать, если бы Клинъ не разозлился на Петю и если-бы при этомъ не случилось одного обстоятельства, въ видѣ страннаго гостя, то было-бы еще прекраснѣе.

Сцена происходила въ гостиной, при полномъ солнечномъ свѣтѣ (такъ-какъ въ концѣ марта солнце не прячется раньше восьмого часа пополудни); Клинъ стоялъ и горячился, доказывая Петѣ, что какой-же онъ деспотъ, если позволяетъ ему шляться гдѣ угодно и даже не спрашиваетъ его, гдѣ онъ таскается? А если онъ не деспотъ, то Ознобинъ — скотъ и каналья, и онъ не хочетъ его пускать къ себѣ, какъ зловреднаго сочинителя.

Петя стоялъ передъ отцомъ, но глядѣлъ въ окно. Онъ спокойно возражалъ своему отцу, что нигдѣ не шляется; но что если бы даже отецъ и захотѣлъ держать его на привязи, то это было-бы невозможно, такъ-какъ его самого никогда почти дома нѣтъ.

Digitized by Google

— Ахъ ты калмыцкая рожа! насмѣшливо возражалъ Клинъ, скаля зубы.—Меня еще ты увѣряешь, что не шляешься! А давно-ли ты былъ у мамзель Алаевой и поздно вечеромъ провожалъ Тютину, Мину Михайловну?..

— Тютину!.. Какую? Содержанку генерала Тютина?!.. воскликнулъ Петя. Онъ очень хорошо помнилъ, что Ознобинъ назвалъ невѣсту его отца Тютиной.

— Ну, да, да!... взбѣсился Клинъ.—Содержанка, на которой, на зло тебѣ, я женюсь... Содержанка, которая почестнѣе многихъ...

— Не тѣмъ-ли, что нажила себѣ много денегъ?

— Ахъ ты...

Неизвѣстно, до чего дошло-бы это препирательсво, еслибы не звонокъ въ передней, сначала тихій и нерѣшительный «динь-динь», потомъ громкій и какъ-бы отчаянный, «дзинь-дзинь-дзинь-дзинь!»

Клинъ, красный какъ мѣдь, остановился съ сжатыми кулаками у стола.

Петя пошелъ отпирать дверь.

«Кто-бы это могъ быть?» думалъ Клинъ въ то время, когда Петя впускалъ въ переднюю какого-то молодого, худенькаго и невысокаго человѣчка въ фуражкѣ, въ вязаномъ шарфикѣ, обмотанномъ около шеи, и въ одномъ поношенномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы. Лицо вошедшаго, съ впалыми щеками, съ тонкимъ прямолинейнымъ носикомъ и съ тонкими бровками надъ маленькими темносѣрыми впалыми глазками, показалось Петѣ знакомымъ.

Петя даже припомнилъ, что прошлаго года, осенью, не разъ встрѣчалъ его на дворѣ; но это нисколько не мѣшало Петѣ спросить вошедшаго:

— Кого вамъ надо?

Петя былъ такъ взволнованъ предшествовавшимъ разговоромъ съ своимъ родителемъ, что казался злымъ. Вошедшій молодой человѣкъ замѣтно ежился и, прежде чѣмъ отвѣчать

Digitized by Google

ему, снялъ съ себя шарфикъ и запихалъ его въ свою ватную фуражку.

— Дома-ли г-нъ полковникъ?

— Какой полковникъ? Отецъ мой? Дома...

— Можно мнѣ на одну минутку... Мнѣ-бы очень нужно его видѣть...

— Входите, коли нужно...

— Кто вы такой? спросилъ Клинъ молодого незванаго гостя; ему вообразилось, что юноша этотъ голоденъ и пришелъ за подачкой.

Моргая глазами и комкая въ рукахъ фуражку, изъ которой торчалъ кончикъ лохматаго шарфика, юноша поклонился и заговорилъ надтреснутымъ голосомъ:

— Вамъ, конечно, извѣстно уже мое имя и все-съ. Я сынъ Аксютина, мастера, вотъ что здѣсь на дворѣ-съ живетъ... Я Аксютинъ, студентъ-съ, и желалъ бы по секрету-съ...

— Что за секреты! Какіе могутъ быть у меня съ вами секреты? Я васъ не знаю... Что вы за человѣкъ? Первый разъ слышу и вижу васъ.

Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ; строгій голосъ Клина очевидно испугалъ его.

— Я только за тѣмъ и пришелъ-съ, чтобъ честью завѣрить васъ, честью-съ, что я даже мысленно никогда не возставалъ противъ правительства-съ... Никогда-съ! И ничего общаго у меня съ этими нигилистами.

— Ничего не понимаю, что вы городите... Какое мнѣ дѣло?... Я, можетъ быть, и самъ нигилистъ.

Юноша поглядѣлъ на него съ испугомъ и недовѣріемъ.

— А если я и пропускалъ лекціи на прошлой недѣлѣ-съ, то по нездоровью, а не то что я... я... какъ-нибудь отсутствовалъ... Отецъ у меня... Спросите батюшку... Такъ болѣло горло, что онъ никуда меня не пускалъ... За лекаремъ хотѣлъ посылать, думали дифтеритъ, только, слава Богу-съ, просто-на-просто...

Digitized by Google

— Да хоть-бы и дифтеритъ, и хоть-бы вы вовсе на ваши лекціи не ходили, я не понимаю, зачѣмъ вы ко мнѣ-то лѣзете? Я-то што? Я вѣдь не деканъ, не инспекторъ вашъ... тьфу!

— Все-таки-съ... долго-ли заподозрить и погубить-съ... Долго-ли донести... всякій можетъ-съ: и хозяйка, и дворникъ, и вы, г-нъ полковникъ...

— Ну, я вижу, вы того-съ, не въ своей тарелкѣ... Мнѣ некогда съ вами тутъ... Извините, надо сію минуту ѣхать...— Петя, подай мнѣ шинель.

И Клинъ, топоча ногами и не обращая вниманія на гостя, прошелъ въ переднюю, надѣлъ на себя фуражку, старую военную шинель съ мѣховымъ потертымъ воротникомъ и вышелъ.

Молодой человѣкъ постоялъ съ минуту, сокрушенно понуривъ голову; но не успѣлъ Петя запереть дверь за отцомъ своимъ, какъ гость, уже повязавъ себѣ шарфикъ на шею, попросилъ выпустить его на чистый воздухъ.

— Да что такое съ вами случилось? спросилъ Петя, выходя за нимъ въ сѣни.

— Ничего пока со мной не случилось, а можетъ случится... Вы его сынъ?

— Сынъ...

— Вы не знаете, куда онъ теперь поѣхалъ?

— Я его не спрашивалъ... А что?..

И при этомъ Петя впервые вопросительно поглядѣлъ въ лицо худенькаго юноши.

— Вотъ и у васъ злое лицо, сказалъ тотъ;—прощайте...

— Вы у насъ на дворѣ живете? У переплетчика?

— Несомнѣнно, отвѣчалъ тотъ, начиная спускаться съ лѣстницы,—я сынъ честнаго труженика, а не...

— Можно васъ попросить передать кой-какія книги мои... Я-бы вамъ книги далъ... переплести?

— Сами занесете, а я... я не домой... Я—куда глаза глядятъ...

Digitized by Google

«Вотъ и этотъ какой-то пришибленный, точно полоумный», подумалъ Петя, запираясь въ квартирѣ отца своего самъ-другъ съ старухой Маврой, которая въ эту минуту ставила ему приборъ и готовилась подать горшокъ съ гороховымъ супомъ..

Но Петѣ и обѣдать не хотѣлось. Машинально подошелъ онъ къ столу, посолилъ кусокъ чернаго хлѣба и машинально съѣлъ его.

Пришла Мавра съ горшкомъ, поверхъ котораго вздувалась бѣлая гороховая шелуха.

— Слышала, Мавра?

— Ничего не слыхала...

— Какая опять у насъ была баталія.

— А ты зачѣмъ лѣзешь? Туда-же заступаться!.. Кто те проситъ?! Эхъ ты... Вотъ ей-богу-же, кабы моя воля, взяла-бы да булавкой язычекъ-то твой и приколола-бы,—во-отъ!..

Петя усмѣхнулся; Мавра суповой, искривленной ложкой сняла шелуху, налила ему тарелку и вышла. Онъ, казалось, не слыхалъ самъ, какъ медленно поднималъ онъ ложку какъ ѣлъ, — до того мысль о Тютиной заняла его голову. Ему обидно было, но не за отца, а за себя обидно: какъ онъ былъ такъ глупъ, что тогда-же не догадался, кто такая эта хорошенькая пожилая барыня! Какъ теперь все ясно и понятно: и это желаніе съ нимъ познакомиться, и эти намеки на то, что она сойдется съ нимъ и что онъ ее полюбитъ!.. Какъ это все понятно въ устахъ женщины, которая собирается быть его мачихой!

«Экой я дуракъ!.. Чуть было самъ не растаялъ, думалъ Петя.—Такъ вотъ она какая! Я увѣренъ, что препродувная! Что ей отецъ мой? Услыхала, что деньги есть, хочется попробовать въ качествѣ супруги запустить лапку свою въ карманъ его. Интересно, какъ это она станетъ продѣлывать. Фу! сколько на свѣтѣ всякихъ мерзостей!»

— Мавра!

Digitized by Google

Старуха появились съ горшкомъ, упираясь въ него своими жесткими пальцами.

— Сытъ; спасибо.

— Да сиди, поѣшь хоть что-нибудь.

— Сытехонекъ.

Мавра поставила на столъ горшокъ съ кашей, но Петя всталъ и пошелъ въ свою комнату.

— Эко дитятко!.. Ну, ну!..

Мавра огорчилась, потому что, по ея мнѣнію, каша была первый сортъ, орѣховое масло — тоже первый сортъ, и не ѣсть такую кашу--это значитъ не чувствовать милостей самого Господа Бога, пренебрегать дарами Всевышняго. Давноли даже въ скоромные дни она питалась однимъ картофелемъ, а тутъ—эдакая благодать!

А Петя собралъ томики сочиненій Тургенева и разсчелъ, что если онъ велитъ сдѣлать корешки по 40 копеекъ, то переплетъ ему обойдется въ 2 рубля и восемь гривенъ, стало быть денегъ у него хватитъ, а между прочимъ онъ узнаетъ, что за исторія, зачѣмъ этотъ юноша приходилъ къ отцу его? Надо замѣтить, что все время, пока этотъ юноша чего-то трусилъ, а старикъ на него сердился, Петя, такъ-же какъ и отецъ его, ничего не понялъ изъ этой сцены,—до того онъ былъ поглощенъ мыслью о Тютиной и о сжатомъ кулакѣ своего родителя: «Что, еслибъ онъ бросился бить меня? думалъ онъ въ ту минуту, — чтобы я? Дался-бы или не дался?»

ГЛАВА XXXVII.

Петя, несмотря на довольно холодный день и подмерзшую грязь, въ одномъ сюртукѣ, съ серебряными, кой-гдѣ порыжѣлыми пуговицами, перебѣжалъ дворъ, поднялся по лѣстницѣ во второй этажъ кирпичнаго флигеля и, остановившись у двери, обитой рогожей, разглядѣлъ вывѣску въ видѣ

Digitized by Google

зеленой книги на коричневомъ грунтѣ и дернулъ за веревочку...

За дверью раздался не звонокъ, а точно лопнула у стѣнныхъ часовъ пружина и звякнула; послышались шаги и лай собаченки. Дверь отворилась. Петя вошелъ въ переплетную.

Первое, что бросилось ему въ глаза, это—вихрастый затылокъ какого-то мальчугана въ блузѣ, который складывалъ листы печатной бумаги. Онъ мѣрно встряхивалъ головой, мѣрно выбрасывалъ руку и — разъ-два — листъ схватывался и складывался вчетверо, — разъ-два — и листъ складывался въ осьмушку и ложился въ груду листовъ, уже сложенныхъ... Женщина, простоволосая, съ безкровнымъ, мелко-морщинистымъ лицомъ, которая отворила ему дверь, тотчасъ-же молча принялась за работу и стала мазать клейстеромъ. На станкѣ лежали и стояли книги въ корешкахъ изъ папки, такъ-сказать, еще неодѣтыя и невылощенныя какъ слѣдуетъ (точно въ сѣренькихъ юбочкахъ). Изъ-за станка выглядывалъ старичекъ въ большихъ, круглыхъ очкахъ и въ поношенномъ ватномъ халатикѣ... Собаченка тотчасъ-же унялась и спряталась въ коридорчикъ.

Въ низенькой, промозглой комнаткѣ было душно, пахло клеемъ и было такъ тихо, что ничего не было слышно кромѣ шороха бумаги... Шуршала бумага подъ пальцами въ машину превратившагося мальчика и шуршали обрѣзки подъ ногами входившаго Пети.

— Можно мнѣ здѣсь книги свои отдать? началъ Петя.

Старичекъ молча поглядѣлъ на него сверхъ круглыхъ очковъ въ мѣдной оправѣ, съѣхавшихъ ему на самый кончикъ носа, и опустилъ голову, такъ что рѣденькая сѣдая бородка его закрыла голую шею.

— Пожалуйте! сказалъ онъ. — Вы съ нашего двора никакъ?

— Да, я вашъ сосѣдъ. Такъ вотъ-съ... Семь книгъ; что возьмете?

Digitized by Google

— Не возьмемъ лишняго... Каковъ переплетъ, такова и цѣна: въ шагрень вамъ, али въ коленкоръ, али попроще... на все своя цѣна.

Петя попросилъ сдѣлать ему переплетъ не дороже сорока копеекъ.

— И это можно. Вѣдь вамъ не къ спѣху?

— Нѣтъ, скоро экзамены, читать не стану теперь.

— Да-съ, экзамены... вздохнулъ старичекъ.

— Не вашъ-ли это сынъ, студентъ... онъ сегодня заходилъ къ намъ. Съ шарфикомъ... съ эдакимъ?..

— Съ шарфикомъ? Мой, да.

Женщина, которая все время поглядывала на Петю, какъ на лицо ей давно знакомое, перестала работать.

— Такъ-съ, я-бы и скоро... да рукъ-то у меня рабочихъ мало... а если не поторопите... то я... А зачѣмъ-же это онъ къ вамъ заходилъ?.. Нѣшто познакомились? Ума не приложу, что это съ нимъ дѣлается...

Все это старичекъ-переплетчикъ проговорилъ однимъ ровнымъ тономъ или, лучше сказать, такимъ голосомъ, въ которомъ не слыхать было ни вопросительныхъ, ни восклицательныхъ интонацій.

— Нѣтъ, я съ нимъ незнакомъ; да онъ и не ко мнѣ, онъ къ отцу приходилъ... и напрасно... Такъ мнѣ кажется, что совершенно напрасно...

На болѣзненномъ какъ-бы замшевомъ лицѣ женщины, въ особенности въ маленькихъ, неопредѣленнаго цвѣта глазахъ ея, показалось чувство не то безпокойства, не то испуга.

— А зачѣмъ-бы это, напримѣръ, онъ былъ у вашего батюшки? спросилъ старичекъ.

— Не понимаю, зачѣмъ, отвѣчалъ Петя. — Какое дѣло моему отцу, нигилистъ онъ или не нигилистъ; ему и до меня, я полагаю, никакого дѣла нѣтъ, а не то что... И не понимаю, отчего онъ былъ такъ встревоженъ, сынъ то вашъ... точно... я не знаю, что... Ну, зашелъ-бы лучше ко мнѣ че-

Digitized by Google

резъ кухню и потолковали-бы, что и какъ... Я... признаться, затѣмъ и зашелъ къ вамъ, чтобы узнать, не могу-ли я чѣмъ-нибудь или какъ-нибудь ему помочь или быть полезнымъ... или... ужь я и не знаю, что...

Петя запутался и кончилъ какой-то нескладицей. Ему вдругъ стало страшно совѣстно предлагать помощь, тогда какъ онъ самъ сознавалъ свою безпомощность. Говорить о готовности быть полезнымъ и въ сущности не имѣть никакой возможности кому-нибудь быть полезнымъ! Ему стало стыдно за эти пустыя фразы, которыя какъ-то сами собой сорвались у него съ языка. Петѣ даже показалось, что и эта женщина, которую онъ встрѣчалъ у Мавры въ кухнѣ и которая, можетъ быть, мать и хозяйка, — и эта глядитъ на него такъ, какъ-будто хочетъ сказать: «эхъ-ма, гимназистишко ты и больше ничего; самъ всю зиму въ стоптанныхъ сапогахъ ходилъ, а туда-же!..»

— Да чѣмъ ему помогать, началъ старичекъ, разглядывая одинъ изъ томиковъ сочиненій Тургенева —Того гляди, парень съума спятитъ, коли еще не спятилъ... Затемяшилось это ему въ голову, что якобы не сегодня-завтра придутъ, возьмутъ его и засадятъ, либо сошлютъ... и всѣхъ это подозрѣваетъ, боится, особенно если кого въ мундирѣ увидитъ... Ночи не спитъ... Богъ его знаетъ, что такое на него нашло... и ученье бросилъ...

Старичекъ въ это время уже разглядывалъ обклеенные уголки другой книги, которую онъ взялъ со станка, повертывалъ ее передъ самымъ носомъ и бормоталъ:

— Оченно онъ разстроенъ, Кирилъ-то нашъ, очень... Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ это запихали ему въ задній карманъ эту газету подпольную, да Иванова, пріятеля его, захватили, не знаемъ, какъ и быть... Сталъ задумываться и никакихъ резоновъ не слушается.

— Вы-бы хоть доктора позвали, у него такое болѣзненное лицо...

Digitized by Google

Мысль позвать доктора—непремѣнно одного изъ его знакомыхъ — и подбить его на безплатный визитъ пронеслась въ головѣ Пети какъ нѣчто успокоительное для его самолюбія. Дескать, не даромъ я говорилъ о помощи.

— Ну, что докторъ! сказалъ старичекъ, ни на кого не глядя. — Это ужь послѣднее дѣло... А не знаете, куда онъ пошелъ отъ васъ?

— Онъ сказалъ: пойду куда глаза глядятъ... Это-то и заставило меня обратить на него вниманіе.

— Спасибо вамъ, баринъ! проговорила женщина.

— Какой я баринъ! Такой-же будущій труженикъ...

— И какъ хорошо учился... и все было хорошо... и вдругъ точно... точно кто обошелъ... Эдакія времена настали... Были времена. ну, да, кажись, эдакихъ еще и не было... и не запомню... и отцы, и дѣды не запомнили-бы... Господи Боже мой, до чего дожили!

Старикъ сталъ нѣсколько какъ-бы кипятиться.

— Вѣрите-ли, говорилъ онъ,—книгъ даже меньше стали въ переплетъ отдавать... Всѣ переплетчики жалуются... Я, знаете, и на другихъ переплетчиковъ работаю... Жалуются. Вотъ тутъ и живи! На рамки да на папки разныя есть мода, а чтобъ книги въ хорошій переплетъ отдать—такъ нѣтъ. А не дай Господи, что случится,—сына заберутъ... или что,—куда тутъ... по міру пойдешь на старости лѣтъ. Да и не я одинъ.

— Вашъ сынъ давно уже въ университетѣ?

— Какой давно! Первокурсникъ. Съ дѣтства это начитался... Бывало, всѣ книги, безъ разбора, какія мнѣ ни принесутъ, всѣ перечтетъ... Ну, и пришла охота въ ученые идти. Ну, отдалъ въ гимназію... Какъ и вы... тоже амуницію носилъ. Ну, что-жь! Я не препятствовалъ... Да вы-бы присѣли...

— Нѣтъ, я зайду къ вамъ въ другое время. Я только мѣшаю вамъ, да и у меня дѣло есть...

Digitized by Google

— Ну, какъ хотите.

Петя протянулъ старичку ладонь свою и, пожавъ его сухую, жилистую руку, вышелъ; изъ коридорчика тотчасъ высунулась собаченка и опять затявкала. Провожать Петю пошла жена Аксютина и вышла за нимъ на вонючую лѣстницу.

— Петръ Егоровичъ!

— А, вы знаете, какъ зовутъ меня?!

— Какъ не знать. Сколько разъ ваша Мавра заходила къ намъ то за тѣмъ, то за другимъ. Нашъ ухватикъ еще у васъ...

— Ухватикъ?

— Да, вотъ что горшки изъ печки вынимаютъ.

— Какъ-же это такъ? Я скажу Маврѣ...

— Да это что... это я такъ; понадобится — я и сама зайду, а вотъ вы сынка-то моего, Кирилу, какъ-нибудь разговорите. Боюсь, надѣлаетъ онъ что-нибудь. Намедни пришелъ—лица нѣтъ; пойду, говоритъ, лучше на себя что-нибудь наговорю: легче будетъ; по крайней мѣрѣ, буду знать, за что взяли. Ну, совсѣмъ сталъ точно помѣшанный. Такъ вы, голубчикъ, Петръ Егоровичъ, какъ-нибудь растормошите его. Онъ непремѣнно къ вамъ зайдетъ, я ужь такъ сдѣлаю, что зайдетъ.

И, говоря это, блѣдная женщина съ такими-же мелкими чертами лица, какъ и у сына, кланялась Петѣ въ поясъ и долго трясла его за руку, когда онъ протянулъ ей свою и сказалъ: «до свиданія»!

ГЛАВА XXXVIII.

Анна Егоровна Духова жила съ мужемъ своимъ недурно, т. е. съ декабря мѣсяца они ни разу крупно другъ съ другомъ не повздорили. Духовъ былъ человѣкъ довольно низкой пробы: далеко не залеталъ, ни съ кѣмъ не любилъ ссориться, былъ остороженъ. Въ педагогическомъ совѣтѣ постоянно под-

Digitized by Google

дакивалъ директору, никогда не позволялъ себѣ ни одной насмѣшки и терпѣть не могъ остроумія. Если замѣчалъ онъ въ комъ-либо изъ учениковъ своихъ склонность къ насмѣшливости или остроумію, онъ убавлялъ баллъ и нерѣдко говорилъ внушительно: «Слишкомъ рано вы хотите умничать. Жаль, что на шутовъ мода прошла, а то-бы и васъ въ шуты взяли». Или: «Вы не французъ, чтобы языкъ-то свой точить; вы русскій, и не должны этого забывать». Женившись, онъ былъ очень радъ, что жена ему попалась именно такая, какую ему хотѣлось, т. е. глупости не скажетъ и умомъ не блеснетъ; никого не оттолкнетъ, да никого и привлечь къ себѣ не съумѣетъ.

Въ послѣднемъ онъ ошибался. Анна хоть и не была утонченной кокеткой, на что нужна утонченная хитрость и глубокое знаніе человѣческаго сердца, но ей было очень пріятно, что Володя Померанскій былъ, повидимому, влюбленъ въ нее. Она была не прочь поддерживать въ немъ пламя юношеской страсти, и такъ-какъ, посѣщая ее въ отсутствіе мужа, этотъ юноша оказался наглѣе и настойчивѣе, чѣмъ это можно было-бы подумать, то Анна Егоровна въ одно прекрасное утро чуть-было сама не увлеклась, такъ-какъ чувственность ея натуры значительно перевѣшивала въ ней сердечную чувствительность. Но какова ни была она, для нея, какъ и для всякой женщины, первый шагъ къ пороку — трудный шагъ, и беззавѣтно, и даже съ разсчетомъ, рѣшиться на него можетъ не всякая. Конечно, не нравственное чувство и не сознаніе долга остановили Анну на краю такъ-называемаго паденія, а всего скорѣй слѣдующаго рода соображенія: «Володя, думала она, кто его знаетъ, можетъ быть болтунъ; можетъ быть, завтра-же его маменька будетъ знать, что я дура, а онъ молодецъ. Да и настолько-ли онъ богатъ, чтобъ обезпечить жизнь мою, въ случаѣ, ссли я должна буду бросить мужа или потерять свою репутацію? Нѣтъ, онъ слишкомъ многаго хочетъ! Дудки!»

Digitized by Google

Недаромъ, всякій разъ, когда уѣзжалъ отъ нея Володя, онъ меланхолически пряталъ въ воротникъ сконфуженный носъ свой, тогда какъ у нея горѣли ушки, а руки, въ особенности пальчики, были холодные, и нитка долго не шла въ иголку, когда она опять садилась за шитье свое.

Духовъ былъ не ревнивъ, но вовсе не желалъ, чтобъ какой-нибудь франтъ отнялъ у него его сокровище, единственную вещь, которая, во-первыхъ, ему не дешево стоила и которая, во-вторыхъ, приносила ему нѣкоторое удовольствіе.

Разъ, Анна Егоровна разсказала ему смѣясь, какъ пріѣзжалъ къ ней Володя, какъ онъ стоялъ передъ ней на колѣняхъ, увѣрялъ ее въ любви и умолялъ развестись съ Родіономъ Петровичемъ и выйти за него замужъ. Духовъ усмѣхнулся, ни слова не сказалъ женѣ, но принялъ кой-какія мѣры. Какія?—мы это узнаемъ впослѣдствіи.

Анна Егоровна не даромъ была дочкой Егора Антоныча Клина. Она была скупа и, какъ отецъ, мечтала когда-нибудь быть богатой. Она первая разнюхала, что у отца ея есть деньги; она не разъ, ночью, босикомъ, подходила къ дверямъ его кабинета и, заглядывая въ щелку, не разъ видѣла, какъ сидя задомъ къ дверямъ, отецъ ея перебиралъ депозитки и укладывалъ ихъ въ желѣзную свою шкатулку цѣлыми пачками.

Леконида Алаева тоже любила деньги и мечтала быть богатой; но пользуюсь случаемъ объяснить моимъ читателямъ, что между Алаевой и Духовой было очень мало точекъ соприкосновенія.

Для Алаевой деньги были только средствомъ для того, чтобъ такъ или иначе осуществить тайныя мечты свои, а она мечтала о славѣ... Ей хотѣлось жизни не совсѣмъ обыденной,—жизни полной блеска, треска и шумныхъ овацій; для Духовой деньги были цѣлью, и никакія славолюбивыя мечты не волновали души ея. Алаева была осторожна и дерзка, потому что понимала людей и даже нѣсколько презирала ихъ, воображая, что ей ничего не стоитъ ихъ обманывать;—

Digitized by Google

Духова была осторожна, потому что совсѣмъ не понимала людей, никогда не вникала въ нихъ, ни въ комъ не была увѣрена и боялась быть обманутой. Алаеву никакой Фоблазъ не увлекъ-бы въ свои сѣти, если-бы она сама не нашла нужнымъ увлечь его въ свои собственныя сѣти; у Духовой кровь была—огонь, кровь еврейско-нѣмецкой расы, такъ-какъ Анна вся была въ папеньку, и не будь она разсчетлива, не будь у нея своихъ соображеній и чувства самосохраненія, каждый наглецъ легко могъ-бы увлечь ее, не вдаваясь ни въ какія излишнія сантиментальности. Алаева была существо въ высшей степени сложное, была честна и прямодушна, а иногда мелочна и не заслуживала довѣрія; Духова была гораздо проще—все для себя полезное она считала честнымъ. Алаева въ глубинѣ души своей была эстетикъ: любила музыку, понимала геніальныхъ композиторовъ и любила архитектуру; Духова готова была восхищаться всѣмъ, чѣмъ восхищаются другіе, но стиховъ Пушкина не отличила-бы отъ стихотвореній Бенедиктова и вальсы Штрауса, въ глубинѣ души своей, предпочитала Бетховену.

Я не даромъ привелъ эту паралель между Леонидой и Анной, такъ-какъ послѣ этой паралели легче будетъ понять, отчего Леонидѣ вдругъ сталъ такъ антипатиченъ Ознобинъ, отчего Анна вообразила себѣ, что Петя—врагъ ея: первая поняла, что Ознобинъ честный чудакъ, идеалистъ, на все глядитъ не ея глазами и непремѣнно въ чѣмъ-нибудь помѣшаетъ ей; вторая, напротивъ, не поняла нисколько своего брата, не поняла, что онъ вовсе не способенъ одинъ завладѣть отцовскими деньгами или помѣшать ей достигать какихъ-бы то ни было своекорыстныхъ цѣлей.

Петя догадался, что сестра его чортъ знаетъ что о немъ думаетъ, и на другой день послѣ того, какъ онъ былъ у переплетчика, вечеромъ отправился къ Духовымъ. Онъ засталъ Анну съ мужемъ за чайнымъ столикомъ и удивилъ ихъ своимъ появленіемъ.

Digitized by Google

— Ну, вотъ и хорошо, что пожаловали, сказалъ Родіонъ етровичъ.—Выпейте съ нами чайку, разскажите-ка что-ни-удь новенькое... А вы никакъ похудѣли, Петръ Егоровичъ?.. нна, ты не находишь, что братецъ похудѣлъ немного?

— Что-же мудренаго, — держать его въ черномъ тѣлѣ, анятій немало. Латынь эта одна чего стоитъ, и на кой она ортъ—эта латынь!

— Ну, ты этого не говори... Латынь — это всѣмъ язы-амъ корень... Нельзя образованному человѣку не знать ла-ыни, внушительно проговорилъ Духовъ. Онъ недавно при-ѣлъ съ уроковъ и находился въ благодушномъ настроеніи уха: только-что собирался надѣть халатъ и послѣ чаю по-ежать на кушеткѣ съ піонами и амурами, возлѣ ситцевой анавѣски, задергивающей брачную постель его. Приходъ Іети нисколько, впрочемъ, не нарушилъ расположенія его уха,—напротивъ, онъ былъ очень доволенъ, что братецъ на-онецъ-то, въ кои-то вѣки навѣстилъ его.

Петя принялся пить чай и болталъ по-семейному, все, то ни приходило въ голову; наконецъ, спросилъ сестру свою, а что она на него сердится.

— А за то, что ты насъ забылъ и въ нашей судьбѣ не принимаешь никакого участія.

— Да какое-же въ вашей судьбѣ я могу принять участіе?

— Можешь.

— Ну, какое? Интересно мнѣ было-бы это послушать...

— А вотъ какое. Говорятъ, ты теперь съ папа живешь душа въ душу.

— Гмъ, гмъ! промычалъ про себя озадаченный Петя.

— И, разумѣется, тебѣ не безъизвѣстно, что милый ро-итель мой не далъ мнѣ ни копейки, даже приданаго мнѣ никакого не далъ—и тебя это нисколько не печалитъ. Ты знаешь, что отецъ нашъ далеко не такой бѣдный, какимъ прикидывается: служить двадцать лѣтъ въ комисаріатѣ, гдѣ столько разныхъ торговъ и поставокъ, и не нажить себѣ капи-

Digitized by Google

тала—дѣло просто невозможное. Вонъ Ерошина тотчасъ-же и спустили; замѣтили, что плохой товарищъ—не хочетъ пользоваться тѣмъ, что само въ ротъ лѣзетъ. Стало быть, моему отцу ничего-бы не стоило дать мнѣ, если не двадцать, то хоть десять тысячъ, такъ-какъ я одна, единственная дочь его. И, конечно, ты могъ-бы за меня не разъ замолвить словечко, но ты.. тебѣ все равно... Вотъ мужъ мой хочетъ осенью открыть частный пансіонъ... это очень выгодно, если за это дѣло взяться умѣючи и съ деньгами, такъ-какъ безъ расходовъ даже и немыслимо такое предпріятіе... Вотъ мы только-что объ этомъ говорили, когда ты пришелъ: думали-гадали, какъ быть... Застать дома моего папа и застать въ духѣ—трудно. Написать—чего добраго и не отвѣтить. Я даже и письмо къ нему сочинила: прошу у него хоть взаймы, пока не разживемся... Хорошо-бы, Петя, если-бы ты передалъ ему мое письмо и поговорилъ-бы съ нимъ.

И Анна поглядѣла на брата пытливыми глазами. Петя-же вдругъ сталъ серьезенъ и брови его сдвинулись.

— Хорошо тебѣ воображать, что мы съ отцомъ душа въ душу... Вотъ ужь твоими-бы устами да медъ пить!.. А знаешь-ли, что не дальше, какъ вчера, онъ чуть-было не поколотилъ меня?..

И Петя подробно разсказалъ свой споръ съ отцомъ, не утаилъ, что отецъ женится на красоткѣ Тютиной, и что если-бы не сумасбродный сынокъ переплетчика, отвѣдалъ-бы онъ, Петя, кулаковъ отца... Едва-ли влетѣвшая въ комнату бомба произвела-бы на Анну такое потрясающее впечатлѣніе, какъ разсказъ Пети. Даже Духовъ смутился, покраснѣлъ, какъ ракъ, и съ выраженіемъ нѣжной укоризны поглядѣлъ на жену своими оловянно-голубыми глазами на выкатѣ.

— Этого горя еще не доставало! Женится! скрестя пальцы, вскрикнула Анна въ порывѣ своего отчаянія и негодованія.—Женится 56 лѣтъ! На содержанкѣ!.. Нѣтъ! Неужели, Петя, мы допустимъ отца своего до такого срама? Ты готовъ за-

Digitized by Google

тупаться за всякаго, даже за Ознобина заступился,—не-жели-же ты не заступишься за сестру, за себя, наконецъ?.. Вѣдь это... знаешь-ли ты, что это значитъ? Это просто знаитъ—придти и ограбить насъ...

— Ну, и не давай себя ограбить!.. Я за это не берусь, казалъ Петя.—Вотъ Ознобинъ хотѣлъ было штуку выкинуть... ойти къ этой барынѣ Тютиной и наговорить ей про моего тца всякой всячины, словомъ, запугать ее; но и тотъ не хотѣлъ, и того Ерошинъ отговорилъ, сказавъ ему, чтобъ нъ не мѣшался не въ свое дѣло.

— А Ерошинъ-то зачѣмъ тутъ вмѣшался?! Ознобинъ хо-ѣлъ поступить какъ искренній другъ, другъ нашей семьи... что же онъ за тряпка, если послушался этого сыча, Ерошина! Вотъ человѣкъ, отъ котораго, какъ отъ козла, ни ерсти, ни молока... Эгоистъ ужаснѣйшій!

— Ну, я не знаю твоего Ерошина.

— Завтра же поѣду къ Ознобину, и если онъ не помоетъ намъ,—сама... я сама познакомлюсь съ этой барыней... , ты еще не знаешь, Петя, на что я способна, если вижу... кія гадости, такое равнодушіе отца къ своимъ собственмъ дѣтямъ... О, ты меня еще не знаешь!

Такъ мирный разговоръ за чайнымъ столомъ превратился разговоръ бурный; все, что таилось въ душѣ Анны, вылывало наружу; Петя никогда не видалъ такого гнѣвно-рунаго лица у сестры своей и, виновникъ этой бури, долго лчалъ онъ, холодно поглядывая то на сестру, то на зятя.

— Ну, сказалъ онъ, уходя,—дѣлайте, какъ знаете. Я нигда не разсчитывалъ на мошну моего отца и мнѣ все равно!..

ГЛАВА XXXIX.

Настало утро Вербнаго воскресенья. Петѣ нужно было зѣть, и такъ какъ ... гимназія была не близко, онъ хотѣлъ зѣть въ своемъ приходѣ. Но не все-ли равно, гдѣ отстоять

Digitized by Google

обѣдню?.. И, понукаемый Маврой, Петя отправился въ це
ковь на Смоленское кладбище, съ адресомъ генерала Ор
шина въ карманѣ.

Это было 6-го апрѣля. Денекъ былъ сносный, т. е. те
лый, но пасмурный; все небо было обложено сливающимися
молочнаго цвѣта тучками, мѣстами сгущенными, мѣстами пр
зрачно-серебристыми.

Петя вышелъ на Малый проспектъ и затѣмъ поверну
къ кладбищенской церкви направо. Давно уже онъ не хо
дилъ по этой улицѣ. Видъ лавокъ или, лучше сказать, и
стежъ отворенныхъ сараевъ, заставленныхъ надмогильны
крестами, чугуномъ и мраморомъ, видъ заборовъ, увѣша
ныхъ вѣнками изъ иммортелей, изъ бисера, изъ искусстве
ныхъ цвѣтовъ, съ надписями и безъ надписей,—вѣнками
которыми воздаемъ мы послѣднюю почесть нашимъ поко
никамъ,—не шевельнулъ въ душѣ Пети никакого особенно
унылаго чувства, не вызвалъ никакой грустно-философско
мысли о смерти; но невольно сжалось сердце нашего юноши
когда мимо него, на дрогахъ, запряженныхъ парою кляч
провезли желтою охрою окрашенный сосновый гробъ, и н
за нимъ, ни около него не было ни одной души человѣче
ской,—ни родныхъ, ни знакомыхъ,—никого. Это одиноче
ство на пути къ вѣчному забвенью настроило Петю такъ
что когда вслѣдъ затѣмъ проѣхала другая погребальная ко
лесница, подъ балдахиномъ изъ краснаго бархата, везома
лошадьми въ траурныхъ попонахъ, съ пѣвчими впереди, с
факельщиками, съ гербами и длиннымъ цугомъ экипажей, из
оконъ которыхъ выглядывали заплаканныя личики,—Пет
стало досадно, точно онъ самъ былъ тотъ одинокій мертвецъ
котораго никто не пришелъ проводить и на могилу котораго
никогда никто не положитъ вѣнка и даже никогда не най
детъ ее!..

У воротъ кладбища, на лавочкѣ около часовни сидѣли
широколицый монахъ и какой-то широкобрюхій купчина; и

Digitized by Google

Петю, такъ же, какъ и на бѣдный, одинокій гробъ, они не обратили никакого вниманія, пяля глаза свои на приближавшихся пѣвчихъ другой погребальной процесіи.

Несмотря на праздникъ, въ церкви не было тѣсно; но на трехъ черныхъ катафалкахъ стояло три заколоченныхъ гроба, и если не они, то тѣ, которые привезли ихъ, ожидали конца обѣдни и начала панихиды. Петя сталъ недалеко отъ входа, передъ искуственно устроеннымъ гротомъ, гдѣ была плащаница, и сталъ креститься. Конечно, это не было то высоко-набожное настроеніе, которое разъ посѣтило его при догоравшей свѣчѣ, въ полумракѣ его собственной комнаты, да и не могло его быть у юноши, который пришелъ не безъ цѣли и, безпрестанно оглядывая проходящую толпу, ждалъ — не пройдетъ-ли какой нибудь старичекъ съ дѣвочкой, внучкой Мавры. Ему казалось, что онъ тотчасъ-же ее узнаетъ ему очень хотѣлось, чтобы она была тоже въ церкви, такъ какъ въ эту минуту чувство совершеннаго одиночества было въ немъ преобладающимъ. Между этими барынями съ носовыми платками у глазъ, старухами съ деревянными, набожными лицами, дѣтьми съ разинутыми отъ недоумѣнія ртами — между Петей такъ же мало было общаго, какъ и между нимъ и этими заколоченными навсегда покойниками... Не безъ усилія воли Петя дождался конца обѣдни. Когда началась панихида и стали раздавать свѣчи, онъ вышелъ вонъ изъ церкви дохнуть свѣжимъ воздухомъ и, несмотря на накрапывающій дождичекъ, пошелъ бродить по кладбищу, какъ по саду и читать эпитафіи, начавъ съ надписи на монументѣ бывшаго министра финансовъ, Княжевича. Неподвижно висѣли надъ нимъ концы высокихъ березъ, усѣянныхъ мелкими почками вмѣсто листьевъ, торчали сучья старыхъ липъ и вязъ, и все кладбище казалось безконечнымъ садомъ съ пролегающими въ туманѣ прямыми, длинными, перекрещивающимися дорожками. Унылый, погребальный звонъ сопровождалъ шаги Пети, а гробы безпрестанно провозились и про-

Digitized by Google

носились на носилкахъ по всѣмъ направленіямъ. У барака съ надписью: «дежурная могильщиковъ» шли торги или подряды. Черезъ сырую дорогу, изъ церкви и въ церковь, то и дѣло переходили бекеши, салопы, пальто, чуйки и даже, не смотря на тепло, прошла одна енотовая шуба подъ большимъ, синимъ дождевымъ зонтомъ. Лица у всѣхъ были какія-то особенныя: каждому, очевидно, предстояла неизбѣжная забота, къ которой нѣтъ ни привычки, ни особеннаго расположенія, но встрѣчались и довольныя, даже веселыя лица, точно похороны были чѣмъ-то вродѣ бала и спектакля.

Изъ церкви стали выходить и выносить отпѣтыхъ. Петя сталъ недалеко отъ кружки, прибитой къ каменному домику, почти что около самыхъ воротъ, и сталъ оглядывать выходящихъ; но никакой, положительно никакой дѣвочки не прошло: старички проходили, но безъ дѣвочекъ и Петя рѣшился идти искать генерала по адресу.

Онъ уже пошелъ вдоль той улицы, гдѣ останавливаются желѣзнодорожные омнибусы или, какъ ихъ называютъ иногда «конки» («сѣсть на конку»—значитъ поѣхать по рельсамъ на лошадяхъ); справляться съ адресомъ, который лежалъ у него въ карманѣ, не было никакой необходимости, такъ какъ Петя очень хорошо помнилъ нумеръ дома, гдѣ живетъ генералъ Орѣшинъ.

Отставной генералъ Орѣшинъ, худощавый, невысокаго роста старичекъ, ходилъ въ партикулярномъ платьѣ, въ черномъ суконномъ сюртукѣ и, по праздникамъ, съ орденомъ Владиміра на шеѣ, въ сѣрыхъ брюкахъ и въ черной круглой шляпѣ, на поповскій манеръ, съ широкими полями. Глаза у него были маленькіе, брови широкія, лобъ низенькій, носикъ коротенькій и остренькій, волосы сѣдые и вихрастые. Когда онъ снималъ шляпу, они тотчасъ же поднимались на вершокъ отъ кожи торчали во всѣ стороны, вродѣ серебрянаго сіянія. Усы у него были тоже небольшіе и такъ же

Digitized by Google

какъ и брови, темные съ просѣдью, тогда какъ бородка, раздвоенная на раздвоенномъ подбородкѣ, была такъ же бѣла, какъ и волосы. Глядя на него, никто бы не могъ подумать, что когда-то это былъ лихой офицеръ, затѣмъ адъютантъ у одной весьма значительной особы, знаменитой по своимъ проказамъ, образцовой исполнительности и грубости въ обращеніи съ своими подчиненными, затѣмъ полковникъ, раненый подъ Альмой, во время крымской кампаніи, и, наконецъ, генералъ, хотя и безъ особеннаго вліянія на дѣла, но за то и не безъ связей. Связи же, какъ извѣстно,—одна изъ тѣхъ силъ, которыми нужно и можно иногда пользоваться, но пользоваться умѣючи, съ ловкостью не столько военнаго человѣка, сколько дипломата.

И все шло хорошо, все улыбалось Орѣшину до самаго этого генеральскаго чина: была милая, добрая жена и три хорошенькихъ дочки, изъ которыхъ старшей было семнадцать лѣтъ, а меньшой—десять; но прежде всѣхъ умерла старшая дочь и похоронена на Смоленскомъ кладбищѣ, затѣмъ умерла и мать, генеральша, и тоже похоронена на Смоленскомъ; затѣмъ, впродолженіи пяти лѣтъ, Аполонъ Карповичъ Орѣшинъ остался совершеннымъ бобылемъ, такъ какъ схоронилъ и послѣднихъ двухъ дочерей. Кто испыталъ, тотъ знаетъ, какъ все это можетъ изломать человѣка и каково выносить такія потери, такія роковыя потрясенія! Аполонъ Карповичъ былъ на волоскѣ отъ съумасшествія и, вышедши въ отставку, даже не вниманія не обратилъ, какъ скоро рушились всѣ его связи съ петербургскимъ обществомъ и какими онѣ оказались эфемерными! Ему уже было все равно. «У меня, говорилъ онъ—все *мое* на кладбищѣ; я самъ одной ногой уже стою въ могилѣ; стало быть, я человѣкъ уже на половину не отъ міра сего,—человѣкъ отпѣтый».

Но этотъ отпѣтый человѣкъ живетъ все еще на землѣ и, стало быть, нуждается въ привязанностяхъ, въ желаніи сказать кому нибудь что нибудь или что нибудь отъ кого-нибудь

Digitized by Google

выслушать, нуждается въ чистомъ бѣльѣ, въ чашкѣ чаю утромъ, въ бульонѣ и котлетахъ, въ мылѣ, водѣ, умывальникѣ и проч. и проч. Какъ ни страшны были язвы одинокой души его, но время ихъ затянуло, и, если бы не особенная страсть еженедѣльно навѣщать гробницы семьи своей, можетъ быть, Аполонъ Карповичъ и исцѣлился-бы отъ своей меланхоліи или той сосредоточенности, которую недалекіе люди называютъ разсѣянностью. Съ другой стороны, совершенно напротивъ, можетъ быть Аполонъ Карповичъ окончательно-бы помѣшался и сталъ-бы завираться, если бы втайнѣ не создалъ себѣ новаго религіознаго культа, а именно—поклоненія покойной женѣ своей, какъ святой женщинѣ, если бы кой-какія галюцинаціи не заставили его вѣрить, что она во всемъ ему невидимо помогаетъ, если бы не довелъ себя до совершеннѣйшаго безстрашія по отношенію къ смерти и если бы на гроба, безпрестанно мелькающіе у него передъ окнами, не глядѣлъ онъ такъ же спокойно, какъ и на мимо провозимую мебель... Правда, няня его покойной меньшой дочери, ставшая его экономкой, каждое утро спускала бѣлыя сторы на окнахъ его кабинетика, но пѣніе «со святыми упокой» все-таки безпрепятственно доносилось до ушей стараго генерала и нисколько его не тревожило. Характера онъ былъ страннаго, и понять его даже близкимъ людямъ было очень мудрено. Это было какое-то сочетаніе сильной воли и слабости, нѣкотораго ума, начитанности, даже свѣдѣній и нѣкотораго идіотизма, хотя слово «идіотизмъ» и слишкомъ сильно, но я не могу подобрать иного слова, которое бы выражало полнѣйшее временное непониманіе вещей самыхъ обыкновенныхъ, нѣчто вродѣ столбняка или загвоздки. Доброты онъ былъ отмѣнной, но съ такими непредвидѣнными часами озлобленія, что тотъ, кто въ эти часы попадался къ нему на глаза, уже не вѣрилъ ни добротѣ его, ни мягкости его характера. Словомъ, это былъ въ сущности человѣкъ умный и добрый, но съ приливами дури и злости, какъ бы-

Digitized by Google

ваютъ люди совершенно здоровые, но по временамъ страдающіе подагрой. У генерала, кромѣ пенсіи, было свое состояніе, и онъ получалъ въ годъ около семи тысячъ рублей дохода съ арендой земли и за сѣно, и все проживалъ, хотя не позволялъ себѣ никакой роскоши, не задавалъ никакихъ пирушекъ, не любилъ гостей (да, признаться, никто никогда не заглядывалъ къ нему) и за квартиру платилъ недорого. Но генералъ, во первыхъ, никогда никому не отказывалъ въ своей помощи, платилъ жалованье своему племяннику, воспитывалъ дѣвочку, внучку Мавры, держалъ на конюшнѣ пару лошадей и кучера и никогда почти не заглядывалъ въ кухню, которая была чѣмъ-то вродѣ дарового трактира для всѣхъ желающихъ закусить или выпить: тамъ постоянно были гости у кухарки, у горничной или у самой экономки, которая потому только и была экономкой,что ни въ чемъ не соблюдала никакой экономіи. Генералъ кое-какъ сводилъ концы съ концами, но никому не былъ долженъ, а потому и не спрашивалъ—зачѣмъ у него цѣлый день съ утра кипятъ самовары и кофейники, куда идетъ масло и для кого приготовляются жирные окорока. Появленіе генерала въ заднихъ комнатахъ было необычайной рѣдкостью; даже въ комнатку своей любимицы Саши онъ входилъ не часто; у него-же въ кабинетѣ былъ колокольчикъ, и стоило ему позвонить, чтобы черноглазая дѣвочка тотчасъ же появлялась передъ нимъ, какъ листъ передъ травою, съ вопросомъ: «чего тебѣ, папа? Подать тебѣ что? Или позвать кого? А?» Иногда же онъ звалъ ее просто для того, чтобы потрепать ей щечки или показать какую-нибудь картинку, или просто для того, чтобы поболтать съ ней. «Несчастная дѣвочка! думалъ онъ иногда про себя.— Непремѣнно умретъ!.. Я замѣтилъ, что стоитъ мнѣ къ кому нибудь привязаться или полюбить кого, чтобы потерять навѣки... Моя любовь, моя привязанность—это точно своего рода ядъ, который убиваетъ... Но что же мнѣ дѣлать? Вѣдь надо же кого-нибудь или что-нибудь любить. А можетъ быть

Digitized by Google

и не надо?.. Можетъ быть, и не слѣдуетъ любить кого-нибудь исключительно? Но гдѣ же взять намъ любви ко всѣмъ?.. Вѣдь это холодная любовь — любовь ко всѣмъ и ни къ кому въ особенности».

Петя, конечно, даже и не подозрѣвалъ, что и онъ иногда питался отъ крупицъ, падающихъ со стола генерала Орѣшина, что и къ нему, черезъ Мавру, заходили то колбаса, то сливочное масло, то копченая рыба, купленныя на деньги Аполона Карповича, и не потому, чтобы Мавра все это выпрашивала, когда бывала у своей внучки, нѣтъ, а просто потому, что все это ей давалось въ руки, и давалось потому, что иногда послѣ праздниковъ оставалось такъ много всякой провизіи, что дѣвать ее было некуда. Экономка, какъ я уже сказалъ, объ экономіи имѣла такое-же понятіе, какъ университетскій сторожъ о философіи, то-есть ни малѣйшаго, и добро-бы еще сама копила себѣ денежки на черный день, но и того не было: всѣ ея доходы, и законные, и незаконные, тотчасъ-же шли на тряпки, на ѣду или на угощеніе то кума съ женою, то женатаго брата, то кумы, то отставного солдата, которому Саша приходилась племянницей, то кучера... Такъ генералъ проживалъ всѣ свои семь тысячъ, не проживая лично на свою особу и двухъ; но онъ объ этомъ мало думалъ и на расходы глядѣлъ сквозь пальцы, никогда ихъ не записывалъ и благодарилъ Бога за то, что ни въ чемъ не нуждался. Но опять-таки на него находили минуты скупости, и тогда онъ ворчалъ и не выдавалъ денегъ даже на самое необходимое. Вообще, онъ былъ старичекъ очень странный.

Было уже за полдень, когда Петя нашелъ квартиру Орѣшина и, взойдя со двора на невысокую деревянную лѣстницу, позвонилъ. Ему было и жутко, и неловко, какъ человѣку, который и самъ не знаетъ, что изъ всего этого выйдетъ.

Digitized by Google

ГЛАВА XL.

Аполонъ Карповичъ былъ не только у обѣдни, но и на могилахъ жены и дочерей своихъ. Онъ только-что вернулся домой и у себя въ кабинетикѣ сѣлъ на широкое кресло, передъ портретами всей затихнувшей семьи своей, у стола, на зеленомъ суконѣ котораго стояли бронзовая чернильница, календарь, книги, кучка старыхъ журналовъ, свертки какихъ-то чертежей и плановъ, пепельница и только-что полученныя газеты: «Голосъ» и «Всемірная Илюстрація».

Аполонъ Карповичъ вынулъ изъ кармана просфору и позвонилъ.

Вошла Саша съ повязаннымъ горломъ и тотчасъ-же сообщила ему, что ей стало легче отъ полосканія и что она почти что не кашляетъ. Орѣшинъ отломилъ ей половину просфоры и велѣлъ напомнить Авдотьѣ Петровнѣ (экономкѣ) о завтракѣ. Завтракомъ онъ называлъ пару яицъ въ смятку и чашку кофе. Затѣмъ онъ надѣлъ очки и сталъ читать газеты. Давно уже чуждый всѣхъ интересовъ политическихъ, общественныхъ, служебныхъ и даже литературныхъ, онъ равнодушно слѣдилъ за всѣми явленіями жизни болѣе по привычкѣ образованнаго человѣка, болѣе для того, чтобы за чтеніемъ газетъ убить половину утра и хоть чѣмъ-нибудь занять мозги свои; съ тѣмъ-же интересомъ пробѣгалъ онъ цѣлые столбцы объявленій, съ какимъ пробѣгалъ и новости изъ Германіи или Франціи. Онъ зналъ, что никогда не бывать ему во Франціи и не разсуждать ни съ однимъ республиканцемъ, какъ не бывать и въ томъ магазинѣ, гдѣ идетъ дешевая распродажа женскихъ чулковъ и полотенъ. Единственный вопросъ, который его интересовалъ, это—вопросъ о нашихъ нигилистахъ, что съ ними дѣлать и какъ онъ нихъ избавиться, и что-бы онъ самъ съ ними сдѣлалъ... Иногда находила на него страшная злость, и ему казалось, что онъ

Digitized by Google

ни передъ чѣмъ-бы не остановился и что могъ-бы собственноручно, безъ малѣйшаго снисхожденія или чувства содраганія, казнить ненавистныхъ ему людей, рубить имъ головы, вѣшать и т. п. (Разумѣется, это ему только казалось, такъ-какъ онъ и у мухи не рѣшился-бы отрѣзать голову). Но въ газетахъ ничего онъ не находилъ по этой части, и сердце его не разъ обливалось желчью... И Аполонъ Карповичъ, походивши у себя по комнатѣ, садился читать какой-нибудь фельетонъ, что-бы только успокоить свои нервы: фельетонныя препирательства и перебранки газетъ нисколько его не безпокоили; онъ былъ человѣкъ посторонній,—какое ему дѣло, что бранятъ такого-то или хвалятъ такого-то,—и читалъ онъ все это просто потому, что хорошимъ слогомъ стали пописывать, остроумно... А кого бранятъ—значитъ по-дѣломъ бранятъ, а коли хвалятъ—значитъ, что-нибудь да есть-же, за что хвалятъ (такъ-какъ вообще что-нибудь хвалить въ наше время очень мало охотниковъ). Кромѣ нигилизма, его еще интересовали желѣзныя дороги и въ особенности проектъ Струве и сооруженіе новаго Литейнаго моста. Онъ хоть и не былъ никогда самъ инженеромъ, но въ молодости часто терся между инженерами и когда-то недурно зналъ механику. Совершенно довольный тѣмъ, что Сашѣ лучше и болѣзнь ея горла не представляетъ никакой опасности, сидѣлъ у стола своего Орѣшинъ и, прочитавъ «Голосъ», пробѣгалъ глазами послѣдній № «Всемірной Илюстраціи».

Какъ вдругъ послышался звонокъ, затѣмъ — незнакомые шаги, затѣмъ голосокъ Саши: «входите, входите!..» затѣмъ въ дверяхъ его кабинета появился Петя во всемъ парадѣ, т. е. въ гимназической формѣ, съ кепи въ рукахъ.

Орѣшинъ уставилъ на Петю глаза свои.

Петя отрекомендовался.

— Вамъ что-нибудь нужно, молодой человѣкъ? спросилъ его Орѣшинъ.

— Меня прислала къ вамъ Мавра...

Digitized by Google

— Мавра?.. Какая Мавра?.. удивился Орѣшинъ.

— Извините, я, можетъ быть, ошибся; она сказала мнѣ...

— Ничего... это ничего, что вы ошиблись... ошибкой зашли ко мнѣ. Это случается... и со мной разъ это случилось... Только кого-же собственно вы хотѣли видѣть?

— Васъ.

— Значитъ, я... гмъ... А чѣмъ я могу быть полезенъ вамъ?

— Мавра—бабушка дѣвочки, которая живетъ у васъ...

— А!.. Эта старушенція. А!.. Знаю! Знаю... Саша!.. Что-же ты тамъ вертишься, не войдешь? Войди, голубушка! Вотъ отъ бабушки пришли твоей...

Саша вошла, но уже вошла не такъ, какъ-бы вошла она къ старику, если-бы не было Пети,—она была блѣдна, точно чѣмъ-то напугана или поражена. Петя тотчасъ узналъ въ ней тѣ-же большіе, черные, бархатистые глаза, которые видѣлъ онъ у себя въ кухнѣ, наканунѣ Рождества.

— Она васъ угоститъ... Вы-же вѣрно къ ней зашли... къ моей дѣвочкѣ?...

— Мавра говорила мнѣ, что вы... просили ее насчетъ уроковъ, проговорилъ сконфуженный Петя.

— Какихъ уроковъ?

— Мнѣ, выговорила Саша, глядя въ глаза своему нареченному отцу и воспитателю.

— Тебѣ?.. А... да... дѣйствительно, что-то такое я говорилъ... Да, уроки тебѣ нужны... Учитель... граматики, ариѳметики и географіи... Такъ-ли Саша... а?...

— Такъ, потупивъ рѣсницы, чуть не шопотомъ проговорила Саша.

— Ну, такъ вы... Гмъ... Вы, значитъ, уроки хотите ей давать... А какъ ваша фамилія?

— Я уже имѣлъ честь вамъ сказать, что моя фамилія Клинъ. Мавра, бабушка Саши, болѣе 10-ти лѣтъ, какъ живетъ у насъ... Я желаю давать уроки... и, увѣренъ, буду добросовѣстно исполнять свою обязанность.

Digitized by Google

— Я въ этомъ-съ не сомнѣваюсь. Ну что-же, я очень радъ-съ... Хоть завтра приходите... или послѣ Святой... какъ вамъ угодно; время терпитъ. Какъ ты думаешь, Саша?

Затѣмъ, усадивъ Петю, старикъ снялъ очки и разспросилъ его: сколько ему лѣтъ, въ какой онъ гимназіи, чему учился, какой предметъ предпочитаетъ всѣмъ остальнымъ и что думаетъ съ собою сдѣлать по окончаніи экзаменовъ зрѣлости. Петя почувствовалъ къ нему нѣчто вродѣ симпатіи и очень развязно пустился съ нимъ разговаривать, даже признался, что ищетъ уроковъ для того, чтобы пріучить себя самостоятельно заработывать деньги и ни отъ кого не зависѣть.

— А развѣ вамъ не хочется зависѣть отъ своего родителя? уже съ нѣкоторымъ недовѣріемъ спросилъ его Орѣшинъ.

— Не хочется, откровенно отвѣчалъ ему Петя.

— Это отчего?..

— Это семейныя дѣла, до которыхъ никому дѣла нѣтъ... Какъ я стану вамъ это объяснять?..

— Да вы ужь не нигилистъ-ли?

— Я!.. Нигилистъ?! Какъ-такъ?!. смѣясь озадаченнымъ смѣхомъ, воскликнулъ Петя.

— Тѣ тоже толкуютъ о независимости.

— Мнѣ уже восемнадцать лѣтъ надняхъ, перебилъ его Петя; — нельзя-же мнѣ вѣчно быть на рукахъ отца... Къ тому-же я долженъ вамъ сказать, что отецъ мой женится, ему будетъ не до меня, и онъ будетъ очень радъ, если я найду средство обойтись безъ его помощи.

— А! Это резонъ!... Извините... Старость всегда немножко недовѣрчива, знаете...

И это говорилъ старикъ, который всѣмъ довѣрялъ и позволялъ себя надувать всякому, кому только было не лѣнь надувать его.

— Да и нельзя-съ въ наше время быть довѣрчивымъ. Хищническія наклонности развились ужь очень: грабежи,

Digitized by Google

воровство, убійства... Ну теперь вотъ не хотите ли... послѣдній № «Илюстраціи» я получилъ... Подите къ вашей ученицѣ будущей, разспросите ее кой о чемъ. Саша, возьми «Илюстрацію» и покажи гостю картинки; а я тутъ еще почитаю кое-что... До свиданія, молодой человѣкъ!.. Очень радъ, очень радъ!..

Сѣдой генералъ пожалъ руку Пети и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Авдотья несетъ ему на серебряномъ подносикѣ завтракъ: яйца, маленькій кофейникъ, сахарницу, два сухаря и проч.

Петя вышелъ въ странномъ настроеніи духа. Генераломъ онъ остался доволенъ; но... «что-же это значитъ, думалъ онъ,—ни слова о томъ, сколько разъ въ недѣлю и въ какіе дни онъ долженъ давать уроки и на какихъ условіяхъ. Если даромъ, то какая-же цѣль моя? Цѣль моя вовсе не будетъ достигнута; напротивъ, я только истопчу лишнюю пару сапоговъ и у меня меньше времени будетъ оставаться для приготовленія къ экзаменамъ».

Онъ пріостановился въ какой-то квадратной комнаткѣ, которая не была похожа ни на столовую, ни на гостиную, такъ какъ въ ней стояли только фортепьяно и стулья. Онъ подумалъ, не вернуться ли ему къ старику, но Саша ввела его въ свою комнату, гдѣ стояла ея кроватка и гдѣ въ углу помѣщались ея куклы, у которыхъ была тоже своя кроватка и свой маленькій столикъ.

«А, это онъ вѣрно хочетъ, чтобъ мы сперва ознакомились, и потомъ уже...»

— Ну вотъ, Саша, я и пришелъ... Бабушка велѣла тебѣ кланяться и приказала мнѣ быть съ тобою какъ можно строже, если ты будешь дурно учиться; но я не буду строгъ... Ну... садись, Саша... Ты хорошая дѣвочка... Ну, ты умѣешь читать?

— Умѣю, прошептала Саша, потупившись.

Петя сталъ у столика и положилъ на него № 327 «Илюстраціи», 5-го апрѣля 1875 года.

Digitized by Google

— Ну вотъ, читай.

Дѣвочка прежде всего осмотрѣла рисунокъ, и потомъ, опустивъ глаза на подпись, стала читать: «Одинадцати-дневная остановка поѣзда въ снѣгу на линіи кіево-одесской желѣзной дороги».

Она прочла это безъ ошибки, но съ остановками между каждымъ словомъ и спросила:

— Что значитъ — «въ снѣгу на линіи Кіева»?

Петя принялся, какъ умѣлъ, толковать ей рисунокъ и, не смотря на всю его спутанность, нашелъ въ немъ и самоваръ, и глыбы снѣга, и читающихъ, и играющихъ въ карты. Затѣмъ весь № этотъ былъ посвященъ 400-лѣтнему юбилею Микель Анджело и Страстной недѣлѣ. Петя разсказалъ Сашѣ и о снятіи со креста, и о положеніи во гробъ Спасителя, хотя ни о Микель Анджело, ни о Рембрандтѣ, ни о Тиціанѣ ничего почти не зналъ, такъ-какъ за все время своего пребыванія въ гимназіи ни отъ одного изъ учителей не слыхалъ о нихъ и ничего не читалъ. Эти славныя имена были совершенно чужды его сознанію. Гравюры же были выполнены довольно плохо.

— Какія-же это палки идутъ сверху? спросила Саша, на изображеніе картины Рембрандта.

— Это не палки; это, должно быть, лучи, сказалъ Петя.

— Какіе лучи?.. Откуда лучи?..

Но Петя обратилъ вниманіе на развалины въ перспективѣ, напоминающія развалины средневѣковаго замка, и подумалъ: какія-же въ это время на Голгофѣ были развалины?.. И что это за костюмы: — чалма и епанча!

— Это, должно быть, не реальная живопись, сказалъ онъ.

— Что значитъ «реальная»?

— А это значитъ, что все, что здѣсь, изображено не такъ, какъ это было на самомъ дѣлѣ.

— А какъ же было на самомъ дѣлѣ?

— Я не знаю.

Digitized by Google

— Ну... и я не знаю, серьезнымъ тономъ повторила дѣвочка.

— Ну, я теперь пойду домой, а вы подите и скажите папа, что я книги вамъ куплю на свои деньги, а что онѣ будутъ стоить—скажу вамъ послѣ... А приходить я къ вамъ могу въ 4 часа или въ 7, послѣ обѣда. Постойте, постойте... Вы скажите генералу, что я и даромъ готовъ учить васъ, если у него денегъ нѣтъ, или что я возьму недорого...

Саша ушла.

Петя въ волненіи сталъ ходить по комнатѣ. Ему было стыдно и страшно совѣстно. Первый разъ онъ какъ-бы внаймы отдавалъ себя и свое время, въ первый разъ оцѣнивалъ свои труды, еще и самъ не зная, насколько онъ готовъ къ тому, чтобы трудиться съ пользой для этой дѣвочки.

— Аполонъ Карпычъ васъ зоветъ, сказала, вбѣгая, Саша.

Петя засталъ генерала за тѣмъ-же столомъ, но въ очкахъ и съ газетой.

— Что такое она мнѣ сейчасъ сказала? Я ничего не понялъ, началъ старикъ.—Что-то о книгахъ...

— Да, объ учебникахъ; надо купить грамматику, географію и ариѳметику.

— Ну, да, разумѣется, надо... А сколько разъ вы будете у насъ въ недѣлю? Каждый день, надѣюсь?

— Каждый день—это трудно-съ; у насъ на носу экзамены... Я думаю, три раза въ недѣлю довольно, пока экзамены, а потомъ, лѣтомъ, сколько хотите, хоть по три раза въ день.

— А сколько вы возьмете за урокъ?

— Сколько дадите...

— Нѣтъ, какъ ваша цѣна?.. Пожалуйста не церемоньтесь... Что за лишнія церемоніи.

— Ну, 70 копеекъ за урокъ, пробормоталъ Петя, краснѣя и думая: «заломилъ же я цѣну»!..

— Это значитъ семь рублей за 10 уроковъ... прекрасно! Я совершенно согласенъ; а на книги?

Digitized by Google

— Книги я куплю-съ на свои деньги; потомъ, когда-нибудь разсчитаемся.

Но генералъ никакъ не захотѣлъ, чтобы Петя покупалъ на свои деньги, и далъ ему на расходы пять рублей.

Петя ушелъ домой очень довольный своимъ утромъ, своею смѣлостью и простымъ обращеніемъ стараго генерала, очевидно разсѣяннаго.

«Онъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не генералъ, а ангелъ», думалъ про себя Петя и уже не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на погребальные вѣнки, развѣшанные по заборамъ улицы.

ГЛАВА XLI.

На другой день Петя, только-что отобѣдавъ, побѣжалъ съ книжками къ своей ученицѣ. Онъ уже заранѣе составилъ себѣ планъ, съ чего начать и какимъ языкомъ съ ней бесѣдовать... Черные глаза дѣвочки, нѣсколько неподвижные и холодные, не обѣщали большихъ способностей. Но Петя объ ея способностяхъ даже и не думалъ, такъ-какъ обо всѣхъ судилъ по своимъ собственнымъ способностямъ.

Но когда онъ позвонилъ къ Орѣшину и вошелъ въ переднюю, его встрѣтилъ русый молодой человѣкъ, круглолицый, какъ-бы съ припухшими щечками, съ маленькими баками, и, что сразу бросилось въ глаза, весьма тщательно причесавшій свои волосы.

— Вы гимназистъ Клинъ? Хотите давать уроки Сашѣ?

— Я.

— Нельзя-ли мнѣ васъ попросить зайти ко мнѣ въ комнату?..

— А гдѣ ваша комната?

— А вотъ тутъ, подлѣ самой передней. Милости просимъ... Такъ вы хотите давать уроки... а вы прежде много давали уроковъ?

Digitized by Google

— А вамъ какое дѣло, давалъ я уроки, или не давалъ? Я васъ не знаю, сказалъ озадаченный Петя.

Ему сразу не понравились: это молодое, румяное лицо, эти бѣлыя руки, эта папироска въ зубахъ и эта самоувѣренность во всѣхъ движеніяхъ,—самоувѣренность хозяина дома, слишкомъ даже солидная для юноши 23 или 24 лѣтъ.

— Я — племянникъ Аполона Карпыча, родной племянникъ-съ, началъ бѣлокурый юноша послѣ небольшой паузы; онъ никакъ не ожидалъ, чтобы гимназистъ могъ такъ дерзко отвѣчать ему.

— Ну, такъ что-же, что вы племянникъ? Я уже обо всемъ переговорилъ съ вашимъ дядей и пришелъ давать урокъ...

— Садитесь.

— Мнѣ некогда.

— Выслушайте-же, пожалуйста, что я вамъ скажу... Видите, въ чемъ дѣло-съ. Дядюшка давно уже говорилъ мнѣ объ этихъ урокахъ, и я нашелъ уже учителя... бѣдняка, который нуждается въ кускѣ хлѣба... Зачѣмъ-же вы, можетъ быть, безъ всякой крайности, хотите у нищаго перебить копейку?.. Тутъ въ сущности вопросъ вовсе не въ томъ—умѣете вы учить или не умѣете, тутъ вопросъ другого рода. Если вы голодаете—вы вправѣ, если-же вы сыты—вы рѣшительно не вправѣ отбивать кусокъ хлѣба у голодающаго...

— А кто такой этотъ голодающій?

— А зачѣмъ вамъ это знать?

— Я хочу самъ съ нимъ поговорить...

— Развѣ вы мнѣ не вѣрите?

— А вы мнѣ повѣрите, если я вамъ скажу, что и меня заставляетъ крайность давать уроки?

— Можетъ быть... но крайность крайности рознь... Вы, я слышалъ, живете у отца, стало быть, пользуетесь его столомъ; а этотъ пришелъ чуть-ли не пѣшкомъ изъ Митавы, занимаетъ холодный уголъ и грызетъ себѣ кулаки.

— Дайте мнѣ его адресъ, я пойду къ нему.

Digitized by Google

— Да онъ не любитъ никакихъ посѣщеній: это его коробитъ. Вы его и не застанете. Онъ тоже даетъ уроки; и... то въ университетѣ, то на урокахъ.

— А! Значитъ, у него есть уроки; можетъ быть, столько, что онъ съ лишнимъ и не сладитъ?

— Вовсе у него ихъ не такъ много, и я обѣщалъ ему.

— Вы ему обѣщали, а я себѣ обѣщалъ, да еще ея бабушкѣ обѣщалъ, да еще и генералу обѣщалъ, и пока самъ не переговорю съ вашимъ голодающимъ, не уступлю никому. Это ужь какъ вамъ угодно!..

Петя всталъ и направился къ двери.

— Эге, да какой вы... того... Ну, хорошо... Постойте... сколько вы спросили за урокъ?

— Семьдесятъ копеекъ.

— Вотъ и оплошали... Спросили бы два рубля... Онъ вамъ и два рубля-бы далъ... Вотъ и жаль, что со мной не посовѣтовались...

— А почемъ я васъ зналъ. Да и теперь я васъ не знаю, въ первый разъ отъ роду вижу васъ.

— Да куда вы торопитесь? Выкурите хоть папироску...

— Я не курю.

— Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, вы на меня не въ претензіи, но... я сказалъ уже дядюшкѣ, что для его Саши я пригласилъ другого учителя.

— Я на васъ не въ претензіи; но... пока мнѣ самъ вашъ дядюшка не объявитъ, что я не нуженъ или что есть уже другой на мое мѣсто, я буду ходить и буду давать уроки... Тѣмъ паче, что вы не хотите мнѣ сообщить даже адреса того студента, котораго вы рекомендуете. Я хочу его видѣть, хочу самъ съ нимъ поговорить. Почемъ вы знаете, можетъ быть, я и другой урокъ найду ему!..

— Ну, если такъ, то... адресъ его вы получите... Только знайте напередъ, что вы ему въ подметки не годитесь...

Петя вспыхнулъ, но не сказалъ на это ни слова и по-

Digitized by Google

шелъ искать комнату Саши. Попалъ въ комнату какой-то полной, дебелой и нѣсколько рябоватой женщины. Это была экономка Авдотья. Она пила съ кѣмъ-то кофе; увидя Петю, вскочила и, узнавъ въ чемъ дѣло, провела нашего гимназиста въ комнату къ Сашѣ, которая въ это время сидѣла на полу и играла въ куклы.

Въ этотъ-же вечеръ, по уходѣ Пети отъ Орѣшиныхъ, Поликарпъ Сергѣевичъ Спичевскій, сынъ сестры покойной жены Орѣшина, сидѣлъ уже въ кабинетѣ своего дядюшки, пилъ чай и говорилъ, положа нога на ногу...

— Никуда негоднаго нашли вы учителя, милый дядюшка!.. Я слышалъ, какъ онъ преподаетъ; положительно не имѣетъ никакого понятія... Что-то такое о законахъ языка вздумалъ съ ней разсуждать... хе... о законахъ!.. Это такъ глупо, такъ глупо, по-моему!..

— Ну, по-твоему, глупо, а можетъ быть, что и умно.

— Вотъ нашли умника! Какой-то гимназистъ! Я вамъ опытнаго хотѣлъ найти учителя, — студента, который уже многихъ приготовилъ къ экзаменамъ.

— Ты-бы его попросилъ приготовить себя къ какому-нибудь экзамену.

— Вы все шутите, дядюшка, а я серьезно...

— Да вѣдь и я, братецъ ты мой, серьезно.

— Если хотите, я вамъ пришлю его поговорить.

— Нѣтъ ужь, пожалуйста, не присылай. Это порѣшено и, стало быть, что будетъ—то будетъ.

— Надуетъ онъ ей въ уши-то...

— Что надуетъ?

— Да такъ, всякой всячины... видна птица по полету...

— Да ты и не видалъ его...

— Нѣтъ, я видѣлъ, зазывалъ его къ себѣ въ комнату и переговорилъ,—такъ-сказать, проэкзаменовалъ его маленько...

Digitized by Google

— Ты проэкзаменовалъ! Ха!.. Шутъ ты гороховый! Онъ готовится къ экзаменамъ зрѣлости, не нынче — завтра студентъ; а ты изъ шестаго класса гимназіи вышелъ и баклуши бьешь... Ты проэкзаменовалъ?!. Жаль, что я не былъ приглашенъ на этотъ экзаменъ...

— Вы все не въ томъ смыслѣ изволите меня понимать, дядюшка... къ словамъ придираетесь; а я просто пощупалъ... не нигилистъ-ли онъ!

— Ну, и дощупался?

— Ге!.. Еще-бы я не дощупался: я до всего дощупаюсь, если захочу...

— Ну, и что-же?

— Ну, и попахиваетъ...

— Чѣмъ это?

— А этой нигилятиной-то и попахиваетъ.

Спичевскій зналъ, какую струнку всего удобнѣе задѣть при разговорѣ съ дядей; но на этотъ разъ у дядюшки была голова довольно свѣжая (вечеръ былъ ясный, барометръ стоялъ на хорошей погодѣ) и онъ не поддавался... Племянника своего онъ не любилъ и не вполнѣ довѣрялъ ему. Онъ позволялъ ему приходить къ себѣ во всякое время и ночевать въ комнаткѣ, что около передней, но жить съ нимъ постоянно не хотѣлъ, да и самъ Спичевскій этого не желалъ, такъ-какъ велъ жизнь разсѣянную и терпѣть не могъ этой окраины Васильевскаго острова. Онъ не разъ уговаривалъ дядю переѣхать куда-нибудь поближе къ центру, увѣрялъ его, что онъ заразился кладбищенствомъ и что этого кладбищенства онъ терпѣть не можетъ. Но—все можно было сдѣлать съ Орѣшинымъ, только сдвинуть его съ насиженнаго мѣста никтобы не могъ, такъ-какъ въ Орѣшинѣ была немалая доза обломовщины, которая едва-ли и не сродни русскому кладбищенству.

Digitized by Google

ГЛАВА XLII.

Всю Страстную недѣлю Петя былъ на ногахъ: говѣлъ, бѣгалъ давать уроки Сашѣ, ходилъ пѣшкомъ на Гороховую къ Померанскимъ, но ни разу не видѣлся съ Ознобинымъ и ни разу не былъ у сестры своей, Духовой.

Померанскіе собирались за-границу. Лизавета Гавриловна, по совѣту докторовъ, должна была свезти дочь свою въ Киссингенъ и уже замышляла послать сына своего, Володю, къ дядѣ Григорію въ деревню съ тѣмъ, чтобъ упросить его помочь ей деньгами. Мы уже знаемъ, что четырнадцати-тысячнаго годоваго дохода не хватало на семью Померанскихъ. Лизавета Гавриловна разочла, что ей еще нужно, по крайней мѣрѣ, 2,000 рублей, чтобы поѣхать за-границу съ дочерью и съ однимъ изъ сыновей (Володей или Алешей—это еще было не рѣшено).

Ознобинъ вынужденъ былъ искать работы, и такъ-какъ онъ былъ мастеръ срисовывать тончайшія хитросплетенія матери-природы, художественный талантъ которой раскрылся въ такомъ блескѣ послѣ того, какъ люди изобрѣли микроскопъ, то и отправился къ одному гистологу, показалъ ему образчики своихъ прежнихъ микроскопическихъ снимковъ и былъ принятъ на работу съ тѣмъ, чтобы работать у него въ квартирѣ и чтобы рисунки или таблицы непремѣнно поспѣли къ выходу книги, печатаемой на счетъ императорской академіи.

Духова писала къ Ознобину, но не получила отвѣта, и на другой день послѣ причастія, а именно въ страстную пятницу, послала мужа своего узнать, куда дѣвался Ознобинъ.

Мужъ узналъ, что Ознобинъ и днюетъ, и ночуетъ у академика Х. на Васильевскомъ островѣ.

«Ну, такъ я сама отыщу его», рѣшила Анна.

Ознобинъ былъ иногда настолько-же трудолюбивъ, насколько въ другое время лѣнивъ и бездѣятеленъ. Дни, не-

Digitized by Google

дѣли и даже мѣсяцы онъ могъ заниматься какъ истый труженикъ, и затѣмъ дни, недѣли и мѣсяцы лежалъ, задравши ноги, и воображалъ себѣ, что иначе невозможно. Пришла лѣнь—и ничего съ ней не подѣлаешь: хочешь, не хочешь—лежи себѣ или баклуши бей. Онъ вѣрилъ въ приливъ и отливъ силъ и былъ убѣжденъ, что все это не отъ него зависитъ.

Въ субботу утромъ, около семи часовъ, зная, что ровно въ восемь часовъ къ нему заглянетъ самъ хозяинъ, Ознобинъ поднялся съ дивана, потянулся, зѣвнулъ и сталъ одѣваться. Лакей изъ отставныхъ солдатъ принесъ ему вычищенные сапоги и пошелъ за водою и за стаканомъ кофе. Комната, гдѣ работалъ Ознобинъ, была подъ сводами, низенькая, съ итальянскимъ широкимъ окномъ, передъ которымъ стоялъ простой деревянный столъ, заваленный инструментами, бумагой и прочими принадлежностями работы, карандашами, тушью; одинъ только край его былъ настолько свободенъ, что на немъ могли помѣститься стаканъ кофе и кусокъ булки. Умывшись надъ лоханкой и протеревъ глаза, Ознобинъ подошелъ къ столу, протеръ стекла замшей и, взявъ со стола вчерашній рисунокъ свой, подумалъ: «чортъ возьми, немного найдется такихъ, которые изобразили-бы карандашемъ такую мелочь! Того гляди—глаза заболятъ и двадцати рублямъ радъ не будешь».

Стѣнные часы внизу пробили восемь.

— А ви уже всталъ! поднявшись на лѣсенку, воскликнулъ хозяинъ, низенькій, въ очкахъ и въ халатѣ нѣмецъ,—звѣзда не послѣдней величины на горизонтѣ русской учености.—Это корошо! Ну что, какъ работа? Подвигается?

— Подвигается, отвѣчалъ Ознобинъ.

Затѣмъ его рисунокъ былъ провѣренъ въ микроскопѣ, надъ окуляромъ котораго появился опытный, старый глазъ ученаго, и началась бесѣда... Профессоръ былъ убѣжденъ, что для науки нужны факты, факты и только факты. Озно-

Digitized by Google

бинъ думалъ иначе, но спорить не хотѣлъ. Онъ эту звѣзду академической учености мысленно ставилъ довольно высоко, но—гораздо ниже себя.

Пока академикъ, или професоръ, или просто ученый разглядывалъ замысловатый рисунокъ массы клѣтокъ соединительной ткани и искалъ въ нихъ то, что онъ почиталъ своимъ открытіемъ, Ознобинъ одѣлся и принялся за кофе; но едва только сѣлъ онъ за свою работу, пришли ему сказать, что какая-то барышня ждетъ его у подъѣзда и проситъ его сойти къ ней на пару словъ.

Кому меня нужно? Какая барышня? разсердился Ознобинъ; но мысль – «ужь не Леконида-ли?» быстрѣе молніи промелькнула въ головѣ его. — Ахъ, если-бы Леконида! Все-бы онъ бросилъ: и ученаго, и микроскопъ, и тонко очиненные карандаши, и даже заработанныя деньги и пошелъ-бы туда, куда-бы послала его эта божественная дѣвушка!

Но вмѣсто божественной дѣвушки, на лѣстницѣ оказазалась Анна Егоровна Духова, закутанная въ платокъ, похолодѣвшая отъ сырости и долгихъ поисковъ.

— Я была у васъ, писала къ вамъ и, узнавъ, что вы здѣсь, пріѣхала... Не откажитесь, Ознобинъ, услужите!..

— Что прикажете?

— Вы знаете, что отецъ мой женится?

— Э... знаю.

— А я знаю и то, что вы, какъ истинный другъ нашего дома, хотѣли ѣхать къ г-жѣ Тютиной и попугать ее. Знаю, что если-бы не Ерошинъ, вы-бы непремѣнно это сдѣлали, и увѣрена—ради Пети, ради моей покойной матери, исполните общую нашу просьбу и найдете случай нынче-же переговорить съ этой презрѣнной тварью и внушить ей страхъ.

— Я... э... никакъ не могу сегодня,—я занятъ.

— Непремѣнно сегодня. Берите на мой счетъ извощика и отъ нея пріѣзжайте ко мнѣ. Слышите? заключила она, замѣтивъ, что Ознобинъ понуривъ голову и задумался.

Digitized by Google

— Ни на вашъ, ни на свой счетъ я не поѣду, сказалъ онъ.—Зачѣмъ? Что я ей скажу? Она спроситъ меня: а вамъ какое дѣло? Э... я долженъ-же буду сказать ей свою фамилію. Пойметъ-же она, что я наговариваю ей изъ мести или со злости, такъ-какъ вашъ отецъ не велѣлъ принимать меня и я на него золъ. Не пойду! Нельзя мнѣ... да и некогда! Я нанялся работать къ сроку и долженъ работать.

— Какая ваша работа! Одно другого важнѣе.

— Для меня важнѣе моя работа, и мнѣ вовсе неважно, на комъ женится вашъ отецъ! Женись онъ хоть на коровѣ,— какое мнѣ дѣло?! Э... я-то что тутъ, посудите, пожалуйста.

— Какъ, Иванъ Несторычъ! Развѣ вамъ все равно будетъ-ли Петя человѣкомъ со средствами или пойдетъ по міру?

— Петя никогда не пойдетъ по міру.

— Но и никогда не выбьется изъ нужды...

— Ну, коли не выбьется, пусть его пропадаетъ. Не онъ первый, не онъ послѣдній.

— Такъ-то вы его любите?!

— Не вамъ судить, какъ я люблю его; это не по вашей части.

Анна Егоровна отвернулась; злость на Ознобина душила ее...

— Не ожидала я отъ васъ...

Вотъ все, что могла проговорить она, опустивъ рѣсницы.

— Вы должны были ожидать; а если вы недовольны мною, то знайте, что братъ вашъ совершенно одобряетъ мое поведеніе и очень радъ, что я не сдѣлалъ этой глупости, не поѣхалъ къ этой дурѣ предостерегать ее...

— Ну, я сама къ ней поѣду. Не узнаете-ли вы ея адреса?

— Не знаю. Спросите у отца или у Пети...

— У Пети?!

— Ну, да. Онъ съ ней познакомился...

— Петя!..

— Ну да!..

Digitized by Google

— Прощайте.

И Анна Егоровна быстро спустилась съ лѣстницы на каменное крылечко, у котораго ожидалъ ее извозчикъ. Мысль, что Петя не только познакомился съ своей будущей мачихой, но уже и поддѣлывается къ ней, лиситъ передъ ней, заискиваетъ ея расположенія, охватила ее и дала пищу ея воображенію. Боже мой, какимъ иногда вздоромъ, какой ложью можетъ питаться наше воображеніе! Она была блѣдна, когда сѣла въ крытыя дрожки и ѣхала домой, не замѣчая ни погоды, ни улицъ, ни домовъ, ни прохожихъ.

ГЛАВА XLIII.

А Клинъ не шутя готовился къ свадьбѣ. Его казенная квартира отдѣлывалась на казенный счетъ: чистился паркетъ, красилась перегородка и стѣны оклеивались новыми обоями. На фоминой недѣлѣ онъ уже думалъ переѣхать, а въ концѣ апрѣля вѣнчаться, такъ-какъ вѣнчаться въ маѣ ни за что не хотѣла Мина Михайловна. «Кто въ маѣ вѣнчается, говорила она,—тотъ всю жизнь свою будетъ маяться... Или въ апрѣлѣ, или, если нельзя въ апрѣлѣ,—въ іюнѣ».

Для новой квартиры, разсчитывая на дорогую мебель невѣсты, Клинъ заказалъ только этажерку да диванъ для своего кабинета, нанялъ обойщика, купилъ сторы на окна, матерію на гардины и портьеры въ залу. Къ досадѣ его, комнаты были высокія и окна большія. Но Клинъ рѣшился тратить деньги, въ надеждѣ со временемъ вдвое и втрое наверстать потерянное. Онъ чувствовалъ себя человѣкомъ выплывающимъ на поверхность. Онъ уже иначе велъ себя на службѣ, меньше позволялъ себѣ говорить съ подчиненными и съ большею увѣренностью говорилъ съ начальствомъ. «Эта бабенка принесетъ мнѣ счастіе», думалъ Клинъ. Но, присмотрѣвшись къ нему, Мина Михайловна начинала не то

Digitized by Google

чтобы очень трусить, но безпокоиться; даже разъ высказала Ерошиной:

— Ахъ, милая моя, единственная моя, Александра Александровна, не глупость-ли я дѣлаю, что выхожу за старика?! Онъ не ревнивъ; но что, если мы не сойдемся характерами!

— Ужь не поздно-ли вамъ думать, отвѣчала Ерошина.— Но все же лучше поздно, чѣмъ никогда. Это вѣдь не пустяки — на всю жизнь связать себя!

— Не даромъ я всегда чувствовала какую-то антипатію къ браку... всегда... всегда!..

— Бракъ—или счастіе, или несчастіе, возразила Александра Александровна.—Вотъ я счастлива. Миліона не возьму за моего Николая Николаича!

— Ахъ, не всѣ Николаи Николаичи! вздохнула Мина Михайловна.

Конечно, вздохи ея продолжались недолго; она не любила останавливать вниманіе свое на предметахъ, вызывающихъ на грустныя или тяжелыя размышленія, на вопросахъ, требующихъ силы ума и силы характера, для того, чтобы такъ или иначе отвѣчать на нихъ. Она очень любила молодыхъ людей, но рано убѣдилась въ непостоянствѣ ихъ страстей и была увѣрена, что только тотъ и можетъ быть хорошимъ мужемъ, кто любитъ не въ первый, а въ послѣдній разъ. Что старый Клинъ влюбленъ въ нее — это было ясно; но будетъ-ли онъ нѣженъ и предупредителенъ? Этихъ качествъ, особенно нѣжности и услужливости, она не замѣчала въ немъ; напротивъ, не разъ видѣла, какъ онъ ворчитъ и сердится,—правда не на нее ворчитъ и не на нее сердится, —но въ эти минуты ей все-таки было какъ-то жутко. Она между прочимъ, рѣшаясь на бракъ, мечтала о томъ, что мужъ будетъ вывозить ее, что она будетъ въ приличномъ обществѣ, будетъ въ любой гостиной равная всѣмъ,—такая же статская совѣтница, а со временемъ и генеральша. Тютинъ-же хоть и баловалъ ее, но появлялся съ ней или въ

Digitized by Google

холостыхъ компаніяхъ, или на пріятельскихъ пирушкахъ, да и то въ началѣ своего знакомства съ ней; затѣмъ онъ почти что вовсе никуда не вывозилъ ее и пресерьезно увѣрялъ, что везти ее къ какой-нибудь генеральшѣ Ш. или къ какой-нибудь княгинѣ Т. — немыслимо, просто немыслимо. Мина была совершенно того-же мнѣнія, но ей хотѣлось чего-то лучшаго. И на вопросъ, будетъ-ли старый Клинъ ѣздить въ свѣтъ и будетъ-ли онъ вывозить ее—старый Клинъ отвѣчалъ ей уклончиво.

— Гмъ... да! отвѣчалъ онъ.—Извѣстное дѣло, гдѣ мужъ—тамъ и жена. Хе... все зависитъ отъ того, какая жена. Вонъ моя покойница, та вовсе и не гонилась на то, чтобы визиты дѣлать или знакомиться. Да и глупо таскать за собою жену; жена — не хвостъ. Сама должна знакомиться... Это не мѣшаетъ... хе... хе!.. Это даже иногда нужно, очень нужно. Вотъ пословица есть: хорошо тому жить, кому бабушка ворожитъ; ну, а кому жена ворожитъ—тому еще лучше. Хе!.. Есть такія жены!.. Есть... есть!.. Что говорить!..

Какъ видно, Клинъ, съ тѣхъ поръ, какъ женился на бѣдной дочери почтамтскаго чиновника и еще не терялъ блистательной надежды на артистическую славу, значительно ушелъ впередъ по части пониманія житейскихъ дѣлъ или той механики, безъ которой всю свою жизнь можно остаться послѣдней спицей въ колесницѣ.

Мина Михайловна тоже была отчасти способна понимать эту механику, и потому кой-какія фразы ея будущаго супруга не возмущали ее нисколько. Она вѣдь потому и выходила замужъ за Клина, что Клинъ—человѣкъ практическій, и если умретъ—не оставитъ ее безъ гроша денегъ.

Клинъ уже не разъ заѣзжалъ съ своею невѣстою на свою новую квартиру и совѣтовался съ ней насчетъ разстановки мебели. Въ этомъ тоже нельзя было не замѣтить въ немъ нѣкотораго шага впередъ по части смягченія или уступчивости. Не такъ поступалъ онъ съ покойной женой своей...

Digitized by Google

Пришла, наконецъ, великая полночь. Когда раздался благовѣстъ къ заутрени, ровно въ 12 часовъ, Клинъ простился съ своей невѣстой и поѣхалъ домой спать. Невѣста пошла въ комнату къ своей дочери, но уже не нашла ее. Ксенія съ какой-то старушкой ушла къ заутрени. Мина положила ей подъ подушку сафьянный футлярчикъ съ колечкомъ изъ голубыхъ незабудокъ, вздохнула, пошла къ себѣ въ будуаръ, въ ожиданіи Пасхи прилегла на свою кушетку и задремала...

Въ два часа ночи звонокъ разбудилъ ее; она привстала, зажгла свѣчу и пошла сама отворять дверь въ переднюю. Изъ предосторожности она не сняла цѣпи, а пріотворивъ дверь, спросила:

— Кто тутъ?

— Это я .. Можно войти на минуту? послышался голосъ.

Мина отступила отъ двери. Сердце ея забило тревогу; она узнала голосъ Зуева,

— Пришелъ поздравить... Давно не видались... Если не хотите принять, то...

Изъ-за двери показался верхній кончикъ букета, который никакъ сквозь эту щель пролѣзть не могъ.

— Если не пускаете, то примите этотъ букетъ вмѣстѣ съ поздравленіемъ...

Мина отомкнула цѣпь, дверь отворилась, и въ переднюю вошелъ Зуевъ, скинулъ шляпу, встряхнулъ кудрями, засмѣялся, слегка выпятивъ нижнюю губу свою, и произнесъ:

— Хоть вы и выходите замужъ, но старые друзья не забываютъ васъ... Нарочно для васъ заказывалъ этотъ букетъ.

И букетъ тотчасъ очутился въ ея рукѣ.

— Ну, спасибо, сказала она:—не за букетъ, а за память. Извините, что я не принимала васъ; я никого не принимаю. Женихъ у меня старый и мало-ли что можетъ взбрести ему въ голову... Онъ только-что ушелъ и весьма возможно, что тотчасъ же вернется...

Digitized by Google

— Стало быть, я не могу разсчитывать на то, чтобы у васъ разговѣться... Ну, дайте рюмочку, самую маленькую рюмочку водки... и... Христосъ воскресъ!..

Зуевъ подошелъ и горячо, въ самыя губы, поцѣловалъ ее.

— Нельзя-же, сказалъ онъ,—не похристосоваться. Это самъ Богъ велитъ.

Но поцѣлуй былъ вовсе не христіанскій, и Мина не могла этого не почувствовать; она понюхала букетъ и сказала:

— Войдите на одну минуту; никого дома нѣтъ... Надѣюсь, что вы не съ тѣмъ зашли, чтобы шалить или дѣлать глупости...

Мина заперла дверь и, пока Зуевъ снималъ съ себя пальто, пошла за водкой.

Кончилось тѣмъ, что черезъ четверть часа въ маленькой столовой уже горѣли два канделябра, блестѣлъ столовый сервизъ, чашки, сливочникъ, и была приготовлена закуска. Черезъ полчаса внесены были самоваръ, кофейникъ и пасха, и въ бѣломъ, коротенькомъ платьицѣ съ розовыми лентами появилась Ксенія.

Несмотря на то, что она была далеко еще не взрослая, вполнѣ развившаяся дѣвушка, красота ея произвела такое впечатлѣніе на Зуева, что онъ какъ бы немного притихъ, пересталъ болтать двусмысленный вздоръ и говорилъ, что никакъ не ожидалъ такъ пріятно встрѣтить праздникъ.

— Не ожидалъ я, Мина Михайловна, что у васъ такая дочка... Если бы я зналъ, я бы заказалъ не одинъ, а два букета...

— О, ея время еще не ушло! замѣтила Мина.—Она еще ребенокъ.

Ксенія сидѣла молча, съ недоумѣніемъ поглядывая на гостя, на его оживленную, нѣсколько насмѣшливую физіономію, косые, но блестящіе глаза, усы и курчавую голову.

Новый звонокъ въ передней заставилъ вздрогнуть Мину Михайловну. Она опустила на столъ чашку съ кофе, изъ

Digitized by Google

которой похлебывала, и насторожила уши. «Что если это Клинъ?!. Впрочемъ, что за бѣда!.. Я познакомлю его съ Зуевымъ, и неужели онъ будетъ ревновать?!..»

Но вошла горничная и внесла въ комнату подарокъ: два куска лѣтней матеріи на платье.

— Отъ кого? спросила Мина.

— Отъ Егора Антоныча.

— А... Ну, хорошо. Снеси это въ мою комнату и скажи: приказали благодарить!

Отъ того-ли, что она ожидала отъ Клина чего-либо лучшаго, или отъ того, что выборъ матеріи ей не понравился, или ей просто не хотѣлось слишкомъ радоваться при постороннихъ, только Мина Михайловна, казалось, довольно равнодушно приняла подарокъ своего суженаго и опять принялась нюхать букетъ Зуева, можетъ быть, изъ кокетства желая намекнуть ему, что букетъ этотъ ей дороже всякихъ подарковъ...

Но Зуевъ любовался Ксеніей и не замѣтилъ этого тонкаго намека.

Въ пятомъ часу утра въ квартирѣ Мины все уже было тихо; свѣчи были потушены и сторы спущены; всѣ спали, спала и Ксенія съ новымъ колечкомъ на одномъ изъ своихъ тоненькихъ пальчиковъ.

ГЛАВА XLIV.

Петя пошелъ разговляться къ Орѣшинымъ.

Клинъ, вернувшись домой къ полночи, не засталъ никого, кромѣ Мавры, да и ту нашелъ въ великомъ горѣ: въ заднихъ сѣняхъ у шкафа оказался замокъ сломаннымъ и унесено два фунта масла, коробокъ съ яйцами, кусокъ сыру и кусокъ ветчины.

Клину вообразилось, что если-бы воры были посмѣлѣе, они-бы могли войти, связать Мавру или убить ее и затѣмъ сломать дверь въ кабинетъ, обокрасть его, унести завѣтную

Digitized by Google

желѣзную шкатулочку и такимъ образомъ изъ богатаго жениха превратить его чуть не въ нищаго. Морозъ подралъ его по кожѣ при одной этой мысли, и онъ рѣшился остаться дома, запереться и сторожить добро свое.

Но и Мавра поплелась къ заутрени и въ кухнѣ стеречь добро оставила сѣраго кота да дворничиху съ грудным ребенкомъ.

Дворничиха заперла на крюкъ дверь на заднюю лѣстницу, уложила ребенка на кровать Мавры, сѣла на лавку и задремала...

Сладокъ былъ сонъ, но не сладко было пробужденіе.

Разбудилъ ее Клинъ, который крикнулъ во все горло:

— Гдѣ Мавра? Какъ она смѣла уйти?!.. Кто ты такая?.. Вонъ!..

— Я—не первый разъ... я дворничиха... я... я...

— Вонъ!.. Почемъ я знаю, кто ты такая?.. Вотъ постой.. вотъ... я... я...

Несчастная дворничиха спросонья такъ перепугалась, что отперла дверь и убѣжала, позабывъ своего ребенка на кровати у Мавры.

А Клину вспомнилось приключеніе въ Гусевомъ переулкѣ, гдѣ какая-то баба, забравшись въ кухню, ночью перебила всѣхъ спавшихъ и унесла шкатулку, и самъ онъ струсилъ, увидѣвъ въ кухнѣ чужую, незнакомую ему бабу. Затѣмъ онъ осмотрѣлся, увидѣлъ на постели Мавры спящаго ребеночка, пожалъ плечами, стиснулъ зубы, заперъ кухню и проворчалъ:

— Нѣтъ! Съ этой безтолковой, полоумной Маврой еще бѣды наживешь... Я прогоню ее...

Затѣмъ въ третьемъ часу утра, услыхавъ стукъ въ кухнѣ, Клинъ всталъ, пошелъ, окликнулъ: кто тутъ?—и отперъ дверь.

Онъ тутъ-же хотѣлъ было выругать Мавру, но Мавра, увидавъ его, радостно пропищала: «Христосъ воскресе!» полѣзла съ нимъ цѣловаться и всучила ему въ руку красное яичко.

Digitized by Google

Какъ ни былъ золъ Клинъ, но въ эту минуту не могъ произнести ни одного ругательнаго слова. Въ душѣ его, обуреваемой гнѣвомъ, мелькнуло что-то похожее на искорку того религіознаго чувства, которое таится въ душѣ и у закоренѣлаго злодѣя на каторгѣ, и у самаго убѣжденнаго атеиста.

— Ты тутъ посадила какую-то бабу, сказалъ онъ ей.— Я ее не знаю, а потому и прогналъ ее... Да вотъ, не она-ли оставила этого ребенка?

И, не дождавшись отвѣта, Клинъ ушелъ спать и, засыпая, думалъ:—снесенъ-ли его подарокъ Минѣ? И какъ этотъ подарокъ приняла она?.. Эхъ-ма! Слишкомъ ужъ этотъ Тютинъ избаловалъ ее... Надо отучить!.. Ну, да это... это мы еще успѣемъ...

Петя былъ приглашенъ Орѣшинымъ разговляться у него въ квартирѣ, и пошелъ къ заутрени на кладбище въ церковь Смоленской Божьей Матери.

Онъ пришелъ какъ-разъ къ тому времени, когда только-что кончился крестный ходъ, и вслѣдъ за наклоненными хоругвями въ ярко-освѣщенную церковь, сквозь настежь растворенныя двери, вливалась толпа—сотни обнаженныхъ головъ и сотни мигающихъ свѣчей.

Толпа эта вся почти состояла изъ простонародья и такъ была плотна, что Петя, не рѣшаясь проникнуть въ церковь, снялъ свой кепи и остановился на крыльцѣ.

Ночь была свѣжая; вѣтеръ былъ тихій; небо на западѣ, казалось, было покрыто тучами; въ темной синевѣ зенита кой-гдѣ теплились звѣзды, и Петѣ пришла въ голову мысль пройтись по кладбищу...

И онъ пошелъ... и долго шелъ онъ тихими шагами и очутился на одной изъ самыхъ отдаленныхъ дорожекъ кладбища.

По-временамъ ему было жутко; но онъ хотѣлъ, во что-бы то ни стало, идти, не обращая вниманія ни на какіе страхи, которые мысленно онъ называлъ ребячествомъ.

Digitized by Google

Мѣстами попадались ему канавки, и онъ осторожно переходилъ по деревяннымъ мостикамъ; мѣстами старые, покрывшіеся кресты, казалось, вылѣзали изъ земли и тянулись, чтобъ догнать его; мѣстами что-то чернѣло: не то камень, обросшій мхомъ, не то сырая земля надъ вырытой могилой; мѣстами группы деревьевъ сходились и, сплетаясь вѣтвями, точно вглядывались въ него и шептали: «а ну-ка... ну-ка, подойди сюда!...» или бѣлѣлъ кусокъ мрамора...

«Да тутъ можно и заблудиться, подумалъ Петя. — Да, можно, подсказалъ онъ самъ себѣ,—если-бы на колокольнѣ не горѣло три плошки или три шкалика».

Эти три огонька издали то мелькали изъ-за сѣти вѣтвей, то пропадали въ нихъ, но все-таки были для Пети какъ-бы путеводными звѣздочками, и онъ сталъ пробираться обратно къ церкви.

«Вотъ когда-нибудь и я буду въ землѣ, размышлялъ нашъ Петя,—и никто не будетъ знать, что жилъ да былъ на свѣтѣ нѣкто Петръ Клинъ... и никому не будетъ интересно знать, что онъ думалъ и что онъ дѣлалъ... Боже мой!.. Неужели такъ-таки и проживу я безъ всякаго слѣда и нечѣмъ будетъ и помянуть меня?.. Господи! Тутъ, между этими мертвецами, есть, можетъ-быть, и герои, и мореплаватели, и богачи, и люди великихъ, рѣдкихъ качествъ и добродѣтелей! И что я объ нихъ знаю?.. Ничего!.. Вотъ намедни около самой церкви прочелъ я на великолѣпномъ монументѣ надпись: «Княжевичъ»,—и что-же? Я никогда ни отъ кого ничего не слыхалъ объ немъ!..

«Брррръ!.. Смерть — это бездна: упадешь въ нее — и прощай!..

«И не грустная-ли это иронія: поютъ вѣчную память и всякій знаетъ, что ничего на свѣтѣ нѣтъ короче людской памяти.

«Вотъ надъ Александромъ Македонскимъ, надъ Софокломъ или Сократомъ никто не пѣлъ вѣчной памяти, а все-же имена

Digitized by Google

ихъ и дѣла ихъ спасены исторіей и даже ученическія головы запоминаютъ ихъ; а надъ этими тысячами, десятками, сотнями тысячъ мертвецовъ и вѣчную память пѣли, и все-таки никто не знаетъ и никто не помнитъ ихъ...

«Кто-то, кажется, Ознобинъ, разъ при мнѣ говорилъ, что жажда славы есть жажда безсмертія и что одному только человѣку дана эта жажда: никакой звѣрь, самый умный, не думаетъ о томъ, будутъ или не будутъ вспоминать о немъ.

«Вотъ и я славолюбивъ; оттого и страхъ-то свой стараюсь преодолѣть, чтобы силу духа своего испытать, силу характера».

Но не смотря на всѣ свои унылыя рефлексіи и на нѣкоторый анализъ своихъ собственныхъ ощущеній, Петя все-таки сильно струсилъ и сердце его замерло, когда, подходя къ павильону (нѣчто въ родѣ круглой бесѣдки посреди кладбища), онъ услыхалъ за собой шаги и, обернувшись, увидѣлъ, что за нимъ идетъ что-то черное...

Петя отшатнулся направо съ дорожки и, ухватившись рукою за какую-то желѣзную рѣшетку, остановился подъ деревомъ и сталъ ногою ощупывать—нѣтъ-ли камня или чего-нибудь твердаго на случай непредвидѣннаго нападенія.

Когда онъ спрятался, тѣнь пріостановилась и, можетъ-быть, тоже струсила; но и минуты не прошло, какъ Петя увидѣлъ, ясно увидѣлъ, что по дорожкѣ прошелъ человѣкъ, черный силуетъ котораго напомнилъ ему Кирила, сына переплетчика: такое-же коротенькое пальто, такой-же картузъ и такая-же шея, обмотанная шарфикомъ.

«Это онъ! подумалъ Петя. — Куда онъ ходилъ? И зачѣмъ?.. Или я ошибаюсь?»

Смѣло выступилъ онъ изъ своего убѣжища и, посвистывая не безъ умысла, ускорилъ шаги свои.

— Кирилъ! Гм-гм-гмъ... не зная, какъ его зовутъ по батюшкѣ, окликнулъ его Петя, когда поравнялся съ нимъ.

Человѣчекъ отшатнулся... но не отъ испуга. Ему, пови-

Digitized by Google

димому, было непріятно встрѣчаться съ знакомымъ, который могъ узнать его.

— Это вы?

— А вы кто такой? Неужели Клинъ, сынъ... того... гмъ!

— Ну, да, Клинъ... Вотъ гдѣ встрѣтились!... Я, знаете, хотѣлъ было войти въ церковь, да такая толпа, что и руки не просунешь, я и пошелъ шляться.

— Ну, и я... тоже. А не жутко вамъ было одному въ полночь по кладбищу ходить?...

— Чего-жь жутко! Нынче такой праздникъ, что, я думаю, и живые добрѣе, не то что мертвые.

— А у васъ нѣтъ здѣсь никого изъ близкихъ?

— Гдѣ... здѣсь?

— Да, вотъ... между этими...

И Кирилъ повелъ рукою вокругъ, какъ-бы указывая на цѣлый лѣсъ могилъ, крестовъ и статуй...

— Никого... А у васъ?

— А я ходилъ на могилу дѣвушки, которую любилъ и которая погибла.

— Погибла? Отъ чего?

— Отъ того, что люди злы и несправедливы, отъ того, что губить другъ друга—это для нихъ своего рода наслажденіе.

— Ну, не всѣ такіе...

— Всѣ! И вы такіе-же...

— Я?

— Ну-да...

— Это вы мнѣ объясните, Аксютинъ... кажется, такъ ваша фамилія?.. Приходите ко мнѣ и объясните, почему именно вы обо мнѣ такого мнѣнія... или я приду къ вамъ, благо мы на одномъ съ вами дворѣ живемъ.

— А вашъ отецъ еще не донесъ на меня? А?..

— А онъ что за доносчикъ! Онъ и знать васъ не знаетъ... что ему доносить! Да и есть-ли ему время заниматься такою

Digitized by Google

мерзостью: утромъ онъ на службѣ, а вечеромъ у своей невѣсты.

— А гдѣ онъ на службѣ?

— Въ комисаріатѣ гдѣ-то...

— А развѣ у него невѣста есть?

— Есть.

— Гмъ!..

— Вы мнѣ это объясните... приходите и объясните, почему это... вдругъ вы... вообразили себѣ, что мой отецъ — шпіонъ или доносчикъ.

— Да ужь такъ! Какъ я вамъ это объясню?! Но вотъ мы и къ церкви подошли; скоро и заутреня отойдетъ; ступайте туда, а я... домой... помолился я... Чего-же больше... И наплакался ради праздника.

— Ну, прощайте; да руку-то хоть дайте. Ну, вотъ такъ; будемте знакомы.

— Не люблю я, знаете, знакомиться... Впрочемъ... что-же... зайдите ко мнѣ когда-нибудь; я человѣкъ неопасный; вы, можетъ-быть, во сто разъ меня опаснѣе... Прощайте.

И, слегка притронувшись до козырька своего картузика, Кирилъ пошелъ къ воротамъ, у которыхъ тоже горѣли плошки.

«Экій чудакъ, подумалъ Петя,—и жалкій какой-то...»

Петѣ стало грустно, и, не задавая себѣ вопроса можно или нельзя протолкаться въ церковь, онъ мало-по-малу вошелъ въ нее, купилъ у входа свѣчу, зажегъ ее и затѣмъ пробрался до лѣваго клироса.

Незамѣтно скоро кончалась заутреня; уже пѣли: «Пасха, священная пасха!» — уже священники съ кадиломъ обошли церковь, уже прочли евангеліе, и вотъ еще прошло не болѣе четверти часа, какъ передъ раскрытыми царскими вратами показался золотой крестъ, крестообразно двигающійся въ дымномъ воздухѣ, и послышалось трижды изъ устъ священника: «Христосъ воскресе!»

«Во-истину воскресе»! трижды пронесся гулъ по церкви.

Digitized by Google

Петя видѣлъ вокругъ себя головы простого народа: лысины и бороды мужиковъ, испитыя лица фабричныхъ, лоснящіяся щеки деревенскихъ бабъ и дѣвокъ и не безъ претензіи на моду убранныя ленточками и цвѣточками головы молодыхъ кухарокъ и горничныхъ. Такъ-называемаго «свѣта», или петербургскаго интелигентнаго общества или чиновнаго люда, совсѣмъ почти не было. Правда, гдѣ-то въ сторонѣ стоялъ какой-то офицерикъ, гдѣ-то мелькалъ бѣлый галстукъ не то лакея, не то чиновника, но ни богатые родители, ни богатыя дѣти похороненныхъ не пришли сюда въ эту ночь. Одинъ чудакъ, генералъ Орѣшинъ, стоялъ за клиросомъ.

Генералъ, повидимому, былъ очень радъ, что Петя пришелъ къ заутрени; Саша тоже обрадовалась. Петя похристосовался съ генераломъ и поцѣловался съ Сашей.

— Ну, такъ ко мнѣ заверните послѣ ранней обѣдни; дождемся пасхи и разговѣемся, сказалъ Орѣшинъ.

— Непремѣнно зайду, сказалъ Петя. — Благодарю покорно...

— Ахъ, да! Постойте-ка, сказала дѣвочка, достала изъ своего кармана вызолоченное фарфоровое яичко и подала его Петѣ.

Петя положилъ его себѣ на ладонь, поглядѣлъ на него, усмѣхнулся и спряталъ къ себѣ въ боковой карманъ.

— А отчего бабушка не пришла? спросила Саша.

— Не знаю. Я раньше ея ушелъ.

ГЛАВА XLV.

Петя не безъ удовольствія разговѣлся у Орѣшина.

До трехъ часовъ утра сидѣлъ онъ за столомъ, на которомъ, кромѣ пасхи, кулича, чаю и кофе, было наставлено столько всякихъ издѣлій кухни, колбасной и сыроварни, что Петѣ казалось—и въ двѣ недѣли невозможно все это съѣсть,

Digitized by Google

да еще такому тщедушному хозяину и такой маленькой дѣвочкѣ, какъ Саша.

За столомъ сидѣло пятеро: самъ хозяинъ, Аполонъ Карповичъ, во фракѣ и въ орденѣ поверхъ бѣлаго галстуха, племянникъ его, Спичевскій, Саша, какой-то гость, которому хозяинъ говорилъ «ты», изрѣдка называя Михаиломъ Ивановичемъ, и Петя.

Спичевскій вошелъ позднѣе всѣхъ и тотчасъ-же увѣрилъ дядю, что онъ былъ у Исакія, что тамъ чуть было его не задавили, но что пѣвчіе пѣли превосходно. Онъ былъ одѣтъ франтомъ, но вовсе не по-праздничному: на немъ была лѣтняя рубашка съ цвѣтными каемками на груди и воротничкѣ, охваченномъ чернымъ узенькимъ галстучкомъ. Русые волосы были завиты, баки расчесаны; круглая шляпа лоснилась, и онъ, пока не сѣлъ за столъ, все время, стоя, гладилъ ее сгибомъ руки или, лучше сказать, рукавомъ своимъ.

Петѣ онъ протянулъ только два пальца и сказалъ: «съ праздникомъ»!

Саша скоро встала изъ-за стола, поблагодарила старика за какой-то подарокъ, поцѣловала его и ушла спать.

Гость, очевидно, былъ помѣщикъ изъ провинціи. Онъ съ большимъ апетитомъ ѣлъ и выпивалъ и, выставивъ впередъ плоское, съ маленькими тускло-сѣрыми глазками, лице свое, увѣрялъ генерала, что онъ хочетъ навсегда проститься съ провинціей, потому-де, что въ провинціи жить нельзя.

— Нельзя, нельзя, нельзя! говорилъ онъ, нѣсколько горячась и шепелявя.—Такіе порядки, что нѣтъ силъ человѣческихъ выносить! Ничего нѣтъ: ни правды, ни простоты отношеній, ни веселости, ни приволья, ни даже пресловутой деревенской свободы. Деревенская свобода—это уже анахронизмъ. Это слово должно, такъ-сказать, отойти въ область исторіи или въ область мифа. Вотъ ты собираешься въ деревню и вотъ ты увидишь. Ты двухъ недѣль не проживешь!

— Пу-у-стяки! говорилъ Орѣшинъ.

Digitized by Google

— Если ты пойдешь въ сосѣдній лѣсъ грибы искать или собирать ягоды — берегись, ты можешь попасться и тебя оштрафуютъ. Если ты наймешь рабочаго и онъ нагрубитъ тебѣ,—тоже берегись. Если ты его выгонишь въ зашей, — онъ затѣетъ съ тобою цѣлую исторію, и ты-же останешься въ дуракахъ.

— Ну, вотъ еще... исторію!.. Зачѣмъ я буду выгонять его въ зашей?.. Просто откажу ему.

— Ну, и онъ будетъ очень радъ, если ты ему откажешь: онъ пропадетъ съ твоимъ задаткомъ, а ты останешься безъ денегъ и безъ работника.

— Да что мнѣ? У меня все на аренду сдано, все, кромѣ усадьбы. Я если и поѣду, то такъ только, подышать свѣжимъ воздухомъ.

— И этого нѣтъ! Какой такой свѣжій воздухъ у насъ въ деревнѣ? Пруды гніютъ... лѣса вырублены... падаль подъ окнами, никуда не убирается. Отъ старыхъ барскихъ усадебъ пахнетъ... я тебѣ и сказать не могу, чѣмъ пахнетъ... какой-то кислятиной.

И гость сморщилъ носъ свой и скорчилъ такую гримасу, какъ-будто въ эту минуту услыхалъ онъ вонь невыносимую.

Петя, который никогда еще не жилъ ни въ одной русской деревнѣ, который ничего не зналъ, кромѣ петербургскихъ окрестностей, который мечталъ о провинціи, какъ о чемъ-то широкомъ, правильномъ и свободномъ, жадно вслушивался въ рѣчи этого гостя, и ему не вѣрилось...

Скорчивъ гримасу, гость тотчасъ-же запилъ ее глоткомъ лафита и закурилъ сигару...

Петя, видя, что въ окнахъ уже бѣло, всталъ, простился съ хозяиномъ, и на вопросъ его: не надо-ли ему на праздникъ денегъ? пробормоталъ: «не надо», и вышелъ въ переднюю. Вслѣдъ за нимъ, покачиваясь, какъ усталый, вышелъ и Спичевскій.

— Зайдите въ мою келью, сказалъ онъ Петѣ.—Поболта-

Digitized by Google

емъ. Видите, и одръ мой постланъ, но спать что-то не хочется,—днемъ спалъ. Да я и не привыкъ спать ночью. Только свиньи да голуби спятъ по ночамъ... Садитесь. Не хотите-ли папиросочку?

— Не курю.

— Ахъ, да... забылъ... вы не курите! Ну, не хотите-ли со мною выпить чего-нибудь? А?

— Спасибо... я и такъ уже выпилъ... въ головѣ кружится.

— Вотъ вздоръ!.. Сидите.

Спичевскій вышелъ и, дѣйствительно, откуда-то принесъ бутылку портвейну. За нимъ явилась горничная съ подносикомъ и двумя рюмками. Спичевскій переставилъ подносикъ на столъ и, обернувшись, быстро вцѣпился ей въ плечи и сталъ съ ней заигрывать.

— Пустите, прошептала она, усмѣхаясь.

Спичевскій поглядѣлъ ей въ глаза, подмигнулъ ей и поцѣловалъ.

Горничная вырвалась и убѣжала.

— Мы не зѣваемъ, обратился онъ къ Петѣ, весело щуря свои глазки. Петя сконфузился и наотрѣзъ отказался отъ выпивки, какъ тотъ ни стыдилъ его и ни умасливалъ.

— Ну, что, какъ идутъ ваши уроки? принимая солидный видъ, спросилъ его Спичевскій и тотчасъ-же осушилъ рюмку.

— Да такъ себѣ, ничего.

— Говорятъ, что вы скоро будете держать экзаменъ зрѣлости.

— Ну, да, скоро; а что?

— Охота вамъ! Я-бы на вашемъ мѣстѣ давно плюнулъ... Эхъ! Молоды вы, еще ничего не понимаете! Оставьте мертвыхъ хоронить мертвымъ! Развѣ ваша латынь или вашъ греческій языкъ не мертвечина? И намъ отрывать ее, да еще хвастаться: вотъ, дескать, мы какую диковину выкопали. Просто пошлость, рутина или безуміе. Намъ нужно живыхъ людей и живое дѣло.

Digitized by Google

И, закуривши папироску, Спичевскій сѣлъ на диванъ, превращенный въ кровать его, и оперся локтемъ на подушку.

— Какое-же это живое дѣло?

— Э... какое дѣло! Дѣло высшей справедливости.

— Я справедливъ, наивно отвѣчалъ Петя.

— Вы?.. Хороша справедливость! Отбили уроки у нищаго, примазались къ моему превосходительному дядюшкѣ... шляетесь по церквамъ...

— Да вотъ и вы были у Исакія.

— Я!.. Чтобы я пошелъ! Фью! За кого вы меня принимаете?

— Зачѣмъ-же вы соврали? Тоже, знать, хотѣли угодить превосходительному дядюшкѣ?

— У меня съ дядюшкой политика... съ нимъ нельзя безъ политики... Я его знаю... намъ иногда и соврать пользительно... А вы-то что прикидываетесь?.. Ваши семь гривенъ не уйдутъ отъ васъ!.. Вотъ не пьете... я васъ угощаю, а вы не пьете... Пейте!

— Я буду пить, когда пожелаю, а теперь я не желаю.

— Не желаю!.. Эхъ, вы!.. Ну, да Богъ съ вами!.. Вы, кажется, не только суевѣръ, но и старовѣръ.

— Кто, я—старовѣръ? Это почему?

— Да потому, что васъ не тошнитъ отъ этого кладбищенства, отъ всѣхъ этихъ лицемѣрныхъ обрядовъ и церемоній, отъ этого буржуазнаго прозябанія, отъ этой протухлой благонамѣренности! Или вы... какъ-бы это выразиться?.. обрѣтаетесь еще въ эпическомъ настроеніи?.. Жизнь еще для васъ—это эпосъ, эпосъ!..

— Не понимаю, что вы хотите сказать.

— Эпосъ вѣдь безъ чудесъ не бываетъ. Что за эпосъ, если все просто обыкновенно, если ничего нѣтъ рыцарскаго или сантиментально-любовнаго?

«Что это онъ городитъ?» подумалъ Петя.

— Васъ еще просвѣтить слѣдуетъ, на реальную дорожку

Digitized by Google

вывести. Пѣтушитесь вы сколько угодно, а вы еще настоящей-то науки... и азбуки не знаете... вотъ что!

Въ этомъ родѣ разговоръ продолжался еще съ полчаса. Въ эти полчаса, отъ безпрестаннаго прикладыванія рюмочки къ румянымъ и сочнымъ губкамъ, Спичевскій посоловѣлъ, и Петя, видя, что молодой человѣкъ начинаетъ говорить дерзости, вышелъ въ переднюю, самъ себѣ надѣлъ шинель и потихоньку вышелъ.

Запереть за нимъ дверь было уже некому: весь домъ, кромѣ Спичевскаго, спалъ мертвымъ сномъ. Былъ уже пятый часъ и было совершенно свѣтло, когда онъ, вернувшись домой, постучался въ кухню и прошелъ въ свою комнату.

Спичевскій-же, раздѣвшись, долго сидѣлъ на матрацѣ и о чемъ-то думалъ, потомъ вдругъ вскочилъ и босикомъ пошелъ бродить по заднимъ комнатамъ; побывалъ и въ кухнѣ, и въ комнаткѣ горничной, и даже заглянулъ въ дверь къ экономкѣ Акулинѣ, которая спала, разинувъ ротъ, какъ акула, и свѣсивъ съ постели руку, бѣлую, какъ воскъ, и толстую, какъ годовалый ошпаренный поросенокъ.

ГЛАВА XLVI.

Однажды,—это было на Святой недѣлѣ,—утромъ около одиннадцати часовъ, Мина Михайловна только что умылась душистымъ мыломъ, вымыла и вытерла себѣ плечи и спину, тончайшей пудрой покрыла шею и лицо свое, расчесала шиньонъ, сплела и шпильками прикрѣпила его къ собственнымъ волосамъ своимъ и, одѣвшись въ модное, вчера только принесенное платье, стояла передъ зеркаломъ и осматривала себя то въ профиль, то прямо, то назадъ загибая свою голову, чтобы видѣть, какъ у ней сзади—все-ли какъ слѣдуетъ, не топорщится-ли правая сторона или не топорщится-ли лѣвая...

Digitized by Google

Оказалось все очень хорошо: нигдѣ ни малѣйшей складочки и все топорщится такъ, какъ слѣдуетъ, не нарушая симетріи и не скрадывая очертаній, достойныхъ рѣзца Кановы.

Она была довольна собой, погодой и своимъ туалетомъ, и при мысли, что, не смотря на то, что ей тридцать лѣтъ съ хвостикомъ, всѣ думаютъ, что ей всего только двадцать три или двадцать пять,—ей стало весело.

Не успѣла еще Мина Михайловна отойти отъ зеркала, какъ вошла къ ней длинная, какъ жердь, кривоносая горничная и доложила, что какая-то дама прошла черезъ заднее крыльцо, спросила—«здѣсь-ли Егоръ Антонычъ»—и желаетъ съ ней переговорить.

— Какая дама, молодая?

— Очень еще молоденькая.

— И хорошо одѣта?

— Очень даже хорошо...

— Ну, позови ее.

Черезъ столовую въ будуаръ вошла Анна Егоровна.

— Простите, начала она,—что рѣшаюсь безпокоить васъ... Я пришла къ вамъ единственно только съ тѣмъ, чтобы съ вами познакомиться и отрекомендоваться вамъ. Я дочь того, кто... ну, да я дочь Егора Антоныча, урожденная Клинъ—Анюта Духова...

— Вы! воскликнула не безъ удовольствія Мина.—И вы первая пришли со мною познакомиться!.. Ахъ, какая вы милая, какая вы добрая! Позвольте мнѣ разцѣловать васъ!..

И Мина обняла Анну и стала цѣловать ее.

Духова никакъ не ожидала подобной встрѣчи. Она думала, что ее примутъ не безъ предубѣжденія, примутъ сухо, даже спросятъ: «что вамъ угодно, сударыня?..» и вдругъ...

— Пойдемте въ мою маленькую гостиную. Извините, что здѣсь еще такъ безпорядочно: я только-что одѣлась... Поздно встала, знаете. . Вашъ папа вчера былъ въ духѣ, очень много игралъ... и съ нимъ было одно очень важное лицо и

Digitized by Google

были дамы — кое-кто; словомъ, было очень пріятно, и какъ жаль, что васъ не было... Какъ это вашъ папа до сихъ поръ меня съ вами не познакомилъ!..

Это восклицаніе окончательно подкупило Анну, хотя все еще внутри ея шевелился бѣсъ недовѣрія: дескать, не хитритъ-ли эта продувная Тютина? Что-то ужь очень лиситъ... Ну, чего ей радоваться?..

— Снимите вашу шляпку. Будьте, пожалуйста, какъ дома. Не хотите-ли чаю? Я сейчасъ распоряжусь... Какой бѣлый хлѣбъ вы лучше любите? Не хотите-ли калача, а то у меня сухари...

— О, мнѣ все равно, Мина Михайловна!

Анна не сняла своей шляпки и, пока Мина Михайловна побѣжала распорядиться, чтобы ей подали чай въ гостиную, разглядывала стѣны, зеркала, мебель и бездну дорогихъ безделушекъ, разставленныхъ по этажеркамъ, висячимъ полкамъ и высокимъ, круглымъ столикамъ.

«Да какъ она богато живетъ!.. Какой дорогой штофъ вездѣ! Ну, не дура-ли, что выходитъ замужъ, имѣя средства, и за кого-же! Фу!..» думала про себя озадаченная Анна. Щеки ея пылали, головка работала; она соображала, какъ ей приступить къ дѣлу: мѣшать-ли ей выйти замужъ или, напротивъ, послѣ такой встрѣчи не попробовать-ли прибѣгнуть къ ея покровительству.

— А вы знаете моего брата, Петю? спросила Анна свою будущую мачиху, едва та успѣла вернуться съ небольшой салфеткой, вытканной красными цвѣтами, и постлать ее на столикъ посреди золоченыхъ стульевъ и креселъ.

— О, да, я съ нимъ познакомилась; премилый и преумный мальчикъ... немного робокъ, и сейчасъ видно, что не привыкъ еще къ женскому обществу.

— Онъ вамъ не надоѣлъ?

— Кто?.. Помилуйте!..

— И вамъ ничего мой папа не говорилъ обо мнѣ?

Digitized by Google

— О васъ... Знаете что, милая Анна Егоровна: вообще пожилые женихи... потому что все-таки надо правду сказать, вашъ папа далеко уже не первой молодости... (Мина прищурилась и оскалила свои перловые зубки)—пожилые женихи никогда не любятъ говорить о своихъ дѣтяхъ, если только эти дѣти — не вотъ эдакіе пузырчики, а такіе, что и сами способны имѣть дѣтей... У васъ еще нѣтъ дѣтей?

— Я... я еще недавно замужемъ, и года нѣтъ.

— Ахъ, да! Знаю. И счастливица вы: по любви вышли замужъ... Не всѣмъ это удается!

— Но, Боже мой, мой бракъ—это самый неудачный, самый печальный бракъ! печально опустивъ глаза, тихимъ голосомъ проговорила Анна.

— Печальный! Почему-же?

— Во-первыхъ, потому, что я должна была обвѣнчаться тайно... Папа не позволялъ мнѣ выходить замужъ, вообще ни за кого не хотѣлъ выдавать меня. Во-вторыхъ, папа на меня разсердился и лишилъ меня моего приданаго и ни копейки я отъ него не получила.

— Неужели?! удивилась Мина, и удивилась совершенно искренно.

— Да, Мина Михайловна, не далъ. И такъ намъ теперь тяжело... вы представить себѣ не можете!

— Если онъ ничего вамъ не далъ, то это еще не значитъ, что онъ лишилъ васъ денегъ или приданаго; онъ, можетъ быть, просто хочетъ для васъ приберечь.

— Нѣтъ, нѣтъ, Мина Михайловна!

«А что, подумала про себя Анна, — не начать-ли мнѣ описывать своего батюшку, да такъ, чтобы ее покоробило... или промолчать? Она, чего добраго, и не пойдетъ за него, какъ узнаетъ, что онъ скряга и самаго тяжелаго характера!.. А лучше-ли мнѣ будетъ, если не пойдетъ? Можетъ быть, въ этой вѣтреницѣ я найду себѣ союзницу? Можетъ быть, она-то именно и поможетъ мнѣ?»

Digitized by Google

— Нѣтъ, Мина Михайловна; отецъ мой простилъ меня, но на словахъ, а въ душѣ онъ такъ-же ненавидитъ меня, какъ и прежде... Онъ никогда мнѣ ничего не дастъ, тогда какъ, повѣрьте мнѣ, ему ничего-бы не стоило дать мнѣ какихъ-нибудь... ну, хоть десять тысячъ. А мужъ мой—ученый человѣкъ, во всемъ Петербургѣ извѣстный педагогъ, и будь у насъ деньги, мы-бы открыли частный пансіонъ и были-бы обезпечены.

— Какой частный пансіонъ, для дѣвочекъ или для мальчиковъ?

— Для мальчиковъ.

— Ахъ, откройте лучше для дѣвочекъ... право, это гораздо, гораздо интереснѣе.

— Для мальчиковъ, готовящихся въ лицей или въ гимназію—это гораздо выгоднѣе, Мина Михайловна!

— И все-таки лучше для дѣвочекъ...

— Да почему-же?

— Да ужь такъ! Это я вамъ говорю по опыту.

По какому такому опыту она это говорила, она и сама не знала; но спорить, противорѣчить — это было чѣмъ-то вродѣ особеннаго для нея удовольствія.

— Ну, хорошо... я съ вами согласна, Мина Михайловна, надумалась Анна,—но...

— А деньги всегда можно достать.

— Нигдѣ вы не достанете... нигдѣ! Никто не дастъ.

— О, деньги—это пустяки!.. На это не Богъ знаетъ сколько нужно... Честное слово, что я, если захочу, достану и денегъ, и все, и все.

— Если занимать... то вы знаете, какіе теперь деруть проценты... самые жидовскіе.

— О, объ этомъ не безпокойтесь!.. Будетъ у васъ пансіонъ, будутъ мальчики... или, все равно, дѣвочки... и будутъ деньги... Это ужь я вамъ ручаюсь!..

— Вы... можетъ быть, попросите моего папа помочь намъ.

Digitized by Google

— Извольте, попрошу; только вы меня научите, какъ мнѣ просить за васъ. Вы лучше меня его знаете...

— Ахъ, я-бы знала, какъ попросить!

— Какъ-же... ну, какъ-же, душа моя?

— Да просто я-бы сказала, что... «исполните прежде вашъ долгъ по отношенію вашей дочери, а уже потомъ и женитесь. Раньше я за васъ не выйду».

Мина Михайловна всплеснула руками.

— Такъ и сказать?!.

— Такъ-бы... я сказала...

Мина задумалась.

— Да такъ никакъ нельзя сказать... никоимъ образомъ!.. Онъ подумаетъ, что я косвенно читаю ему наставленія, упрекаю его или, что еще хуже, нарочно придираюсь... Ахъ, онъ просто взбѣсится... Такъ розозлится, что ужасъ... Вы представить себѣ не можете, какъ я не люблю, когда онъ сердится!.. Нѣтъ, этакъ никакъ нельзя, душа моя! Это надо какъ-нибудь иначе... Я просто этакъ спрошу его: «Егоръ, а сколько ты денегъ далъ въ приданое за своей дочкой?.. Что онъ на это скажетъ!»..

— Что онъ скажетъ? разсердилась Анна.—Онъ скажетъ: а ничего!.. Что вы на это скажете?.. Или скажетъ: я сто тысячъ далъ. Что вы на это отвѣтите?

— Ну, онъ не станетъ меня обманывать... И я прямо скажу ему... Но вотъ и чай уже готовъ... кушайте... Я ему скажу... Довольно-ли я вамъ положила сахару?..

— Довольно... благодарю васъ.

— Гдѣ вы заказывали вашу шляпку?

— Не знаю... мужъ купилъ въ Пасажѣ... да мнѣ и не до шляпокъ, милая Мина Михайловна!

— Нѣтъ, какъ можно... шляпка, сдѣланная со вкусомъ, или шляпка безъ всякаго вкуса—это небо и земля!.. Нѣтъ, это не все равно...

И болтали онѣ совсѣмъ не о томъ, о чемъ хотѣлось-бы

Digitized by Google

болтать Аннѣ Егоровнѣ. Обѣ онѣ пили чай, и Мина Михайловна, казалось, была совершенно довольна своей будущей падчерицей.

— Ахъ, уже второй часъ!.. Что, если меня застанетъ здѣсь мой папа?..

— Ну что-же?.. Я думаю, онъ будетъ очень радъ, что я съ вами познакомилась.

— Да, если вы меня примирите съ нимъ, если онъ опять будетъ смотрѣть на меня, какъ на родную дочь, а не какъ на какую-то ему совершенно постороннюю, чужую женщину; если вы будете на моей сторонѣ, примете меня подъ свое покровительство... О, тогда я буду спокойна!

— Тогда вы будете спокойны?

— И буду вѣчно благодарить васъ!

— Хорошо... постараюсь... насколько силъ моихъ хватитъ,—постараюсь.

— А что, если у васъ будутъ свои дѣти и вы совершенно меня забудете?

— Никогда дѣтей отъ меня не будетъ, не безпокойтесь... Есть у меня одна дѣвочка—съ меня и этой довольно, и съ ней еще возни будетъ не мало... Хотите, пойдемте, я васъ познакомлю съ моей Ксеніей.

И она встала и пошла, но по дорогѣ, въ темной нишѣ, отдѣляющей спальню отъ столовой, Мина Михайловна остановилась, отворила шкафъ и стала показывать Аннѣ гардеробъ свой, всѣ свои новыя шляпки и платья. Потомъ вынула нѣсколько платьевъ, изъ которыхъ одно было черное атласное съ пунцовой отдѣлкой, другое съ кружевами, и сказала Аннѣ:

— Надѣюсь, Анна Егоровна, вы возьмете себѣ всѣ эти тряпки; вамъ онѣ на что-нибудь пригодятся, да и передѣлать ихъ ничего не стоитъ, онѣ почти что совершенно новыя.

«Принимать или не принимать? подумала про себя Анна.— Если не принять—чего добраго, она обидится, а если при-

Digitized by Google

нять—ей покажется, что я съ тѣмъ и пришла, чтобъ получить отъ нея какую нибудь подачку»...

— Послѣ, послѣ, милая моя Мина Михайловна! Я не отказываюсь, мнѣ не совѣстно принимать отъ васъ что-бы то ни было, такъ-какъ вы такая добрая... хотите замѣнить мнѣ родную мать; мнѣ не совѣстно, но ради Бога не теперь... Почему я знаю, насколько серьезны намѣренія моего отца или ваши намѣренія...

— О, очень серьезны... На Фоминой недѣлѣ мы переѣзжаемъ и свадьба наша не за горами... не церемоньтесь, милая!

Анна колебалась; ее соблазняли кружева, атласъ и ленты... но въ это время въ передней послышался звонокъ. Анна вздрогнула и сказала Минѣ Михайловнѣ задыхающимся голосомъ:

— Ахъ, ради Бога! Я не хочу, чтобъ здѣсь видѣлъ меня отецъ мой!.. Позвольте мнѣ проститься съ вами... И я... опять пройду черезъ кухню, если позволите... Прощайте, прощайте!

И она быстро прошла въ кухню, надѣла тамъ свой салопчикъ и, всунувъ въ руки кухарки двугривенный, быстро сбѣжала съ задней лѣстницы.

«Вотъ и отговорила! подумала она, выйдя на улицу и оглядываясь... Шла на ножи и—подружилась; хотѣла напугать ее и—отдалась сама подъ ея покровительство, сама назвала ее своей будущей матерью!.. Ахъ, какой случай я упустила! Боже мой! Съ какимъ довѣріемъ она-бы меня выслушала!.. И я-бы спасла ее!.. Она добрая женщина, по всему видно, что добрая!.. И спасла-бы себя, спасла-бы брата отъ мачихи!.. Боже мой!.. Не по любви-же она выходитъ!.. Какъ легко, какъ легко мнѣ было сказать ей: онъ тиранъ, онъ скряга, онъ, какъ съ поломойкой, обращался съ моей матерью... И этимъ я все-бы разстроила!.. Боже мой! Боже мой!»...

Digitized by Google

Плохо, однакожъ, разсуждала Анна, заключая, что если женщина выходитъ замужъ не по любви, то легче разстроить ея свадьбу!.. Нисколько не легче. Женскій разсчетъ также самоувѣренъ, и не хуже страсти воображаетъ, что онъ все ясно видитъ и никогда не ошибается...

ГЛАВА XLVII.

Въ одно прекрасное утро, какъ кажется, въ воскресенье, наканунѣ чистаго понедѣльника, старый Клинъ вошелъ къ Петѣ въ комнату и сказалъ: «Укладывайся; мы завтра переѣзжаемъ!»

Лицо старика было нѣсколько озабочено, но, несмотря на ранній часъ, онъ былъ уже въ сюртукѣ военнаго покроя, съ анненскимъ крестомъ на шеѣ; усы, недавно имъ отпущенные, изображали изъ себя что-то вродѣ щетки; но за то щеки и подбородокъ такъ были выбриты, что лоснились.

— Хорошо... уберусь...

Вотъ все, что въ отвѣтъ ему пробурчалъ Петя, и недовѣрчиво, искоса поглядѣлъ въ лицо своего какъ бы помолодѣвшаго родителя. Ему не вѣрилось... Никакъ не ожидалъ онъ, что такъ скоро покинетъ гнѣздо свое, съ дѣтства имъ насиженное, и мысль, что скоро, не нынче—завтра, онъ очутится подъ надзоромъ мачихи, промелькнула въ головѣ его. Онъ уже не боялся этой мачихи, онъ зналъ ее, онъ уже составилъ о ней свое мнѣніе, но, какъ гордый, честный юноша, почему-то презиралъ ее.—«Ей дали деньги за сожительство, съ тѣмъ, чтобы отъ нея отдѣлаться, и она выходитъ замужъ за моего батюшку потому, что, какъ оказывается, у него деньги есть... Какая, должно быть, продажная тварь!.. И я долженъ буду цѣловать ея ручки и называть ее матерью!..»

Вотъ что думалъ не разъ Петя даже въ такія минуты, когда онъ сидѣлъ надъ своими задачами и старался ни о чемъ не думать.

Digitized by Google

Оставшись одинъ, онъ окинулъ глазами столъ свой, заваленный тетрадями и лексиконами, шкафчикъ съ книгами, запыленный глобусъ и все, что было повѣшено на стѣнахъ, отъ гимназической сумки до бычачьихъ пузырей включительно. «Какъ же я уберусь? подумалъ онъ.—Мнѣ нужны веревки, мнѣ нуженъ ящикъ; или онъ, получая казенную квартиру, думаетъ, что я куплю себѣ все это на свои собственныя, трудовыя деньги? Дудки!»

Петя всталъ и пошелъ въ кухню. Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ своей домашней жизни онъ нерѣдко совѣтовался съ Маврой: онъ чувствовалъ, что въ этой старой, запачканной сажею и не всегда опрятной старухѣ, по отношенію къ нему, немало того чувства, которое въ матери называлось-бы материнскимъ чувствомъ и которое въ посторонней женщинѣ называется просто привязанностью, глубокой и неизмѣнной. Онъ сознавалъ, что, не люби его эта старуха или не уживись она съ отцемъ его, жизнь его была-бы гораздо глуше и сиротливѣе.

Мавра сидѣла на скамьѣ, задомъ къ окну, облокотясь на столъ и понуривъ повязанную платкомъ сѣдую голову. При входѣ Пети она подняла на него сморщенные глазки и оскалила зубъ свой.

— Ну, дитятко!.. прохрипѣла она. — Прощай!.. Въ отставку выхожу...

— Какъ?..

— Да такъ... соколъ ты мой ясный! Выгоняютъ. Али тебѣ жаль меня?.. А?..

— Я, Мавра, вовсе не хочу съ тобой разставаться... Отчего-же ты уходишь?.. Теперь-то ты и нужна...

— Нужна!.. Ишь что выдумалъ! Какъ-будто безъ меня и прислуги нѣтъ... много на свѣтѣ кухарокъ-то, не я одна, слава тебѣ Господи!

— Да куда-же тебѣ уходить?

— Да куда!.. Куда Богъ велитъ... Скатертью дорога во

Digitized by Google

всѣ стороны... Хоть на тройкѣ съ бубенчиками... Куда!.. Можетъ быть, генералъ Орѣшинъ на время пріютитъ... въ нянюшки къ внучкѣ возьметъ, а не то такъ и того... побираться стану—нищихъ Богъ любитъ, и въ писаніи говорится: «блаженни нищіе...» Что мнѣ!.. Кабы не было тебя жаль, мнѣ-бы и горюшка мало... Все одно помирать-то: въ барскихъ хоромахъ или на улицѣ,—нигдѣ душа человѣческая не пропадетъ.

— Да что это тебѣ вздумалось?

— Да это не мнѣ вздумалось...—И старуха еще пуще оскалила желтый зубъ свой, окруженный темными впадинами, точно засмѣялась, точно ей было, особенно въ эту минуту, весело видѣть недоумѣніе Пети и понимать, что онъ тоже немножко привязанъ къ ней.—Баринъ нашъ сейчасъ тутъ былъ. «Ну, говоритъ, и ты убирайся: у невѣсты моей другая кухарка нанята и горничная есть, нечего тебѣ напрасно перекочевывать, а мы завтра, говоритъ, переѣзжаемъ. Ищи, говоритъ, себѣ мѣсто, да не будь дура, говоритъ, меньше шести, семи рублей не бери». Вотъ какъ! Въ семь рублей меня оцѣниваютъ, весело морщась и какъ-бы подмигивая, договорила старуха.

У ней часто было именно такое сморщенно-веселое лицо, когда ей было особенно тяжело или грустно. Это было не притворство, это было тайное, безсознательное нежеланіе съ кѣмъ-либо дѣлиться своимъ горемъ или кого-либо заставить о себѣ жалѣть, нежеланіе, вытекающее изъ той необычайной доброты, которая заставила всѣхъ, жившихъ на дворѣ, знать ее и заходить къ ней часто безъ всякой нужды, такъ, ради того только, чтобы поболтать съ ней.

Петя сказалъ Маврѣ, что сегодня-же, какъ пойдетъ онъ къ Орѣшину, зайдетъ къ нему въ кабинетъ и будетъ просить его принять ее, что онъ ее не забудетъ, и гдѣ-бы она ни жила, непремѣнно будетъ навѣщать и помогать ей.

— Вотъ, добавилъ онъ,—возьми отъ меня два рубля, можетъ быть тебѣ нужно.

Digitized by Google

— Не обижай ты себя, сдѣлай такую милость. Не давай!.. Не возьму. Ишь ты какой ловкій! Точно богачъ какой—Шереметьевъ графъ, иль князь какой! Не возьму.

— А дома отецъ?

— Фью! хотѣла свистнуть Мавра, хотя изъ усть ея и не вышло никакого свиста, а какое-то шипѣніе.—Куда дома! Сказалъ, что уходить, вѣрно къ невѣстѣ своей полетѣлъ; пойду, за нимъ дверь запру.

— Не ходи! Я самъ пойду.

И Петя выскочилъ изъ кухни и побѣжалъ черезъ коридоръ въ столовую.

Отца своего, Егора Антоновича, онъ засталъ уже въ шинели, съ фуражкой на головѣ и въ замшевой бѣлой перчаткѣ, натянутой на лѣвую руку. Онъ глядѣлъ въ окно или, лучше сказать, въ ворота, къ которымъ, огибая рѣшетку маленькаго палисадника, шла дорожка по двору. Старикъ, очевидно, кого-то поджидалъ. Широкоплечій и сутулый, сзади онъ представлялъ изъ себя массу чего-то сѣраго—въ сѣромъ суконѣ, съ сѣрымъ затылкомъ въ околышѣ, изъ-подъ котораго торчали красныя уши, тѣ самыя уши, которыя во дни его юности онъ самъ и нѣкоторыя молоденькія дамочки называли музыкальными.

— Ты уходишь? спросилъ его Петя, видя, что старый Клинъ не поворачиваетъ къ нему головы своей.

— Сейчасъ за мной заѣдутъ, сказалъ онъ.

— А мнѣ для укладки нужны ящики, гдѣ я ихъ возьму?

— Купи.

— Дай денегъ.

Клинъ оглянулся и, не говоря ни слова, опустилъ руку въ карманъ брюкъ, досталъ и подалъ ему двугривенный.

Петя, тоже не говоря ни слова, взялъ двугривенный и подержалъ его на своей ладони.

— Запри за мной дверь, я сейчасъ выйду, и никуда не смѣй выходить изъ дому.

Digitized by Google

Петя заперъ за нимъ дверь, и сѣрая фигура, съ краснымъ околышемъ вокругъ головы, откашливаясь, пошла за ворота дожидаться Мины Михайловны, которая хотѣла заѣхать за Клиномъ и которой онъ почему-то не желалъ показывать своей квартиры.

А Мина Михайловна уже перевезла на новую квартиру свою роскошную мебель, которой оказалось слишкомъ мало, судя по размѣрамъ новыхъ казенныхъ хоромъ, и писала жениху своему, что она за нимъ заѣдетъ въ воскресенье, ровно въ одиннадцать часовъ утра, осмотрѣть, что у него есть, и поѣдетъ съ нимъ на новую квартиру совѣтоваться, что ей дѣлать, чтобы какъ можно лучше, т. е. эфектнѣе устроить свое новое обиталище.

ГЛАВА XLVIII.

На другой день, изъ однихъ воротъ, выходящихъ на 15-ю линію Васильевскаго острова, выѣхали три воза, нагруженные мебелью, и направились къ Николаевскому мосту, вдоль по набережной. Затѣмъ изъ тѣхъ-же воротъ выѣхала двухмѣстная извощичья карета и вышла старуха, которая, остановившись на тротуарѣ, приложила руку ко лбу въ видѣ козырька, такъ какъ холодное солнце било ей прямо въ лицо и мѣшало ей глядѣть за удаляющимся экипажемъ.

Старуха эта была Мавра.

Въ каретѣ сидѣли Клинъ и сынъ его Петя. На колѣняхъ Клина стояла шкатулка въ темно-зеленомъ изъ грубаго сукна чехлѣ съ завязками; за спиной его былъ портфель съ бумагами. На колѣняхъ Пети лежала его сумка съ книгами и тетрадями. Оба молчали. Клинъ щурилъ глаза, поглядывая въ окно. Петя поглядывалъ на здоровыя, мускулистыя, съ короткими пальцами и выпуклыми ногтями руки, которыя придерживали шкатулку (гдѣ таилась, быть можетъ, не одна тысяча). Юноша былъ блѣденъ, и черная мгла стояла въ глазахъ его.

Digitized by Google

Между прочими чувствами, въ это утро два чувства, два сожалѣнія, какъ раскаяніе, жгли его душу: сожалѣніе, что отецъ ничѣмъ не вознаградилъ Мавру за ея долгую и вѣрную службу, за то, что впродолженіи десяти лѣтъ она не только стряпала, но и служила ему вмѣсто камердинера, чуть-ли не каждый вечеръ стаскивала съ ногъ его сапоги и брюки, и сожалѣніе, что наканунѣ отъѣзда онъ забылъ зайти къ сосѣду-переплетчику, взять у него книги, заплатить за нихъ и во что-бы то ни стало постараться увидѣться съ сыномъ его Кириломъ и допросить его, за кого онъ его считаетъ и почему такъ дурно о немъ думаетъ?

«Это я еще успѣю, думалъ Петя;—еще хорошо, что поговорилъ съ Орѣшинымъ и тотъ согласился дать Маврѣ уголъ въ своей квартирѣ до поры, до времени».

У одного высокаго дома, у сквозныхъ воротъ со сводами, извощикъ пріостановился; но Клинъ постучалъ пальцемъ въ переднее стекло и велѣлъ ему въѣзжать въ ворота.

— Ну, теперь ты знаешь, гдѣ? спросилъ Клинъ Петю, всходя съ нимъ по каменной, съ потертыми ступеньками лѣстницѣ.— На самомъ верху, направо. Позвони, когда вернешься. Теперь ступай.

Петя закинулъ на спину свою сумку и пошелъ въ гимназію.

Клинъ позвонилъ. Деньщикъ, вродѣ департаментскаго сторожа или отставного солдата, невысокій, худой и лысый, но за то съ огромными желтыми усищами, отперъ ему дверь и впустилъ его.

Нечего разсказывать о томъ, какъ пріѣхала старая мебель Клина и какъ расположилась она по комнатамъ въ перемежку съ дорогой золоченой мебелью Мины Михайловны и кое-какой казенной, оставшейся при квартирѣ; какъ хлопоталъ Клинъ, какъ онъ кричалъ на обойщика, какъ онъ ходилъ изъ комнаты въ комнату съ видомъ хозяина, давно уже освоившагося съ своимъ новымъ мѣстопребываніемъ, какъ при

Digitized by Google

немъ уставили его бюро, какъ онъ заперъ въ немъ свою шкатулку и какъ потомъ на столѣ разложилъ онъ свой портфель и, стоя у окна, сталъ читать бумаги.

Боже мой, какъ въ эту минуту онъ былъ похожъ на генерала или на администратора! Не даромъ деньщикъ, вытянувшись въ дверяхъ, спросилъ его:

— Не будетъ-ли какого приказанія, ваше превосходительство?

Воротившись къ обѣду изъ гимназіи, Петя позвонилъ. Въ передней встрѣтилъ его деньщикъ. Петя поглядѣлъ на его худощавую, выпяченную впередъ грудь съ медалями на сукнѣ, на его желтые, пушистые усы и хотѣлъ было пройти мимо, но деньщикъ пробормоталъ хрипло-дрожащимъ голосомъ:

— Съ новосельемъ честь имѣю поздравить, ваше благородіе.

— Поздравлялъ отца? спросилъ Петя.

— Поздравлялъ, ваше благородіе.

— Получилъ отъ него на водку?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Какъ тебя зовутъ?

— Михѣемъ.

— А по-батюшкѣ?

У Михѣя затряслась нижняя губа и глаза засмѣялись. Ему показалось очень смѣшно, что барченокъ хочетъ узнать, какъ его зовутъ по-батюшкѣ.

— Хе, хе, хе... Иванычемъ, ваше благородіе.

— Покажи мнѣ, Михѣй Ивановичъ, гдѣ мои вещи и гдѣ моя комната.

— Пожалуйте-съ.

Петя прошелся по старому паркету высокихъ, еще при Александрѣ I выстроенныхъ хоромъ, удивился, потрогалъ золоченыя кресельца Мины, поглядѣлъ на себя въ зеркало, поглядѣлъ на драпри и гардины.

«Ого, подумалъ онъ,—вотъ мы какъ!»

Digitized by Google

Проходя черезъ рядъ комнатъ, гдѣ еще лазили по складной лѣстницѣ и стучали молотками обойщики, Петя прошелъ въ довольно просторную, квадратную комнату съ окнами на дворъ, съ клеенчатымъ диваномъ и высокимъ деревяннымъ шкафомъ вродѣ тѣхъ, которыми уставлены стѣны нашихъ архивовъ, съ зеленоватыми стеклами въ широкихъ, толстыхъ рамахъ, съ маленькимъ отверстіемъ для ключика и со слѣдами сургуча или печатей на дверцахъ. Тутъ же нашелъ онъ и ящикъ, купленный Маврою за пятнадцать копѣекъ въ свѣчной лавкѣ (изъ-подъ сальныхъ свѣчей) и наполненный его немноготомной ученической библіотекой.

Въ эту комнату солнце, казалось, никогда не заглядывало; воздухъ пахнулъ пылью, стѣны казались сѣрыми, стекла въ окнѣ непромытыми.

— Гдѣ же мой отецъ? спросилъ Петя Михѣя, который, очевидно, въ надеждѣ получить гривенникъ на водку, хлопоталъ надъ его ящикомъ.

— Не могу знать-съ. Ничего-съ не изволили сказывать.

— А гдѣ же мы будемъ обѣдать?

— Онять-таки-съ не могу знать, ваше благородіе. Ничего, какъ есть ничего не изволили сказать, а ушли-съ.

Петя, голодный, какъ волкъ въ январѣ, опять пошелъ бродить по новой квартирѣ, чтобы изучить отъ нечего дѣлать всѣ углы и закоулки. Пройдя маленькій коридорчикъ, онъ пріотворилъ одну дверь и—испугался. Онъ вдругъ увидѣлъ въ креслахъ сидящую молоденькую, очень еще молоденькую дѣвушку, блондинку съ распущенными волосами, бѣленькую, точно фарфоровую, и, какъ ему показалось, скрестившую пальчики на груди и вздрогнувшую въ ту минуту, когда онъ заглянулъ въ эту комнату. Какъ была убрана эта комната, что въ ней было, Петя ничего не замѣтилъ. Только впечатлѣніе какой-то пестроты осталось въ глазахъ его. Притворивъ дверь, онъ тотчасъ-же бросился искать Михѣя.

— Михѣй!

Digitized by Google

— Чего изволите?

— Кто тамъ, въ этой комнаткѣ, что около моей, направо?

— Это мамзель-съ. Вчера она *сама* изволила пріѣзжать и убрала ея комнату. Сегодня *сами* ее изволили завезти; горничная при ней-съ... не знаю, куда ушла. Должно быть, дочка ихняя-съ. Хе, хе, хе!

— Чья дочка?

— Да этой самой-съ, на комъ папенька-то вашъ женится.

— Ахъ, да! Помню. Да, у ней есть дочь, нахмурившись, проговорилъ Петя.—Я къ ней не войду. Поди узнай, Михѣй Ивановичъ, готовятъ что нибудь на кухнѣ? Смертельно, братъ, ѣсть хочется.

— Да ничего не готовятъ-съ... хе, хе! Только сегодня посуду привезли. Вотъ только развѣ самоварчикъ, если прикажете?

Петя задумался.

— Да гдѣ же она сама? Вѣдь это ея мебель?

— Не знаю-съ. Сказывали, она въ гостинницу переѣхала, невѣста-то, а впрочемъ, не могу знать, ваше благородіе.

— Не говори ты мнѣ, пожалуйста, «ваше благородіе». Не привыкъ я, понимаешь ты, не привыкъ! съ досадой въ голосѣ проговорилъ Петя и чуть не засмѣялся, взглянувъ на Михѣя: такая у него была озадаченная физіономія, точно ему вдругъ неожиданно, ни съ того, ни съ сего запретили усы носить.—Я сейчасъ уйду, Михѣй Ивановичъ: надо же гдѣ нибудь закусить.

— Это точно, пробурчалъ Михѣй.

И Петя, котораго голодъ и присутствіе незнакомой ему дѣвушки гнали изъ этихъ большихъ, еще жизнью непригрѣтыхъ комнатъ, торопливо вышелъ въ переднюю, сдернулъ съ вѣшалки кепи, набросилъ на себя старую, сѣрую шинельку и—былъ таковъ.

Михѣй, который все еще казался озадаченнымъ, поглядѣлъ вслѣдъ за исчезнувшимъ Петею, моргнулъ усами, гла-

Digitized by Google

зами и всѣми морщинами своего высоко-закатистаго лба, и затѣмъ все кукольно-солдатское, маленькое лицо его, въ особенности зрачки, изобразили собой какое-то тоскливое недоумѣніе, точно хотѣли сказать: Господи Боже мой! И этотъ ничего. Хотя-бы гривенничекъ!..

ГЛАВА XLIX.

Послѣ переѣзда, Клинъ и Мина Михайловна не замедлили обвѣнчаться... но...

Нужно и о свадьбѣ ихъ сказать хоть что-нибудь, такъ-какъ мы въ нашемъ незамысловатомъ романѣ ничего пропускать не намѣрены.

Передъ свадьбою своей, имѣя въ виду перевезти свою мебель и уставить ее на казенной квартирѣ Егора Антоныча, Мина Михайловна вспомнила свою двоюродную тетушку, Маргариту Поль, которая когда-то содержала меблированныя комнаты и когда-то ухаживала за ней, бѣжавшею изъ родительскаго дома, беременною барышней,—вспомнила, въ надеждѣ сдѣлать ей сюрпизъ—поселиться у ней до свадьбы; но Мина, при помощи адреснаго стола, нашла старуху гдѣ-то на Выборгской сторонѣ, въ страшной нуждѣ и на одрѣ болѣзни, помогла ей деньгами, задумалась надъ превратностью судебъ человѣческихъ — и уѣхала. Оставалось одно — поселиться въ номерахъ, гдѣ жила Леконида, Ксенію съ горничной препроводить на новую квартиру и дать ей денегъ на обѣды, приносимые въ судкахъ изъ ближайшаго ресторана. При этомъ надо замѣтить, что та долговязая, кривая горничная, которой скупость Клина казалась чѣмъ-то вродѣ злодѣянія, ни за что не хотѣла оставаться, потребовала увеличенія жалованья съ восьми рублей на двѣнадцать, и отошла. У Мины появилась другая горничная, Дуня, очень молоденькая, недурная собой и на первыхъ порахъ очень услужливая и проворная дѣвушка. Кухарка, шведка изъ Выборга, не

Digitized by Google

раньше затопила плиту, какъ всѣ ея сундуки были перевезены и вся кухня Клина приведена въ порядокъ, т. е. не раньше, какъ на другой день переѣзда ихъ.

Клинъ хоть и морщился, но выдавалъ ей на расходы, и, какъ кажется, очень жалѣлъ въ глубинѣ души своей, что разстался съ Маврой.

Анюта Духова во второй разъ забѣгала къ своей будущей мачихѣ, узнала день, когда будетъ свадьба, спрашивала Мину: будетъ-ли она приглашена или не будетъ?

— Пріѣзжайте безъ приглашенія, сказала ей Мина.— Какъ можно приглашать родную дочь! Вы имѣете полное право на то... чтобъ... вѣдь онъ не запрещалъ вамъ посѣщать его?

— Не запрещалъ, отвѣчала Анна.

— Ну такъ вы даже обязаны... понимаете, душа моя?

Затѣмъ она подарила Аннѣ два платья, цѣлую кучу лентъ, кружевъ и искуственныхъ цвѣтовъ, подарила и браслетъ, не очень дорогой, но приличный, ни однимъ словечкомъ не проболталась о томъ, что думаетъ и говоритъ объ ней отецъ ея, поцѣловала и на прощаньи просила бывать у ней запросто, по-родственному.

Аннѣ все-таки, несмотря на подарки, почему-то показалось, что Мина была гораздо сдержаннѣе съ ней, чѣмъ въ первый разъ, не особенно разсыпалась,—словомъ, была великодушна, но... безъ всякой задушевности.

«Это они, отецъ или братъ, что-нибудь ей на меня наговорили», подумала Анна.

И стала собираться на свадьбу... потребовала отъ мужа лишнихъ денегъ и при помощи Гостинаго двора и портнихъ занялась своимъ туалетомъ; платья Мины она отложила въ сторону и намѣрена была воспользоваться ими въ другомъ мѣстѣ и въ другое время, но цвѣты на этотъ разъ пригодились, такъ-какъ у ней никогда еще не было парижскихъ цвѣтовъ, и по справкамъ оказалось, что они недешевы.

Digitized by Google

Звать Ерошиныхъ Мина Михайловна ѣздила сама; но Ерошина отказалась, сказавъ, что у ней ребенокъ не совсѣмъ здоровъ, и что у ней отъ этого голова кругомъ ходитъ. Самъ-же Ерошинъ такъ-таки наотрѣзъ сказалъ ей: ради Бога, избавьте.

Затѣмъ, когда старый Клинъ засталъ у своей Мины Зуева, Мина отрекомендовала ему гостя и сказала:

— Вотъ ты не зналъ, кого пригласить въ шафера, и не хочешь звать своихъ чиновниковъ. Это старый знакомый Павла Павловича и, надѣюсь, онъ будетъ такъ милъ, что не откажется.

Зуевъ пробурчалъ, что онъ готовъ къ услугамъ.

Клинъ былъ почему-то податливъ и на все согласился.

Затѣмъ Зуевъ привелъ къ Минѣ Михайловнѣ Бекова, а Бековъ самъ вызвался быть ея шафером. Значитъ дѣло улаживалось безъ большихъ хлопотъ, благодаря любезному характеру и смазливому личику Мины. Она-же была убѣждена, что женихъ ея не ревнивъ, по крайней мѣрѣ ни разу не обнаружилъ ни малѣйшихъ признаковъ ревности. Это одно уже ее успокоивало насчетъ неизвѣстнаго будущаго и мирило съ мыслью отдаться на волю Божію и, разъ рѣшившись выйти замужъ за Клина, не поворачивать назадъ своихъ оглоблей.

Наконецъ, наступилъ роковой день.

Невѣста въ подвѣнечномъ платьѣ, съ посаженой матерью женою доктора Фольгина, и ея сыномъ съ образомъ, отправилась въ церковь.

Свадьба была очень скромная, т. е. безъ бала, музыки и всякихъ затѣй, но не безъ нѣкоторой официозной торжественности. Послѣ вѣнца, въ квартиру Клина наѣхало гостей человѣкъ тридцать, все больше сослуживцевъ его, между которыми былъ и одинъ тузъ въ красной лентѣ, а именно генералъ Каракатиловъ, человѣкъ настолько-же полный, насколько и ученый. (Ученыхъ-же генераловъ, слава-Богу, у

Digitized by Google

насъ стало больше, чѣмъ ихъ было въ сороковыхъ годахъ). Разумѣется, Михѣй, въ полномъ парадѣ, то-есть почистившись, вычистивъ медали и нафабривъ усы, исправно отворялъ всѣмъ двери, и, разумѣется, горѣли лампы и кенкеты, подавали шампанское и чай съ конфектами... и нѣсколько дамъ (дамъ было очень мало) блистали и шуршали своими шелковыми подолами. Между ними были двѣ—и это были самыя молодыя—Анюта Духова и Леконида Алаева.

Мина Михайловна въ бальномъ платьѣ была далеко не такъ авантажна, какъ у себя дома, на диванчикѣ, въ неглиже, съ туфельками на маленькихъ ножкахъ; но все-же она была хорошо сложена и ея голымъ плечамъ нисколько не стыдно было себя показывать, и все-же она была самая развязная и привѣтливая.

Петя, которому Мавра, по старому повѣрью, натолковала, что дѣти не ходятъ въ церковь, когда вѣнчаются ихъ отецъ или ихъ мать, былъ очень радъ этому повѣрью и не былъ въ церкви.

Онъ сидѣлъ у себя дома и занимался — готовилъ уроки къ завтрашнему дню. Уроковъ этихъ было немало, а онъ чувствовалъ какую-то потяготу и ему почему-то безпрестанно зѣвалось.

Услыхавъ звонки въ передней и праздничные шорохи въ домѣ, онъ не спѣша надѣлъ на себя гимназическій мундиръ съ новыми пуговицами, вышелъ въ залъ и, блѣдный, скромно сталъ у задней стѣнки, за стульями.

Но Мина Михайловна и тамъ тотчасъ-же нашла его, подошла, поцѣловала въ лобъ и, такъ-сказать, окативъ его неуловимымъ запахомъ тончайшихъ духовъ, которыми она была вспрыснута, сказала: «Милый Петя, будемъ друзьями», повела его и познакомила съ своей дочерью Ксеніей, такъ-какъ слышала отъ нея, будто Петя ни разу еще къ ней не подошелъ и не сказалъ ей ни слова.

Теперь Петя поневолѣ долженъ былъ подойти къ этой

Digitized by Google

хорошенькой дѣвушкѣ, но, протянувъ ей руку, покраснѣлъ и по-прежнему не произнесъ ни единаго слова.

Затѣмъ къ Петѣ подошелъ бѣлобрысый Духовъ съ женою. Духовъ былъ въ синемъ фракѣ, въ золотыхъ очкахъ и въ бѣломъ галстухѣ; Анюта въ бѣломъ барежевомъ платьѣ, отдѣланномъ зелеными лентами.

— Ну, что? спросила она брата, склонясь къ плечу его.

— Ничего... отвѣчалъ братъ.

— Какъ тебѣ нравится твоя будущая мачиха? Она, кажется, очень добрая... и я даже удивляюсь ей.

«Я самъ удивлялся когда-то, увидавъ, за кого ты вышла замужъ по любви», молча подумалъ при этомъ Петя и сказалъ:

— Ничего нѣтъ удивительнаго.

— Неужели она изъ-за денегъ?.. шепнула сестра.

— Такъ-же, какъ и всѣ... вѣдь и тебѣ нужны деньги... Что-же ты не разстроила свадьбы, а еще собиралась!

— Гмъ! Тише... Зачѣмъ разстраивать; эта женщина обѣщала помочь мнѣ... Какъ ты думаешь, будетъ-ли она имѣть вліяніе на папа? А?

— Непремѣнно будетъ—видишь, какъ онъ раскошелился. Офиціантовъ нанялъ... велѣлъ мнѣ новыя пуговицы пришить.

— А можетъ быть, это все не на свои, а на ея деньги?

— Можетъ быть.

— А кто эта дѣвица... съ черными глазами... такая бѣлая собой и съ такимъ непріятнымъ ртомъ?

— А! Это Леонида Алаева, знаешь.. пассія Ознобина.

— Ничего не знаю... Познакомь меня съ ней—я съ ней непремѣнно хочу познакомиться.

— Я? Ни за что! Попроси Мину Михайловну.

Но въ это время поднесли къ нимъ бокалы, и Анюта должна была волей-неволей пройти въ гостиную и поздравить отца съ женой, мачиху—съ мужемъ.

Началось обычное чоканье.

Digitized by Google

Анюта поцѣловалась съ Миной и Ксеніей, приложилась къ рукѣ отца и отошла въ сторону, гдѣ Леконида въ свою очередь чокалась съ уланомъ Бековымъ.

— Этотъ молодой Клинъ, говорила она Бекову, не подозрѣвая присутствія сестры его Анны,—дуется на меня, какъ мышь на крупу, почти не говоритъ со мной. Если онъ злится, что отецъ его женится, такъ я тутъ не причемъ... Я-то чѣмъ виновата!.. Я ихъ не сватала!..

— Братъ мой не всегда бываетъ вѣжливъ... къ сожалѣнію!.. сказала ей Анна.

Леконида поблѣднѣла и уставила на нее черные, нѣсколько близорукіе глаза свои.

— Извините... сказала она,—вы сестра его?

— Да... и очень рада, что этотъ случай даетъ мнѣ поводъ съ вами познакомиться.

Леконида, все еще смущенная, протянула ей руку и скороговоркой отрекомендовалась ей.

— Надо вамъ сказать, сказала она,—что съ вашимъ братомъ познакомилъ насъ Ознобинъ и что Мину Михайловну онъ разъ засталъ у меня и съ ней познакомился. Помнится даже, мы съ вашимъ братомъ о чемъ-то заспорили... Мнѣ, признаюсь, очень было прискорбно, что этотъ Ознобинъ имѣлъ на него такое вліяніе.

— Да.. да, это очень прискорбно, сказала она. — Это такой непрактичный человѣкъ, такой фантазеръ, знаете, все на седьмомъ небѣ.

— О, такъ и вы его великолѣпно понимаете... очень рада!.. Не знаю, въ какихъ онъ стоитъ къ вамъ отношеніяхъ, но я вынуждена была навсегда и о-кон-ча-тельно разстаться съ нимъ.

— Я тоже, сказала Анна.—Мы едва-ли увидимся, и если мой папа прогналъ его, то, право, очень хорошо сдѣлалъ.

— Какъ! И вашъ папа!.. Не ожидала... Что-же на это братъ вашъ?

Digitized by Google

— Братъ! А что можетъ онъ? Онъ ничего не можетъ. Его пріучили или молчать, или...

Анна не договорила... Леконида обернулась къ Бекову и сказала ему:

— Вонъ, Зуевъ преподнесъ Ксеніи букетъ, а вы-то что?..

— Прехорошенькая дѣвочка! сказалъ Бековъ, глядя въ тотъ уголъ, гдѣ сидѣла Ксенія.

— Жаль только, что слишкомъ еще молода для васъ— граматику учитъ... Не пора-ли намъ, однакожь, убираться?.. Надѣюсь, вы меня проводите?

— Погодите еще.

— Да вѣдь танцевъ не будетъ, на что-же вы нужны?..

Анна усмѣхнулась и, поглядѣвъ на Бекова, подумала: «Какой, однакожь, красавецъ! Кровь съ молокомъ, не то что Ознобинъ!.. Еще-бы!...»

Наконецъ всѣ стали понемногу разъѣзжаться. Духовъ забѣжалъ въ комнату Пети и выкурилъ папиросочку. Анна осмотрѣла всѣ комнаты, въ особенности спальню и кабинетъ отца: «Хоть-бы кто-нибудь свое портъ-моне или бумажникъ свой уронилъ!» подумала она, оглядывая полъ и соображая, во что обошлась ей эта свадьба — туалетъ, прическа, перчатки и экипажъ.

Бековъ, прощаясь съ молодой хозяйкой, пожелалъ ей всякаго благополучія и далъ ей слово заѣхать къ ней и узнать, гдѣ она будетъ лѣтомъ.

Наконецъ, въ половинѣ двѣнадцатаго, всѣ уже разъѣхались, и въ передней на вѣшалкѣ остались только двѣ шинели: шинель Егора Антоновича и шинелька Пети. Люди убирали остатки: откупоренныя бутылки шампанскаго, чашки, бокалы и блюдечки, запачканныя мороженымъ. Серебро считалъ Михѣй,—оно было счетомъ выдано на его отвѣтственность; онъ былъ немного красенъ, лобъ его лоснился; онъ никакъ не могъ досчитаться одной чайной ложечки, всѣхъ допрашивалъ и фыркалъ; надъ нимъ трунили. Онъ казался озадаченнымъ,

Digitized by Google

долго на всѣхъ поглядывалъ, и сталъ отплевываться. Дуня, съ алой лентой въ волосахъ, разшнуровывала невѣсту. Ксенія, уже раздѣтая, сидѣла у себя въ постели и, какъ казалось, молилась, — такъ, по крайней мѣрѣ, на груди ея сложены были руки и такъ безпомощно поникла ея головка, что она казалась молящейся. Букетъ розъ и камелій, подаренный ей Зуевымъ, въ бумажной оберткѣ, точно въ раковинѣ, валялся на полу возлѣ ея ботинокъ. Петя былъ давно уже въ своей комнатѣ и, полураздѣтый, въ однихъ брюкахъ, писалъ латинское сочиненіе. Изрѣдка только поднималъ онъ голову и, слегка раскрывъ ротъ, точно прислушивался. Взрослый сынъ едва-ли можетъ равнодушно думать объ отцѣ въ ту минуту, когда онъ, по его мнѣнію, блаженствуетъ въ объятіяхъ молодой женщины, и едва-ли при этомъ не придетъ ему въ голову: «Такъ когда-то онъ обнималъ мать мою!» Темно горѣла его одинокая свѣчка... Вдругъ въ комнатѣ стало свѣтлѣе.

Петя оглянулся на скрипъ двери и увидалъ фигуру своего родителя въ халатѣ, въ туфляхъ и со свѣчей въ рукахъ.

Старый женихъ, входя, тотчасъ-же потушилъ свѣчу свою, подошелъ и сѣлъ у стола.

— Я тебѣ не мѣшаю? спросилъ онъ Петю.

— Что это ты пришелъ?..

Вотъ все, что могъ на этотъ вопросъ возразить отцу удивленный сынъ.

— Что, тебя это удивляетъ, небойсь!.. Ге! Я, братъ, не такъ уже молодъ, чтобы спѣшить... Могутъ и подождать меня... Ты что думаешь? Ты думаешь, вотъ старый дуралей влюбился тамъ въ какую-то такую-сякую, да и голову потерялъ, отъ смазливой бабенки съума спятилъ... жениться вздумалъ... Думалъ ты такъ? А!?

И Клинъ изподлобья поглядѣлъ на Петю своими свинцовыми, тяжелыми глазами.

— Что-жь, говорятъ, и въ старости влюбляются... потупившись, замѣтилъ Петя. — Мазепа былъ и постарше тебя, да...

Digitized by Google

— Да и тотъ надѣлалъ глупостей, такъ-ли? Нѣтъ, братъ, я не Мазепа, я не такой болванъ, какъ ты думаешь... Меня никакая юбка не обморочитъ. Я... того... не безъ царя въ головѣ, значитъ... сообразилъ... Тебѣ-же лучше будетъ со временемъ. Вотъ ты увидишь...

— Ты обо мнѣ, пожалуйста, не думай.

— Предоставь мнѣ думать и о тебѣ, если я такъ хочу, горячо перебилъ его старый молодой.—Если ты прямой наслѣдникъ мой, то не ей-же покидать добро свое. Ты не думай и не серди меня. Что ей!.. Вѣдь она все промотаетъ... Ни въ чемъ не привыкла себѣ отказывать, продолжалъ онъ нѣсколько тише.—Ты думаешь, я на ея тысячахъ женился?.. Держи карманъ! Я ей дамъ волю промотать ихъ... и... укорочу... Не ея деньги я имѣлъ въ виду, и вотъ увидишь.

Тутъ старикъ пріостановился и строго поглядѣлъ на Петю, которому все еще было странно, очень странно видѣть отца своего у себя въ комнатѣ, тогда какъ въ спальной ждетъ его молодая, видѣть его съ голой шеей и нараспашку въ томъ-же старомъ халатѣ, въ которомъ онъ привыкъ его видѣть по утрамъ за чайнымъ столомъ или вечеромъ за бумагами.

— Будь ты другой, помолчавъ, медленно заговорилъ старикъ,—не таковскій, умѣй ты входить въ мои интересы, понимай ты, что я за человѣкъ и какія мои соображенія, я бы тебѣ кое-что сообщилъ. Ты не Анна, не станешь нюнить, да подачки ждать; но ты глядишь волченкомъ и за всякаго радъ заступиться, кромѣ отца. Я для тебя нуль, неучъ, старый музыкантишка!.. Вотъ что я для тебя! Ну, такъ ты и не жди съ моей стороны никакой откровенности и на себя пеняй... Гмъ! А все-таки съ мачихой будь вѣжливъ. Смотри, вѣжливъ будь, слышишь! Ксенію тоже не обижай, хоть она и того... Тоже, чай, подростетъ, начнетъ мужчинамъ на шею вѣшаться. Яблочко падаетъ недалеко отъ яблоньки. Да вотъ что я еще хочу сказать: не балуй дурака Михѣя, какъ Мавру избаловалъ, не фамильярничай...

Digitized by Google

Въ это время за стѣной, точно вдали гдѣ-то (такъ-какъ стѣны были толстыя), стѣнные часы Клина, бой которыхъ былъ очень хорошо извѣстенъ Петѣ, били не то часъ, не то половину второго.

Клинъ зажегъ свою свѣчку и всталъ.

— Ну, теперь, сказалъ онъ,—зайду въ свой кабинетъ, надо кое-что записать. Прощай, ляжешь спать—потуши свѣчку.

— Свѣчи я никогда не забываю тушить, проговорилъ Петя, думая вовсе не о свѣчѣ, а о характерѣ своего родителя.

— Прощай, сказалъ онъ отцу, когда тотъ вышелъ,—спокойной ночи, пріятнаго сна!

И затѣмъ Петя опять принялся за свои задачи изъ латинскаго языка, сдѣлалъ двѣ ошибки и не замѣтилъ ихъ; глаза слипались, да и голова была тяжела.

«Входить въ его интересы! думалъ онъ про себя съ какимъ-то тупымъ, безсознательнымъ озлобленіемъ. — Какіе такіе интересы? Наживать деньги путемъ казнокрадства или взяточничества,—это что-ли?! Интересы! Какъ-бы это я сталъ принимать участіе въ его дѣлишкахъ или въ его соображеніяхъ по поводу этой женитьбы?.. Тьфу! бѣжалъ-бы, коли-бы могъ! Нѣтъ, лучше не думать!»

И онъ все-таки думалъ,—думалъ съ перомъ въ рукахъ, думалъ раздѣваясь, думалъ ложась въ постель и туша свѣчу свою. «Не таковскій,—ну да, не таковскій!..»

И долго-долго, безъ всякой связи съ другими полумыслями и полуснами, то слово «интересы», то слово «не таковскій» вертѣлись у него въ мозгу и не давали ему покоя. Наконецъ, приснилось ему, что Михѣй хочетъ половой щеткой причесать ему голову и что Ксенія надѣваетъ ему на ногу башмачекъ свой, а онъ отмахивается отъ нея сапогомъ и хохочетъ, самъ не знаетъ, чему хохочетъ.

Digitized by Google

ГЛАВА L.

И потекла жизнь ихъ обычнымъ путемъ своимъ. Такъ-бы мнѣ хотѣлось сказать; но всякій жизненный путь, каковъ-бы онъ ни былъ, даже путь, ведущій къ преступленію или трагической развязкѣ, такой-же обычный путь, какъ и всѣ другіе. Ничего нѣтъ въ жизни необыкновеннаго или необычайнаго, не исключая самыхъ выспреннихъ фантазій, ищущихъ себѣ воплощенія въ словѣ или въ художественномъ образѣ.

Съ Петей на другой день отцовской свадьбы случилась въ гимназіи маленькая непріятность, но вникните въ обстоятельства и вы поймете, что и не могло не случиться подобной непріятности. Петя былъ такъ разсѣянъ, что по утру отправился въ гимназію въ тотъ-же самый часъ и минуту, когда онъ отправлялся съ Васильевскаго острова, и цѣлымъ получасомъ пришелъ ранѣе. И вмѣсто того, чтобы просмотрѣть свои тетради, пошелъ на канаву, облокотился на желѣзную рѣшетку набережной и сталъ смотрѣть, какъ изъ какой-то барки выкачиваютъ насосомъ воду и какъ изъ той-же барки черезъ улицу по доскамъ перевозятъ кирпичи къ строющемуся зданію. Въ гимназію онъ попалъ въ ту минуту, когда кончилась утренняя молитва и всѣ шли по классамъ.

Первый урокъ былъ латинскаго языка, и въ классѣ появился Миличъ. Невысокаго роста, плотненькій, съ брюшкомъ, славянинъ, въ учительскомъ поношенномъ вицъ-мундирѣ, лицомъ пухлый и съ темными отливами подъ каждымъ глазомъ,—человѣчекъ, очевидно, юркій и въ то-же время неповоротливый, что одно уже должно было постоянно нѣсколько раздражать его.

Миличъ отобралъ отъ учениковъ тетради и сталъ ихъ просматривать.

Digitized by Google

Петя раскрылъ книгу—какой-то романъ, принесенный въ классъ его сосѣдомъ-товарищемъ, чуть-ли не романъ: «Отъ поцѣлуя къ поцѣлую», и машинально сталъ читать его, какъ вдругъ слышитъ:

— Это смастерилъ Петръ Клинъ? Очень хорошо! Гмъ!.. А еще онъ считаетъ себя латинистомъ, думаетъ, всѣ премудрости постигъ!

И затѣмъ Миличъ сталъ на основаніи двухъ найденныхъ имъ ошибокъ доказывать всему классу, что Петръ Клинъ хоть и готовится къ экзамену, а забылъ граматику и не знаетъ простыхъ склоненій, не знаетъ, какъ оканчиваются падежи.

Петя поблѣднѣлъ и привсталъ съ мѣста.

— Это не ошибка, сказалъ онъ,—это описка.

Миличъ ткнулъ пальцемъ въ тетрадь его, ногтемъ подчеркнулъ два слова и передалъ ему въ руки его упражненія.

— Нехорошо, не ждалъ-съ, плохо-съ! Вы знаете, что на экзаменѣ описка ни въ какомъ случаѣ въ резонъ не ставится: какъ тутъ знать, что будетъ описка, что будетъ ошибка... Вы стали лѣнивъ, вотъ что .. и это все есть результатъ вашего... какъ бишь это? — результатъ вашего высокомнѣнія о своемъ познаніи. Садитесь.

— Вчера былъ день свадьбы моего отца... началъ было Петя дрожащимъ отъ волненія голосомъ, но Миличъ уже его не слушалъ и читалъ упражненія другихъ учениковъ.

Казалось, Миличъ былъ такъ доволенъ, что юный Клинъ неожиданно осрамился или опростоволосился, что по отношенію къ другимъ сталъ какъ-бы мягче и снисходительнѣе, иногда даже трунилъ, иногда чмокалъ губами и улыбался, даже разъ пришелъ въ восхищеніе отъ какой-то фразы, найденной имъ въ тетради того самаго верзилы, котораго въ классѣ величали Поджабринымъ.

— Вотъ это оборотъ чисто-латинскій—цицероновскій оборотъ! восхищался учитель.

Digitized by Google

«И немудрено, думалъ про себя Петя. — Это я ему поправлялъ, я-же и фразу-то эту вклеилъ ему».

Но, разумѣется, онъ не сказалъ ни слова и, какъ убитый, сидѣлъ все время до самаго звонка, не подымая головы и тупо смотря въ чужую книгу «Отъ поцѣлуя къ поцѣлую», пробѣгая глазами строки и ничего не понимая въ нихъ.

А на другой день свадьбы у Клина былъ небольшой обѣдъ, на которомъ присутствовали два генерала, одна генеральша и докторша Фольгина, урожденная княжна Мохнатина.

Петя и Ксенія тоже были за столомъ. На нихъ мало обращали вниманія, но Ксенія не могла не замѣтить, что Петя особенно угрюмъ, унылъ и мраченъ, почти-что ничего не ѣстъ и въ разговорѣ гостей, даже въ остротахъ генерала Каракатилова, очевидно, не принимаетъ ни малѣйшаго участія, точно не слышитъ ихъ...

Петя сидѣлъ рядомъ съ Ксеніей и по обыкновенію не удостоивалъ ее своимъ вниманіемъ, точно боялся глядѣть на нее.

— Вы нынче не въ духѣ, прошептала Ксенія; — что съ вами?

— Я никогда не бываю очень веселъ, отозвался Петя.

— Отчего? спустя минуты двѣ спросила Ксенія.

— Нечему радоваться, спустя минуты двѣ отвѣчалъ Петя.

А Егоръ Антоновичъ, отецъ его, выпивъ рюмочки двѣ очищенной и выкушавъ стакана три пива, былъ такъ веселъ, какъ никогда, кривилъ свой ротъ, иначе сказать — улыбался, слушая Каракатилова, и самодовольной краской лоснилось скуластое лицо его, когда онъ разсказывалъ анекдотцы изъ своего давно прошедшаго или о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда графъ Вьельсурскій знакомилъ его съ композиторомъ Глинкой... а у графа Сологуба на каждой ступенькѣ

Digitized by Google

его парадной лѣстницы стояли гайдуки въ золотыхъ ливреяхъ, въ шарфахъ, въ шелковыхъ чулкахъ и перчаткахъ. Выпивъ въ заключеніе бокалъ шампанскаго, Клинъ былъ такъ игривъ, что черезъ спинку сосѣдняго стула, протянулъ пальцы и пониже плеча, за руку, слегка ущипнулъ жену свою.

Хозяйка, напротивъ, была не такъ весела и разговорчива, какъ наканунѣ вечеромъ, но за то казалась свѣжѣе и моложе въ своемъ темносинемъ бархатномъ платьѣ съ бѣлыми блондами.

— Я выплываю на просторъ... я выплылъ, — вотъ что говорила собой физіономія стараго Клина.

— Я, конечно, ничего особенно милаго не ждала отъ стараго мужа, но все-таки я нашла менѣе, чѣмъ ожидала... Впрочемъ, ко всему надо привыкнуть, ко всему нужно умѣть приноровлять себя,—вотъ что говорила собой физіономія молодой мадамъ Клинъ, и она усмѣхнулась и даже томными глазками поглядѣла на мужа, когда тотъ потихоньку ущипнулъ ее.

Что касается Ксеніи, то воспользуемся случаемъ и скажемъ о ней все, что мы знаемъ.

Ей было всего только тринадцать лѣтъ и четыре мѣсяца... и если мы скажемъ, что она была очень скромна и очень чувствительна, не глупа для своихъ лѣтъ и впечатлительна до того, что пустяки могли ее оскорбить и обрадовать... то... пока и этого будетъ съ насъ достаточно.

Когда-то Тютинъ, старый генералъ, изъ той плеяды николаевскихъ генераловъ, которые на женщинъ прожили все свое состояніе, увѣрялъ малютку Ксешу, что она его дочка, что онъ ее любитъ и что она должна любить его. Покупалъ ей книжки съ картинками, дорогія куклы съ пружинками и нерѣдко вмѣстѣ съ матерью посылалъ ее, нарядную, какъ бабочка лѣтомъ, кататься въ своей коляскѣ вдоль Большой Морской, Невскаго проспекта и кругомъ, черезъ Садовую,

Digitized by Google

мимо Царицына луга, гдѣ маршировали солдаты, и вдоль по набережнымъ, гдѣ то-и-дѣло попадались экипажи съ лакеями въ красныхъ ливреяхъ или въ шляпахъ съ развѣвающимися пѣтушиными перьями.

Мать тоже ее баловала, т. е. одѣвала какъ куколку, но иногда, по разсѣянности, какъ-бы забывала о ея существованіи. Случалось, что избалованная дѣвочка оставалась одна во всей квартирѣ и засыпала въ слезахъ, такъ-что нерѣдко далеко за полночь сонную ее раздѣвали и переносили на кроватку съ дивана или съ ковра, разостланнаго на полу въ будуарѣ ея матери.

Не ранѣе семи лѣтъ выучилась она читать, а въ восемь— уже ходила въ какую-то частную школу, содержимую одною дѣвицей среднихъ лѣтъ ради того только, чтобы имѣть средство воспитать своихъ племянницъ, оставшихся сиротами послѣ смерти сестры ея.

Въ этой школѣ были дѣвочки, но допускались и мальчики. Ксенія была очень прилежна дома, но невнимательна въ классѣ и довольно безпамятна... Содержательница школы берегла ее и даже ласкала за то только, что видѣла въ ней будущую красавицу. Красота— это такой талантъ, который даже въ дѣтствѣ находитъ себѣ поклонницъ и поклонниковъ. Но, къ чести Ксеніи, она и сама не знала, за что ее балуютъ и цѣлуютъ ей глазки, за что мальчики дарятъ ей бонбоньерки, а учителя, спрашивая уроки, сами стараются ихъ ей подсказывать.

Девяти лѣтъ она поступила въ приготовительный классъ женской гимназіи и едва-ли не въ это время впервые узнала, что она незаконнорожденная. Прислуга-ли при ней проболталась или сама она поняла, такъ-какъ въ документахъ, представленныхъ ею для пріема, она названа была не Тютиной, а Сергѣевой...

Догадавшись, что Тютинъ не отецъ ея, она вдругъ измѣнилась, стала робка и неразговорчива.

Digitized by Google

«Отчего я Сергѣева? Кто-же отецъ? И что это значитъ—незаконнорожденная?»

Тайные, никому невысказанные вопросы въ дѣтствѣ суть самые жгучіе, мучительно-томительные или загадочно-страшные. Кого спросить?

Разъ только объ этомъ спросила она такую же, какъ и она, маленькую дѣвочку, свою товарку по гимназіи, и что-же та отвѣчала ей?

— Не знаю, я спрошу объ этомъ у маменьки.

«Отчего бы и мнѣ не спросить у маменьки? подумала Ксенія.

На другой день маленькая подруга почему-то все время, какъ былъ классъ, искоса поглядывала на нее, и какъ-то особенно пристально, а когда кончился урокъ и Ксенія неожиданно сзади обняла ее, та быстро взглянула ей въ глаза, приподняла свои плечики и вся какъ будто съежилась.

— Мама, сказала она, нѣсколько отстраняясь и въ тоже время сконфуженно шепча ей на ухо,—мама запретила мнѣ говорить съ тобою, сказала, что это .. очень неприличное слово. Это слово... знаешь.. это значитъ, что мать твоя дурная женщина, что Богъ ее не благословляетъ и никто на ней не женится.

Отъ этихъ словъ Ксенія, въ свою очередь, какъ-бы поблѣднѣла и вся съежилась.

И судите сами, какой сумбуръ произошелъ въ головѣ маленькой, наивной дѣвочки.

«Значитъ, думала она не безъ горя и тайнаго ужаса,—мать моя дурная женщина! Богъ ее не благословляетъ и никто на ней не женится! Какъ-же это? А Тютинъ? Развѣ онъ не мужъ моей мамаши? Онъ мужъ... онъ при мнѣ сколько разъ и цѣловалъ ее, и говоритъ ей: «ты»... и все, все, и деньги даетъ на расходъ, и... ничего не понимаю»...

Въ тотъ-же вечеръ она, ложась спать, спросила горничную:

Digitized by Google

— А какъ ты думаешь, сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ моя мамаша замужемъ?

— А развѣ онѣ замужемъ? удивилась горничная.—Не знала; чтой-то не слыхать, чтобы у нихъ мужъ былъ, а можетъ быть, кто ихъ знаетъ! Я въ эвти дѣла не мѣшаюсь.

Ксенія не спала всю ночь; голова ея работала и доработалась до того, что на другой день, когда по утру Ксенія застала Тютина въ зеленомъ шелковомъ халатѣ на кушеткѣ въ спальнѣ у своей мамаши, она вся растерялась, вспыхнула и поблѣднѣла. И когда онъ подозвалъ ее, чтобы съ ней поздороваться и поцѣловать, то поглядѣлъ ей въ опущенные глазки, пощупалъ ей голову и спросилъ:

— Не больна ли ты, голубушка?

Одиннадцати лѣтъ ей уже казалось, что она чужая въ домѣ, чужая матери, чужая всѣмъ.

Она рано отдалась чтенію книгъ и читала все, что попадало ей подъ руку.

Иногда какая-нибудь болтливая горничная (а ихъ уже перебывало десятка два съ тѣхъ поръ, какъ Ксенія начала себя помнить), причесывая ей голову или застегивая ей на ногахъ ботинки, съ видомъ негодующей невинности жаловалась, что у кухарки любовникъ такой нехорошій. Пришелъ пьяный и никоимъ образомъ не хочетъ уходить, легъ на ея постель и хоть ты что—нейдетъ, да и только.

— А развѣ это можно? говорила она.—Кто же это ему дозволитъ такое безобразіе?

Ксенія никогда никого не разспрашивала (видно слишкомъ были ей горьки первые опыты этого разспрашиванья), но и не затыкала ушей. Что же мудренаго, что въ тринадцать лѣтъ ей уже казалось, что она—дитя погибели и рано или поздно должна погибнуть, такъ-какъ Богъ не благословилъ ея матери на то, чтобы родилась она.

Иногда, начитавшись разныхъ полу-фантастическихъ разсказовъ, Ксенія воображала, что она была подкинута и что

Digitized by Google

это отъ нея таятъ. Что рано или поздно найдутся настоящіе отецъ и мать ея, что они ее уже ищутъ, грустятъ по ней и... что будетъ, что будетъ, если они когда-нибудь вдругъ найдутъ ее и она узнаетъ свою настоящую, настоящую фамилію! Но по какимъ-же такимъ примѣтамъ родной отецъ или мать могутъ узнать ее?

И Ксенія тайкомъ отъ всѣхъ искала и не находила у себя никакихъ другихъ примѣтъ, кромѣ родимаго пятнышка на тѣлѣ, ниже сердца. На лицѣ-же ничего не было, лицо было чисто, какъ свѣжее яичко, разглядываемое на солнцѣ и все проникнутое теплотою и свѣтомъ весеннихъ лучей его.

«Какъ-же они меня узнаютъ?» сокрушалась Ксенія.

Такъ она иногда мечтала и надѣялась, мечтала и сокрушалась. О томъ, что иногда происходило въ душѣ ея, даже и не подозрѣвала ея мать, наша милая Мина Михайловна.

Но развѣ она была дурная мать? Нисколько. Правда, ей было все равно, какъ учится и чему учится дочь ея, что она читаетъ и о чемъ задумывается. Ей было-бы все равно, еслибы даже дочь ея и ничего не знала, кромѣ грамоты.

«Она хорошенькая, она будетъ очень хорошенькая. Зачѣмъ ей ломать свою головку?» думала про себя Мина Михайловна.

Но что касается ея комнаты, ея туалета, ея прически, Мина Михайловна не только ни въ чемъ ей не отказывала, но даже сама заботилась о томъ, чтобы у Ксеніи были даже духи и перчатки, чтобы Ксенія была не хуже другихъ, не хуже самыхъ богатыхъ и что ни на есть самыхъ законныхъ дѣвочекъ. Она вовсе ея не стыдилась и охотно рекомендовала ее всѣмъ, и всѣ думали, что она дочь генерала Тютина, и были такіе, которые удивлялись ея постоянству и ея вѣрности и говорили о ней, какъ о женщинѣ, достойной всякаго уваженія.

Можетъ быть, Клинъ, который на ней женился, меньше всѣхъ считалъ ее достойной этого уваженія.

Digitized by Google

На четырнадцатомъ году своего разцвѣта Ксенія была уже въ четвертомъ классѣ гимназіи, гдѣ было не мало взрослыхъ и даже эмансипированныхъ барышень, съ улыбкой разсказывавшихъ о любовныхъ похожденіяхъ, удачахъ и неудачахъ своихъ братцевъ, старшихъ сестрицъ, кузинъ и кузеновъ.

Въ наши дни знаніе жизни и всѣхъ приторно-пошлыхъ, заманчиво-порочныхъ и порочно-горькихъ сторонъ ея едва-ли не предшествуетъ знанію синтаксиса или краткаго катехизиса. Ксенія была одна изъ тѣхъ немногихъ, которыя страдаютъ отъ этого знанія: такъ это знаніе раньше времени волнуетъ ихъ кровь, сжимаетъ сердце, иногда мѣшаетъ спать и поселяетъ въ мозгу ихъ такія фантазіи, какія никогда-бы безъ этого знанія не пришли имъ голову.

«Вотъ онъ законный! продолжала думать о Петѣ Ксенія сидя за столомъ и захватывая маленькой десертной ложечкой тающіе во рту кусочки розоваго мороженаго, которое ей только-что подали. — Вотъ онъ и законный, отчего-же онъ глядитъ такимъ чужимъ, такимъ измученнымъ мальчикомъ?!»

Всѣ эти вопросы и мечты, конечно, не мѣшали жизни идти своимъ обычнымъ путемъ; скоро кончились для Клина и жены его праздничные дни или первые дни медоваго мѣсяца и настали будни.

ГЛАВА LI.

«Женишься — перемѣнишься», говоритъ народная русская пословица.

Клинъ, конечно, былъ уже слишкомъ старъ, слишкомъ закаленъ въ своемъ мѣщанскомъ эгоизмѣ, въ своемъ артистическомъ самолюбіи безъ артистическаго таланта и въ своемъ кулачествѣ, облеченномъ въ бюрократическія формы; ему уже поздно было мѣняться, но все-таки и на немъ отразился тотъ законъ взаимодѣйствія двухъ силъ, который нашелъ себѣ

Digitized by Google

выраженіе въ вышеупомянутой пословицѣ: «женишься — перемѣнишься».

Конечно, нашъ почтенный Клинъ сдѣлался еще почтеннѣе, т. е. сталъ нѣсколько сдержаннѣе и тише, не такъ скупъ, не такъ крикливъ и не такъ задоренъ; быть можетъ въ сущности онъ былъ все тотъ же Клинъ, но и Михѣй, деньщикъ его, непремѣнно-бы иначе сталъ вести себя, если-бы вдругъ судьба посадила его въ кабакъ цѣловальникомъ или кучеромъ на козлы къ персидскому посланнику.

Мы уже знаемъ, что Клинъ въ обществѣ и прежде велъ себя какъ человѣкъ солидный, вполнѣ сознающій свое достоинство (далеко не такъ, какъ у себя въ семьѣ своей), значитъ Клинъ и прежде умѣлъ себя сдерживать.

Что-же мудренаго, что теперь, въ виду обѣщанныхъ ему благъ: доходнаго мѣстечка, наградъ и повышеній, онъ и въ семейной жизни своей сталъ нѣсколько иначе держать себя, хотя, какъ мы увидимъ, прежній Клинъ прорывался... «Шила въ мѣшкѣ не утаишь».

Съ покойной Марьей Ивановной на кой чортъ онъ-бы сталъ церемониться! Что могла она дать ему кромѣ сердца и вѣрности? Эта несчастная женщина ушла къ Померанскимъ. Эка важность! Что ему Померанскіе!.. Но если Мина Михайловна сбѣжитъ или уѣдетъ къ Тютину, или даже напишетъ ему нѣчто вродѣ жалобы,—не хорошо! Для Клина Тютинъ былъ человѣкъ великій, человѣкъ съ вѣсомъ, человѣкъ, такъ-сказать, въ нѣкоторомъ родѣ чудодѣйственный, отъ котораго не разъ уже въ чиновномъ мірѣ совершались разнаго рода метаморфозы: лягушка дѣлалась воломъ, а волъ — лягушкой.

Если Тютинъ былъ хитеръ и такъ ловокъ, что съумѣлъ женить почтеннаго Клина на своей Минѣ, то вѣдь и Клинъ былъ хитеръ: съумѣлъ сбыть съ рукъ свою дочку, ни копейки не истратить на свадьбу и не дать ей приданаго; стало быть, и неудивительно, что Клинъ понялъ, что онъ

Digitized by Google

выплываетъ на просторъ и что Мина, жена его, не что иное, какъ та лодочка, на которой онъ сѣлъ, чтобы выплыть, и что опрокинь онъ эту лодочку — чего добраго, и не выплыветъ. При этомъ сама лодочка-то эта ему нравилась, была ему по вкусу; хотя онъ и странно повелъ себя въ первую ночь, хотя онъ и увѣрялъ сына, что не таковскій онъ, чтобъ какая-нибудь смазливая бабенка могла вскружить ему голову, но нельзя было вѣрить Клину: онъ просто-на-просто, какъ самолюбивый артистъ, не хотѣлъ показаться сыну смѣшнымъ влюбленнымъ старичкомъ и пришелъ съ нимъ побесѣдовать. Петя ему повѣрилъ и даже мысленно осудилъ его, такъ-какъ старикъ убилъ въ немъ послѣднюю илюзію: въ женитьбѣ отца увидалъ онъ только разсчетъ или какія-то соображенія... Были и разсчетъ, и соображенія; но было немножко и страсти. Не даромъ-же Егоръ Антоновичъ сталъ жить гораздо шире, выдавать на обѣдъ столько, сколько нужно, чтобъ вышелъ обѣдъ порядочный, и при этомъ далеко не такъ часто хмурился, рычалъ и фыркалъ.

Петя замѣтилъ въ немъ эту перемѣну и по-своему толковалъ ее.

Но Мина Михайловна не знала и не могла знать вполнѣ, какимъ онъ былъ въ своей прежней жизни, и была въ глубинѣ души своей недовольна имъ. Хотя она и прошла сквозь огонь и воду, но была чувствительна; хотя она и не была примѣромъ женскихъ добродѣтелей, но ея распущенность проистекала не столько отъ тѣлеснаго сластолюбія, сколько отъ безхарактерности и легкости сердца. Если она и не была умна (умъ у ней былъ очень маленькій, едва замѣтный), за то чутья у ней было не мало, и она очень скоро поняла, что мужъ ей достался не изъ числа покладистыхъ, что въ немъ все какъ-то шероховато, грубо и неуклюже. Это ее коробило.

Недѣли двѣ она хандрила и каялась втайнѣ. И все-таки попробовала хитрить, т. е. стала поддакивать Егору Анто-

Digitized by Google

новичу и льстить ему, не столько нѣжничать, сколько льстить, и проба эта оказалась не безполезна. Самолюбивый старикъ тотчасъ-же почувствовалъ, что его по шерсти гладятъ, и когти его спрятались. И все-таки недѣли двѣ спустя послѣ свадьбы Клинъ, который вообще не отличался деликатностью, не утерпѣлъ и за обѣдомъ при всѣхъ позволилъ себѣ разнаго рода намеки насчетъ того, что когда его превосходительство Тютинъ сперва сошелся съ ней, у ней уже было приданое, т. е. дочка, которая вовсе не десяти лѣтъ, а нѣсколько больше.

Мина Михайловна молчала, только съ краской въ лицѣ поглядывала то на Петю, то на смущенную дочь свою.

Клинъ продолжалъ трунить.

— Вѣдь это вамъ все равно, сказала, наконецъ, внутренно взбѣшенная Мина.

— Конечно, это мнѣ все равно.

— Ну, положимъ, что я солгала,—что изъ этого? Я тебя полюбила и рѣшилась выйти за тебя замужъ, ну, и солгала: Ксеніи, дѣйствительно, двѣнадцать лѣтъ.

— То есть тринадцать съ хвостикомъ.

— Ну, тринадцать, положимъ, даже пятнадцать и даже двадцать. Почемъ я тогда знала, что ты не ревнивъ, что ты такой добрый, такой милый!

— Да я... я это не изъ ревности, я такъ... просто хотѣлось убѣдить ваше высокородіе, что я человѣкъ, понимаете, не совсѣмъ глупый. Никакая бабенка еще до сихъ поръ не провела меня и не надула!

— Зачѣмъ надувать! потупившись, кротко пролепетала Мина и подумала: — «Проведу тебя и надую, если захочу, не хвастайся!»

— А вамъ, ваше высокородіе, очень хотѣлось за меня замужъ, а?..

— Очень! Кто-жь меня могъ приневолить? Сама захотѣла... Пожилые люди мнѣ всегда больше нравились; терпѣть не могу этихъ молодыхъ: всѣ они вертопрахи!...

Digitized by Google

И тонкая улыбка на одно мгновеніе пробѣжала и по губамъ, и по глазамъ ея.

— Ужь точно что вертопрахи! замѣтилъ Клинъ и лицо его просіяло

За чистую монету принялъ онъ слова жены, и щекотливый разговоръ прошелъ спокойно; буря, которая таилась въ немъ, прошла гдѣ-то стороной и не задѣла ихъ.

«Ну, это не то, что моя покойная мама, подумалъ Петя.— Это хитрецъ-барыня!»

Но такого рода хитрецъ-барыня и должна была быть женою Клина для того, чтобъ онъ казался лучше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, для того, чтобъ самолюбіе его не раздражалось и не фыркало и не повторялось тѣхъ возмутительныхъ сценъ, которыя происходили когда-то на глазахъ Пети. Покойная мать его постоянно говорила только то, что думала и чувствовала; въ ней не было ни на каплю фальши; а этого Клинъ никоимъ образомъ выносить не могъ, да и теперь не вынесъ-бы. Чѣмъ женщина ограниченнѣе, тѣмъ она хитрѣе, что вовсе не исключаетъ природнаго простодушія. Мина Михайловна была и простодушна, и хитра; гдѣ же именно кончалось ея простодушіе и началась хитрость— не тамъ-ли, гдѣ нужно было хитрить для того, чтобъ выйти изъ фальшиваго положенія и не для того-ли, чтобы такъ или иначе оградить себя; сердце же было у ней восковое, могло дѣлиться или отрываться по кусочкамъ до безконечности, могло быть расплавленнымъ и быть въ твердомъ видѣ, но никогда камнемъ или желѣзомъ,—въ этомъ надо отдать ей полную справедливость.

Петю, напримѣръ, она полюбила съ первой встрѣчи съ нимъ у Лсконіды и была очень рада, что, въ качествѣ мачихи, можетъ съ нимъ не церемониться. Не прошло и трехъ недѣль, какъ она занялась уже приведеніемъ въ порядокъ бѣлья его: на свои деньги купила холста и заказала ему сшить рубашки и подштанники. Раза два, постучавшись, вхо-

Digitized by Google

дила въ его комнату, убирала его вещи, и даже разъ, найдя его гребень съ изломанными зубьями и далеко невзрачный отъ слишкомъ долгаго употребленія, выбросила его въ окошко, принесла свой и сама причесала ему голову.

Петя все это выносилъ съ большимъ терпѣніемъ, т. е. не угождалъ ей, не цѣловалъ ея ручекъ, но и не дулся... Онъ боялся довѣряться ей, онъ уже зналъ, что это хитрецъ-барыня... и—странное дѣло!—не къ мачихѣ своей, а къ ея дочери Ксеніи онъ питалъ нѣчто вродѣ ненависти или тайнаго страха, и старался не обращать на нее ни малѣйшаго вниманія или умышленно смотрѣлъ на нее какъ на красивую, фарфоровую куклу, съ которой у него нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго.

Однажды за чайнымъ столомъ она рѣшилась спросить его, читалъ-ли онъ Жюля Верна «Путешествіе къ центру земли».

— Я глупостей не чтецъ, а пуще образцовыхъ! пробормоталъ онъ ей стихъ изъ комедіи Грибоѣдова и вышелъ.

Ксенія почувствовала, что къ глазамъ ея подступаютъ слезы.

«Онъ знаетъ, что я незаконная, онъ меня презираетъ... онъ не хочетъ говорить со мной, думала бѣдная дѣвочка.— О, что, если я скажу ему, что меня подкинули, что еще, можетъ быть, я найду мать мою, моего отца, моихъ родныхъ!.. Что, если я скажу ему!?»

Но проходили дни и часы и ни разу не удалось ей высказать ему эту свою излюбленную фантазію, ни разу, потому что утромъ они почти-что не встрѣчались: Ксенія вставала нѣсколько позднѣе и уже не заставала Пети: онъ убѣгалъ въ гимназію, иногда не дождавшись чаю и на ходу засунувъ себѣ въ карманъ сухарь или булку... За столомъ—они были на виду передъ глазами почтенныхъ супруговъ, а по вечерамъ Петя уходилъ и пропадалъ далеко за полночь, или сидѣлъ у себя въ комнатѣ и занимался. Никто не зналъ, что онъ даетъ уроки и даже двумъ отставшимъ отъ него то-

Digitized by Google

варищамъ помогаетъ готовиться къ экзаменамъ. Мина Михайловна была убѣждена, что Петя ходитъ по Невскому или проводитъ время у какого нибудь погибшаго, но милаго созданія. Она очень боялась за него, но ни о чемъ не хотѣла его распрашивать, то есть попробовала было, но изъ этого ничего не вышло.

Друга своего, Ознобина, Петѣ удалось застать дома только однажды утромъ, въ воскресный день, и какъ же онъ огорчилъ его! Увѣрилъ, будто-бы онъ ничему не вѣритъ, что онъ нигилистъ и что ему очень скучно и грустно.

Вспомните, читатель, если только вы удостоиваете романъ мой вашего просвѣщеннаго вниманія, вспомните вашу раннюю юность: не случалось ли и съ вами чего нибудь вродѣ этого «скучно и грустно»?

И чѣмъ богаче была ваша натура, чѣмъ цѣломудреннѣе и честнѣе были вы, тѣмъ, быть можетъ, чаще находила на васъ та хандра, тоска и унынiе, которыя вовсе не похожи на хандру, на тоску и унынiе человѣка взрослаго. Ничто не удовлетворяло васъ. И не отъ того-ли это происходило, что слишкомъ много желанiй и жажды жизни почерпнули вы изъ книгъ и романовъ, опередившихъ васъ на десятки лѣтъ, а кругомъ себя видѣли сегодня то же, что и вчера, завтра то же, что и сегодня? Вы чувствовали силу неодолимыхъ стремленiй и сами не знали, чего достигать, куда стремиться. Обладать женщиной, вамъ казалось или грѣхомъ, или развратомъ; жениться—глупостью и невозможностью; искать богатства или чьего нибудь покровительства—непростительной пошлостью или подлостью; достигать славы... но какъ достигать, когда никакихъ на это данныхъ нѣтъ? Страдать во имя Христа... но вы уже настолько знали иностранные языки, что въ восемнадцать лѣтъ вамъ были извѣстны и Штраусъ, и Бюхнеръ и Ренанъ,—словомъ, все запрещенное уже было извѣстно вамъ,—и каинскiй вопросъ: et pourquoi dois-je souffrir et travailler?—невольно самъ собой напрашивался въ вашу

Digitized by Google

голову. И при этомъ, замѣтьте, въ эти годы вы поневолѣ даже среди толпы самому себѣ казались одинокимъ, ибо любили только себя, вѣрили только себѣ, только у себя находили душу.

Не даромъ Петя, несмотря на свои усиленныя занятія утромъ, днемъ и вечеромъ, спалъ безпокойно, горѣлъ и метался. Нигдѣ онъ не видѣлъ правды—ни въ гимназіи, ни въ товарищахъ, ни у себя въ семьѣ. На одного себя смотрѣлъ онъ какъ на воплощенную правду и думалъ: а что изъ этого? Я долженъ или молчать, или врать и притворяться!

Да, это былъ опасный годъ, опасная пора для его развивающейся, неперебродившей и неустановившейся юности.

ГЛАВА LII.

Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, чувствуя, что голова его кружится, Петя пересталъ готовиться къ экзаменамъ. «Э! сказалъ онъ,—если я въ восемь лѣтъ ничему не выучился, то и теперь, въ нѣсколько дней, ничему не выучусь, а если учился и кое-что знаю, то въ нѣсколько дней ничего не забуду и буду отвѣчать». Онъ былъ увѣренъ, что экзамены онъ выдержитъ блистательно, поступитъ въ университетъ, будетъ заниматься переводами, сочинять, писать статьи въ журналы, давать уроки и заживетъ самостоятельно.

Бросивъ книги, онъ почувствовалъ жажду не только ходить, но бѣгать, бороться, съ кѣмъ нибудь на кулачки драться; и чтобы какъ можно рѣже быть дома (на что была причина *особенная*, какъ мы это и увидимъ въ самомъ непродолжительномъ времени), онъ лишніе часы засиживался у своей ученицы Саши или у генерала Орѣшина.

Тамъ же постоянно онъ встрѣчался съ своей старой, долгой привязанностью, съ Маврой, которую Орѣшинъ не отказался помѣстить у себя и которая встрѣчала Петю какъ

Digitized by Google

родная, точно бабушка своего внучка или мать свое дорогое дитятко.

Мавра постоянно присутствовала при урокахъ Саши, сидя на сундукѣ и ковыряя спицами или перебирая какіе-то узелки съ тряпочками и копаясь въ нихъ.

Не разъ Мавра разводила руками и даже единственный зубъ свой скалила, когда ея Саша принималась что нибудь склонять или разбирать предложеніе. Слишкомъ ужь смѣшно все это ей казалось. Самое слово: «*предложеніе*» ее забавляло и тѣшило.

— Ну что это, разъ замѣтила она,—развѣ дѣвицы дѣлаютъ предложеніе? Это ты, какъ подростешь, какой-нибудь кралѣ предложеніе сдѣлаешь: дескать, не угодно-ли, пожалуйте.

Петя усмѣхнулся, мысленно потѣшаясь не столько надъ Маврой и ея жестомъ, сколько надъ Сашей, которая при этомъ раскрыла глаза и глядѣла на него пристально, не понимая, какое-же такое еще есть предложеніе и что такое при этомъ: «не угодно-ли? пожалуйте!»

Когда Орѣшинъ, уступая просьбамъ не столько Пети, сколько своей любимицы Саши, рѣшился взять къ себѣ въ домъ старуху, онъ обошелъ свою квартиру, нѣсколько разъ покачалъ головой и рѣшилъ помѣстить Мавру въ одной комнатѣ съ горничной Дарьей.

Горничной, разумѣется, это было непріятно, да и всѣмъ, начиная съ экономки, всѣмъ было непріятно жить съ такой старухой, которая, чего добраго, и насплетничаетъ или коечто и на чистую воду выведетъ,—это далеко не то, что напоить ее кофесмъ или насовать ей въ руки всякаго снадобья. «Да и что ей тутъ дѣлать? Здѣсь не богадѣльня!» толковала прислуга, и Мавра на первыхъ-же порахъ почувствовала, что экономка зла и что если она провалится къ чорту, горничная отъ радости перекрестится.

Мавра какъ-то разъ, заговорившись на ночь съ Сашей

Digitized by Google

(сказки вздумала ей разсказывать), заснула у нея въ комнатѣ на сундукѣ, никто ее не разбудилъ, и такъ до самой заутрени проспала она, уткнувши голову въ свой-же собственный мѣшокъ, который она тутъ въ уголкѣ и пристроила. Саша была очень рада, что бабушка спала у ней, и стала упрашивать ее совсѣмъ переселиться въ ея комнату.

Мавра спросилась у генерала и, съ его дозволенія, стала постоянно пребывать у Саши въ дѣтской, ни во что не мѣшаясь, ни на кого не сплетничая и ни на кого не жалуясь. И Сашѣ стало не такъ страшно спать у себя въ комнатѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ разъ Спичевскій по утру забрелъ къ ней и сталъ ее будить, то-есть принялся щекотать ее. Въ это время за дверью стояла экономка и хихикала, слыша крикъ дѣвочки: «убирайтесь... отстаньте... убирайся, дуракъ!»

Вообще въ квартирѣ Орѣшина для кухарки, экономки и горничной Спичевскій былъ не баринъ, а кладъ, потѣшникъ и балагуръ, который за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, а если полѣзетъ цѣловаться, такъ ужь ни крестомъ, ни пестомъ нельзя было отъ него отбояриться. Хотя порой онѣ и гоняли его отъ себя за слишкомъ явныя продерзости, но эти-то продерзости въ сущности имъ и нравились, какъ-разъ приходились въ уровень съ ихъ понятіемъ о томъ, какъ слѣдуетъ жить такъ, чтобы не было скучно. Въ особенности горничная Дарья вздыхала по немъ, когда Спичевскій пропадалъ, и говорила: «хоть-бы Поликарпушка подъѣхалъ, все-бы веселѣй!..» Эти вздохи, конечно, не мѣшали ей имѣть и другого, такъ-сказать, обыденнаго обожателя.

Этотъ-же самый Спичевскій, встрѣчаясь съ Петей, корчилъ серьезнаго малаго, и отъ разговоровъ и споровъ съ нимъ Петя тоже ни крестомъ, ни пестомъ не могъ отдѣлаться. Спичевскій любилъ, чтобы мальчики его слушали и слушались, а Петю, несмотря на годы его, онъ все еще, по сравненію съ собой, считалъ чѣмъ-то вродѣ мальчика.

Digitized by Google

ГЛАВА LIII.

Петя былъ одинъ изъ числа тѣхъ подростковъ, на которыхъ книга и высказанная при нихъ мысль имѣли несравненно большее вліяніе, чѣмъ отрицательныя стороны жизни или общества.

Онъ еще такъ мало жилъ, такъ мало сталкивался съ людьми!

Къ рѣзкому характеру своего родителя онъ привыкъ съ ранняго дѣтства. Дикія выходки отца и его безсердечіе раздражали его, мысленно бѣсили, но никакого осмысленнаго протеста ни разу не сложилось въ головѣ его. Онъ смотрѣлъ на невзгоды своей семейной жизни, на скаредность отца и на его безпричинную вспыльчивость какъ на нѣчто нормальное, присущее всякой семьѣ въ той или въ другой степени,— въ той же мѣрѣ присущее, какъ и безпорядочная расточительность, какую видѣлъ онъ въ семействѣ Померанской, своей крестной матери.

До сихъ поръ прилежно учась въ гимназіи, онъ не слыхалъ въ стѣнахъ ея ничего такого, что наталкивало-бы его на провѣрку дѣйствительности: всѣ ея педагоги, учителя и надзиратели были люди самыхъ дюжинныхъ, ничѣмъ невыдающихся качествъ, такіе-же, какъ всѣ... Каждый изъ нихъ былъ больше *лицо*, чѣмъ человѣкъ, въ высшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Никто, стало быть, и не объяснялъ ему, въ чемъ заключается нравственная сила или наибольшая справедливость человѣческихъ отношеній.

Петя давно-бы уже былъ испорченъ, бѣгалъ-бы за юбками, притворялся-бы скромникомъ и умѣлъ-бы поддѣлываться подъ характеръ учителей, надувать ихъ и вдоволь заочно надъ ними потѣшаться, если-бы не вліяніе покойной матери, оскорбляемой отцомъ его и невозмутимо-твердой и правдивой во всѣхъ невзгодахъ своей безотрадной и безпокойной жизни.

Digitized by Google

Ознобинъ, часто нелѣпый и нравственно развинченный, но честный, — Ознобинъ тоже былъ не безъ вліянія на Петю, который любилъ его.

Вліяніе Ознобина осталось, но давно уже потеряло свою силу; Ознобинъ самъ это чувствовалъ, вернувшись изъ деревни. Семнадцати-лѣтній юноша былъ далеко уже не тотъ отрокъ, который удовлетворялся его образомъ мыслей и его разсказами.

Ознобинъ былъ достаточно свѣдущъ, и, если-бы не безтактность и не прирожденная лѣнь, давно бы уже былъ магистромъ естествознанія. Спичевскій былъ недоучка или просто неучъ—и что-же?..

Часто поневолѣ встрѣчая этого Спичевскаго и безпрестанно споря съ нимъ, Петя сталъ иногда задумываться надъ тѣми фразами, которыя изливались изъ устъ этого ни на что неспособнаго, ничѣмъ незанимающагося фата, благо фразы изливались съ легкостью необыкновенной, точно Спичевскій былъ глубоко убѣжденъ, что все на свѣтѣ вздоръ, что изъ современныхъ порядковъ ничего хорошаго выйти не можетъ и что, стало быть, все надо похерить.

Не подозрѣвалъ Спичевскій, что только при такихъ-то порядкахъ и возможно существованіе такихъ празднолюбцевъ, какъ онъ, Спичевскій.

Онъ ни въ комъ не возбуждалъ довѣрія. Онъ самъ никогда ни надъ чѣмъ не задумывался, никогда не ломалъ головы и не рѣшилъ ни одного вопроса, ни въ чемъ не былъ убѣжденъ, но у него была большая память и онъ съ необыкновенною легкостью могъ повторить вамъ все имъ услышанное изъ устъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ онъ считалъ почему-то людьми авторитетными. При дядѣ и при пожилыхъ, даже въ незнакомомъ обществѣ, Спичевскій велъ себя осторожно — онъ былъ трусъ и притомъ не забывалъ своей выгоды. Дѣвочку Сашу онъ терпѣть не могъ. Онъ боялся, что дядя узаконитъ ее въ качествѣ своей дочери и ос-

Digitized by Google

тавить ей все свое состояніе.—Я говорю «*узаконить*» вмѣсто неумѣстнаго слова «усыновить» и вмѣсто неупотребительнаго слова «удочерить».—Онъ злился, что она еще слишкомъ мала для того, чтобы имѣть на нее вліяніе, или хоть для того, чтобы растлить ее.

Саша инстинктивно боялась Спичевскаго.

Петя тоже инстинктивно его терпѣть не могъ, но Спичевскому почему-то очень хотѣлось для Пети стать авторитетомъ. Онъ сознавалъ, какъ это нелегко, и это его подзадоривало. Онъ вычитывалъ и подбиралъ факты изъ русской жизни самаго что ни на есть непривлекательнаго свойства, вооружался, насколько могъ, анализомъ или діалектикой людей болѣе его развитыхъ и умныхъ, и постоянно въ тѣ часы, когда Петя давалъ уроки Сашѣ, приходилъ къ дядѣ и то зазывалъ Петю къ себѣ въ комнату, то уходилъ вмѣстѣ съ нимъ и до 15 линіи провожалъ его.

Спичевскій увѣрялъ, между прочимъ, Петю, что онъ глупъ будетъ, если въ огонь не побросаетъ всѣхъ своихъ латинскихъ и греческихъ классиковъ. Петя горячо спорилъ, и все таки, новый вопросъ запалъ ему въ голову, а именно — вопросъ: будетъ-ли совершеннѣе во всѣхъ отношеніяхъ, будетъ-ли нравственнѣе, умнѣе и справедливѣе тотъ человѣкъ, который изучилъ древніе языки?

Въ нѣкоторыхъ учителяхъ своихъ, въ особенности въ преподавателѣ латинскаго языка, чехѣ Миличѣ, онъ не замѣчалъ не только никакихъ совершенствъ, но не замѣчалъ самой обыкновенной справедливости. Миличъ этотъ вотъ уже годъ, какъ постоянно его преслѣдовалъ, и за его переводы, въ особенности съ латинскаго на русскій языкъ, ставилъ ему два бала, иногда три съ плюсомъ и никогда больше. Сознаніе Пети вопіяло противъ этой несправедливости; онъ положительно не понималъ, отчего это происходитъ, и приписывалъ это личной враждѣ къ нему Милича. Петя не зналъ, что чеху Миличу казалось, что Петя, во первыхъ, слишкомъ

Digitized by Google

много о себѣ думаетъ. Ему даже послышалось, будто-бы Петя разъ, въ минуту досады, сказалъ своимъ товарищамъ: «я знаю не меньше его самого!» Возможно и то, что кто-нибудь изъ товарищей на него насплетничалъ, такъ-какъ сплетни и тайный доносъ входили въ систему тогдашняго воспитанія, поощрялись начальствомъ и знаменовали собою духъ того времени, про которое покойный Некрасовъ выражался, что

Были хуже времена,
Но не было подлѣй.

Во-вторыхъ, чехъ зналъ плохо по-русски. Всѣ переводы свѣрялъ онъ по тетрадямъ или по печатнымъ переводамъ изданныхъ у насъ классиковъ. Этими переводами руководствовались почти-что всѣ ученики старшихъ классовъ, тогда какъ Петя работалъ самостоятельно и переводилъ не слово въ слово, а придерживаясь духа русскаго, литературнаго языка и даже заботясь о красотѣ выраженій; чехъ-же считалъ ошибкой, если Петя вмѣсто «благообразный юноша» переводилъ «красавецъ-юноша» или «молодой человѣкъ красивой наружности».

Кто не помнитъ или кто не слыхалъ, какъ одинъ изъ латинистовъ, вызванный къ намъ изъ Богеміи, перевелъ фразу: «Ars longa—vita brevis» слѣдующими словами: «искусство длинно, а животъ коротокъ», къ немалой потѣхѣ учениковъ?..

Петя, который мечталъ стихами перевесть Антигону Софокла, вѣроятно въ глубинѣ души своей былъ эстетикомъ, но классики, подобные Миличу, развѣ могли развивать въ ученикахъ своихъ наслажденіе художественными произведеніями древнихъ, не только передавая имъ красоты подлинниковъ въ самомъ неуклюжемъ видѣ, но еще и требуя отъ нихъ этой неуклюжести, во имя буквальной, съ духомъ русскаго языка несообразной точности?

Ничего этого Петя не соображалъ, а чувствовалъ только вопіющую несправедливость и, подъ вліяніемъ Спичевскаго,

Digitized by Google

готовъ былъ повѣрить, что классицизмъ никого еще не сдѣлалъ, да и не можетъ сдѣлать ни гуманнѣе, ни порядочнѣе. Онъ надѣялся на экзамены только потому, что тамъ будетъ не одинъ Миличъ.

До экзаменовъ оставалось недѣли три, такъ-какъ они должны были быть около 10 іюня. Петя хотѣлъ заниматься усиленно и безостановочно, но обстоятельства ему помѣшали... Новыя впечатлѣнія стали волей-неволей отвлекать и туманить его голову.

ГЛАВА LIV.

Петя въ срокъ подалъ свое прошеніе директору гимназіи о допущеніи его къ экзаменамъ зрѣлости. Дойти до восьмого класса и не желать получить права на поступленіе въ высшія учебныя заведенія—вещь почти невѣроятная; но желаніе, заявленное изустно или само собой понятное, для нашего бумажнаго времени—ничто, если не облечено въ канцелярскую форму.

Прошеніе, конечно, было принято и при этомъ было спрошено:

— А когда-же curiculum vitae? (т. е. краткое жизнеописаніе, начиная съ факта, въ какомъ году онъ родился, и продолжая данными, гдѣ воспитывался и подъ какими находился вліяніями).

— Да вѣдь я-же не *экстернъ*, отвѣчалъ Петя.

— Это все равно-съ, сказали ему;—хотя и нѣтъ яснаго указанія, чтобы ученики гимназіи представляли curiculum vitae, а все-же-съ, не ровенъ часъ, отъ насъ потребуютъ; скажите это всѣмъ вашимъ товарищамъ.

Въ тотъ-же день Петя написалъ слѣдующее:

«Родился я въ Петербургѣ въ 1859 году, 7 апрѣля; считаюсь дворяниномъ; но не знаю, какого происхожденія отецъ мой: онъ никогда мнѣ объ этомъ не говорилъ и бу-

Digitized by Google

магъ своихъ не показывалъ. Въ молодости своей онъ былъ музыкантомъ и съ раннихъ лѣтъ, во что-бы то ни стало, хотѣлъ сдѣлать меня артистомъ, но, къ несчастью, я не оправдалъ сладкихъ надеждъ моего родителя. Отецъ мой — лютеранинъ, мать православная, я тоже православный. Сначала воспитывался я дома, подъ руководствомъ и защитой моей покойной матери. Затѣмъ, когда я выучился грамотѣ, отдали меня въ *** школу, что при *** церкви, на Васильевскомъ островѣ. Тамъ выучился я болтать по-нѣмецки и прошелъ латинскую граматику; наконецъ, на десятомъ году, поступилъ я во второй классъ *** гимназіи и, постоянно выдерживая переходные экзамены, безпрепятственно дошелъ до восьмого класса. По выдержаніи экзаменовъ зрѣлости, надѣюсь поступить на филологическій факультетъ с.-петербургскаго университета, такъ-какъ къ изученію древнихъ литературъ имѣю особенныя наклонности».

Затѣмъ Петя, подписавъ свою фамилію, упомянулъ и о мѣстѣ жительства. Какъ ни легко было писать подобные меморандумы, однакожь, многіе затруднялись: инымъ хотѣлось описать свою жизнь какъ можно краснорѣчивѣе, другіе не знали, что именно нужно и что не нужно.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и тотъ верзила, котораго товарищи прозвали Поджабринымъ. Онъ подсѣлъ къ Петѣ и сказалъ ему:

— Если ты не поможешь, буду вѣчнымъ врагомъ твоимъ. Вотъ, я уже написалъ, что я родился въ Витебскѣ, въ 1858 г., въ августѣ.

И затѣмъ онъ сталъ спрашивать его на ухо (такъ-какъ это было въ классѣ, во время урока):

— А написать, что я жилъ у тетки и что эта тетка однажды, при помощи двухъ здоровеннѣйшихъ горничныхъ, отодрала меня?

— За что? полюбопытствовалъ Петя.

— А за то, братецъ, что я разъ подползъ подъ кровать

Digitized by Google

моей кузины, и ночью, вылѣзая оттуда, что-то такое опрокинулъ.

— Нѣтъ, ты этого не пиши, сказалъ Петя.

А написать, что я учился сначала въ одномъ очень модномъ пансіонѣ у мамзель Круа, а потомъ былъ въ частной гимназіи?

— Это слѣдуетъ написать.

— И что изъ этой гимназіи меня чуть не выгнали?

— За что? полюбопытствовалъ Петя.

— А за то, братецъ ты мой, что попался мнѣ въ руки карандашъ, я и ну поправлять какую-то географическую карту (на стѣнкѣ она висѣла) и нарисовалъ какую-то такую штуку неподходящую, что самъ потомъ удивился. Ей-богу!..

— Ну, можно-ли все это писать! не безъ досады замѣтилъ Петя.

— Да я этого и не хочу писать. Экой ты!.. Что я за дуракъ?.. Только вотъ, видишь, всего пять строчекъ вышло. Развѣ я могу подать пять строчекъ, когда вонъ Кальяновъ третью страницу отмахиваетъ? Пожалуйста, напиши. Я, что помню, подскажу тебѣ.

Петя написалъ ему карандашемъ въ своей тетради, что могъ и какъ могъ.

Верзила тотчасъ-же сталъ переписывать въ свою тетрадь, но не утерпѣлъ и добавилъ:

«Вообще, я воспитывался въ страхѣ Божіемъ, такъ-какъ вся семья моя отличалась пламенной любовью къ царю и отечеству».

На другой день всѣ до единаго ученика (13 учениковъ) представили свои curiculum vitae (зародыши своихъ будущихъ біографій), но начальство, прежде чѣмъ присоединило ихъ къ прошеніямъ, пробѣжало ихъ глазами и сдѣлало на нихъ свои замѣчанія, и, конечно, не могло не замѣтить, что Клинъ написалъ «надѣюсь» вмѣсто «желаю поступить», тогда

Digitized by Google

какъ правилами требуется заявлять свои желанія или намѣренія, а вовсе не надежды.

«Желать можно, но кто-же надѣется?» сказалъ еще Печоринъ въ романѣ Лермонтова, и сказалъ совершенно справедливо. Даже и привыкать на что-нибудь надѣяться въ наше время вовсе не слѣдуетъ.

Несомнѣнно, что и восьмиклассники наши не совсѣмъ-то на себя надѣялись. Чѣмъ ближе шло время къ экзаменамъ, чѣмъ выше поднималось солнце и дни становились длиннѣе, тѣмъ все больше и больше оказывались они друзьями и добрыми малыми. Экзаменъ зрѣлости, какъ приближающаяся гроза, заставилъ ихъ сближаться и заранѣе помышлять о взаимной помощи.

Безпрестанно слышалось въ коридорѣ или по выходѣ изъ сѣней на улицѣ:

«Иванъ, когда ты дома?» «Ради Бога приходи, поговоримъ — нужно, очень нужно». «Петръ, заходи, Кальяновъ великолѣпную штуку выдумалъ». Или: «Гмъ! Мы тоже были семиклассники, помогали-же».

Нѣкоторыя фразы, таинственнаго смысла, хотя и произносились чуть не вслухъ, но, заглушенныя стукомъ экипажей или уличнымъ шумомъ, разумѣется, никѣмъ и не могли быть подслушаны, да если-бы вы ихъ и подслушали, ровно ничего-бы не поняли.

Наступала пора (и Петя не могъ этого не чувствовать), когда юношеская хитрость, собираясь бороться съ старческимъ недовѣріемъ, достигаетъ такой утонченности, что въ практичности будущихъ русскихъ дѣльцовъ уже не остается ни малѣйшаго сомнѣнія.

Уроки продолжались; но это были ужь не столько уроки, сколько упражненія въ тѣхъ подвигахъ учености, которые предстояли ученикамъ въ роковые дни грозныхъ и неумолимыхъ экзаменовъ.

— А если, напримѣръ, говорилъ учитель математики, ходя

Digitized by Google

по классу съ кускомъ мѣлу и ни на кого не обращая вниманія,—вдругъ будетъ прислана вамъ такая задача?..

При этомъ онъ подходилъ къ доскѣ, чертилъ и стукалъ мѣломъ.

— Какъ вы ее рѣшите?

— Ну, говорилъ учитель словесности, если вы что-нибудь эдакое напишите — будетъ нехорошо; пожалуйста, никакихъ двусмысленныхъ фразъ. Ничего такого, что можно растолковать такъ и эдакъ... Положимъ, Бѣлинскій былъ хорошій, такъ-сказать, единственный у насъ критикъ, ну и Добролюбовъ тоже... Только нельзя-ли вамъ не упоминать объ нихъ? Вы бы еще на статью Пыпина сослались. Вотъ бы одолжили!..

Такого рода упражненія или исправленія направленій шли въ классахъ и по другимъ предметамъ, кромѣ Закона Божія.

Законоучитель, отецъ Исакій, сильно простудился на чьихъ-то похоронахъ, былъ боленъ возвратной лихорадкой и поневолѣ манкировалъ—не появлялся въ гимназіи, но восьмиклассники, хоть и знали, что онъ у нихъ не будетъ, не покидали класса, не расходились, не шумѣли, а очень солидно, точно взрослые, разговаривали. У каждаго на умѣ былъ экзаменъ зрѣлости, стало быть, что же мудренаго, что и разговоры ихъ отличались несвойственною лѣтамъ ихъ зрѣлостью; они очень хорошо понимали, что если не хитрить, то изъ 13 человѣкъ экзаменъ выдержатъ не болѣе 3-хъ, а если хитрить, то изъ 13 человѣкъ навѣрно 10 человѣкъ получатъ атестаты зрѣлости—и они не останутся съ носомъ, да и начальство будетъ довольнѣе.

На тему разныхъ ухищреній разсказывалось много невымышленныхъ, дѣйствительныхъ фактовъ, совершившихся въ стѣнахъ нашихъ учебныхъ заведеній, но я приведу одинъ разсказъ того-же самого Кальянова, который не даромъ написалъ три страницы, сочиняя свое жизнеописаніе, — онъ любилъ говорить и въ будущемъ мечталъ быть адвокатомъ...

Digitized by Google

— Господа! говорилъ онъ, сидя на столѣ и опустивъ на скамью свои ноги, — почему-бы намъ не сходить къ отцу Исакію и не попросить его... позаботиться о нашемъ спасеніи?.. Вѣдь вотъ въ прошломъ году отецъ Иринархъ въ *** училищѣ спасъ не только репутацію всего заведенія, но и себя возвеличилъ.

— Это какимъ образомъ? спросилъ кто-то.

— Очень просто... Узналъ онъ, знаете, что на экзаменѣ будетъ архіерей... и, должно быть, маленько струсилъ. А ну какъ, подумалъ онъ,—эти безбожники, матеріялисты, анафемы ничего не знаютъ? Вѣдь они меня срѣжутъ! Что тогда?» Пришелъ въ классъ: ну что, говоритъ, будете отвѣчать?— Да, будемъ, говорятъ, съ грѣхомъ пополамъ.— Тексты знаете?..—Знали, да забыли...— Что-же мнѣ съ вами дѣлать?.. Ну, говоритъ, сколько васъ, столько и билетовъ будетъ; васъ, говоритъ, тридцать-два по списку, ну и билетовъ тридцать-два. Вы на какой мнѣ вопросъ приготовите? спрашиваетъ одного.—На такой-то.—Ну хорошо. Вы готовьте съ конца, вы—въ серединѣ, вы—въ началѣ... словомъ, каждому указалъ страницу, каждому далъ роль свою вызубрить, да и говоритъ: берите, говоритъ, билеты по порядку сверху; я хоть и разбросаю билеты-то, только такъ, что безпремѣнно очередной билетъ будетъ наверху лежать... Я-же, говоритъ, за васъ стараюсь... вамъ-же добра желаю... Смотрите-же не зѣвайте, да не болтайте — вамъ-же будетъ хуже... Ну вотъ, пришелъ экзаменъ, съѣхались — архіерей, начальство, разумѣется; начинаютъ вызывать по алфавиту... и вѣрите-ли— что ни отвѣтъ, то пятерка... и даже рты всѣ разинули... Всѣ до единаго—превосходно, и тексты, и все... Кончилось тѣмъ, что архіерей всталъ и при всѣхъ облобызалъ законоучителя, да еще и къ наградѣ его представилъ... Вотъ какъ. Почему-бы и нашему отцу Исакію...

— Никогда, возразилъ Петя.

Началось общее рѣшеніе вопроса, возможно или невоз-

Digitized by Google

можно повтореніе у нихъ того же самаго, и такъ-какъ они знали характеры своихъ наставниковъ гораздо лучше, чѣмъ наставники ихъ характеры,—они пришли къ заключенію, что отецъ Исакій, человѣкъ еще молодой, либеральный, ничего такого хитраго не пойметъ, за архіерейскимъ поцѣлуемъ не погонится, да и архіерея никакого у нихъ не будетъ, а будетъ просто депутатъ или чиновникъ отъ министерства. Рѣшились просто попросить батюшку не слишкомъ допекать ихъ текстами, всякую-же другую просьбу сочли совершенно напрасною, такъ какъ отецъ Исакій и безъ того никому изъ нихъ меньше тройки не влѣпитъ... а больше и не нужно...

Очевидно, что экзамены изъ второстепенныхъ предметовъ, а стало быть и изъ Закона Божія, не особенно смущали молодыхъ людей; больше всего смущали ихъ задачи и темы въ запечатанныхъ пакетахъ... тайна, никому невѣдомая...

Поднять съ этой тайны покровъ не было никакой, ни физической, ни нравственной возможности; но одолѣть неодолимое, изъ воды выйти сухимъ, слизнуть огонь и языкъ не обжечь — вотъ задача, и эта задача не шутя занимала ихъ...

Къ чему привело рѣшеніе этой задачи—это мы увидимъ; скажемъ только, что и Петя Клинъ, самый угрюмый и несговорчивый, а въ послѣднее время даже раздражительный, на этотъ разъ оказался податливымъ, готовымъ всячески помогать своимъ товарищамъ, но, какъ самоувѣренный юноша, никого не просилъ въ случаѣ нужды помочь ему... Онъ былъ спокоенъ, онъ казался спокойнымъ. Никто не зналъ, какая стихійная сила страсти бушевала въ немъ, какъ онъ боролся и какъ мысленно завидовалъ своему товарищу, прозванному Поджабринымъ.

Digitized by Google

ГЛАВА LV.

Съ тѣхъ поръ, какъ однажды, около полуночи, Петя, вернувшись домой, какъ ни звонилъ въ передней, но Михѣя, котораго онъ прозвалъ прусакомъ (не нѣмцемъ, а тараканомъ), не дозвонился, а дозвонился своего родителя, который, окликнувъ его и отомкнувши ему дверь, тотчасъ-же его выругалъ и затѣмъ, растолкавъ Михѣя, до такой степени напугалъ его, что севастопольскій герой (Михѣй былъ подъ Севастополемъ), съ разстегнутымъ воротомъ посконной рубахи и взъерошенными усами, такъ страшно выпучилъ глаза, что Петя долго не могъ забыть его жалкой фигуры и испуганной физіономіи,—съ тѣхъ поръ Петя сталъ осторожнѣе и всякій разъ, когда запаздывалъ, стучался сгибомъ пальца въ томъ-же коридорѣ, да не въ ту-же дверь, а именно въ дверь просторной кухни съ перегородкой для кухарки и съ перегородкой для горничной.

Дуня сама вызвалась отмыкать ему дверь и при этомъ оказала такое усердіе, что до его возвращенія не ложилась спать, выходила въ коридоръ и садилась на подоконникъ, въ туфелькахъ на босую ногу, въ юбкахъ и ночной кофточкѣ. Ночи были майскія... Петя нерѣдко на этомъ подоконникѣ заставалъ ее дремлющей и будилъ ее. Иногда окно было открыто, ночной вѣтерокъ шевелилъ ея волосы и свѣтъ отъ блѣдно-зеленаго неба лежалъ на ней и на ея профилѣ блѣдными, бѣлесовато-мягкими пятнами.

Я уже сказалъ вамъ, что Дуня была недурна собой, проворна и услужлива. Петѣ она была ровесницей, — ей тоже восемнадцатый годокъ пошелъ,—и хотя она была безграмотна и на видъ казалась наивной и даже нетронутой, но кое-чему могла поучить и Петю. Описывать молодую жизнь Дуни—значитъ описывать похожденія разнаго рода лицъ мужского пола, начиная съ мальчишки изъ полпивной и кончая вся-

Digitized by Google

кими приказчиками, лакеями и даже писарями, изъ которыхъ одинъ клялся и божился, что онъ на ней непремѣнно женится, страшно ее ревновалъ, дѣлалъ сцены, а въ концѣ-концовъ женился на дѣвицѣ съ семидесятью рублями и съ годовалымъ ребенкомъ въ придачу.

Всѣ эти единственные воспитатели и наставники Дуни довели ее до того, что поступокъ, на который строгіе моралисты, отцы церкви и отцы благородныхъ дочерей смотрятъ какъ на преступленіе, сталъ для нея дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Такихъ Дунь во всѣхъ странахъ свѣта безчисленное множество, и кто первый броситъ въ нихъ камнемъ за то, что онѣ безнравственны? — Ужь, конечно, не мужчины, если только они не Тартюфы и не фарисеи. Судя по той школѣ, какую съ дѣтства прошла Дуня, она легко-бы могла сдѣлаться пьяницей, неряхой, грубой, непристойной дѣвкой и даже воровкой, но, какъ мы уже замѣтили, на видъ она была очень мила, пріятно улыбалась и, добавлю еще, честна, т. е. никогда не украла бы у васъ ни червонца, ни гривенника, гдѣ-бы вы ихъ ни забыли, на столѣ или у себя въ карманѣ. Одинъ только былъ у нея недостатокъ: если она находила на полу кусочекъ отпоротаго кружева, бархатную ленточку изъ волосъ или цвѣточекъ, она все это поднимала, совала себѣ въ карманъ,—и мечта, что она когда-нибудь на себя надѣнетъ, пріятно улыбалась ей. Въ этомъ только случаѣ она и была не совсѣмъ чиста на руку, да еще любила иногда мыться барскимъ мыломъ или чесаться барскими гребешками, и непремѣнно передъ туалетнымъ зеркаломъ (когда никого дома нѣтъ); за это ей часто доставалось и разъ отказано было отъ мѣста (мѣста въ денежномъ и столовомъ отношеніи такого, какого никогда еще у ней не было).

Поступивъ къ *Климамъ*, она тотчасъ же поняла, что старый баринъ суровъ и не повадливъ и что всего лучше ей какъ можно рѣже попадаться ему на глаза, что барыня мягка и покладиста и что дочка ея Ксенія — душка и ан-

Digitized by Google

гельчикъ. Петя же сразу ей показался загадкой... Чѣмъ дольше жила она, тѣмъ больше изумляло ее то обстоятельство, что этотъ молодой паренекъ съ нею не заигрываетъ, не щиплетъ и не треплетъ ее, точно она деревяшка.. Это ее обидѣло. И чѣмъ больше всматривалась она въ его черные глаза и густые, вихрастые волосы, тѣмъ болѣе обижалась. «Да что же это, чортъ возьми! думала она, — нешто я старая корга или уродъ какой?...»

И Дуня начала съ нимъ кокетничать—такъ, какъ кокетничаютъ крестьянки или горничныя, безъ всякихъ свѣтскихъ утонченностей и салонныхъ двусмысленностей,—кокетничать такъ явно и настоятельно, что не только Петя, малый ребенокъ понялъ-бы, чего она добивается.

«Нѣтъ, чортъ возьми! не поддамся, не таковскій я!» думалъ Петя. И не малымъ было торжествомъ для Дуни, когда Петя, разъ вернувшись далеко за полночь, въ дождливую ночь, когда въ коридорѣ было темно, поймалъ ее за голый локотокъ и сильно, до красноты пожалъ его. Она тотчасъ же тихонько пошла слѣдомъ за нимъ, и когда онъ вошелъ въ свою комнату, вынула спички и, чиркнувъ одной изъ нихъ по коробкѣ, щурясь и лукаво поглядывая на него, поднесла огонекъ къ свѣчѣ, которую тотъ успѣлъ уже ощупать на столѣ своемъ... Какъ ни старался онъ быть равнодушнымъ (передъ нимъ мелькала полуобнаженная блѣдная грудь и полураскрытыя губы), рука его дрожала, свѣтильня не попадала на огонекъ, спичка гасла... и потомъ изъ мрака, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго чирканья, вспыхивали новыя спички...

— Вѣдь у меня-же есть свои спички... зачѣмъ? дрожащимъ голосомъ проговорилъ Петя.—Уходи, уходи!

Съ этой ночи, всякій разъ, когда онъ поднимался къ себѣ на лѣстницу, онъ пріостанавливался, какъ-бы задыхаясь и въ то-же время какъ бы прислушиваясь къ чему-то таинственному, не подозрѣвая, что это таинственное было не что

Digitized by Google

иное, какъ избытокъ закипающихъ молодыхъ силъ, учащенное біеніе его-же собственнаго сердца. Что-то пугало его и влекло, и опять пугало... Иногда онъ, точно въ лихорадкѣ, не попадалъ зубъ на зубъ.

Однажды, проходя чрезъ кухню въ свою комнату, Петя выронилъ одну изъ своихъ тетрадокъ. Онъ уже засыпалъ, когда при блѣдныхъ признакахъ разсвѣта услышалъ, что дверь его комнаты скрипнула.

— Кто тамъ? замирая спросилъ онъ, приподнимаясь.

— Вы какую-то тетрадку выронили, я принесла, какъ-бы заикаясь пролепетала Дуня. Она была въ одной рубашкѣ.

— Боже мой! вздохнулъ Петя и уткнулся въ подушку носомъ, но она подошла—и онъ уже не могъ владѣть собой.

Петя въ душѣ своей былъ пуританинъ. Такимъ зналъ его Ознобинъ, такимъ подозрѣвали его товарищи. Онъ съ презрѣніемъ относился ко всякой недостойной связи безъ глубокой, самоотверженной любви, онъ считалъ позорнымъ поддаваться животнымъ инстинктамъ и, зная по разсказамъ, какъ много всяческихъ бѣдъ и напастей проистекаетъ отъ распущенности, онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ боялся женщинъ, какъ боятся ядовитой змѣи или зараженныхъ оспою. Но на этотъ разъ всѣ шансы были на сторонѣ врага его—Дуни.

И на другое-же утро, когда она ему улыбнулась при встрѣчѣ въ столовой, онъ такъ гордо, такъ холодно взглянулъ ей въ глаза, что улыбка тотчасъ-же замерла на губахъ ея и ямочки на ея щекахъ и подбородкѣ тотчасъ-же изгладились. Петя не могъ не сознавать или инстинктивно не чувствовать, что не онъ побѣдилъ — она; не онъ достигъ своей цѣли—она; не онъ торжествуетъ — торжествуетъ глупенькая горничная съ стеклянными сережками въ ушахъ и съ невычищенными ногтями.

До сихъ поръ онъ ничего этого не замѣчалъ, ни ногтей, ни сережекъ, теперь вдругъ все это замѣтилъ. Смутно-тревожное чувство закралось въ грудь его и залило краской

Digitized by Google

блѣдное лицо. Мысль, что эта Дуня живетъ въ одномъ съ нимъ домѣ, что она уже вправѣ, такъ-сказать, считать его *своимъ*, своею принадлежностью, что онъ уже будетъ и лицемѣрить, и скрываться, и, быть можетъ, обманывать,—мысль эта навела на него нѣчто вродѣ отчаянія; при этомъ, не забудьте, Петя (какъ и всякій наивный юноша) совершенно иначе представлялъ себѣ нравственную физіономію этой ему почти неизвѣстной дѣвушки, — онъ все воображалъ, что поступками ея руководила любовь, что она влюблена въ него, и, сознавая, что самъ онъ нисколько не влюбленъ, что тутъ нѣтъ ни атома идеальной любви,—чувствовалъ нѣчто вродѣ угрызенія совѣсти. Я намекаю только на состояніе души его въ то утро, когда и онъ сталъ ничѣмъ не лучше и не выше другихъ, такъ-сказать, вошелъ въ колею, проторенную всевозможными пошляками, дураками, умниками, сластолюбцами, негодями и сантиментальными отроками всѣхъ странъ, нарѣчій, состояній. Какъ увидимъ впослѣдствіи, совѣсть его нѣсколько успокоилась. Только Петя никакимъ образомъ не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь въ домѣ не только зналъ — подозрѣвалъ его.

«Если ты проболтаешься, разъ сказалъ онъ Дунѣ,—кончено — не смѣй тогда на три шага подойти ко мнѣ...» И какъ-же онъ удивился и даже испугался, когда однажды Михѣй, пришедшій звать его къ обѣду, столкнувшись съ Дуней въ дверяхъ его комнаты, осклабился и захихикалъ, точно въ горлѣ у него засѣла мокрота и забульбулькала.

— Чего смѣешься? спросилъ Петя.

— Да такъ-съ... Я не смѣюсь, чему тутъ смѣяться... хе, хе, хе!.. Такъ вы молодецъ... я вижу... хе, хе, хе!..

— Почему молодецъ?

— Да по всему-съ... хе, хе, хе...

— Да почему-же, прусакъ ты эдакій?.. Ну?..

— Спуску не даете-съ... хе, хе, хе!..

— Что ты врешь? сдвинувъ брови, крикнулъ на него до

Digitized by Google

самыхъ бѣлковъ покраснѣвшій Петя. — Что это ты воображаешь себѣ?...

— Я... ничего-съ... помилуйте!.. ужь ставъ на вытяжку, пробормоталъ севастопольскій герой.

«Ну, если догадался Михѣй, подумалъ Петя, надѣвая сюртукъ,—кто ручается, что не догадывается кухарка и что все это не узнаетъ не только мачиха, но и другой врагъ его, хорошенькая гимназистка Ксенія? Хорошъ я гусь — нечего сказать! Ну, да что будетъ, то будетъ... Спроситъ отецъ — скрывать не стану, выгонитъ — уйду... а не выгонитъ—ну... впередъ буду осторожнѣе. Да какая-же еще осторожность нужна? Чортъ возьми!..»

И сѣвъ за столъ рядомъ съ Ксеніей, онъ едва-ли не въ первый разъ заговорилъ съ ней. Отецъ его на что-то ворчалъ, но ворчанье его, очевидно, относилось до какого-то служебнаго дѣла или неисправнаго подчиненнаго. Мина Михайловна была все такая-же, поглядывала на мужа, улыбалась, сама наливала ему коньякъ и говорила, что ни за что не дастъ ему другой рюмочки.

ГЛАВА LVI.

Оттого-ли, что Петя смутно почувствовалъ, что и онъ «все такой-же», не лучше другихъ, и, такъ сказать, разочаровавшись въ самомъ себѣ, сталъ снисходительнѣе къ человѣческимъ недостаткамъ и слабостямъ, или просто оттого, что сталъ спокойнѣе, могъ наблюдать и не могъ не замѣтить, что Дуня на столько фамильярничаетъ съ гимназисткой Ксеніей, что, чего добраго, по глупости, не сегодня—завтра вздумаетъ съ ней интимничать,—только фактъ тотъ, что Петя пересталъ дичиться сводной сестры своей.

Разъ, въ какой-то праздничный день, когда отецъ его, нацѣпивъ на себя темлякъ, шпагу и орденъ, поѣхалъ представиться какому-то очень важному лицу, а супруга его,

Digitized by Google

Мина, уѣхала къ обѣднѣ или неизвѣстно куда, такъ какъ на девять-десятыхъ она была язычницей и только на одну десятую христіанской,—Петя засталъ Ксенію въ гостиной, съ катехизисомъ на колѣняхъ и съ рогулькой въ рукахъ.

Ксенія что-то заучивала въ книгѣ и машинально вязала снурочекъ.

— Для чего это вы плетете? мимоходомъ спросилъ ее Петя.

— Такъ, на что нибудь пригодится.

Петя сѣлъ противъ нея, пальцемъ дотронулся до рогульки и сказалъ:

— Я-бы никакъ этого не съумѣлъ.

— Хотите, я васъ выучу?

— Покорно васъ благодарю.

— А отчего вы какъ будто похудѣли?

Петя сконфузился. Ему показалось, что Ксенія взглянула на него какъ-то особенно грустно и вопросительно, да и въ самомъ вопросѣ почудилось ему нѣчто вродѣ намека на его поведеніе.

— Что это вамъ показалось?.. А впрочемъ... немудрено: у насъ скоро экзамены.

— И у насъ экзамены... Но неужели вы боитесь? Вы, кажется, не трусъ.

— Въ какомъ это смыслѣ не трусъ? Развѣ тутъ нужна храбрость? Да и почемъ вы знаете?..

Петя всталъ и подумалъ: «что это она все краснѣетъ, когда говоритъ со мной?»

На другой день, вечеромъ, онъ подсѣлъ къ ней за чайнымъ столомъ и разговорился съ ней.

— Вотъ вы говорите, продолжалъ онъ, между прочимъ,— что я часто пропадаю. А знаете, гдѣ я пропадаю? Во-первыхъ, три раза въ недѣлю, отъ семи до девяти часовъ вечера, даю уроки, и очень далеко отсюда... на Смоленскомъ кладбищѣ.

Digitized by Google

— Какъ на кладбищѣ?.. Мертвецамъ?.. спросила Ксенія.

Ей, начитавшейся фантастическихъ сказокъ вродѣ сказокъ «Кота-Мурлыки», Богъ знаетъ что вдругъ вообразилось.

— Почти что такъ, усмѣхнувшись, отвѣчалъ ей Петя.— Семейство, куда я хожу, состоитъ изъ отжившихъ и нежившихъ, да еще изъ одного, который только и бредитъ о томъ, чтобы всѣ померли.

— Какъ это странно! какъ-бы не довѣряя словамъ его, произнесла Ксенія.

Она чуть-ли не буквально поняла слова его, и робкій огонекъ загорѣлся и мгновенно потухъ въ темно-голубыхъ ея глазкахъ.

— Ну-съ... такимъ образомъ, я даю уроки, потомъ часу въ десятомъ отправляюсь... какъ-бы вы думали, куда?—къ Тучкову мосту. Тоже не близкое разстояніе.

— Зачѣмъ?

— Да тамъ живутъ товарищи,—повторяю съ ними греческій синтаксисъ;—иногда, вмѣстѣ съ ними, часу въ двѣнадцатомъ ночи, кофе пью, а иногда, просто, напившись съ вами чаю, отправляюсь къ Ознобину. Недавно я заходилъ къ нему тоже около девяти часовъ вечера, къ академику, у котораго онъ работалъ и ночевалъ.

— Вы ночевали?

— Не я, а онъ тамъ ночевалъ; вотъ я туда къ нему и заходилъ. Это, надо вамъ знать, старый другъ мой и, главное, человѣкъ, честности и безкорыстію котораго вѣрила покойная мать моя, котораго папа мой прогналъ и съ которымъ запретили мнѣ видѣться.

Ксенія наклонила голову и задумалась.

— Такъ вотъ гдѣ я пропадаю...

— А вы очень любили вашу маму?

— Еще-бы не любить! Я ее и теперь люблю, т. е. вспоминать объ ней, воображать себѣ, что вотъ, вотъ она тутъ сидитъ и смотритъ, что я дѣлаю—люблю.

Digitized by Google

— А!..

Что значило это восклицаніе, какъ-бы невольно вырвавшееся изъ молодой, еще не вполнѣ развившейся, дѣвственной груди хорошенькой дѣвушки, Петя не понялъ, да и она сама не съумѣла-бы растолковать себѣ этого восклицанія.

— А я думала, то есть, не я, моя мама думала, что вы каждый вечеръ по Невскому гуляете.

Петя съ минуту не зналъ, что ей сказать на это; онъ былъ озадаченъ.

— Да развѣ можно въ гимназической формѣ?.. Впрочемъ, вы, пожалуйста, меня не оправдывайте. Пусть ваша мама думаетъ, что ей угодно, такъ какъ я не хочу, не хочу, чтобы отецъ мой зналъ о моихъ урокахъ.

— Понимаю! полушопотомъ произнесла Ксенія.

Она ничего не поняла и сказала: «понимаю», должно быть, потому, что ей вдругъ представилась фигура и физіономія ея отчима (т. е. нашего почтеннаго Егора Антоновича) или вдругъ промелькнула мысль, что такому папенькѣ говорить что нибудь или признаваться въ чемъ нибудь не слѣдуетъ—*страшно*!—и что она никогда не забудетъ, какъ она холодѣла и какъ сжималось въ ней сердце, когда мама ея за столомъ при всѣхъ созналась мужу, что она солгала, и въ то же время все-таки старалась замаскировать года ея.

«Она меня понимаетъ!» про себя подумалъ Петя (юноши его лѣтъ обыкновенно думаютъ, что ихъ никто не понимаетъ, тѣмъ паче какая нибудь дѣвочка или подросточекъ).

— Ну, хорошо, если понимаете; а почему вы никогда ни въ чемъ не попросили меня вамъ помочь?.. Помните, вы сказали вашей maman: «Ахъ, какую трудную задачу намъ задали!» Можетъ быть, она для меня вовсе не трудная.

— Конечно, для васъ, можетъ быть, не трудная, но я и думать не смѣла...

— Не смѣли?.. Что же я такое, по вашему?

Digitized by Google

— Не сердитесь! Мнѣ казалось, что вы горды и... какъ-бы вамъ это сказать?.. меня презираете.

— Я презираю васъ?!

— Да.

— За что же? По какому праву?

— А за то, что... Нѣтъ!.. Этого я вамъ не скажу... Это—тайна...

— Петръ Егорычъ! перебила разговоръ ихъ Дуня.—Будете вы еще чай пить? Убирать можно?..

Дуня во все время разговора ихъ то уходила, то приходила и вертѣлась около самовара.

— Можно убирать, отрывисто отвѣчалъ ей Петя.

— Барышня! Можно мнѣ будетъ завтра въ театеръ сходить? Одинъ мой знакомый обѣщался билетикъ мнѣ занести.

— А я не знаю, можно-ли. Спросите маму... Я думаю, можно. Отчего не сходить въ театръ. Въ театръ!.. Ахъ, какая вы счастливая! Я сто лѣтъ не была въ театрѣ—вывозили меня, когда я была совсѣмъ, совсѣмъ маленькая и ничего не понимала...

— Кто-же васъ вывозилъ?

— Павелъ Павловичъ намъ всегда ложу бралъ, и мама...

— Какой Павелъ Павловичъ?

— Тютинъ! покраснѣвъ до ушей, едва выговорила Ксенія.

— А! воскликнулъ Петя, и смыслъ этого восклицанія былъ сразу понятъ ими обоими.

Дуня, убирая со стола, чуть не разбила чашки, — такъ она и торопилась, и не уходила, и ни на что не глядѣла, и слушала.

«Что за тайна?» думала она, подслушавъ словцо это въ устахъ своей милой барышни.

Она подслушала не изъ ревности, а просто изъ любопытства. Она боялась, что Ксенія выдастъ ему не свою, а ея, Дунину, тайну, такъ-какъ недѣли двѣ тому назадъ она говорила ей:

Digitized by Google

— Какой братецъ вашъ хорошенькій! Какіе глаза у него! Я просто въ него влюблена! Вотъ кабы да такой душенька былъ у меня!

Дуня вспомнила эти слова свои и боялась: ужь не этоли она хочетъ сказать ему? Вѣдь онъ разсердится! Онъ этого ей во вѣки вѣковъ не проститъ; о любви онъ и заикаться не приказалъ. Такой ужь, знать, уродился!..

— Скоро-ли вы уберетесь? не безъ досады обратился къ ней Петя, подозрѣвая, что она не безъ умысла вертится около нихъ у чайнаго столика.

И когда Дуня вышла, унося самоваръ и вздохнувъ такъ, чтобъ слышно было, какъ она вздохнула, Петя обратился къ Ксеніи:

— Пожалуйста, сказалъ онъ ей,—не будьте таинственны. Я человѣкъ простой, немазаный... Со мной надо или откровенной быть, или никакъ не быть... Я не говорилъ съ вами просто потому, что, думалъ, между нами ничего нѣтъ общаго, а между тѣмъ лицо ваше мнѣ кое-что напоминало, кое-что изъ моей прошлой жизни. Я думалъ, что мы выросли въ разныхъ гнѣздахъ, что вы привыкли роскошничать, а я въ стоптанныхъ сапогахъ ходить, что вы не будете со мной искренни, да и я не буду съ вами искренень, такъ зачѣмъ-же лясы-то точить? Что за охота?

— Да я и не могу быть искренней! съ сокрушеннымъ видомъ возразила Ксенія.

— Отчего?

Ксенія слегка передернула плечиками и на одну минуту сложила вмѣстѣ концы своихъ длинныхъ и еще розоватыхъ пальчиковъ.

— Нельзя... не могу... такое мое жалкое положеніе. Вы—человѣкъ, а я? Что я такое? Не знаю, кто мой отецъ, кто—мать! Не то воспитанница, не то дочь, не то чужая!..

— Меня это удивляетъ! помолчавъ и тоже слегка пожавъ плечами, заговорилъ Петя. — Какъ-же это такъ? Мина Ми-

Digitized by Google

хайловна всѣмъ говоритъ, что вы ея дочь, и, я полагаю, было-бы очень глупо, если-бы она это скрывала.

— Да, я это знаю, что она такъ говоритъ! А все-же мнѣ-бы хотѣлось знать, кто мой настоящій отецъ? Кто настоящая мать? Нищіе они или богатые? Живы они или умерли? Какъ живутъ? Что дѣлаютъ?..

Ксенія закрыла руками лицо свое, но, услышавъ за дверью шорохъ, встрепенулась и оправилась.

— Но вѣдь ваша мать... извѣстно, кто ваша мать?

— Совсѣмъ неизвѣстно... совсѣмъ! Вы думаете, что я незаконная? Нѣтъ, это неправда, не вѣрьте этому... Я была подкинута, договорила она полушопотомъ, сконфузилась и надула губки.

— А, вотъ что!..

— И вы меня презирали за то, что... вы думали...

— Я ничего не думалъ. Ей-богу! И признаюсь вамъ, даже вовсе объ васъ не думалъ...

— Такъ-таки ни... ни насколько?

И Ксенія двумя мальчиками лѣвой руки отмѣрила маленькій кончикъ на своей правой рукѣ.

— Ну, развѣ немного больше, сказалъ Петя какъ-бы ей въ утѣшенье.

— Ну, и за то спасибо! какъ-бы слегка вздохнувъ, сказала Ксенія.

«Она милая, подумалъ Петя, — съ ней можно разговаривать».

И разговоръ окончился тѣмъ, что Ксенія призналась, что мать ея — урожденная Баскова, а вовсе не Тютина, что она — Сергѣева... и что ей почему-то очень не нравится эта фамилія. Петя далъ ей слово когда-нибудь, со временемъ, непремѣнно разузнать, кто ея отецъ, и если мачиха его ей не мать, то узнать, кто ея мать.

Ксенія за это очень крѣпко пожала ему руку, и на этотъ разъ они разстались, повидимому, очень довольные другъ другомъ.

Digitized by Google

Прошла еще недѣля. Наступилъ іюнь. До экзаменовъ оставалось недолго. Старый Клинъ былъ не въ духѣ, во-первыхъ, потому, что Тютинъ давно уже не писалъ ему; во-вторыхъ, потому, что одно очень доходное дѣльце прошло у него подъ носомъ; въ-третьихъ, потому, что Мина Михайловна спросила его, гдѣ онъ наймете дачу, такъ-какъ лѣтомъ въ Петербургѣ она жить не привыкла, и хотя Клинъ на это возражалъ, что въ квартирѣ его лѣтомъ будетъ прохладно и что ѣхать за городъ не зачѣмъ, Мина Михайловна сказала ему, что она привыкла лѣтомъ видѣть передъ собой зелень и слышать, какъ поютъ разныя птички. Клинъ хотѣлъ за это назвать ее дурой, но только промычалъ и сказалъ, что это глупости. Мина Михайловна, при всемъ ея умѣньѣ притворяться, чуть не заплакала.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого разговора, Клинъ, по дѣлу, съ докладомъ, былъ у своего генерала, и генералъ между прочимъ, прощаясь, сказалъ ему:

— А! чтобы не забыть: гдѣ вы будете жить на дачѣ?

Клинъ былъ озадаченъ и сказалъ, что онъ остается въ городѣ, чтобы не запускать дѣлъ.

— Ну, а ваша жена? Что она? Какъ ея здоровье? Давненько я не видалъ ее, лѣтъ этакъ десять; какъ время-то идетъ, какъ подумаешь! Тогда она была еще молоденькой и казалась мнѣ семнадцати-лѣтней барышней. Кланяйтесь ей отъ меня и, если попрежнему она будетъ жить въ Павловскѣ, скажите, что я сдѣлаю ей визитъ, такъ-какъ надняхъ переѣзжаю въ Царское.

Не ревнивому, но подозрительному Клину тотчасъ вообразилось, что его превосходительству уже извѣстно, что онъ, яко тиранъ, не пускаетъ на дачу жену свою; онъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и заговорилъ самымъ добродушнымъ тономъ:

— Я ей не препятствую... что-жь! Дѣйствительно, она уже привыкла лѣтомъ пользоваться природой. Полагаю, ваше

Digitized by Google

превосходительство, что она переѣдетъ въ Павловскъ, тѣмъ паче, что вы такъ добры, что...

— Ну, и прекрасно! перебилъ его генералъ, усмѣхаясь.— Вамъ-же нужно будетъ заѣзжать ко мнѣ съ докладами,—не всякій-же день я буду въ городѣ. Время горячее, того и гляди—война. Дѣла усложняются, все страшно натянуто. Даже въ Англіи начинаютъ кричать противъ турецкихъ звѣрствъ и собираются митинги. Въ Сербіи—кавардакъ, Черняевъ—тамъ. Не понимаю, какъ можно было туда пускать его.

— А есть-ли у насъ финансы? спросилъ Клинъ.

— То-то и есть, что финансы! Но, можетъ быть, еще какъ-нибудь и выйдемъ изъ воды сухи, только во всякомъ случаѣ, это лѣто мнѣ нужно будетъ вамъ кой-что поручить. Итакъ, до пріятнаго свиданія.

Вернувшись домой, Клинъ сказалъ женѣ своей:

— Поѣзжай въ Павловскъ и найми дачу. Ишь избаловалась! Я не Тютинъ, у меня нѣтъ херсонскихъ степей. Ты-бы ему написала, чтобы онъ не забывалъ объ насъ.

— А вотъ какъ переѣдемъ на дачу, уже ласкаясь къ мужу, заговорила Мина,—тотчасъ-же на свободѣ и напишу ему. Да вотъ что: пишетъ ко мнѣ изъ Рязани сестра моя, Надя, что ей нужно быть въ Петербургѣ; можно-ли мнѣ будетъ принять ее?

— Ну, ужь это нѣтъ! прохрипѣлъ старикъ.

— Всего только недѣли на двѣ.

— Что это такое? Развѣ у меня постоялый дворъ?.. Сестра! Почемъ я ее знаю!

— Она гувернанткой у князя Бахтамышева. Очень образованная, очень порядочная дѣвушка — не въ меня... гораздо лучше меня.

— Сокращайте расходы... я вамъ говорю, сокращайте расходы, иначе плохо будетъ!

— Сестра не увеличитъ расходовъ.

— Михѣй! крикнулъ въ дверь Егоръ Антоновичъ.

Digitized by Google

За спиной повернувшагося мужа Мина высунула, языкъ,— словомъ, сдѣлала очень некрасивую гримасу.

Михѣй явился и всталъ у притолки.

— На какія деньги ты былъ пьянъ вчера?

— Ни на какія, ваше высокобродіе.

— Кто тебѣ далъ? Далъ тебѣ Петя денегъ?

— Только двугривенный изволили дать, ваше высокобродіе.

— А много у него этихъ двугривенныхъ?

— Не могу знать, ваше высокобродіе.

— Да ты и сегодня того... распроканалья ты! Я тебѣ дамъ напиваться не во-время! П-шелъ!..

ГЛАВА LVII.

Къ Минѣ Михайловнѣ пріѣзжала и Александра Александровна Ерошина, извиниться, что не была у ней на свадьбѣ.

— А я ужь думала, съ чувствомъ говорила ей Мина,— что вы и знать меня не хотите—вы, моя милая, моя единственная!.. Вы знаете, что я была у васъ съ визитомъ и мнѣ сказали, что никого, ни души нѣтъ дома.

— Да, я знаю. Мужъ былъ въ конторѣ, а я въ Гостиный дворъ поѣхала, нужно было что-то купить, и съ тѣхъ поръ я каждый день собиралась къ вамъ—и постоянно что-нибудь мѣшало; дѣти ужасно какъ много поглощаютъ времени.

Такъ началась ихъ бесѣда; Мина Михайловна, очевидно, была очень рада, что *примѣрная мать семейства* не измѣнила ей; мало-по-малу она впала въ интимный тонъ и въ слѣдующихъ словахъ нарисовала ей картину своего семейнаго счастія.

— Разумѣется, я вышла замужъ не по страсти. «Надо когда-нибудь и благоразумной быть», подумала я и рѣши-

Digitized by Google

лась. Что было-бы со мной, если-бы я состарилась, не имѣя никакого положенія въ обществѣ... ни красоты, ни денегъ... это было-бы ужасно. Я, разумѣется, не ожидала ничего особеннаго, но я... я все-таки счастлива, кое-какъ живу... могло-бы и хуже быть. Егоръ Антонычъ человѣкъ странный, но съ нимъ еще можно ладить. Конечно, перевоспитать его уже невозможно. Еще слава-Богу, что у него теперь дѣлъ по горло, безпрестанно на службѣ или сидитъ за бумагами и щелкаетъ на щетахъ. Иногда я скучаю, никто у насъ почти не бываетъ, потому что... ну, да потому, что мужъ мой не очень-то жалуетъ гостей моихъ... не то, что ревнуетъ, а такъ, Богъ его знаетъ, что у него на умѣ. Зуевъ былъ раза два, покурилъ, поболталъ и уѣхалъ; Бековъ тоже. (Ни о Зуевѣ, ни о Бековѣ Александра Александровна не имѣла ни малѣйшаго понятія, но промолчала.) Сестрица-же ваша, Александра Александровна, совершенно забыла насъ. Богъ съ ней! Дочка мужчина—Анюта Духова, не разъ уже появлялась; но та вѣчно съ своей просьбой о деньгахъ... Что я могу? скажите пожалуйста... Имѣю-ли я какое-нибудь вліяніе?.. Сердце у него есть... да, знаете, мохомъ поросло, такъ обросло, что и не видать его. Вѣрите, музыки даже не слышу. Ему некогда, а я играть не смѣю,—развѣ когда его дома нѣтъ. Разъ было заиграла при немъ какой-то вальсъ—заткнулъ уши .. и такъ затопалъ ногами, что я думала—съума сошелъ. Петя недурно разбираетъ ноты, но до того-ли ему?. То экзамены, то... надо-же и пошляться, понимаете... такія лѣта его. Къ тому-же онъ такой бука. Но это и понятно... Мнѣ, признаться, иногда и жаль его. Славный малый... честный, прямодушный... и будь я помоложе или Ксенія моя постарше, мы-бы съумѣли какъ-нибудь обтесать его. Неотесанъ—понимаете? Надняхъ мы переѣзжаемъ въ Павловскъ, и вы тоже? Ахъ, какъ я рада, какъ я рада!..

Такъ говорила Мина, и, смѣю васъ увѣрить, говорила съ большимъ тактомъ, не жаловалась и не восхищалась, ска-

Digitized by Google

зала, что счастлива, и наговорила кучу такихъ вещей, что вышло, будто-бы и не совсѣмъ счастлива — понимай, какъ хочешь.

Александра Александровна все время улыбалась очень снисходительно и, вопреки мнѣнію мужа своего, была убѣждена, что Мина Михайловна, обзаведясь законнымъ мужемъ, окончательно вышла на путь добродѣтели.

— Ну, и вы не будете измѣнять ему? спросила она Мину Михайловну и сама покраснѣла, чувствуя всю нескромность своего вопроса, даже не понимая, какъ такой вопросъ могъ сорваться у ней съ языка.

— Ахъ, Александра Александровна, за кого-же вы меня принимаете?! воскликнула, нисколько не покраснѣвъ, Мина Михайловна. И, тотчасъ-же овладѣвъ руками гостьи, слегка покачала головой, улыбнулась и сказала: — какого, однако, вы дурного мнѣнія обо мнѣ—не ожидала!

Это восклицаніе тоже было великолѣпно! Его можно было понять съ двухъ точекъ зрѣнія. Съ точки зрѣнія г-жи Ерошиной оно выражало негодованіе, во-истину заслуженное ею за такое подозрѣніе; съ точки-же зрѣнія г-жи Клинъ— оно означало: «за какую-же дуру вы меня принимаете! Чтобъ я была вѣрна этому старому чурбану! Да какого-же вы дурного обо мнѣ мнѣнія!»

Александра Александровна уѣхала очень довольная г-жей Клинъ и, уѣзжая, сказала ей: «Вы теперь убираетесь, не хочу мѣшать вамъ. Увидимся въ Павловскѣ». Мина Михайловна дѣйствительно торопилась уборкой: ей хотѣлось воспользоваться теплой погодой, хотѣлось застать въ Павловскѣ букеты изъ ландышей и соловьиныя трели.

Всѣ помогали ей убираться—и Ксенія, и Дуня, и даже отчасти Петя, который отлично застегивалъ ремни на чемоданахъ и перевязывалъ веревками сундуки, у которыхъ замки не отличались особенной прочностью. Рѣшено было выѣхать чрезъ день, т. е. въ воскресенье. Въ это воскресенье Петя

Digitized by Google

всталъ съ постели довольно поздно, да и то разбудили его перевощики, которые пріѣхали за мебелью и за кухоннымъ скарбомъ.

Но съ Петей ночью случилось нѣчто такое, чего онъ, конечно, не ожидалъ.

Пользуясь мракомъ ночи и храпомъ почтеннѣйшаго Егора Антоновича, который иногда храпѣлъ такъ, что въ коридорѣ глухо отдавались звуки, похожіе на хрипъ подпилка, мѣрно проводимаго по куску какого-то хрупкаго дерева, Дуня пробралась къ Петѣ въ комнату. Пришла она веселая-развеселая, была въ полномъ смыслѣ слова шаловлива, какъ котенокъ, и вдругъ, не прошло и четверти часа, какъ она склонилась на плечо задремавшаго Пети и зарыдала... слезы ручьями побѣжали изъ глазъ ея. Петя былъ и пораженъ, и даже испуганъ. Что говорить? Чѣмъ утѣшать?.. Наконецъ, чему приписать такое внезапное горе?

Дуня не увѣряла его въ своей любви, не клялась ему; она просто шептала ему на ухо, что ей не хочется на дачу, что не остаться-ли ей въ городѣ, не найти-ли себѣ другое мѣсто, чтобъ хоть изрѣдка навѣщать его, своего милаго барина!

— Да вѣдь я буду пріѣзжать на дачу, увѣрялъ ее Петя.—Развѣ тамъ мы не будемъ видѣться? Ну, отчего ты плачешь? Отчего?

— Да, такъ, милый баринъ, очень ужь грустно стало мнѣ... дура я такая, оттого и плачу. Сама виновата, чувствую... чувствую...

И опять слезы.

— Да чѣмъ-же ты виновата... мы оба виноваты... Что-же ты... Вѣдь ты знала, Дуня, что я... что... я никого не люблю...

— Да за что меня, дуру, любить?.. Я это сама оченно... очень понимаю...

Нескоро онъ ее успокоилъ, упросилъ ее уйти и ни о чемъ не думать...

Digitized by Google

Горничная ушла, а Петя думалъ, думалъ, думалъ и не могъ спать.. Сильно онъ упрекалъ себя, подозрѣвалъ, что въ сердце этой дуры, чего добраго, заронилъ онъ искру настоящей, человѣческой любви... и для чего?.. Для того, чтобъ искра эта погасла безъ слѣда или для того, чтобы она долгіе годы невидимо жгла ее и сокрушала...

Въ 11 часовъ утра, напившись чаю, Петя сидѣлъ уже въ комнатѣ своей мачихи и смотрѣлъ, какъ при помощи Дуни разбиралось бѣлье и какъ Ксенія укладывала свои книжки, наклонясь съ распущенной, волнисто-русой косой надъ плетеной корзиной, гдѣ помѣщались ея носовые платки... чулки и всякая мелочь...

Дуня не безъ интереса, быть можетъ съ тайной завистью, разглядывала вещи своей барыни, которыя попадались ей подъ руку, раскрывала разныя сафьянныя коробочки и опять закрывала ихъ... Наконецъ, она вышла.

— Что это у нашей Дуни глаза заплаканы? спросила Мина Михайловна.

— Не знаю, мама, отвѣчала Ксенія.

— Или милаго дружка жаль покинуть?..

— Какого дружка? спросила Ксенія.

Петя поблѣднѣлъ...

Мина Михайловна не обратила на Петю никакого вниманія; она размышляла, куда дѣвать ей свадебные атласные башмаки — брать ихъ въ Павловскъ или не брать?.. будетъ-ли балъ въ Павловскѣ или не будетъ?.. и если будетъ—пуститъ ее на этотъ балъ Егоръ Антоновичъ или не пуститъ?..

Ксенія-же, вдругъ, точно что вспомнила, подняла голову и поглядѣла на Петю...

— А я, къ сожалѣнію, провожать васъ не могу — некогда. Да и что за проводы!.. сказалъ Петя.

— Да вѣдь вы-же, Петя, сами вызвались до Павловска проводить насъ, проговорила мачиха, не оборачиваясь и засовывая въ глубину комода свадебныя свѣчи, тѣ самыя бѣ-

Digitized by Google

лыми лентами перевязанныя свѣчи, что такъ недавно еще горѣли передъ алтаремъ, знаменуя собой пылающія сердца брачущихся Егора и Мины...

— Да никакъ не могу, отозвался Петя; — вспомнилъ — на одно «rendez-vous» обѣщалъ придти.

И съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

Мина обернулась, съ добродушной улыбкой поглядѣла ему вслѣдъ и проговорила: «совралъ!»

Ксенія потупилась.

Часы били 12; до отъѣзда на станцію царскосельской желѣзной дороги оставалось не болѣе трехъ часовъ съ половиной.

ГЛАВА LVIII.

Петя вышелъ на улицу и пошелъ на встрѣчу пыли, куда глаза глядятъ. Смутно было у него на душѣ. Мысль, что Ксенія, этотъ ребенокъ, это милое существо, если и не знаетъ, то подозрѣваетъ его въ связи съ ея горничной — была невыносима для его юношескаго самолюбія. (А давно-ли онъ думалъ, что Ксенія — кукла и больше ничего?) Онъ никакъ не могъ понять, что значилъ этотъ блестящій, пристальный взглядъ Ксеніи, и злился на свое смущеніе, злился на заплаканные глаза Дуни, и въ то-же время какая-то жалость врывалась въ его сердце и наполняла его тревожнымъ предчувствіемъ.

Осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ, что идетъ по Гороховой, вспомнилъ, что давно не былъ у крестной, и зашелъ къ Померанскимъ узнать, куда они дѣнутся лѣтомъ и ѣдутъ-ли заграницу. Ему было все равно, куда они дѣнутся, но... надоже было чѣмъ-нибудь развлечь себя.

Померанскихъ онъ засталъ дома — и, повидимому, передъ сборами... Въ столовой стояли сундукъ и два чемоданчика, на столахъ и стульяхъ, начиная съ гостиной, въ безпорядкѣ,

Digitized by Google

далеко не поэтическомъ, лежали снятыя съ оконъ драпри, приготовленные чехлы для мебели, свернутый столовый коврикъ, завернутые въ бумагу подсвѣчники, коробочки, наполныя стклянками, веревочки, снурочки и прочія тому подобныя вещи...

Старуху Померанскую, Лизавету Гавриловну, Петя засталъ въ какомъ-то добросердечномъ раздраженіи. Она горевала, что мужъ ея, голубчикъ Иванъ Семіоновичъ, остается на цѣлое лѣто одинъ съ Софьей Ивановной, что на сыновей плоха надежда, ибо всѣ до единаго разбредутся, что ѣхать за-границу ей не хочется, а ѣхать нужно... что Володя хочетъ остаться на томъ-же курсѣ и не держать экзамена, такъ-какъ вмѣсто одной недѣли чуть не съ мѣсяцъ пробылъ въ деревнѣ дяди Григорья; что денегъ у ней на дорогу всего 1,700 рублей, и если-бы Володя въ добавокъ не занялъ у дяди двухъ тысячъ, то пришлось-бы имъ и на бобахъ сидѣть.

Варя, точно восковая, съ блѣдными губами, сидѣла у окна и апатично выслушивала разсказы брата о томъ, какъ ловко, во-первыхъ, доказалъ онъ дядѣ, что деньги у него есть, и, во-вторыхъ, какъ постепенно убѣдилъ его дать ему три тысячи. На этомъ самомъ мѣстѣ разсказа Петя засталъ старуху, Варю и самого разказчика, и ничего нѣтъ мудренаго, что крестная маменька, хоть и протянула ему руку, почти не замѣтила его присутствія.

— Какъ три тысячи? спросила она Володю, недоумѣвая...

Володя, бронзовый отъ загара, слегка приподнялъ носъ свой, помолчалъ и сказалъ, улыбаясь:

— Да такъ-же-съ: двѣ для васъ, какъ вы просили, и одну для себя.

— Какъ?.. раскрывая ротъ и поднимая брови, изумилась старуха.

— Очень просто... не вамъ однимъ нужны деньги... и мнѣ онѣ нужны...

— Для чего?.. И кто-жь будетъ платить?..

Digitized by Google

— Вы заплатите свое, я—свое... Не безпокойтесь, мои деньги не пропадутъ.

— Петя... это ты... зайди, голубчикъ, къ Алешѣ — простись съ нимъ, задыхаясь и улыбаясь проговорила старуха Померанская, замѣтивъ въ комнатѣ присутствіе своего крестничка...

— И для чего это только мы ѣдемъ?! болѣзненнымъ голосомъ протянула Варя.

Но что было дальше, какой потомъ происходилъ разговоръ между маменькой, сынкомъ и дочкой—Петя уже не слышалъ: онъ пошелъ къ Алешѣ коридоромъ и по ошибкѣ отворилъ дверь къ Ивану Ивановичу. Что-то невѣроятное бросилось ему въ глаза. Онъ услыхалъ шорохъ юбокъ, ему показалось, что гувернантка, мамзель Бригале, только-что соскользнула съ колѣнъ всѣхъ влюбляющаго въ себя Ивана Ивановича. Петя тотчасъ-же затворилъ дверь и, смущенный, прошелъ къ Алешѣ, котораго засталъ за книгами, въ туманѣ папироснаго дыма, такъ-какъ юные Померанскіе папиросъ курили въ день несчетное количество.

— Нѣтъ, ужь это дудки, сказалъ Алеша,—чтобъ я поѣхалъ за-границу, не окончивши экзаменовъ; да меня и не пустятъ, — обо мнѣ нужно особый докладъ подавать... Мнѣ уже не 14-й годокъ, а цѣлыхъ 16 съ хвостикомъ...

— Да съ кѣмъ-же поѣдетъ мать твоя?..

— А съ управляющимъ... съ Семеномъ Михайлычемъ.

— А кто будетъ домомъ управлять?

— А Володька—братецъ мой, чѣмъ не управляющій!?

— Вотъ нашелъ... онъ тоже не хочетъ оставаться въ городѣ.

— Ну такъ что-жь — будетъ пріѣзжать. Да къ тому-же это еще бабушка на-двое сказала, будетъ-ли онъ жить на дачѣ—влюбленъ до зарѣзу въ Анюту, сестру твою.

Петя поглядѣлъ на Алешу нѣсколько озадаченными глазами, но не сказалъ ни слова.

Digitized by Google

— Тебѣ, я думаю, это все равно, потому и говорю; ты, братъ, нашего поля ягода, въ мѣщанскую мораль рядиться не станешь, мѣшать тоже не станешь...

— Ну, а сестра что?...

— Ну, кокетничаетъ... а что дальше—чортъ ихъ знаетъ. Мнѣ, братъ, не до того. Вотъ одной фразы одолѣть не могу, какой тутъ нуженъ *аористъ* *).

— Не смогу-ли я тебѣ помочь?

— Ни... не надо... самъ...

Алеша, какъ ученикъ не той гимназіи, гдѣ учился Петя, ни за что-бы не обратился къ нему за помощью. Вообще, ученики разныхъ гимназій никогда или очень рѣдко помогаютъ другъ другу. Да оно и понятно: въ каждой свои учителя и, можетъ быть, своя манера преподаванія, въ каждой свой установившійся взглядъ на извѣстные порядки, свое начальство, свой норовъ, свои обычаи или привычки.

Не желая оставаться обѣдать у Померанскихъ, Петя сказалъ Алешѣ: «мы еще увидимся—прощай!» Былъ уже четвертый часъ пополудни, а Петѣ все казалось, что мачиха его не уѣхала и что, стало быть, возвращаться домой ему еще рано, и онъ пошелъ въ Кирпичный переулокъ, въ chambres garnies, къ Ознобину.

Давно уже на челѣ Ознобина не торчалъ такъ высоко хохолъ въ видѣ петушинаго гребня и давно уже не казался онъ Петѣ такимъ бодрымъ и какъ-бы встревоженнымъ. Онъ точно открытіе сдѣлалъ или рѣшилъ въ умѣ неразрѣшимое. Онъ писалъ, и Петя тотчасъ-же замѣтилъ, что онъ оборвалъ теченіе его мыслей.

— Извините, прошепталъ онъ,—я, можетъ быть, не вовремя...

— Э, что за извиненія... Работаю, батюшка, работаю... три ночи не спалъ. Э... но что съ вами?.. Али экзамены доѣдаютъ?

---

*) *Аористъ*, одна изъ формъ греческаго глагола.

Digitized by Google

— Что экзамены! Тоска, вотъ что. Представить себѣ не можете, какая страшная тоска: не глядѣлъ-бы на свѣтъ Божій. Все ложь—и я такая-же ложь.

— А вотъ, если эти идеи да когда-нибудь будутъ воплощены... тоски... э... не будетъ.

И Ознобинъ положилъ широкую, плоскую ладонь свою съ коротенькими ногтями на страницу бумаги, которая лежала передъ нимъ на столѣ и до половины была исписана

— Грандіозная мысль... э... знаете, пришла мнѣ въ голову...

— Что-нибудь о природѣ?

— Да, все природа... э... и Петербургъ—природа. Изъ природы, батюшка вы мой, какъ не рвитесь... э... никуда не вырветесь. Но такъ-какъ мы въ то-же время и духъ, то и должны эту природу приноровлять не только къ своимъ физическимъ, но и къ духовнымъ потребностямъ. Можно жить и въ безобразномъ, неуклюжемъ зданіи, съ выбитыми гдѣ попало дырьями, но духъ требуетъ и тутъ гармоніи частей—требуетъ стройнаго зодчества. Природа, при помощи удивительной гармоніи красокъ, хороша даже въ своемъ безпорядкѣ. Въ томъ, какъ разбросаны на землѣ горы, лѣса, моря и степи, никакого порядка нѣтъ, стоитъ взглянуть на карту... но около себя въ жизни мы-бы такого безпорядка не вынесли. Если я повѣшу одну картину у самаго потолка, а другую сбоку у самаго пола, шкафъ поставлю среди комнаты, зеркало повѣшу на одномъ гвоздикѣ вкось,—мнѣ будетъ неловко. Дворникъ войдетъ — и тотъ подумаетъ, что я не то идіотъ, не то помѣшанный. Изъ мѣди мы не сдѣлаемъ ни ртути, ни стекла, но эту свѣчу я могу переставить вотъ съ этого мѣста на это, или чернильницу поставить такъ или этакъ, какъ мнѣ удобнѣе. Для своего удобства человѣкъ и желѣзныя дороги, и телеграфы выдумалъ, а все-таки... э... до болѣе простыхъ вещей не додумался. Не выдумалъ еще такого города, который всѣхъ-бы удовлетворялъ. Задаютъ програмы для постройки

Digitized by Google

церкви, инвалиднаго дома, казармы, тюрьмы... отчего-же э... до сихъ поръ никто изъ власть имѣющихъ не задалъ задачи—проектировать не зданіе какое-нибудь, а цѣлый городъ, наиболѣе удовлетворяющій всѣмъ человѣческимъ потребностямъ? Почему никому даже и въ голову не приходитъ, что городъ, при постройкѣ котораго взяты въ соображеніе всѣ новѣйшіе выводы науки, гигіены, физики, механики, соціологіи и даже, если хотите, психологіи—не будетъ подвергаться ни эпидеміямъ, ни пожарамъ, ни невылазной грязи, ни зною, ни повальной скукѣ, ни желанію выбираться изъ него на лѣто? Вѣдь стоитъ только одинъ городокъ построить на совершенно новыхъ началахъ, гдѣ каждый былъ-бы и его строителемъ, и его оберегателемъ, и хозяиномъ, и полицейскимъ, и гдѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ осуществилось-бы выраженіе *«всѣ для каждаго и каждый для всѣхъ»*,—чтобы примѣръ этотъ подѣйствовалъ на все наше рутинное, праздное общество, тысячи новыхъ городковъ могли-бы возникнуть современемъ по тому-же типу, и тогда... вотъ тогда мы-бы удивили Европу.

Мысли Ознобина, когда онъ выражался, не отличались послѣдовательностью, но когда онъ говорилъ одушевляясь, промежуточное «э» какъ-бы улетучивалось.

Петя же не возражалъ; онъ пришелъ къ Ознобину высказаться, успокоить себя, выслушать его мнѣніе, и такъ былъ настроенъ, что едва понималъ его. Для него вѣдь не было ново, что Ознобинъ ухватился вдругъ за какую-то оригинальную мысль или мечту и нянчится съ ней, какъ съ ребенкомъ,—съ нимъ это и прежде случалось.

— Чтобъ я понялъ васъ, началъ Петя,—для меня необходимы подробности. Прочтите-ка лучше, что вы написали.

— Прочесть, что написалъ! Э... нѣтъ, это еще мой секретъ пока.

— Отчего-же я съ вами никогда не секретничаю?

— Секретъ секрету рознь. Вотъ я васъ познакомилъ съ

Digitized by Google

Леконидой... э... кажется, пустяки... э... а не разъ уже раскаявался.

— Отчего?

— Да оттого, что вы разочаровались, получили о ней самое ложное понятіе.

— Напротивъ, смѣю думать, самое что ни на есть настоящее понятіе.

— Богъ знаетъ, что вы о ней подумали, тогда какъ, можетъ быть, ей просто-на-просто вздумалось подвергнуть меня нѣкоторому э .. искусу, испытать меня...

— Ну, я съ вами не спорю. Но не понимаю, какое отношеніе Леконида имѣетъ къ вашему городу.

— Ну, можетъ быть, э... и есть отношеніе... все одно съ другимъ тѣсно связано... только я хотѣлъ вамъ сказать, что и личныя-то чувства иногда скрывать не мѣшаетъ, э... а ужь тѣмъ паче мысли, планы или проекты раньше времени никогда никому не слѣдуетъ выбалтывать. Мыслью могутъ воспользоваться, да не такъ, какъ я-бы желалъ, а по своему, т. е. наврать, э... испортить, опоганить, э... да такъ иногда опоганить, что потомъ и меня уже никто не захочетъ выслушать.

Петя скорчилъ обиженную физіономію.

— Ну, если вы думаете, что я могу и воспользоваться, и опоганить... и не говорите...

Петя взялъ кепи и пробормоталъ:

— Прощайте, я мѣшаю вамъ.

— Да что вы... э... я еще успѣю... времени у меня довольно, замигавъ глазами, произнесъ Ознобинъ. Онъ понялъ, что разсердилъ, а можетъ быть, и огорчилъ своего любимца.—Куда-же вы хотите идти?

— Да такъ, куда-нибудь... ни разсуждать, ни спорить съ вами я уже неспособенъ. Я золъ на самого себя и, стало быть, нѣтъ ничего мудренаго, что способенъ и другихъ злить.

— Да кого-же другихъ, неужели вы думаете, что вы меня

Digitized by Google

э... разозлили? Ей-богу, нѣтъ, честью вамъ клянусь, что нисколько.

— Ну, такъ вы меня разозлили.

— Чѣмъ?.. Тѣмъ, что любопытства вашего не хотѣлъ удовлетворить... не прочелъ написанное?.. Да я еще только-что приступилъ къ тому, чтобы набросать на бумагу проектъ мой или мысль. Вѣдь и вы, помните, написали про себя какую-то повѣстушку—мнѣ, небойсь, не прочли... э?

— Не прочелъ, потому что былъ недоволенъ.

— Ну, и я еще пока недоволенъ.

Петя, подумавъ, протянулъ руку и сказалъ:

— Извините.

— Что тутъ извинять. Просто, э... вы въ какомъ-то нервномъ настроеніи.

— Ну, я не баба и не мамзель, страдающая малокровіемъ, чтобы нервничать, въ нервномъ настроеніи быть!.. Но... есть одно обстоятельство, о которомъ мнѣ хотѣлось-бы поговорить.

— Э... что такое?

— Теперь не скажу. Приходите ко мнѣ. У насъ всѣ на дачу сегодня переѣзжаютъ, я буду одинъ въ квартирѣ—самъ-другъ съ деньщикомъ Михѣемъ. Зайдете?

— Э... нѣтъ... Вѣдь я уже сказалъ вамъ, что пока вашъ отецъ не извинится и не пригласитъ меня, я у васъ не буду.

— Да, вы это говорили. Но онъ и мнѣ запретилъ съ вами видѣться.

— А вы развѣ дали слово никогда со мной не видѣться?

— Не давалъ.

— Ну, вотъ и разница.

— Да кому-же вы-то дали слово не бывать у меня?

— А самому себѣ, э... то-есть, такой особѣ, которую я обязанъ уважать и не надувать. Э... понимаете?

— Ну, такъ мнѣ не скоро придется быть у васъ... Прощайте.

Digitized by Google

Петя наскоро пожалъ ему руку и повернулся, чтобы выйти.

— Погодите, остановилъ его Ознобинъ уже у самой двери.—Не знаете-ли вы, нашелъ Орѣшинъ учительницу музыки для воспитанницы или еще не нашелъ?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Петя.

— Вы это навѣрно знаете?

— Ничего нѣтъ вѣрнаго; можетъ быть, и нашелъ. Да вамъ на что нужно это знать?

— Могу я, э... ему рекомендовать одну консерваторку?

— Отчего не можете? Кто вамъ запрещаетъ?

— Петя! Давно я не видалъ васъ такимъ нехорошимъ. Неужели вы боитесь экзаменовъ?

— Жду ихъ съ нетерпѣніемъ.

— И съ увѣренностью въ самомъ себѣ?

— И съ увѣренностью.

— Ну, э... это хорошо... Дай вамъ Богъ... Приходите сообщить, какъ и что... Меня это интересуетъ не меньше вашего...

— Спасибо, можетъ быть, зайду еще, холодно отвѣчалъ Петя и вышелъ.

ГЛАВА LIX.

Вернувшись домой, Петя уже никого не засталъ; всѣ уѣхали въ Павловскъ. Кабинетъ отца его былъ запертъ.

Михѣй сообщилъ ему, что старый баринъ отобѣдалъ, выпилъ водочки и уѣхалъ.

— Ну, и я хочу обѣдать, сказалъ Петя.

Онъ былъ голоденъ и зналъ, что Мина Михайловна наняла за три рубля въ мѣсяцъ нѣкую пожилую особу, Любовь Петровну, вдову, которая когда-то была замужемъ за прикащикомъ покойнаго отца ея, наняла съ тѣмъ, чтобы блюсти квартиру, выколачивать мебель и кой-что стряпать, пока Петя не кончитъ своихъ экзаменовъ (видно на одного Михѣя была плоха надежда).

Digitized by Google

Пообѣдавъ наскоро, Петя ушелъ въ свою комнату и нашелъ у себя на столѣ коробочку конфектъ изъ кондитерской Кочкурова, очень нарядную и перевязанную розовой тесемочкой.

«Ишь, балуютъ», подумалъ про себя Петя, съѣлъ засахаренную грушу и поподчивалъ Михѣя.

— Хе-хе... языкъ проглочу-съ... ухмыляясь и двумя корявыми пальцами выбирая тягучку, пробормоталъ усатый Михѣй.

— Ну, и проглоти, зачѣмъ тебѣ языкъ?

— Хе-хе... какъ зачѣмъ... помилуйте-съ!.. А вотъ мнѣ-бы водочки-съ, ваше бла-г-р...

При этомъ кукольно-солдатское, миніатюрно-усатое лицо его омрачилось. Тягучка, которую онъ сталъ сосать, не удовлетворяла его; хотѣлось выпить, а выпить было не на что; буфетъ, гдѣ была водка и ромъ, заперла Любовь Петровна и ключи спрятала къ себѣ въ карманъ.

— А баринъ меня... распрашивали-съ!.. Хе-хе... насчетъ всего эдакаго... насчетъ дѣвушекъ, и про Дуню спросили.

Петя уставилъ на него глаза.

— Ну, и что же?

— Да, ничего-съ... Хе-хе... Мнѣ какое дѣло, знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— Да какъ-же онъ тебя разспрашивалъ?

— Да ничего-съ. Такъ только, пошутили... Хе-хе-хе...

Петя отвернулся. Михѣй погладѣлъ ему въ спину (онъ ожидалъ гривенничка или двугривеннаго) и вышелъ.

Просмотрѣвъ свои тетради и записавъ какія-то математическія формулы, Петя завязалъ коробку конфектъ, надѣлъ, кепи и, черезъ кухню, покосившись на Любовь Петровну, которая чистила кострюльку, прошелъ на лѣстницу.

Онъ пошелъ къ Сашѣ, т. е. на Васильевскій островъ, къ Орѣшину.

У Орѣшина въ кабинетѣ одно окно было на распашку. Іюньскій вечеръ былъ жаркій и пыльный, но самъ Орѣшинъ

Digitized by Google

глядѣлъ сентябремъ. Сгорбившись, сидѣлъ онъ въ креслахъ; ему нездоровилось. Прошлую ночь опять какое-то таинственное, невидимое существо посѣтило его спальню, шуршало на столѣ бумагой и, какъ ему показалось, уходя въ кабинетъ, двинуло стуломъ. Словомъ, опять были съ нимъ какія-то галюцинаціи. Въ галюцинаціи онъ не вѣрилъ, никакъ не могъ понять, что такое эти галюцинаціи, и былъ убѣжденъ, что къ нему приходила или покойная жена, или одна изъ его дочерей; не боялся, но былъ смущенъ и смутенъ. Маленькіе глаза черными точками выглядывали изъ-подъ сѣдыхъ бровей, лицо казалось такимъ, какъ будто онъ только что вылечился отъ тифа: оно было сухо и блѣдно и каждая морщинка была точно выточена или вырѣзана.

— «Ишь вѣдь какая погода, думалъ онъ, глядя въ раскрытое окно на улицу;—благодать, а все-таки съ утра восемнадцать покойниковъ провезли и пронесли. И какъ это мѣста на всѣхъ хватаетъ?.. По такому городу на сто лѣтъ смѣло клади милiонъ покойниковъ; изъ семисотъ-то тысячъ жителей много-ли черезъ пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ останется? А на томъ свѣтѣ всѣмъ мѣсто есть. До тѣхъ поръ и земля цѣла, и люди будутъ родиться, пока отъ вѣка положенный комплектъ душъ не наполнитъ мѣста, уготованнаго для грѣшныхъ и праведныхъ. Кто что ни говори, а...»

Но не успѣлъ Орѣшинъ расфантазироваться на эту тему, какъ вошла Саша и проговорила своимъ медленнымъ голосомъ:

— А я съ Петромъ Егоровичемъ урокъ свой кончила.

— Ну, поди сюда, я тебя поцѣлую, умница, да позови ко мнѣ этого Петю.

Орѣшину хотѣлось говорить, не хотѣлось думать.

Петя нашелся въ комнатѣ у Спичевскаго, и Саша, взявъ его за руку, повела его.

Спичевскій, красный и потный отъ жары, слегка переваливаясь, пошелъ вслѣдъ за ними и сѣлъ въ сосѣдней комнатѣ около двери.

Digitized by Google

Орѣшинъ собирался ѣхать въ деревню и сталъ приглашать Петю ему сопутствовать. Мысль увидѣть русскую провинцію и пожить не на дачѣ, а въ настоящей русской деревнѣ, среди крестьянъ, для Пети была слишкомъ соблазнительна, и онъ не только не отказался, но былъ очень радъ.

— Сдѣлай милость, братецъ ты мой! сказалъ Орѣшинъ.

— Небойсь, меня не приглашаетъ. Старый дуракъ! проворчалъ про себя Спичевскій, которому весь разговоръ ихъ былъ слышенъ, такъ какъ дверь въ кабинетъ вовсе не была заперта.

— Куда-же ты? спросилъ Орѣшинъ Петю.

— А я сейчасъ на совѣщаніе.

— На какое совѣщаніе?

— А по случаю экзаменовъ.

Но Петѣ въ этотъ свѣтлый вечеръ не тотчасъ удалось выбраться изъ квартиры Орѣшина. Махая руками, и его, и Сашу старая Мавра заманила въ ту пустую столовую, гдѣ никто не обѣдалъ и гдѣ стояло старенькое раскрытое піанино.

— Подите-ка сюда.

— Что такое?

Саша и Петя вопросительно поглядѣли на ухмыляющееся, сморщенное лицо бабушки.

— А ты еще не знаешь, дитятко, какъ мы на струментѣ-то играемъ, еще не знаешь? Ну-ка, Саша.

Саша, не отвѣчая, продолжала глядѣть на бабушку.

— Развѣ она учится? спросилъ Петя.

— А хоша и не учится. Вотъ ты послушай-ка.

— Ну, послушаемъ.

Саша молча, безъ малѣйшей улыбки, какъ автоматъ, сѣла на пододвинутый плетеный табуретикъ и положила свои пальчики на клавиши.

Она уставила на нихъ черные, какъ-бы безжизненные глаза свои... что-то думала и не двигалась.

— Ну, ну, ну, играй, сударушка ты моя!

Digitized by Google

Саша согнутыми пальчиками потрогала клавиши, какъ-бы пробуя, который изъ нихъ издаетъ тотъ звукъ, какой ей нуженъ, и начала наигрывать «Господи помилуй».

— Кто ей показалъ? спросилъ Петя.

— А никто... Сама подобрала... Она тебѣ и «По улицѣ мостовой», и что хочешь... Вотъ ты и знай, каковы мы...

— Жаль только, что піанино-то разстроено, замѣтилъ Петя.

— Ничего. Эка бѣда, что разстроено!..

— А есть слухъ... есть... хоть я и небольшой охотникъ до музыки, а все-же буду радъ, если изъ Саши выйдетъ артистка: можно будетъ и уроки давать, и въ концертахъ участвовать.

Саша потупилась, сложила руки и имѣла видъ виноватой и чѣмъ-то пристыженной дѣвочки.

Петя поцѣловалъ ее и вышелъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Acme
Bookbinding Co., Inc.

Digitized by Google